

ISSN 0869-1177

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

RUSSKOJE PROSHLOJE **4**

4

РУССКОЕ
ПРОШЛОЕ



1993

1993

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

Историко-документальный альманах

Книга 4

Санкт-Петербург
Издательство "Logos"
1993

Учредитель — трудовой коллектив филиала “Свелен” совместного предприятия “Свенас”.

Издатель — Независимая Гуманитарная Академия.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В.Г.Бортневский (главный редактор)
А.В.Смолин
А.В.Терещук (зам.главного редактора)
У.Дж.Чейз
И.В.Карасев
В.Ю.Черняев

Издательский редактор И.П.Палкина

Все права на распространение и проведение подписки на альманах “Русское прошлое” вне границ бывшего СССР принадлежат Центру русских и восточноевропейских исследований Питтсбургского университета: *Center for Russian and East European studies University of Pittsburgh, PA, 15260, USA.*

Адрес редакции: Российская Федерация,
197198, С.-Петербург,
Мытнинская наб., 5/2
Телефон: (812) 238-47-09
Телефакс: 314-78-59
233-06-72

© “Русское прошлое”, 1993

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ
ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

Книга 4 1993

СОДЕРЖАНИЕ

Февральская революция в императорской резиденции Петергоф. Вводная статья, подготовка текстов и комментарий <i>В.Ю.Черняева</i>	5
Большевики и Предпарламент.	
Вводная статья, подготовка текста и комментарий <i>Т.А.Абросимовой и Т.П.Бондаревской</i>	20
<i>Г.А.Князев</i>. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.).	
Подготовка текста и комментарий <i>А.В.Смолина</i>	35
<i>А.Г.Шапрон дю Ларре</i>. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 г. Вводная статья, подготовка текста и комментарий <i>В.Г.Бортневского</i>	150
К истории осведомительной организации “АЗБУКА”.	
Вводная статья, подготовка текста и комментарий <i>В.Г.Бортневского</i>	160
<i>Н.В.Устрялов</i>. 1919–й год. Из прошлого.	
Подготовка текста и комментарий <i>А.В.Смолина</i>	194
<i>В.А.Поссе</i>. НЭП и голод.	
Подготовка текста <i>Н.А.Поссе, В.Ю.Черняева</i> .	
Комментарии <i>В.Ю.Черняева</i>	288
Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: письма <i>Е.Д.Кусковой</i> к <i>В.Н.Фигнер</i> 1921– 1922 гг.	
Вводная статья, подготовка текста и комментарий <i>Я.В.Леонтьева</i>	330
<i>Русский зарубежный Некрополь:</i>	
Российская императорская гвардия на кладбище Сен-Женевьев де Буа.	
Публикация <i>В.Г.Бортневского</i> и <i>Е.З.Кузьмук</i>	343
<i>Неизвестные автографы:</i>	
Президент США <i>В.Вильсон</i>.	
Публикация <i>В.В.Носкова</i>	350
Писатель генерал <i>П.Н.Краснов</i>.	
Публикация <i>В.Ю.Черняев</i>	352

Февральская революция в императорской резиденции Петергоф

Вводная статья, подготовка текстов и комментарии
В. Ю. Черняева

В начале века Петергоф, уездный город на южном берегу Финского залива, в 29 км западнее столицы, известен был как летняя резиденция Николая II. Город раскинулся на 4 км с востока на запад и на 1,5 км вширь к южным высотам. Глубокий овраг делил его на две административные части: парадную восточную, Новый Петергоф, и более скромную, западную, Старый Петергоф, с одноименными станциями Балтийской железной дороги.

“Русским Версалем” называли Новый Петергоф за пышные императорские дворцы и парки, где искрились на солнце прохладные струи фонтанов и сияли золотом и нежной мраморной белизной статуи античных героев и богов. В “кавалерских”, “фрейлинских” и “готических” домах селились свита и придворные. Главные дворцовые конюшни внешне напоминали старинный английский замок. Рядом были особняки знати, соборы, гимназии, дворцовый госпиталь, императорская Гранильная фабрика, дворцовые мастерские, казармы отборных войск. Часть Нового Петергофа между Верхним садом Большого дворца и оврагом именовалась Средним Петергофом. А за оврагом, в Старом Петергофе, были Английский дворец с парком, дачи, виллы, невзрачные деревянные дома служащих, ремесленников и малочисленных рабочих и снова казармы, городская тюрьма.

Высшую власть в Петергофе осуществляло Дворцовое правление во главе с дворцовым комендантом, наделенным правами генерал-губернатора. Канцелярия Дворцового правления помещалась на западном берегу Ольгина пруда (Самсоновская улица, 3, — ныне, Толмачева, 3) в центре Нового Петергофа. Рядом, в доме 7, было Полицейское управление. На восточном берегу пруда, на Царицынской (ныне Пролетарской) улице стоял дом Городской Ратуши. Представлены в ней были дворяне, буржуазия, интеллигенция, составлявшие большинство петергофцев.

С мая по август царская семья обычно жила в Новом Петергофе, но не в роскошном Большом дворце, где устраивались торжества и церемонии, а в новом, более скромном Нижнем дворце, в глубине закрытого для посторонних парка Александрия, на берегу залива. Конные лейб-казаки с ружьями наготове разъезжали вдоль стен, отгородивших этот четырехэтажный особняк с высокой башней. В 1906 г. охрану усилили броневыми машинами и пулеметами¹. В дни пребывания Николая II его небольшой угловой кабинет в первом этаже, с широкими окнами на залив, двумя столами с бумагами и шестью кожаными креслами, становился сердцем государственной жизни Российской империи. На верхней террасе парка во дворце Коттедж жила его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Желая отдохнуть от дел, Нико-

лай II переселялся с семьей в уютные каюты своей любимой яхты “Штандарт”. Ее изящный силуэт с тремя мачтами и двумя белыми трубами виднелся на кронштадтском рейде, в окружении судов императорского конвоя, а в жаркие дни — в прохладных шхерах Финляндии. 30 июля 1904 г. в Нижнем дворце родился долгожданный наследник престола, цесаревич Алексей. Крестили его в церкви Большого дворца 11 августа в присутствии прадеда, датского короля Христиана IX, под гром пушек и радостный звон колоколов.

В сиявшем позолотой Танцевальном зале Большого дворца Секретное совещание 19—26 июля 1905 г. с участием Николая II, великих князей и министров решило созвать Государственную думу. Оторванный от России всеобщей политической стачкой Николай II подписал в кабинете Нижнего дворца Манифест 17 октября 1905 г. “Об усовершенствовании государственного порядка”, даруя неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов и начала конституционализма. И сам коварно нарушил его в том же кабинете росчерком пера под Манифестом 3 июня 1907 г. о разгоне непослушной Думы и изменении избирательной системы на благо самодержавия. Этот государственный переворот означал победу над первой революцией в России.

Последним царским гостем Петергофа был президент Франции Р. Пуанкаре. После его визита и объявления Австро-Венгрии войны Сербии Николай II сделал роковой для своей империи шаг, объявил мобилизацию. Вечером 19 июля 1914 г., вернувшись со всеобщей в Нижний дворец, он узнал, что в ответ Германия объявила войну России. 3 августа семья государя переехала в Царское Село. Позднее Николай II заезжал в Петергоф по делам или с детьми, погулять по любимой Александрии и искупаться в заливе, но больше не жил в этой резиденции².

В Первую мировую войну в Петергофе, Ораниенбауме и Стрельне располагались 19-я запасная пехотная бригада (на 1 февраля 1917 г. — 70,3 тыс. военнослужащих) и другие воинские части. Они прикрыли подступ к столице и готовили пополнение фронту. Ораниенбаум и Стрельна стали главными базами снабжения пулеметами и подготовки пулеметчиков. В Петергофе разместили 3-й запасной пехотный полк (более 10 тыс. человек), 1-ю особую артиллерийскую бригаду (около 3 тыс. человек), Гвардейский запасной артиллерийский дивизион, 1-й особый парковый дивизион, 1-ю автомобильную роту (около 40 броневых машин), авторемонтные мастерские Северного фронта (около 4 тыс. человек), пять школ прапорщиков, Мичманское училище, военный госпиталь с командой выздоравливающих, четыре отделения конского запаса с двумя ветеринарными лазаретами, интенданта военного-окружного управления с двумя гуртами порционного скота³. Военных стало больше, чем жителей.

Казалось ничто не предвещало восстания. Гимназисты с преподавателями создали социал-демократические кружки, под видом литературных, наладили связи с социал-демократами Пет-

роградского университета и Психоневрологического института, с 3-м пехотным полком, но Петергоф с гарнизоном оставались глухи к их пропаганде⁴. “Зима стояла суровая, — вспоминал февраль 1917 г. солдат 3-го пехотного полка К.К. Кангер, — с залива дул ледяной ветер; промерзали мы до костей, когда на учебном плацу проходили строевую подготовку. С утра до вечера шагистика, а на часе “словесности” бессмысленная зубрежка: надо было знать титулы высочайших особ и формулы чинопочитания офицерства... Измученные и озлобленные, мы после поверки и молитвы заваливались на свои двухъярусные нары... Начались февральские волнения в Петрограде. Мы в этом ничего не понимали, хотя и до нас доходили кое-какие слухи”⁵. Поэтому Полицейское управление Петергофа до 27 февраля спокойно продолжало расследование бытовых происшествий: прапорщик нечаянно из револьвера ранил свою подругу; был найден подкидыв мужского пола; шла запретная торговля спиртным; случались кражи, несчастья на дорогах⁶.

Революция пришла в Петергоф не из столицы. 27 февраля, в седьмом часу вечера в Ораниенбауме стихийно восстал 1-й запасной пулеметный полк (19 507 человек, 1,5 тыс. пулеметов, тысячи винтовок). Командование пыталось усмирить солдат пулеметным огнем с чердаков, с колокольни собора Михаила Архангела, но эти огневые точки быстро были подавлены ответным пулеметным огнем. Некоторые солдаты, струсив, разбежались по окрестным деревням, но большинство отправилось морозной ночью на помощь восстанию в Петрограде: самые отчаянные поездом, остальные пешком, разоружая в пути непокорных офицеров, присоединяя новых солдат, захватывая лавки, магазины. “Кто надевал ленты через плечо, кто надевал буханку хлеба на штык винтовки, кто вооружался пулеметом... Вся масса несла на себе оружие” — вспоминал пулеметчик Иван Ильинский⁷. Сорокаверстный путь в столицу лежал через Петергоф, Стрельну, Лигово, где войска еще хранили верность престолу. Лавина восставших двигалась с двуколками, нагруженными пулеметами, пулеметными лентами и пачками патронов, с походными кухнями, санитарными повозками. Некоторые тащили за собой на веревках заиндевевшие пулеметы. Вспышки махорочных цыгарок освещали суровые мужицкие лица. Первым на пути был спящий Петергоф.

О событиях в Петергофе впервые рассказывают публикуемые нами свидетельства петергофского полицмейстера полковника М.В. Шишкина и матроса-радиста Петергофской военной гавани В.М. Иванова. Донесения полицмейстера сохранились в “Деле Канцелярии дворцового коменданта” в Российском государственном историческом архиве (бывший ЦГИА СССР). Они ценны живой непосредственной фиксацией текущих событий. Даже днем 1 марта, когда царские министры уже сидели под арестом в Таврическом дворце, полковник М.В. Шишкин педантично перечислял дворцовому коменданту разгромленные в ходе восстания в Петергофе магазины и мастерские, словно не видел всей глубины раз-

верзнувшей бездны. Быть аналитиком не входило в его обязанность, как впрочем и В.М.Иванова, чья рукопись воспоминаний хранится в Центральном государственном архиве историко-политических документов С.-Петербурга (бывший Ленинградский партийный архив). Очевидно написаны они к 40-летию революции, в 1957 г. В каждом шаге высших чинов этому военному радисту чудились “черные силы реакции”, контрреволюция, коварно готовящая контрудар. Мнительная подозрительность мемуариста проистекала из пережитых им в трагические февральские дни 1917 г. страхов и растерянности. Донесения полицмейстера и воспоминания матроса-радиста позволяют взглянуть с противоположных сторон на Февральскую революцию в императорской резиденции Петергоф, увидеть их во всем противоречивом многоцветьи.

¹ *Нижний дворец* построен в 1883 г., расширен в 1895—1896 гг. (архитектор А.О.Томишко); тщательно охранялся из-за охоты террористов на царя и его приближенных. 13 августа 1906 г. на перроне вокзала Новый Петергоф эсэра З.В.Конопляникова застрелила генерала Г.А.Мина. Он ехал к царю получать награду за усмирение Декабрьского восстания в Москве. Николай II в письме к матери 30 августа 1906 г. сетовал, что не может “ни ездить верхом, ни выезжать за ворота куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном Петергофе!!” (*Переписка Николая II и Марии Федоровны: 1905—1906 гг.* // Красный архив. 1927. Т.3. С.198). Боевая техническая группа РСДРП во главе с А.М.Игнатьевым собиралась с помощью лейб-казаков и дворцовых служащих похитить царя, увезти его на буере к берегам Финляндии и заключить в затерянном в лесу доме близ имени Игнатьевых “Ахи-Ярви”, но В.И.Ленин запретил эту авантюру (*Буренин Н.Е.* Памятные годы: воспоминания. Л., 1961. С.175—177). 28 марта 1918 г. Совнарком Петроградской трудовой коммуны национализировал императорскую резиденцию Петергоф, сделал ее музейным комплексом. 18 мая 1918 г. начались экскурсии. В 1929 г. в парке Александрия были установлены два вагона царского поезда, в которых состоялось отречение Николая II от престола. По свидетельству старожилов, они уцелели в Великую Отечественную войну, но были заброшены, разграблены и позднее отправлены в переплавку. Если от Коттеджа (с 1978 г. вновь музей) спуститься по старой дороге к Финскому заливу, то у берега можно увидеть руины Нижнего дворца: в войну он был разрушен, в начале 60-х гг. его развалины взорваны. Рядом уцелели парадные ворота с караульным домом.

² *Дневники императора Николая II.* М., 1992; *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. Вена, 1921; *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. Л., 1930; *Ардикуца В.Е.* Петродворец. Л., 1965.

³ *Черняев В.Ю.* Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. 1986. Т.114. С.260, 266.

⁴ Революционное юношество: из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л., 1924. Сб.1. С.171—175; *Жарновецкий К.С.* 1917 год в Новом Петергофе // Красная летопись. 1929. № 2. С.173—176.

⁵ *Кангер К.К.* День рождения // Петроград в дни Великого Октября. Л., 1967. С.52.

⁶ РГИА. Ф.1328, оп. 1, д.1288. Л.1—14.

⁷ Черняев В.Ю. Ораниенбаумское восстание... С.265.

I

**Донесения полицмейстера Петергофа
полковника М.В.Шишкина дворцовому
коменданту 27 февраля — 1 марта 1917 г.**

I

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ДВОРЦОВОМУ
КОМЕНДАНТУ**

Записка о происшествии в городе Петергофе

27 февраля 1917 года

27-го сего Февраля была назначена к отправке в Петроград по поводу беспорядков 1-я батарея Гвардейского артиллерийского дивизиона, которая в 1-м часу дня сего числа начала строиться на Уланской ул[ице] ¹; в это время из манежа Л[ейб]-Гв[ардии] Уланского Ее Величества полка ² вышли все ниж[ние] чины особо назначенной бригады, помещающейся в названном манеже, сняли с орудий замки и не допустили отправки названной батареи в Петроград, поездка которой пока отложена ³; нижние чины особо назначенной бригады, скопившись на улице против манежа так, что прекращено было всякое движение, все время кричали “ура” по неизвестному поводу. В эту толпу, по-видимому желая прекратить беспорядок, офицер той же части, фамилия которого осталась невыясненной, произвел несколько револьверных выстрелов и, по имеющимся сведениям, ранил 4-х нижних чинов, после чего остальные бросились на этого офицера, почему он стал от них бежать по улице и успел скрыться во дворе д[ома] № 7 — Левстрем по Церковной площади ⁴; преследовавшие же его нижние чины, добежав до означенного дома, стали кольями, поленьями и кирпичами разбивать стекла в нижнем этаже дома, коих разбили 12 двойных рам в 6 окнах. Во время учинения сего беспорядка на Александринской ул[ице] находился Полицейский Надзиратель Охранной агентуры, подведомственной Дворцовому Коменданту — Горуно, которого нижние чины той же части стали избивать, и только благодаря двум неизвестным офицерам Горуно был освобожден и, окровавленный, отправлен к себе на квартиру. После описанного беспорядка прекратились. На место происшествия прибыл ⁵ Начальник Петергофского Гарнизона Генерал-Лейтенант Князь Вачнадзе ⁶.

Полицмейстер

полковник Шишкин

“27” февраля 1917 года

№ 932

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ДВОРЦОВОМУ
КОМЕНДАНТУ**

Записка о происшествии в городе Петергофе

Февраля 28 дня 1917 го-

да

27-го на 28-е сего Февраля в 2 час[а] ночи из Ораниенбаумской Полиции было передано, что взбунтовавшиеся ниж [ние] чины Пулеметного полка около 6000 чел[овек] ⁷ направились по шоссе в Петроград, забрав с собой пулеметы, винтовки и все снаряжение. В 3 час[а] ночи с каланчи были слышны отдельные выстрелы по направлению деревни Бобыльска ⁸; через некоторое время такие же выстрелы стали раздаваться во всех частях города — по-видимому дозорные давали этим какие-то сигнальные знаки. В 5 час[ов] ночи последовало несколько залпов по направлению Казачьих казарм и Придворных конюшен ⁹. По слухам, залпы эти были даны по приказу [нию] офицеров по пулеметчикам, отказавшимся идти дальше в Петроград. В 6 час[ов] утра за Петергофом к Стрельне была слышна стрельба из пулеметов и орудий. Проходившими солдатами разгромлены: цейхгауз — забраны винтовки и обмундирование. В Отделениях конского запаса и Дворцового обоза забрали лошадей. Разгромлены лавки: Шаренкина, Вишнякова, Шифмана, Бурова и Кооператив Дворцовых служащих. В настоящее время разъезжают патрули, вооруженные винтовками, шашками и пулеметами, которые задерживают уклоняющихся следовать за ними. В 9 час. утра забран нижними чинами и уведен в Уланские казармы Околоточный Надзиратель Хохлов.

Полицмейстер

Полковник Шишкин

Февраля "28" дня 1917 года

№ 936

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ДВОРЦОВОМУ
КОМЕНДАНТУ**

Записка о происшествии в городе Петергофе

1-го Марта 1917 года

В дополнении к записке о происшествии от 28 февраля с.г. за № 936 — доношу, что в ночь на 1-ое сего Марта взбунтовавшимися нижними чинами были разгромлены сапожные магазины Самухиной и Лесина, портновская мастерская Бушан, гастрономические и колониальные магазины Савва Петрова и Банг — под фирмою Алексева, где из погребов достали виноградное вино и напились пьяными, после чего подожгли дом Тальберга по Романовскому проспекту № 19, в коем предварительно разгромили чайной магазин ¹⁰. Во время ночи были слышны выстрелы. Нижние

чины ходят по городу и расспрашивают, где живут полицейские, причем, найдя квартиру одного городского, стали ломиться в дверь, но таковая не была открыта, тогда они стали стрелять в окна, разбив все стекла. Утром 28 февраля с.г. убит Капитан 2-й Петергофской Школы Прапорщик Вульф и ранен Штабс-Капитан 3-й Петергофской Школы прапорщик Клюкин. — № 936

Полицмейстер

Полковник Шишкин

Марта 1 1917 г.¹¹

РГИА. Ф. 1328, оп.1, д.1288, л.15—17. Подлинник, машинопись.

Комментарии

¹ *Гвардейский запасной артиллерийский дивизион* помещался в южной части Нового Петергофа, в бывших казармах лейб-гвардии Уланского полка, в 1914 г. ушедшего на фронт. Готовил пополнение Гвардейскому тяжелому артиллерийскому дивизиону (Западный фронт). Гвардейские артиллеристы имели на вооружении 107-миллиметровую скорострельную пушку и 152-миллиметровую полевую гаубицу (обе образца 1910 г.). Эта пушка считалась лучшей для наступления и встречных операций: поражала площадь на средней дистанции 4 км до 800 м в глубину (600 пуль в шрапнели, до 5 выстрелов в минуту), оказывая губительное действие по открытым целям. Гаубицу использовали для разрушения прочных построек, включая бетонные убежища, и уничтожения живых целей (690 пуль в шрапнели, до 2 выстрелов в минуту).

Уланская улица пролегла между казармами лейб-гвардии Уланского полка от Александринской улицы к Александровской (улицы Аврова и Бородачева); ныне не существует.

² *Манеж* лейб-гвардии Уланского полка (архитектор Г.А.Боссе, 1870–е гг.). С марта 1917 г. место митингов и военного клуба с кинематографом. Ныне Спортивный зал на улице Аврова, 22.

³ Учитель гимназии большевик К.С.Жарновецкий вспоминал: “Артиллеристы заартачились, и вот тогда их окружили со всех сторон. В казармы к ним никого не пускали. Одна из наших гимназисток проникла в казармы и сообщила солдатам, что в Петрограде революция и что их требуют для выступления против своих. Эта весть моментально передалась всем солдатам, они взбунтовались и отказались выступить. Немедленно замки были сняты с орудий и брошены. Правительству удалось заставить их выступить. Я приехал на вокзал и видел, как хлопотали и суегились офицеры, торопясь погрузиться в поезд” (*Жарновецкий К.С.* 1917 год в Новом Петергофе. С.176). В седьмом часу вечера две батареи из Петергофа (8 орудий с 80 снарядами) вместе с другими верными государю войсками и полицией вошли в Адмиралтейство, последнюю цитадель защитников престола. 28 февраля, в восьмом часу утра, войска сложили оружие и разбрелись. Замки от орудий, стоявших во дворе, артиллеристы оставили на лестничной площадке главного входа в Адмиралтейство (см.: Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П.Балка // Русское прошлое. 1991. Кн.1 С.22, 51, 56).

⁴ *Церковная площадь* с Уланским собором Святых апостолов Петра и Павла (архитектор К.А.Тон, 1836 г.). Собор снесен, площадь переименована в площадь Аврова.

⁵ В подлиннике опечатка: "прыбывал".

⁶ *Князь Вачнадзе Авраам Георгиевич* (1853—1917?) — на военной службе с 1872 г., с 12 мая 1908 г. генерал-майор. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Русско-японской войн. Служил в лейб-гвардии Павловском полку. Командовал 2-й бригадой 31-й пехотной дивизии. С 31 декабря 1913 г. комендант Петергофа. Имел ордена Св. Станислава III и I степени, Св. Владимира IV и III степени, Св. Анны IV и II степени и другие награды. Жил с семьей на Александринской улице, 23, возле Манежа лейб-гвардии Уланского полка.

⁷ Участников похода было значительно больше: 1-й запасной пулеметный полк поддерживали размещенные в Ораниенбауме 1-я броневая пулеметная команда, солдаты Офицерской стрелковой школы, школ оружейных мастеров и прапорщиков, Кронштадтский крепостной авиационный батальон, в Мартышкине присоединилась учебная пулеметная команда "Кольт".

⁸ Двухъярусную башню имело здание Пожарного депо в неоготическом стиле (архитектор И.И.Шарлемань, 1840) на Самсоновской улице, 9. Соседствовало с Полицейским управлением.

Бобьельская — деревня западнее Старого Петергофа, за фермой принца Ольденбургского, между Ораниенбаумским шоссе и Финским заливом, была оживленным местом отдыха интеллигенции и промышленников (дачи семейств Бенуа, Сан-Галли, Крона и др.). С другой стороны шоссе была "Собственная дача" — царский парк со стоящим на верхней террасе дворцом в стиле елизаветинского барокко и русской церковью (сохранились); Последними в этом дворце жили в свой медовый месяц в 1866 г. будущий император Александр III с супругой Марией Федоровной.

Желя остановить ораниенбаумских повстанцев, командование выставило у Бобьельской заслон из юнкеров с пулеметами, но они не выдержали ответного пулеметного огня и разбежались. В 4 часа утра ораниенбаумцы вошли в Петергоф, гремя лавки и магазины, стреляя по окнам Большого дворца, поднимая на свою сторону войска. В 3-м пехотном полку "раз десять солдаты, то входили, то оставались. Наконец пулеметчики разгромили цейхгауз и заставили полк идти. Офицеры собрались в офицерском собрании. Полковой командир сказал вялую речь. Пулеметчики обезоружили офицеров и вели их как пленных 28 верст. В Петербурге офицеры "удрали", а полк рассыпался". Не зная о случившемся в полку, 28 февраля в Петергоф приехал прапорщик Н.Ястребов. По его словам, "там его встретили с ружьем наперевес. Офицеры большей частью убиты. Его обезоружили и отпустили. Полк — исчез. Разбежался" (Философов Д.В. Дневник / публикация Б.И.Колоницкого // Звезда. 1992. № 2. С.191, 193). Казармы школ прапорщиков восставшие взяли штурмом. Юнкера участвовали в походе лишь с двумя офицерами (*Лукаш Ив.* Солдаты революции. Пг., 1917. С.10). Полиция не оказала сопротивления, сразу сдалась.

⁹ *Придворные конюшни* — комплекс зданий в стиле старинного английского замка с девятью зубчатыми башнями и стрельчатыми арками (архитектор Н.Л.Бенуа, 1848—1855 гг.). Примыкают с запада к парку "Александрия". В них помещались также охрана царской резиденции. Ныне санаторий.

¹⁰ *Романовский* (ныне Красный) *проспект* — главная улица Нового Петер-

гофа, продолжение Петроградского шоссе. *Тальберг* Вильгельм Яковлевич — по- томственный почетный гражданин, имел дом на Романовском проспекте, 59, с мастерской, собиравшей карманные часы “Петергоф”, модные при царском дворе; был членом попечительского совета Мужской и женской торговой школы евангельско-лютеранской церкви Св.Петра в Петергофе.

11 Этот документ последний в деле. На обороте листа заверительная надпись: “Итого в сем деле пронумеровано семнадцать (17) листов. За делопроизводителя” — подпись отсутствует.

Разрушив старую власть, восстание в Петергофе не создало новой. Начались винные погромы, поджоги, как и в Ораниенбауме (где в ночь на 1 марта сгорела часть города), Стрельне и Красном Селе. 1 марта после ухода восставших в столицу, в Новом Петергофе представители партий от кадетов до большевиков избрали Комитет общественной безопасности — первый орган общественного самоуправления. В первых числах марта социал-демократы создали Петергофский Совет рабочих депутатов; в конце марта в него вошли депутаты от солдат, в мае — от крестьян. Совет разместился рядом с Большим дворцом, во 2-м Фрейлинском доме (ныне Советская улица, 8).

В Петрограде петергофские войска пробыли недолго. 15 марта полковой совет 3-го пехотного полка решил: “Признавая, что организация полка как революционной национальной силы возможна при условии проживания на месте постоянного квартирования и при достижении наибольшего единения отдельных рот и команд, единогласно постановили переехать на прежнее местожительство в г. Н.Петергоф, но перед отъездом в полном составе представиться Новому Правительству в субботу, 18 Марта”. Общее собрание в Петергофе 21 марта обсудило вопрос “Об увековечении памяти жертвам, павшим за свободу во время революции” и единогласно постановило “не вычеркивать их имена из полковых списков, то есть оставить в списках тех рот, взводов и отделений, в которых они состояли при жизни; при каждой утренней перекличке, когда будут называть их имена, фельдфебель будет отвечать: «Погиб в борьбе за свободу в 1917 году». Семьям их можно выслать аттестат с подробным описанием совершившегося и указанием великого значения того дела, за которое погиб родственник” (ЦГИА С.-Петербург. Ф.1695, оп.2, д.28, л.2—3 об.).

II

В.М.Иванов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО РАДИСТА ВОЕННОЙ ГАВАНИ

Как была обезглавлена контрреволюция в Петергофе

Будучи матросом Балтфлота, я накануне империалистической войны по окончании в Кронштадте Учебно-минного отряда ¹ был назначен радистом на новостроящуюся радиостанцию в Петергофскую военную гавань ², где и был участником революционных событий в семнадцатом году. Ввиду ненавигационного зимнего периода в то время команда гавани состояла всего из трех десятков гвардейцев-строевиков ³ для хозяйственного обслуживания и нас

троих специалистов матросов Балтфлота. Заведующий гаванью был адмирал Пономарев ⁴, проживающий в то время в Царском Селе, оставив своим заместителем титулярного советника Тросницкого ⁵.

В ночь на 28 февраля войска из Ораниенбаума, Петергофа и других пригородов двинулись походным порядком и с поездами на помощь восставшим рабочим в Петроград. Матросы, гвардейцы, находившиеся в гавани, были в то время безучастны к событиям. Я и моторист Лимонов, бывший рабочий Путиловского завода, решили ехать в Петроград и явились в распоряжение Второго Балтийского флотского экипажа ⁶, где и пробыли несколько дней, после чего с путевкой экипажного комитета возвратились обратно в Петергоф, где, как мы увидели, положение в гавани не изменилось. На стенах висели портреты царя и членов его семьи. Вечером команда была собрана на поверку, где Тросницкий объявил, что в Петрограде все закончено, а что закончено, он так ничего и не сказал.

Когда все разошлись и легли спать, мы с тов. Лимоновым решили действовать. Была поднята команда, расставлены дежурные у телефона в канцелярии и у входов со двора. Тросницкий был обезоружен, арестован и под конвоем в ту же ночь препровожден в Гвардейский экипаж, где был посажен за решетку. Возвратившись днем вторично из Петрограда, мне сосед по койке волжский рыбац из Тетюш Пугачев сообщил, что в одном из дворцов фрейлин ⁷ найдены оружие и гранаты, юнкера рыскают по оставшимся солдатским казармам, в гостинице “Самсон” ⁸ собираются офицеры во главе с комендантом города князем Вачнадзе, по вечерам в городе происходит стрельба в солдат из-за угла. Ясно было, что контрреволюция собирает свои силы, чтобы идти на революционный Петроград. Требовалось принятие немедленных мер, чтобы отвратить контрудар. Партийного руководства в гавани в то время еще не было. Приходилось действовать по своей инициативе.

Я сказал тов. Пугачеву, чтобы он на следующее утро шел с патрулем и следил бы за гостиницей “Самсон” и, как только появится Вачнадзе, его тут же арестовать и доставить в гавань. Так и было сделано, как только Вачнадзе появился на своей пролетке у гостиницы “Самсон”, он был арестован и на своей же лошади доставлен в гавань. С ним были жена и две дочери. Мною по телефону была затребована автомашина из школы мастеров и через несколько минут прибыла грузовая машина с командой шоферов, и князь Вачнадзе был отправлен в Петроград.

В этот же день явился вновь назначенный Временным правительством комендант города, которому было сказано, что если будут продолжаться убийства из-за угла, то для наведения порядка в городе будут вызваны матросы из Кронштадта. В этот же день гвардейским матросам, ходившим в патруль, были даны, для психического воздействия, наши флотские запасные шинели и фуражки. Революционный порядок в городе был восстановлен,

контрреволюция в Петергофе была обезглавлена, ей был нанесен неожиданный удар.

Дальнейшая судьба князя Вацнадзе мне неизвестна. Хозяйственное руководство в гавани было оставлено за радиотелеграфным кондуктором⁹ Полкановым. Избран Комитет гавани. Через некоторое время матросы гавани стали демобилизовываться, а в дальнейшем демобилизовался и я. Передавали, что когда князя подвезли к Стрельне, то контрреволюционные офицеры, чтобы преградить путь следования и освободить его, открыли стрельбу из дач. Тогда сопровождавшие шофера убили князя.

* * *

Летом в семнадцатом году и позднее к нам в Петергоф приезжали знаменитости из Петрограда. Был историк Кареев¹⁰, который в женской гимназии прочитал лекцию “Демократическая республика” и, не веря в революцию, он пытался в ней доказать, что “все демократические республики, начиная с греческой, распались из-за борьбы партий”. По его словам, получалось, что не следует продолжать революцию; все равно, если будет демократическая республика, то она неизбежно погибнет, или, по его намекам, нужно было идти на соглашение, на примирение с другими партиями, или возвращаться к старому.

Приезжал профессор Швиттау¹¹, который в той же гимназии и в том же зале читал лекцию на современную тему. Зал был подготовлен в соответствии его лекции. На стенах висели лозунги: “Да здравствует Временное правительство. Война до победы” и т.д. После его лекции спросили: “Быть может, у кого есть вопросы или кто желает выступить?”.

Выступил один товарищ в солдатской шинели*, который предложил немедленно снять повешенные лозунги, так как “они не соответствуют желанию народа”, — заявил он, а затем он так его крыл или, выражаясь просто, расчехвостил, что Швиттау два раза отвечал своему оппоненту, а тот, в свою очередь, вновь брал слово и продолжал крыть профессора, в результате чего Швиттау, поднявшись в третий раз, чтобы отвечать, постоял перед удивленными присутствующими, как невменяемый, ничего не сказал и молча сел обратно в свое кресло. Все находившиеся в зале солдаты были солидарны с выступающим товарищем в солдатской шинели и, когда он вышел из помещения, то около него собралось много народу и шли оживленные разговоры.

Один раз летом в Петергоф приезжал Максим Горький, где он

* Кто был выступающий товарищ в солдатской шинели, я не знаю, так как видел его только в этот раз. Говорил он, выступая, очень сильно; на вид ему было 26—27. Возможно, он приехал в Петергоф по заданию ЦК нашей партии. *Иванов.*

прочитал в мужской гимназии лекцию о литературе. Поглаживая рукой свои ершистые волосы, он говорил просто, понятно, разъясняя присутствующим, что литература, а также искусство и науки должны быть классовыми. Долго беседовал потом с молодежью в зале, где читал лекцию, а затем, окруженный ими, вышел из помещения и долго разговаривал. Высокий, в широкополой фетровой шляпе, в длинном черном сюртуке, с немного опущенными рыжеватыми усами, простое русское лицо — таким Алексей Максимович остался в моей памяти...

На одном собрании в мужской же гимназии был митинг, на котором лидер петергофских меньшевиков Самбкин¹², выступая по выступлению, несколько раз пытался доказать, что большевики неправильно делают, что призывают крестьян брать помещичью землю, не дождавшись Учредительного собрания, и, не доказав этого присутствующим, договорился до того, что его потом подвели к открытому окну и отпавляли холодной водой.

Решающие дни

После введения в семнадцатом году Временным правительством смертной казни на фронте и провала июньского наступления¹³ солдаты стали оставлять окопы, крестьяне приступили к захвату помещичьей земли. Видя приближение своего конца, буржуазия пыталась вином залить разгорающееся пламя пролетарской революции. В некоторых городах России были черносотенцами спровоцированы погромы винных погребов. Где-то на окраине Петрограда прошла кучка монархистов с белым флагом, на котором было написано “Да здравствует царь”¹⁴.

Между Петергофом и Стрельной находился дворец одного князя¹⁵, в подвалах которого на стеллажах хранились вина его собственных заводов. Некоторые из них имели столетнюю давность и были с времен войны с Наполеоном. Некоторые бутылки были неполные, вновь залитые сургучом, и на них имелись надписи: такая-то княжна или фрейлина пила вино с таким-то князем или герцогом, графом в Розовой комнате, или были другие надписи, подобные этой. Посередине стояло 42 ящика коньяку. Черные силы реакции действовали. В один день караул этого дворца оказался пьяным. В прошлом я — моряк-балтиец, служил в то время радистом в военной гавани, был членом Исполнительного комитета Петергофского Совета, который послал меня и еще одного солдата 3-го национального полка проверить это и принять склад. На место прибыл адъютант коменданта города, назначенного Временным правительством. Караул был сменен.

Приступив к проверке вин, адъютант пытался уговорить меня выпить хотя бы одну стопку вина, якобы случайно разбилась бутылка. Поняв его намерения, я категорически отказался это сделать. Тогда он стал просить меня, чтобы я хотя губами прикоснулся к стопке вина. Пришлось взяться за оружие и предупредить его. Угрозами и хитростями, пулями и обещаниями враги революции пытались остановить неизбежную поступь истории, но большеви-

стской твердости и волю к победе они поколебать не смогли. Склад вин был нами принят, ключи от него были взяты и переданы горсовету.

Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга. Ф.4000, оп.5, л.4—8, 15—16. Подлинник, машинопись с авторской рукописной правкой.

Комментарии

¹ *Учебно-минный отряд* в Кронштадте готовил минных машинистов, радиостов, электриков и др. Его моряки участвовали в Февральской революции, Июльских событиях в Петрограде, штурме Зимнего дворца, разгроме похода Керенского — Краснова на Петроград.

² *Военная гавань* находилась в Нижнем парке Петергофа, в конце Морского канала, соединяющего Большой каскад и фонтан “Самсон” с Финским заливом. Для публики была недоступна. Ныне — пассажирская пристань. Береговую станцию для “телеграфирования без проводов по способу профессора А.С.Попова” начали строить в Военной гавани в июле 1902 г. Мачта приемного провода поднялась на 52 см. Петергофская радиостанция не относилась к главным. Самой мощной в России была радиостанция Царского Села, ее сигналы принимали в Зауралье, Туркестане, за рубежом. Связь с базами и судами Балтийского флота осуществляла радиостанция Морского Генерального штаба на острове Новая Голландия в Петрограде. Радиостанция Таврического дворца связала Государственную думу с провинцией. Мощной была учебная станция Офицерской электротехнической школы Петрограда.

³ На Балтийском флоте были три флотских экипажа: 1-й Балтийский (Кронштадт), 2-й Балтийский и Гвардейский (Петроград). *Гвардейский экипаж* (сформирован в 1810 г., упразднен 3 марта 1918 г.) — береговая база комплектования гвардейских боевых кораблей и императорских яхт. Его моряки также несли караул в царских дворцах и казенных зданиях. “Эта часть занимала среди петербургского гарнизона неопределенное положение. Армия смотрела на нас, как на чужих. Флот называл нас сухопутными увальнями” (*Великий князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М., 1991. С.75—76). В Первую мировую войну моряки экипажа комплектовали команды крейсера “Олег”, эсминцев “Войсковой”, “Украина” (Балтийский флот) и крейсера “Варяг” (флотилия Северного Ледовитого океана). В феврале 1917 г. Отдельный батальон экипажа перевели с Румынского фронта в Царское Село для охраны семьи Николая II. Командиром экипажа с 1915 г. по 8 марта 1917 г. был контр-адмирал великий князь Кирилл Владимирович, после его отставки — капитан 2-го ранга М.М.Лялин. Экипаж размещался в казармах: Екатерингофский проспект, 18, и Крюков канал, 13. В Февральскую революцию моряки экипажа заняли Николаевский и Царскосельский вокзалы. 1 марта великий князь Кирилл Владимирович в сопровождении моряков экипажа явился в Таврический дворец и заявил, что он в полном распоряжении Гос. думы. До осени в экипаже преобладали эсеры. В октябре моряки экипажа разогнали Временный совет Российской республики (Предпарламент), захватили Госбанк, военную гостиницу “Астория”, Балтийский вокзал; участвовали в раз-

роме похода Керенского — Краснова. Охраняли поезд прапорщика Н.В.Крыленко, которого большевики назначили верховным главнокомандующим.

⁴ *Пономарев Владимир Федорович* (1860—?) — на военно-морской службе с 1877 г., с 1901 г. капитан 2-го ранга, с 1906 г. капитан 1-го ранга за отличие, с 1911 г. контр-адмирал, с 1915 г. генерал-лейтенант флота. Командовал транспортом “Хабаровск” с 1902 г., “Анадырь” с 1904 г., крейсером 1-го ранга “Адмирал Макаров” с 1906 г., 1-м Балтийским флотским экипажем в Кронштадте в 1909—1911 гг. Участник похода 2-й Тихоокеанской эскадры в Русско-японскую войну, награжден золотой саблей с надписью “За храбрость”. Имел ордена и медали России, Франции, Италии, Норвегии, Туниса. С 7 мая 1913 г. заведующий Петергофской военной гаванью. В феврале 1917 г. жил в Царском Селе с семьей в здании Адмиралтейства, поэтому не стал участником Февральской революции в Петергофе.

⁵ *Тросницкий Николай Альбертович* — на военной службе с 1883 г. Коллежский ассесор за отличие с 1916 г. Содержатель по артиллерийской части Гвардейского флотского экипажа с 22 января 1914 г. Имел ордена и медали России, Италии, Черногории.

⁶ *2-й Балтийский флотский экипаж* (создан в 1810, расформирован в 1918 г.) — береговая база комплектования кораблей “морской охраны его императорского величества”, судов Петроградского военного порта и его охраны, Военно-исправительной тюрьмы морского ведомства, Адмиралтейского и Балтийского заводов и др. Моряки экипажа также работали на заводах морского ведомства. Размещался экипаж в казармах Крюковских (Благовещенская ул., 7) и Дерябинских (Васильевский остров, Большой проспект, 92). Командир экипажа генерал-майор А.К.Гирс убит моряками экипажа 28 февраля 1917 г. Они заняли Николаевский и Царскосельский вокзалы, Зимний дворец. До осени в экипаже преобладали эсеры. При штурме Зимнего дворца в ходе Октябрьского восстания в Крюковских казармах помещался полевой штаб большевиков, моряки экипажа заняли Николаевский мост, Почтамт, Новую Голландию, участвовали в штурме Зимнего дворца, охраняли Смольный, Петропавловскую крепость, затем Николаевскую железную дорогу между Петроградом и Москвой.

⁷ *Фрейлинские дома* (архитектор Н.Л.Бенуа, 1853—1858) — два дома для придворных дам, рядом с Большим дворцом, на Дворцовой площади (ныне Советская ул., 7 и 9). Во 2-м Фрейлинском доме в 1917 г. помещался Петергофский Совет. В 1-м — с 1988 г. художественный “Музей Бенуа”.

⁸ *Гостиница “Самсон”* открыта в Среднем Петергофе в 1880-е гг.

⁹ *Кондуктор* — воинское звание, унтер-офицер. Присваивалось после сдачи экзаменов: на военном флоте — корабельным специалистам (старший боцман, рулевой, сигнальщик и т.д.); в армии — чертежникам, художникам в Главном, окружных и полевых инженерных управлениях.

¹⁰ *Кареев Николай Иванович* (1850—1931) — историк, социолог, общественный деятель. С 1890 г. профессор Петербургского университета, в 1899 г. изгнан из университета по обвинению в причастности к студенческим волнениям, восстановлен в 1906 г. Преподавал также в Александровском лицее и других местах. Участник депутации, пытавшейся предотвратить кровопролитие 9 января 1905 г., за это отсидел 11 дней в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Один из создателей партии кадетов, первый председатель ее Петербургского комитета. Депутат I Государственной думы. Председатель Академического союза. Заведовал издательским отделом Литературного фонда. С 1910 г. член-корреспондент Ака-

демии наук. Н.И.Кареев вспоминал: “От чтения популярных лекций после революции 1917 г. я не отказывался и отправлялся всюду, куда меня приглашали, причем моими историческими темами были Французская революция, Декларация прав человека и гражданина” (Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.263). Участник Государственного совещания 12—15 августа 1917 г. в Москве. Автор “Истории Западной Европы” в 9 книгах, исследований по типологии монархий, истории Франции XVIII в. и др. С 1929 г. почетный академик АН СССР. В декабре 1930 г. воинствующий историк–марксист академик Н.М.Лукин (см.примечание 55 к воспоминаниям В.А.Поссе “Нэп и голод”) пытался увязать его имя с процессом Промпартии и обвинил в реставрационных устремлениях и антимарксизме. Однако академик Н.И.Кареев умер несломленным.

¹¹ *Швиттау Георгий Георгиевич* (в машинописном тексте воспоминаний ошибочно: Швиттад) — доктор политэкономии и статистики, приват–доцент юридического факультета Петроградского университета; работал также в Петроградском институте коммерческих знаний и Департаменте окладных сборов. Жил в Новом Петергофе, на Романовском проспекте, 51.

¹² *Самбикин Николай Петрович* (р.1883) — участник студенческих волнений 1905—1906 гг. в Юрьевском (Дерптском) университете, член партии кадетов. Отбыв ссылку, с 1911 г. преподавал математику в гимназиях Петергофа, вступил в РСДРП. Жил в Новом Петергофе: Ольгинская улица, 11. В 1917 г. председатель Петергофского комитета общественной безопасности, меньшевик, сторонник Временного правительства. После вооруженной демонстрации 3–4 июля в Петрограде распорядился об аресте вожakov петергофских большевиков, ее активных участников. Делегат уездного земства на Демократическом совещании. В апреле 1918 г. арестован за агитацию против власти большевиков и выслан из уезда. Дальнейшая судьба неизвестна.

¹³ Русская армия начала наступление 16 июня артиллерийской подготовкой и прекратила 14 июля из–за неудачи. Контрнаступление австро–германских войск начато 24 июля и продолжалось с боями до 30 июля. Русская армия потеряла более 150 тыс. человек и оставила Галицию. Поскольку главной причиной поражения была утрата воинской дисциплины, Временное правительство по требованию генерала Л.Г.Корнилова, Б.В.Савинкова и др. приняло 12 июля постановление “О восстановлении смертной казни и учреждении военно–революционных судов”: объявлено приказом А.Ф.Керенского по военному ведомству от 14 июля № 441. Смертная казнь полагалась за воинские преступления на фронте. Широкого применения не получила. 26 октября II Всероссийский съезд Советов по инициативе председателя Л.Б.Каменева ее отменил, чем вызвал гнев В.И.Ленина, считавшего, что революцию не совершить без расстрелов.

¹⁴ “10 мая, днем, на Забалканском проспекте появилось 7 мужчин. Шли посередине, с красным знаменем с надписью «Да здравствует русский царь»” (Правда. 1917. 11 мая). Забалканский — ныне Московский проспект.

¹⁵ Между Новым Петергофом и Стрельной были две великокняжеские усадьбы с дворцами “Знаменка” (великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича) и “Михайловка” (потомков великого князя Михаила Николаевича). В “Михайловке”, во дворце была Розовая гостиная. Вероятно, ее имел в виду мемуарист. В Великую Отечественную войну обе усадьбы были разрушены; ныне — базы отдыха работников автомобильного транспорта “Знаменка” и Кировского завода “Красные зори” (“Михайловка”), на чьи деньги они восстановлены.

Большевики и Предпарламент

Протокол совещания ЦК и ПК РСДРП(б) и большевиков — делегатов Всероссийского Демократического совещания в Петрограде 24 сентября (7 октября) 1917 г.

Вводная статья, подготовка текста и комментарии *Т. А. Абросимовой и Т. П. Бондаревской.*

Созыв Всероссийского Демократического совещания¹ открыл возможность создания нового, однородного социалистического правительства. Однако кратковременным надеждам на мирное демократическое развитие событий не было суждено сбыться². В ходе четырехдневных ожесточенных дебатов о составе будущего правительства возникла идея создать постоянный, выражающий волю народа, представительный орган, которому правительство было бы подотчетно до Учредительного собрания. Сначала этот орган называли Демократическим советом, затем — Советом Республики, но чаще Предпарламентом³. Решение о его образовании приняло пленарное заседание Демократического совещания 20 сентября.

Тактические разногласия в руководящих кругах большевиков в вопросе об отношении к Предпарламенту вызвали острую дискуссию. Левое крыло, принявшее курс В.И.Ленина на вооруженное взятие власти, высказывалось за бойкот Предпарламента. Уход из него они считали обязательным условием для разрыва с теми, кого они называли “соглашателями”. Более осторожное правое крыло во главе с Л.Б.Каменевым намеревалось воспользоваться трибуной Предпарламента для создания блока с левыми эсерами с целью дискредитации сторонников правительственной коалиции.

Заседание ЦК РСДРП(б) 20 сентября решило создать партийное совещание членов ЦК, Петербургского комитета (ПК) и большевиков-делегатов, прибывших на Демократическое совещание для обсуждения этого исключительной важности вопроса⁴. На утреннем заседании ЦК постановили не уходить с Демократического совещания, а лишь отозвать большевиков из президиума. Против вхождения в Предпарламент высказались 9 человек, за вхождение — 8. Поскольку голоса разделились почти поровну, окончательное решение вопроса возложили на большевистскую фракцию Демократического совещания. Вечером на заседании фракции за бойкот Предпарламента выступили Л.Д.Троцкий, И.В.Сталин и др. Однако Л.Б.Каменев, В.П.Ногин, А.И.Рыков, Д.Я.Рязанов отстаивали противоположную точку зрения. 77 голосами против 50 было решено участвовать в Предпарламенте⁵. ЦК РСДРП(б) утвердил это решение⁶.

Итоговым в дискуссии стало тайное совещание ЦК и ПК РСДРП(б) и предпарламентской делегации большевиков 24 сентября 1917 г. Доклад делал Н.И.Бухарин. Его оппонентом выступил В.П.Ногин. Принятая резолюция подчеркивала, что деятельность большевиков в Предпарламенте должна носить вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам борьбы за власть Советов.

Доклад Н.И.Бухарина и резолюцию совещания опубликовала газета “Рабочий путь” 27 и 29 сентября 1917 г. (перезданы в книге “Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году” (Л., 1927), в комментариях к

протоколу ПК от 24 сентября). Резолюция вошла и в книгу “Протоколы Центрального комитета РСДРП(б): Август 1917 — февраль 1918” (М., 1958). В работах историков встречаются лишь краткие упоминания о совещании и изредка — краткий анализ резолюции⁷.

Публикуемый протокол совещания выявлен в фонде Петербургского комитета РСДРП(б) Ленинградского партийного архива (ныне ЦГА историко-политических документов С.–Петербурга) при подготовке переиздания сборника протоколов “Первый легальный ПК большевиков в 1917 году”. Эта книга до конца 80-х гг. была запрещена, находилась в спецхранах библиотек и ныне является библиографической редкостью. Вопрос о ее переиздании ставился с середины 50-х годов, но остался нерешенным, хотя проведенная нами работа по подготовке переиздания книги (сверка публикации с подлинниками, дешифровка рукописей, изучение всех документов фонда ПК РСДРП(б)) позволяет внести существенные уточнения в публикацию 1927 г. и дополнить ее новыми документами.

Данный протокол при формировании фонда ПК в 20-е гг. был включен в материалы заседания ПК 24 сентября 1917 г., поскольку имеет заголовок “Заседание 24 сентября”, но в книге “Первый легальный ПК...” опубликован не был по ряду причин: трудности прочтения из-за массы сокращений слов, пропусков и выцветших мест; в документе почти отсутствует доклад Н.И.Бухарина — предмет обсуждения на совещании; в прениях выступали, естественно, не только члены ПК.

Публикуемый нами документ позволяет понять аргументацию сторонников и противников участия большевиков в Предпарламенте, разобраться в тех драматических событиях. В документе — 25 листов; он содержит три протокольные записи прений. Они сделаны разными секретарями и с разной полнотой, дешифруются с большим трудом. Начало заседания содержит лишь первая протокольная запись (см.: документ 1 нашей публикации). Наиболее полна вторая протокольная запись, которую мы публикуем полностью (см.: документ 2). К ней даны разночтения из третьей протокольной записи. Публикация осуществлена в соответствии с нормами современной археографии. Реконструируемый текст взят в квадратные скобки.

Чтобы понять ход и суть острой дискуссии, публикуем сообщение газеты “Рабочий путь” с изложением доклада Н.И.Бухарина и резолюцией совещания.

“24 сентября состоялось совещание ”Центрального и Петербургского комитетов нашей партии с местными партийными работниками, прибывшими на Демократическое совещание.

Первым в порядке дня совещания стоял вопрос о текущем моменте. С докладом выступил тов.Бухарин.

Доклад тов.Бухарина

Первый вопрос, — говорил тов.Бухарин, — который прежде всего должен быть выяснен нами, заключается в определении группировки общественных сил. Основной факт, который в данном случае бросается в глаза, — это усиление крайних общественных группировок. На одной стороне стоят капиталисты, помещики, кулацкие верхи крестьянства, действующие под гегемонией финансового капитала. Политически это выражается в гегемонии партии кадетов⁸, под руководством которой все буржуазно-помещичьи группы выступают как единое целое.

На другом полюсе мы видим точно такую же консолидацию. Наиболее ха-
21

рактерным является в данном случае почти полное исчезновение в рядах рабочего класса партии меньшевиков, т.е. той партии, которая проводила буржуазное влияние на пролетариат.

Если мы обратимся к промежуточным слоям населения, то и там увидим процесс высвобождения этих слоев из-под влияния буржуазии и помещиков. Политически это высвобождение выражается в развале партии социалистов-революционеров⁹. Из рядов этой партии выделяется довольно значительная группа левых эсеров. Эта группа и олицетворяет собою высвободившиеся из-под буржуазного влияния элементы крестьянства. И чем* решительнее производится это высвобождение, тем определеннее все высвободившиеся группы становятся на точку зрения нашей партии. Быстрое таяние буржуазного влияния на промежуточные слои приводит к тому, что наша партия, будучи классовой, становится в настоящее время партией общенародной.

Буржуазия поработает себе массы не только путем насилия. Она успешно действует в этом отношении посредством своей идеологии. Ведь тот факт, что английские, например, рабочие, представляющие большинство населения, тем не менее подчиняются воле кучки капиталистов и помещиков, — этот факт говорит о том, что там рабочий класс все еще поработчен духовно господствующими классами. У нас привычное доверие масс к буржуазии, — эта основная подпора ее господства, — выбито из-под ног. Вавилонское пленение народных масс буржуазией рухнуло.

Раз не существует духовного пленения, в распоряжении буржуазии остается единственное средство для утверждения своего господства — насилие, физические аппарат в лице высшего командного состава, верхних слоев казачества и т.д.; при этом, разумеется, она может рассчитывать на активную поддержку международного финансового капитала. Эта поддержка нашей контрреволюции обеспечена со стороны господствующих классов всех стран. Ибо ненависть к русской революции, страх перед ней не дает спать капиталистам помещикам всего мира. «Союзные» империалисты специально заинтересованы в поддержке русской буржуазии, так как только при ее господстве хищники англо-франко-американского империализма могут надеяться на экономический раздел России между собою**.

Эти соображения заставляют отечественную и союзную буржуазию, а может быть и буржуазию Австро-Германии, заключить блок против русской революции, дабы во что бы то ни стало раздавить ее и тем устранить огромную опасность для «порядка» и «спокойствия» в Европе. И мы уже были свидетелями поддержки корниловского заговора со стороны «доблестных союзников». Теперь, по-видимому, происходит стовор о заключении мира между правительствами, что означает заключение союза против русской революции... Ибо для «союзных» империалистов «немецкая опасность» ничто по сравнению с опасностью пролетарской революции.

Итак, раз буржуазия не смогла путем соглашения, путем просто обмана удер-

* В «Рабочем пути» напечатано: «тем».

** Слов «между собою» нет в книге «Первый легальный ПК».

жать массы под своим влиянием, у нее остается единственное средство для удержания своего господства — вооруженная физическая сила.

Последняя попытка «соглашения», сделанная на Демократическом совещании, кончилась крахом¹⁰. В чем заключалась в данном случае роль группы оборонцев (Черетели, Гоца и пр.).

Группа эта некоторым кажется сильной. И в самом деле, они созывают съезды и совещания, руководят ими, ведут переговоры. Все это придает им в глазах обывателя вес. Но они кажутся сильными и получают некоторое значение потому только, что крайние фланги уравнивают друг друга. На самом деле они висят в воздухе, масса мелкой буржуазии от них ушла. Но всякое положение им, естественно, не нравится, и они ищут новой опоры, оницепляются за немцев, заключают союз с кооператорами, т.е. с кулацкими элементами деревни.

Достигнутое сейчас соглашение, созданная в настоящее время коалиция — это не прежняя добровольная коалиция, не доверчивое соглашение мелкобуржуазных масс с буржуазией. Нет, это — сделка, заключенная помимо и против воли этих масс. Поэтому Демократическое совещание и окончилось крахом, и никакие «коалиционные комбинации» не изменят положения, не дадут реальной победы буржуазии — она может рассчитывать лишь на физическую силу. И контрреволюционная печать именно и держит курс прямо на гражданскую войну. Зубровидные кулацкие элементы этого не скрывают. Перед буржуазией настоятельная необходимость — идти к открытым столкновениям.

Этим предопределяется наша задача. Центр тяжести нашей повседневной работы должен лежать не в различных парламентских комбинациях, а в широкой всесторонней работе в массах. Нашим политическим лозунгом по-прежнему является лозунг: вся власть Советам!

Парламентскую работу необходимо подчинить интересам работы внепарламентской.

Участвуя в предпарламенте, мы главное внимание обращаем на мобилизацию масс.

Необходимо укрепить политическую активность Советов. Советы должны быть центрами организации масс, находящихся в действии. Если нельзя звать массы на улицу по всякому поводу, то точно так же нельзя все время ограничиваться паролем: «Не поддавайтесь на провокацию!». В зависимости от конкретных обстоятельств необходимо устраивать демонстрации, стачки протеста, митинги и т.д. — словом, нужно организовать массы в действии.

Советам необходимо установить контакт с другими рабочими, солдатскими и крестьянскими организациями. Ход событий, по-видимому, ведет к открытому столкновению классов.

Выдержанная политическая линия, неустанная работа по организации масс — вот гарантия того, что мы не будем захвачены врасплох.

В заключение своего доклада тов. Бухарин оглашает проект предлагаемой им резолюции:

Текущий момент и задачи пролетариата.

Резолюция, принятая на партийном совещании 24 сентября:

1) С точки зрения классовых группировок текущий момент характеризуется: а) сплочением всех буржуазных групп, включая кулацкие верхи крестьянства и казачества, под идейной и организованной гегемонией финансового капитала

(партии кадетов); б) окончательным высвобождением пролетариата из-под идейного влияния буржуазии; с) изживание последних иллюзий среди беднейшего крестьянства и солдат, что проявляется в образовании и росте левого крыла социалистов-революционеров и в возрастающем влиянии на эти слои партии пролетариата.

2) При таких условиях господствующие классы все в большей степени должны в своей борьбе опираться исключительно на голую физическую силу сохранившегося в их руках аппарата угнетения (командные верхи армии, часть казачества и т.д.) и на поддержку со стороны международного империализма, заинтересованного в удушении готового стать у власти российского пролетариата и в империалистском разграблении России. Это выражается в политике репрессий (карательные экспедиции, военные положения), в организации военных заговоров, в активной их поддержке международным капиталом, наконец в стремлении закончить грабительскую войну грабительским же миром только для того, чтобы открыть немедленную общую войну против российского пролетариата.

3) Тактика буржуазии переживает поэтому момент перелома. Политика использования бессознательного доверия масс к буржуазии и основанного на нем соглашения, отдававшего силы этих масс в распоряжение буржуазии, становится объективно невозможной. Последняя попытка такого соглашения — Демократическое совещание — окончилась крахом, оказавшись не в состоянии привлечь широкие массы к обслуживанию интересов буржуазии. Ее политика направляется при таких условиях в сторону гражданской войны против народных масс.

4) В предвидении этого пролетарская партия должна приложить все усилия для мобилизации широких народных масс, организованных Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющимися теперь боевыми классовыми организациями, переход власти к которым становится лозунгом дня. По этой линии должна быть направлена работа партии, причем деятельность в Предпарламенте должна носить лишь вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам массовой борьбы.

5) В этих целях необходимо стремиться к развитию деятельности Советов, повышению их политического значения до роли органов, противостоящих буржуазной государственной власти (правительство, Предпарламент и т.д.). Непременным условием этого является: тесная связь между местными Советами, установление контакта с другими революционными организациями пролетариата, солдат и крестьян; изменение организационного аппарата Советов (устранение препятствий для перевыборов, сменяемость членов ЦИК и исполнительных комитетов на местах); немедленный созыв областных съездов, созыв в кратчайший срок съезда Советов.

6) Только при сплочении всех сил широких масс, организованных в Советы, может быть достигнута победа рабочих, солдат и крестьян. Только при победе их может быть достигнут демократический мир и быстро двинуто вперед дело международной революции".

¹ Демократическое совещание созвано ЦИК Советов для решения вопроса о власти; открылось 14 сентября 1917 г. в Александринском театре (ныне Академический Театр драмы им.А.С.Пушкина) в Петрограде. Среди прибывших со всех концов России 1500 делегатов было 532 эсера (в том числе 71 левый эсер), 172 меньшевика (из них 56 интернационалистов), 55 народных социалистов, 134 большевика — Известия. 1917. 17 сент.

² Подробнее см.: *Совокин А.М.* О возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины // Вопросы истории КПСС. 1960. № 3; *Рабинович Александр.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989. С.176—217.

³ Партийный состав Предпарламента: эсеров — 135, меньшевиков — 92, народных социалистов — 30, кадетов — 75, большевиков — 58.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С.64.

⁵ Пролетарская революция. 1927. № 10. С.251; Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.267.

⁶ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С.65,

⁷ См.: *Рабинович Александр.* Большевики... С.216.

⁸ Конституционно—демократическая партия (кадеты) основана в октябре 1905 г. Являлась ведущей партией либерально—монархической буржуазии в России. Лидеры партии: П.Н.Милюков, В.А.Маклаков, А.И.Шингарев, Ф.Ф.Кокошкин, Ф.И.Родичев, М.М.Винавер и др.

⁹ Партия социалистов—революционеров (эсеры) в России образована в конце 1901 — начале 1902 г. в результате объединения различных народнических групп и кружков. Лидеры партии: В.М.Чернов, Н.Д.Авксентьев, А.Ф.Керенский и др.

¹⁰ Демократическое совещание должно было решить вопрос о создании нового коалиционного правительства. Глубокая непримиримость позиций различных групп и течений не позволили этого сделать. Резолюция, одобрявшая коалицию с буржуазией, собрала 183 голоса, против высказалось 813, воздержалось 80.

Документ 1

Начало заседания и доклад В.П.Ногина по первой протокольной записи

“Заседание 24 сентября

Огр[аничить] время ораторов 10 минутами.

Пр[ослушать], что было в Предпарламенте.

Пр[ослушать] контрдокладчика.

Бубнов. — Контрдокладчик Ногин не согласен с Бухариным. Не ограничивать время Ногину, просить его сделать доклад о Предпарламенте.

Ногин. — Доклад тов.Бухарина вы...* очень давно. Предпар-

ламент не начал жить, [как]отразил безобразие соглашательской политики, возмущение, отвращение к соглашателям и обывателям, чувство возмущения. Уходить неправильно — основная мысль. Борьба завязалась, мы возвратились к борьбе масс с самодержавием. Что будет с Предпарламентом? — будет ли он центром вн...*, там будут зав[язываться] как [ие] отношения, к передаче власти к Советам**. Нельзя говорить о двоевластии и о троевластии, — Советы наши, и элемент, приносимый, с одной стороны, мелкой буржуазией и правительством Керенского и [с] другой — каде [тами]. Эти три силы будут на арене деятельности, и этот Предпарламент — ширма для прикрытия дел Керенского будет; экран этот увеличен. Борьбу встретит все то, что у власти за спиной примет порядок***. Вчера в Предпарламенте заседание было назначено в 3 часа. Президиум был в Зимнем дворце. Шли споры, и заседание открылось в 8 час. вечера. Выборы президиума — это скрытая борьба тех сил, которые руководят нашей политикой. Большевики и социал-революционеры стоят за то, чтобы в Предпарламенте не было земств и коопер[ативов], но у них нет силы, а кооперативы и земства старались провести своих. Вопрос о том, нужно ли...* состава: меньшевиков — 3, большевиков — 2 и Чайковский — трудовик****. Партия заявила, что голосовать за Чхеидзе не будет. Но избирать председателем из президиума. Совет старейшин намечает хозяйственную комиссию и мандатную комиссию+.

* Слово не разобрано.

** В 3-м варианте протокола записано так: “Что будет в дальнейшем? Сможет ли Предпарламент отражать классовую борьбу, которая происходит? По-моему, да” (л.22).

*** В 3-й протокольной записи: “Там будет борьба, которая вскроет все то, что делается за спиной пролетариата” (л.22 об.)

**** По 3-й протокольной записи: “По нашему предложению вопрос [о президиуме] передан в Совет старейшин. Эсеров — 3, меньшевиков и большевиков — 2, трудовик Чайковский” (л.22 об.).

+ В 3-м варианте далее записано: “Подсчет произведен самым грубым образом, и не удалось выяснить, какой численностью голосов мы будем там располагать. пользоваться, и тем, что отказались составить Предпарламент и ввели не соответствующее количество буржуазных элементов”.

Земельный вопрос, финансовый вопрос укорочены и обезображены*.

Были внесены редакционно Даном, Мартовым...* о необходимости составить коалиционное министерство и инициатором...* была Брешко-Брешковская. Раз Мартов осудил первую и нашу резолюцию перед ставкой на голосование, вносились поправки тов. Каменева. Внесли, например, об организации власти, отмене смертной казни и...**. Это вызвало вой власти, ...*, все группки власти между собой собрались, но когда затронули их интересы, они стали расползаться”.

ЦГАИПД С.-Петербурга. Ф.1, оп.4, д.64, л.13—14.

Документ 2

Вторая протокольная запись

[Ногин]...*** — Нам необходимо развитие всего движения в стране согласовывать с жизнью в Предпарламенте. Я желаю, чтобы тов [аврищи] в Предпарламенте [не] ограничивались декларациями. Нам необходимо быть информированными, как торгуют министры народными интересами. Члены Предпарламента это право будут иметь...**. Теперь эсеры идут назад, мы вперед, а между тем все организации мы занимаем опаздываем — например Советы. Советы были живыми организациями с побитыми физиономиями. И Центральный комитет**** тоже жив и тоже побит, и мы продолжали его бить, хотя у нас слюнки текут от того предчувствия, что мы там будем в большинстве. Теперь надо щадить ЦК*** ...** Церетели и компания долго у власти не насидят, чтобы можно нам научиться в Предпарламенте. Советы сильны комиссиями, и мы потому и были сильны, что входили в комиссии и были фактич [ески]...***

* По 3-й записи: “Когда крестьянам будет известно решение, тогда крестьяне сами начнут решать земельный вопрос. Таким образом, гражданскую прямо провоцируют...”.

** Слово не разбрано.

*** Пропуск в тексте.

**** Речь идет о ЦИК Советов.

1. Более бережное отношение к старым формам вроде ЦК**, но либерданов¹ бить надо.

2. В Предпарламенте практическая подготовка к тому моменту, когда власть перейдет к нам.

Антонов. — Пересадочное состояние нашей партии не случайно. Мы перешли с курса на мировую революция на курс национальной революции. Когда мы услышим отчет о 3-й Циммервальдской конференции², то мы узнаем, какое движение сейчас во фракции. Нужно помнить, как сказывается наша тактика на мировом пролетариате. Нужно... * базисом своим иметь пролетариат и б[еднейшее] крестьянство, и очень жаль, что на Демократическом совещании пытались подводить другой базис с кровавым цементом. Идет борьба за то, будет ли наша революция стачивать старые камни или она пойдет по новому руслу. Останется ли капитализм. Мы не вели антиимпериалистической политики. Это не случайно: мы вообще изменили тактику с июльских дней. Мы даже не выступили со своей декларацией. Мы должны идти к государству Коммуны. Мы советскую линию потеряли. Не помешали Мартову. Необходимо нашу линию выпрямить. Не увлекаться парламентской игрой. Так можно дойти даже до министерства в погоне за материалами.

Бубнов. — Я не согласен с характеристикой перерождения либерданов, данной в докладе тов. Бухарина. Они были мелкобуржуазной партией. Теперь слои крестьян от них уходят. Теперь либерданы сливаются с кооперативами. Здесь не сдвиг либерданов, а старая их политика. В этом Предпарламенте будет выжимание левых элементов крестьян под влиянием нас и правых либерданов. Поэтому мы поступили правильно, пойдя в Предпарламент. Нам следует преследовать либерданов, гнать их. Ведь мы идем к гражданской войне. Сейчас величайшее социальное передвижение, и нам надо вести там декларативно**.

Рахья. — Гражданская война не новость. ЦК наш все время отстает от масс. Сейчас борьба за съезд Советов в российском масштабе. Закрепляется власть в Советах, хотя бы они шли вразрез с Предпарламентом, и общероссийск[ое] выступлени[е], а не демонстрация, которая будет на руку контрреволюции. Нами должно быть сорганизовано выступление одновр[еменное]. Подготовка к гражданской войне через Советы. Вот наша задача. А наука практич[ески] — это будет музейная ненужная вещь. Нужно идти к рабочим и организовывать их к вооруженному выступлению, чтобы победить. Это задача нашего ЦК.

Скрытников. — Рахья прав — трещина есть. Был лозунг:

* Слово не разобрано.

** Слово полустерто от времени, трудно читается.

власть вся Советам; потом вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству. Теперь опять старый лозунг выплыл на сцену.

Наша революция уже пролетарская. Два лозунга. Мирное сожительство двух лозунгов. Мы сидим не на том суку: “Советы”. Наоборот, Советы в наши лозунги. Нужно не по черновской линии держать равнение, а по линии пролетарской революции.

Предложение прекратить прения. — Отвергнуто.

Бухарин уклоняется вправо, говоря — там мерзость, гадость, и все—таки там остаемся.

Ворошилов говорит, что нам нельзя идти по пятам за либердами, а то нас тоже массы перестанут понимать. Там уже анархо-синдикализм. Нам надо идти в провинцию. ЦК ни одной меры практически не дал нам. Сейчас по всей России посылаются карательные экспедиции. И ЦК не заинтересовался даже, что это такое. И куда посылает своих делегатов. то только портят дело — например в Гельсингфорсе.

Слуцкая. — Массы уходят от нас, т.к. у нас нет определенной политической линии. Вы пойдете в Предпарламент, а массы пойдут мимо нас. В декларацию мы не вложили ничего. Наша задача...*.

Кураев. — Вопрос о коалиции [—] основной [вопрос революции]. Бухарин сказал, что разрушен аппарат угнетения буржуазией класса пролетариата. Да, он разрушен, но создается новый — Учредительное собрание³. Коалиционный горшок трудно будет сбить после Учредительного собрания, надо это сделать раньше. Нужно работать в массах, а не в Предпарламенте. Там нельзя нам работать — читать декларации. Мы отказались от трибуны Стокгольмской конференции⁴. Почему же мы участвуем в ЦИК⁵? Потому что там выражалась воля масс, а в Предпарламенте — нет, поэтому нам надо оттуда уйти и не служить орудием обмана масс.

Предложение о прекращении прений отвергается.

Микеладзе. — Нужно поскорее найти предлог, чтобы уйти из мерзопакостной истории Предпарламента. В массы! массы! и еще раз туда!

Миха. — Мелкая буржуазия, как тяжелая гиря, висит не только в Питере, но и Кавказе, например. Мелкая буржуазия в Питере иначе проявляется, слабее, чем в провинции, где нет пролетариата. Основная задача — Советы. И бьют по морде не сами Советы, а отдельных членов. У нас членам Совета был доступ в армию. Хотя большевиков и мало у нас, но их поддерживают солдаты. Тяжело было видеть 100 товарищей в Предпарламенте, где они те-

* Далее пропуск в тексте.

ряют время; пусть там будет Каменев и др. инвалиды. Предпарламент — расширенная канцелярия Керенского.

Игнатов. — Из Предпарламента уходить не стоит. Его надо как можно сильнее дискредитировать.

Вейнберг. — Об уклоне уж здесь говорили. Тоска по органической* власти [у] тов. Ногина.

Красиков. — В резолюции Бухарина видно, что нет надежды на мирное развитие революции. Поэтому в Предпарламенте буржуазия организуется под нашим прикрытием. Вчера все требования демократии были отвергнуты. Нужно немедленно выходить из квазипарламента. Сейчас же надо обсудить выход из этого учреждения 1 20 буржуа. И органич[еской] раб[отой] мы сыты с Советам.

Крестинский. — Ряд ошибок был допущен нами на Демократическом совещании. Например, голосование обращения к воюющим народам. Но не ЦК, а фракция допустила ошибки. ЦК даже не решал, входить ли в Демократическое совещание, или решал отрицательно, ы вынес этот вопрос на фракцию. Нужно не подыскивать предлог для ухода, а взвесить, пора ли уходить. Мне кажется — уже пора.

Гайнец**. — Скандал, который мы устроили на Демократическом совещании, уже оправдывает наше вхождение в Демократическое совещание. Нужно бороться за власть Советов.

Предложение о прекращении прений принимается.

Бухарин. — 1) Разногласия между нами преувеличены. Например, на ЦК некоторые левые голосовали за вхождение в Демократическое совещание. Как нам выйти из создавшегося положения? Организация сил — самое главное. Тов. Ногин нам говорит, что нам нужно стыдиться той политики. По отношению к Сов[етам] [она] оправдалась, т.к. они под влиянием нашей критики ожили.

* Так в документе.

** Выступление Гайнеца по 3-й протокольной записи: “Склонен думать, что идея Демократического совещания потерпела крах. И главным образом потому, что мы пошли туда и внесли диссонанс в поражение либерданов. Никакой опоры, которая была для Московского совещания, не удалось создать. Теперь они все дальше и дальше уходят от тех масс, на которые они собирались опираться. Если бы нам удалось устроить такой же скандал, который мы сделали в Демократическом совещании, то это лучше всего освещало этот предбанник в глазах масс. Мы покажем, что причина нашего ухода была [в том], что Предпарламент стал органом не пролетариата, в буржуазии. Надо противопоставить всем предпарлаентам и Керенским не трое-, не двоевластие, а власть Советов.

2) Вопрос о наших положительных задачах в Предпарламенте: извлекать секреты и учиться государств [енной] организац [ии], т.е. комиссии в Предпарламенте не заменять министерств. Перед нами встанет вопрос о конструкции власти, когда мы встанем у власти. Конечно, мы не должны повторять те говорильни, которые сейчас есть. Нам нужна система всевозможных комиссий. Мы живем в переходное время к социализму. Комиссии, организованные в Предпарламенте, совершенно не годны. Нам нужен созыв специальных конференций из деловых работников профессиональных напр[авлений].

3) Вопрос о немедленном уходе из Предпарламента товарищи обосновывали не социал-демократически. Если у нас полусоциалистическая революция, то совершенно не страшно, что действ[ует] анархо-синдикалистское движение, массовая буча*. Все возражения против Предпарламента можно отнести и к Демократич[ескому] сов[ещанию]. Нам нужно все время устраивать скандалы, а в конце уйти, резко противопоставив ему что-либо другое — например съезд Советов. Советы должны устроить массовое выступление. Нужно что-нибудь противопоставить, выходить не так незаметно, смехотворно.

4) Мобилизация внепарламентских сил.

Когда нас спрашивают, для чего мы здесь*. Для того, чтобы изнутри взрывать Предпарламент. Вопросо частичных выступлений. Через фабрично-заводские комитеты⁶ мы должны быть связаны...** Продовольственные комитеты при Совете крестьянских депутатов, синдикаты и тресты. Петровский спрашивал меня относительно организации экономической власти, и тут должен быть проведен ряд мер при помощи фабрично-заводских комитетов, комитетов продовольствия и пр. После того как встанем мы у власти, надо карточки на квартиры, землю отдать [в] интендантские склады.

Читает резолюция.

Жуков. — Замена 4-го пункта. Демократическое совещание нарушило принципы демократизма. Отказалось расставить поправки о земле, смертной казни и др. О земле — оттяжка передачи, отвергнута резолюция о смертной казни. Поэтому он предлагает ЦК отозвать представителей нашей партии немедленно.

Бухарин. — Немедленно ли отзывать представителей или сговориться с левыми эсерами, чтобы было импозантно?

Кураев. — Не считать резолюция окончательной, а передать резолюцию как основу для резолюции. — Принимается.

* Слово трудно разобрать

** Пропуск в тексте.

Голосование: кто за немедленный отзыв товарищей из Предпарламента и кто нет?

— кто за немедленный уход — 20,

— кто против — 42,

— кто воздержался — 1.

Мих [а]. — Считает ли парт[ийное] собрание наше вхождение в Демократическое совещание ошибочным, и поэтому предлагает ЦК РСДРП найти предлог и способ ухода из Предпарламента.

Свердлов. — Ставить или не ставить вообще второй вопрос?

Голосуется. Отклонен вопрос.

Оглашается обращение к рабочим, крестьянам и солдатам, и предлагается, чтобы партийное совещание приняло это обращение за основу и передать в ЦК.

Голосуется и принимается. Поправки направлять в ЦК.

Объявляется перерыв на 1 час*.

ЦГАИПД С.-Петербурга. Ф.1, оп.4, д.64, л.15—20.

Комментарии

¹ *Либерданы* — собирательное прозвище меньшевиков М.И.Либеры, Ф.И.Дана и их сторонников.

² *III Циммервальдская конференция* проходила в Стокгольме 23 августа — 1 сентября 1917 г. Постановление об участии в ней большевики приняли на VII (Апрельской) партийной конференции; представителями ЦК РСДРП были В.В.Воровский и Н.А.Селицкий. В повестке для конференции стояли вопросы: 1) доклад Интернациональной социалистической комиссии; 2) борьба за мир; 3) отношение к Стокгольмской мирной конференции и др.

³ *Всероссийское Учредительное собрание* — представительный орган, образованный на основе всеобщего избирательного права с целью установления формы правления и выработки конституции. Созыв Учредительного собрания Временное правительство объявило своей главной задачей, но на деле его затягивало: назначен на 30 сентября, перенесен на 28 ноября. Выборы состоялись после взятия власти большевиками, но не принесли им успеха. 5 января 1918 г., в день открытия, по всей России прошли демонстрации поддержки. Демонстрация в Петрограде была расстреляна. Всероссийское Учредительное собрание заседало в Таврическом дворце в течение 13 часов. Среди его депутатов преобладали эсеры-центристы. Их вождь В.М.Чернов был избран председателем. Большинство отказалось одобрить декреты большевиков и обсуждать предложенную ими «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа». По распоряжению большевиков караул разогнал заседание в пятом часу утра 6 января. В ночь на 7 января

* Все три протокольные записи совещания на этом обрываются.

ВЦИК издал по предложению В.И.Ленина декрет о роспуске Учредительного собрания (одобрен III Всероссийским съездом Советов). Часть членов Учредительного собрания создала в Самаре 8 июня 1918 г. Комитет членов Учредительного собрания, объявивший себя временной верховной властью. В октябре комитет бежал от Красной армии в Уфу и переименовался в Съезд членов Учредительного собрания, а 19 ноября в ходе переворота адмирала А.В.Колчака был арестован. Освобожденные по требованию Чехословацкого корпуса члены съезда 3 декабря были вновь арестованы колчаковским отрядом В.О.Каппеля. Часть их в конце декабря расстреляна. Деятельность Учредительного собрания на территории России прекращена.

⁴ Вопрос о созыве международной конференции социалистов в Стокгольме возник в апреле 1917 г. по инициативе социалистов Дании, Норвегии и Швеции. В Петроград с этим предложением приезжал датский социалист Боргерверг. Вопрос обсуждался на заседаниях Петроградского Совета и ЦИК Советов. ЦК РСДРП(б) на заседании 16 (29) августа высказался против участия большевиков и конференции. Стокгольмская конференция не состоялась.

⁵ ЦИК (полное название: Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов) избран I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 3—24 июня 1917 г.

⁶ *Фабрично-заводские комитеты* — выборные органы рабочих и служащих в промышленности и на транспорте. Возникли в марте 1917 г. наряду с профсоюзами. Осуществляли контроль над производством и распределением. В 1918 г. слились с профсоюзами.

Краткие сведения об участниках совещания, упомянутых в протоколе

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1882—1939) — член РСДРП с 1903 г., большевик с мая 1917 г. Член ПК и Гельсингфорсского комитета РСДРП(б), редактор газеты “Волна”. В 1937 г. репрессирован.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1940) — член РСДРП с 1903 г. С августа 1917 г. член ЦК РСДРП(б) и его представитель в ПК. Репрессирован.

Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — член РСДРП с 1906 г. В 1917 г. член Исполкома Моссовета, член ЦК и МК РСДРП(б), редактор газеты “Социал-демократ” и журнала “Спартак”. Репрессирован.

Вейнберг Гавриил Давыдович (1891—1946) — член РСДРП с 1906 г. В 1917 г. секретарь правления Петроградского союза металлистов, председатель завкома завода “Промет”.

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — член РСДРП с 1903 г. В 1917 г. председатель Луганского Совета рабочих депутатов.

Жуков Илья Ильич (1893—1923) — член РСДРП с 1911 г. В 1917 г. председатель завкома Арматурного завода, депутат Петроградского Совета.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — член РСДРП с 1901 г. В 1917 г. член ЦК РСДРП(б). Репрессирован.

Красиков Петр Ананьевич (1870—1939) — член РСДРП с 1892 г. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета. Умер при загадочных обстоятельствах.

Крестинский Николай Николаевич (1883—1938) — член РСДРП с 1903 г. В 1917 г. председатель Уральского областного и заместитель председателя Екатеринбургского комитетов РСДРП(б). Репрессирован.

Кураев Василий Владимирович (1892—1938) — член РСДРП с 1914 г. В 1917 г. один из организаторов Пензенского Совета. Репрессирован.

Миха — см.Цхакая М.Г.

Ногин Виктор Павлович (1878—1924) — член РСДРП с 1898 г. В 1917 г. один из организаторов и 19—25 сентября председатель Моссовета, член ЦК РСДРП(б) с апреля.

Петровский Григорий Иванович (1878—1958) — член РСДРП с 1897 г. В 1917 г. член Екатеринославского комитета РСДРП(б).

Рахья Иван (Юкка) Абрамович (1887—1920) — член РСДРП с 1902 г. В 1917 г. член ПК РСДРП(б). Убит финскими контрреволюционерами в Петрограде.

Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) — член РСДРП с 1901 г. В 1917 г. секретарь ЦК РСДРП(б).

Слуцкая Вера Клементьевна (Берта Калмановна) (1880—1917) — член РСДРП с 1902 г. В 1917 г. член ПК РСДРП(б), работала на Васильевском острове как организатор женщин. Погибла при разгроме похода Керенского—Краснова.

Цхакая Михаил (Миха) Григорьевич (1865—1950) — член РСДРП с 1898 г. В 1917 г. представитель ЦК РСДРП(б) в Закавказье.

Г.А.Князев

Из записной книжки русского
интеллигента за время войны и революции
1914—1922 гг.*

Подготовка текста и комментарии А.В.Смолина

1918 год

31 января. Побежденная страна, и все ужасы поражения: революция, голод, анархия. Ужас стал бытом, грядет и еще один страшный гость — мор.

Три дня на Николаевском мосту лежала неубранная мертвая лошадь. На белой морде запеклись кровавые струи. По-видимому, мучилась, и ее пристрелили... Это в самом центре города, а что делается кругом. Лишь на четвертый день убрали.

Если фунт хлеба 30 к., а до войны был 2—3 коп., то значит, рубль стоит сейчас 10—7 копеек.

В воздухе висит матерная ругань. Такой грубости и разнузданности в словах я еще никогда не слышал. Ругаются все. Особенно подростки—извозчики и мальчишки на улице. Все злы, как черти. Особенно грубы кондуктора и вагоновожатые. О красногвардейцах у лавок и говорить не стоит. Что перед ними вся грубость прежних городских! Так в очередях ни один городской не смел ругать или толковать какую-нибудь глупую бабу¹.

Февраль. На углу офицер русской армии, весь продрогший, кричит: “Газета Эхо...”. “Падение Двинска...”. “Газета Эхо...”. Холодный ужас пробежал у меня по телу при этих словах из уст офицера, принужденного в такое время, когда враг ломится, продавать газеты на углу. Одно известие мрачнее другого. Занят Псков². Ночью раздавались на заводах гудки. Немцы не останавливаются.

В трамваях, между другими объявлениями, мне бросилось одно: “Развеселая танцулька”. Устраивает какой-то любимец публики дядя Коля, названа фамилия. Теперь и демократические балы в самом разгаре. Сегодня опять объявление: “Грандиозный бал-маскарад” устроитель Саша Верман... 6 призов. Один за костюм, другой за танцы, третий за лысину, четвертый за дамскую ножку...”³.

Господи, прости меня... И все ближе тяжелая поступь немецких полчищ. Все растеряны, но паники нет. Многие злорадствуют. Чувствуем и мы с М.Ф. Ум говорит одно, а чувство злорадствует.

* Начало см.: Русское прошлое. 1991, кн.2.

Мало всего было, чтобы понять весь позор и ужас совершающегося. Мало тебе было, русский народ. Может быть, ты теперь поймешь что-нибудь.

3 III. *Воскр[есение]*. Сегодня в Бресте подписывается “похабный мир”. Сегодня всем русским людям суждено пережить величайшее унижение и позор.

5 III. *Вт[орник]*. Мир подписан, а германские аэропланы летают над окрестностями Петрограда, наши войска (?) отступают по всей линии, Петроград оставляется Советом Народных Комиссаров⁵, все готовятся к захвату столицы неприятелем. Нет ни слов негодования... Мы шли к гибели... И вот она, гибель... Занята Нарва⁶. Громадные силы немцев сосредоточены в Двинске и Режице... Большевики организуют сопротивление...

Боже, сколько лжи и лицемерия пришлось увидеть за это время! Не может быть сильна такая низкая и подлая мораль большевизма. Сколько негодования было у них против смертной казни на фронте, а теперь они сами расстреливают без суда и следствия также солдат, которых распропагандировали в конец. Расформируют части. Делают все, что порицали, чем привлекали к себе массы... Но делают после того, как все погублено. Я думаю, что кто-нибудь впоследствии напишет книгу: “Проклятой памяти Петербургского гарнизона”. Тут собралось все наглое и прогнившее. Можно сказать, что Петербургский гарнизон разложил армию.

Ждем к 17-му немцев. Слава Богу, я не видел еще радующихся этому, но равнодушных много. “Немцы так немцы...”. Самая заплесневевшая обывательщина.

10 III. *В[о]скр[есенье]*. Скверно на душе. Гнетет. И почему именно нам, мне в частности, выпало на долю быть свидетелем гибели родины? Рушилось великое царство. Нет больше Великой России. И нам пришлось быть свидетелем ее неслыханного унижения и позора.

“Буржуй” — это глупое слово — в просторечии употребляется сейчас ко всем, кто чисто одет или чисто живет.

К нам явилась какая-то комиссия, т.к. дом, где мы живем, “конфискован”, и, найдя, по-видимому, уют и чистоту, несмотря на то что наша квартира в три комнаты, в полуподвале (две ступеньки вниз, сырая, с каменным полом в передней, и холодная), назначили цену в 130 р., тогда как такая же квартира по количеству комнат и расположению, расположенная над нами во втором этаже, находящаяся в несравненно лучших условиях, оценена в 55 руб. ... Та квартира грязная, запущенная, сдается квартирохозяином по комнатам, выручающим куда больше квартирной платы, но квартирохозяин ее — рабочий. Этим все сказано.

Но неужели я “буржуй”? Я, почти инвалид, но живущий исключительно работой. Работающий больше, чем иной здоровый человек, я, еще недавно получавший в месяц 40, потом 60, потом 83, потом 120, потом 150 до революции и только после революции

увеличивший свой заработок, как и все, пропорционально вздорожанию жизни, сперва до 300, а после Октябрьской революции до 500 р., тогда как средняя заработная плата рабочих достигла 600 р., — неужели я “буржуй”?..

Сегодня я нашел наконец точное определение “буржуя”: “Под понятие буржуа входят все лица, живущие или доходами от капитала, или доходами от торговли и промышленных предприятий с наемным трудом” (“Декрет о вселении в буржуазные квартиры”) ⁷.

Ведь по этому выходит, что я не подхожу под понятие “буржуй”. Ведь я живу личным трудом... Где же социальная справедливость тогда? Как-то все перепуталось. Верно, как кто-то заметил, какие-то “взъерошенные” дни настали.

А.Ремизов ⁸ молится: “Я затеплю лампаду моей веры страдной, буду долгими ночами трудными слушать голоc твой, сокровенная Русь моя, твой ропот, твой стон, твои жалобы.

Ты и поверженная, искупающая грех свой, навсегда со мной останешься в моем сердце...

Слышу трепет крыльев над головой моей. Это новая Русь, прекрасная и вольная, царевна моя. Русский народ, верь, настанет светлый день” ⁴.

А другой писатель, поэт, большой поэт, чье имя связано с “Прекрасной Дамой” и “Крестом и розою”, Александр Блок ⁹, в то же самое время кощунствует:

Товарищ, винтовку держи,

Не трусь!

Пальнем-ка пулей в Святую

Русь...”.

И оба — дети погибающей (погибшей) матери России. Обоих она родила.

Один плачет, припав на колени, к умирающей матери родной, другой безумствует:

“Свобода: свобода,

Эх, эх, без креста!..

Гра-та-та!”

По-страшному отразилась наша жизнь в воображении поэта. Не поймешь, верит ли он в великую всемирную революцию и искренне воспевает ее апостолов “красногвардейцев” или искусно издевается:

“Гуляет ветер, порхает снег.

Идут двенадцать человек...

В зубах — цыгарки, примят картуз,

На спину б надо бубновый туз!”

И похваляются:

“Мы на горе всем буржуйам

Мировой пожар раздуем..."

Старый мир погиб. Александр Блок уподобляет его паршивому голодному псу с поджатым хвостом:

“Стоит буржуй, как пес голодный,

Стоит безмолвный, как вопрос.

И старый мир, как пес безродный,

Стоит за ним, поджавши хвост”.

12 III (27 II). Вм[орник]. Сегодня годовщина революции... Праздник. Но что праздновать: день начала нашей гибели и позора. Сегодня надо траур надеть, а не светлые, праздничные одежды. Мы через год — на могиле России, загубленной, принесенной в жертву всемирной социалистической революции, которая так и не пришла. Каяться нам сегодня, а не торжествовать.

15 III. П[я]тн[ица]. У Аристотеля: законные формы государственного устройства: монархия, аристократия, демократия и незаконные (извращения законных): деспотия, олигархия и охлократия. У нас последняя. Охлократия — и наиподлейшая¹⁰.

В Крыму, Севастополе, Симферополе, вторую неделю идет вырезывание “буржув”. Матросы с кораблей Черного моря опьянели от крови, и никто не в силе остановить этих безумных людей¹¹. И все во имя Социализма... Будь он проклят трижды, десятикратно, тысячекратно... Он весь на крови и на насилии.

По подсчетам, Россия потеряла до 4% самой ценной территории, 28% народонаселения, до 25% жел[езных] дор[ог] и до 75% угля... Пожалуй, это “малокровие” смертельно.

Умерла “Великая Россия”. ...Странно это, везде говорили про Россию: “они могут быть только рабами или анархистами”. Так ведь оно и случилось.

“Slavus saltrens” — танцующий раб. Как жестоко это. А немцы ведь всегда о нас так думали. И с каким презрением.

Мало того, что мы все потеряли на Западе, отброшены от Балтики, мы теряем Восточную Сибирь. Японцы там начинают хозяйничать.

Столица перенесена в Москву. Петроград, бывшая столица, объявленный какой-то трудовой коммуной отошел в сторону¹². Снова “Московское государство”... И снова украинский, турецкий, прибалтийский, финский вопросы и страшная угроза на Востоке. Даже не начало царствования Алексея Михайловича, а раньше напоминает наше время.

Полное бесправие. Сегодня же напечатано для общего сведения. У кого будет произведен обыск по распоряжению какой-то власти, и потерпевший придет объясняться, с ним ни в какие переговоры вступать не будут, а в случае его настойчивости — приказано таких лиц арестовывать. Живем милостью случая и 1/1000000 шанса (по числу жителей Петрограда)¹³.

В Министерстве полная разруха. Видные большевики перебра-

лись в Москву; в Петрограде остались на неопределенное время чины Министерства для окончательной его ликвидации.

Все так тонко рассчитано у имущих власть. Сегодня дали вместо хлеба ситный. В Москве — едут принимать позорнейший и архитяжкий мир — ешьте на все ситный. Не захотите лучше происходящего. Ситный будет.

17(4) III. В[о]скр[есенье]. Такого чудовищного взяточничества и недобросовестности еще не знала Россия. Даже время приказов, пожалуй, бледнеет перед этим временем “трудовой коммуны”. Интеллигентные большевики, видя и сознавая позор совершающегося, только руками разводят, не зная, что делать, придумывая все меры до расстрела включительно... Но сделать ничего не могут.

Базаров ¹⁴ (в “Новой жизни”) сообщает о том, что демобилизованные из Закавказья солдаты привезли с собой массу женщин и распродают их. В городах Крыма они продавали сперва по 100—150 р., теперь цена их дошла до 30—50 р.

Сегодня в pendant* севастопольским и симферопольским ужасам сообщается, что в Глухове вырезано около 500 человек интеллигенции....15.

Блейхман ¹⁶ в Петрограде тоже предлагал собрать всех “буржуев” в концентрационный лагерь и в случае необходимости взорвать их на воздух.

Рассказывают один эпизод, как спускавшийся в воду водолаз, чтобы отыскать по просьбе вдовы тело ее мужа — офицера, убитого и потом брошенного в воду, сошел с ума от ужаса. Когда спустился другой водолаз, то сразу же дал тревожный сигнал. “У них там митинг”, — в ужасе кричал он. Как оказалось потом, к ногам потопленных был привязан груз. Потоплены они были на месте очень быстрого течения. Их всех этим течение подняло и трепало так, что многие размахивали руками, качали головой и получилась страшная картина митинга мертвецов...

Не пройдут эти смерти даром, безнаказанно. Страшно будет возмездие.

Вот он, факт. То, о чем я твердил все время и о чем говорил многим, многим рабочим. Задавит нас германский рынок. Если мы не сможем обеспечить тарифной ставки на германский ввоз, т.е. если мы будем побеждены, мы будем рабами немцев. Я приводил пример — пуговицы, сколько их сделать у нас и сколько будут они стоить, когда их привезут немцы... Теперь уже не пример, а реальность. Немцы предлагают плуги. Стоимость каждого 43 руб. По расчету одного нашего завода плуг русского изделия не

* В продолжение (фр.).

может быть выпущен, как менее 500 р. за штуку. Границу мы закрыть не можем. Немцам надобен рынок. Что остается сделать русскому рабочему...

И как это случилось, что на такое долгое время уселись “править” Россией или, вернее, остатками ее тупые фанатики и подлецы.

Как бы отвечая Блоку: “Мы на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем”, Горький пишет: “Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира. Разве это не «мессианство» во сто лошадиных сил?..

И вот этот маломощный, темный, органически склонный к анархизму народ ныне призывается быть духовным водителем мира, Мессией Европы...

Конечно, мы совершаем опыт социальной революции, — занятие, весьма утешающее маниаков этой прекрасной идеи и очень полезное для жуликов. Как известно, один из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: «Грабь награбленное»¹⁷.

20 III. *Ср[еда]*. У мерзавцев в когтях. Тяжело и обидно. Наконец — то опубликован текст мирного договора. Ведь мы до сих пор не знали условий мира. И не только мы, но и те многие, многие, кто его ратифицировал в Москве.

“Самая свободная страна в мире — это Россия” (Знамя борьбы, №1). Какой это дикий и нелепый абсурд. Вот именно страна самой гнусной разнузданности тысяч маленьких деспотов-самодержцев. Никто не обеспечен ни от оскорблений, ни от насилия, ни от несправедливости, ни от заточения... И не ищи ни суда, ни управы. Я уже упомянул о том приказе не вступать властям с заявляющими претензию по случаю обысков у них (правильных или неправильных) и в случае настойчивости заявляющих претензию — арестовывать их.

Грязь (вши), ругань (матерная), полное отсутствие стыдливости, невежество и безграмотность... Звери, звери, съевшие оплошавшего укротителя. Пирушка разбушевавшихся рабов... “Самый совершенный строй в мире”, при котором безнаказанно топят, расстреливают, терзают, издеваются, при котором степень культуры понизилась до минимума, аналогию которой надо искать где-то позади, века два-три, а может быть, и все четыре.

Ни правды, ни честности... Тяжело. Обидно, что приходится жить в такое время.

24 III. *В[о]ск[ресенье]*.

“О, бурь заснувших не буди:

Под ними хаос шевелится...”.

В Солигаличе за оскорбление и убийство двух человек, буквально разорванных толпой, местного Сов[ета] раб[очих] и (сол-

датских, когда больше нет солдат) сол[датских] депутатов приехавшая “карательная экспедиция” из красногвардейцев арестовала 20 человек наиболее видных деятелей в городе. Всех арестованных выставили в ряд, привезли пулеметы и “скосили” всех 20. Все упали, но многие были только ранены. Не разбирая, кто умер, кто жив, свалили казненных на пожарную платформу и повезли куда-то. Вся дорога, где проезжала платформа, была смочена кровью, и по этой “кровавой” нити обезумевшие близкие казненных нашли то место, куда были свезены трупы и полутрупы. Туда никого не пускали. А тем, кому удалось пробраться, представилась ужасающая картина: полураздетые, истерзанные, смоченные кровью, живые и мертвые люди о одной куче... Между казненными — священник 75 лет, священник 69 л[ет], б[ывший] городской голова, ученики, член какой-то социалистической партии...¹⁸.

Опять третий день на Николаевском мосту лежит издохшая лошадь. Сегодня около нее — свора собак. Отвратительное зрелище...

“При разгроме родового имения И.С.Тургенева погибла обширная библиотека с изданиями 18 века, затем значительная коллекция собранных И.С.Тургеневым исторических документов, писем И.С.Тургенева, первых юношеских сочинений его и, наконец, все фамильные портреты Тургеневых и рода Лутовиновых”¹⁹.

“В деревне Кузнецовой Каменской волости Томской губ. вынесен приговор против самогонщиков. Между прочим, одной из мер наказаний принято: завязывать виновников в мешок и три раза ударить об землю”²⁰.

В каком-то городе на юге России недавно был убит председатель Совета депутатов. Не помню фамилии. Им в 1905 г. было совершено до 50 убийств²¹.

“В Сычевке, после Варфоломеевской ночи, устроенной большевиками, за депутатами охотятся, как за дикими зверями”²².

“В Клину толпа шла к помещению Совета с каким-то религиозным иступлением, с плачем, с криками «Долой большевиков!», с пением «Христос воскрес»»²³.

“В Орле, — как сообщает местный “Голос народа”, — 11 марта около 6 часов веч[ера], на вокзале был расстрелян прислуживающий на кухне мальчик лет 12, укравший на днях у комиссара станции револьвер и 250 р. денег, расстрел был произведен на основании Революционного суда”²⁴.

Это из двух газет, сегодняшней и вчерашней. Не все, а только частица.

Вот еще напоследок:

“К профессору Колли²⁵ (в Ростове-на-Дону) пришли искать оружие по доносу сторожа физического кабинета и, конечно, ничего не нашли. Скоро пришли с вторичным обыском...”

На этот раз опять ничего не нашли, а когда кончили, велели профессору собираться и идти вместе с ними. В передней ему не позволили самому одеться, а внесли солдатскую шинель и заставили ее надеть. Перед домом стояла толпа. Когда профессора вывели, то объявили: «Поймали добровольца».

«Расстрелять его», — раздались голоса. Колли стал очень спокойно уговаривать толпу, что он — не доброволец, а профессор, ученый, который в политику даже не мешается. Его слова подействовали на толпу оздоравливающе, и она уже хотела его отпустить, но в этот момент подскочила горничная соседнего дома, стала его ругать скверными словами и кричать:

— Чего церемонитесь, расстреливайте!

Колли обратился к ней:

— Почему Вы меня ругаете, когда Вы меня даже не знаете?

— Как не знаем — ходит мимо да форсит, что профессор!.. Расстреливайте!

И тут же расстреляли ученого... надругались над телом и долгое время даже не позволяли убрать его²⁶.

Я думаю, будет... Кровь и ужас затопили нас. И это ли “социализм”, это ли “новая прекрасная жизнь”... или это все “неизбежные эксцессы”... Надо быть тупым фанатиком и наглым негодяем, чтобы не видеть того, что делается. И как это могло случиться, что проповедь братства повела к братоубийству, проповедь “социальной справедливости” — к лозунгу “грабь награбленное”²⁷?

Сейчас происходит полная переоценка ценностей в русской интеллигенции. Главная тема — народ. Разочарование в нем. Вскрытие ошибок. Главнейшую из них видят в том, что часть заменилась целым, что вместо отечества брался народ. Все сходится еще на другой ошибке — отсутствии у русской интеллигенции государственности. Находят еще другие ошибки: слишком развитой номинализм и интеллектуализм, непрактичность, оторванность от жизни.

“Почти вся наша публицистика насквозь интеллектуалистична, и поэтому она и не догадывалась о том, что помимо социализма головного, может быть еще и социализм брюшной... Наши великодушные и кроткие теоретики социализма рисовали заманчивые картины всеобщего счастья при наступлении социализма” (Мокриевский. Н[аш] век, 24 III 18)²⁸.

“Интеллектуализм есть естественное состояние незрелого ума, и наша старинная болезнь...”

Наши интеллектуалисты не думали об этом «хаосе», об этой

первобытной стихийной силе чувств и желаний, которые каждую минуту грозят разорвать, как паутину, все их прекрасные логические настроения...*

Пора нашей интеллигенции понять, и понять не на словах, а всем своим существом, понять глубоко, что не логика и ум, а чувство и желания правят миром...

Пора понять, что лишь самые исключительные натуры способны руководиться логикой, не подсказывая этой «логике» своих предвзятых умозаключений, умозаключений, которые были уже заранее установлены желанием и чувством" (там же).

Лавров²⁹ рассматривал социализм "как неизбежность, как логическое последствие, которое с железной необходимостью должно вытекать из всей эволюции человечества (материальной, с ее капиталистически-аграрной эволюцией, и духовной, с ее этическим и эстетическим развитием) лишь с того момента, когда эта эволюция во всех ее элементах и стадиях внешне и внутренне созреет и дойдет, наконец, до этого состояния".

Он, не допуская даже и мысли, чтобы социализм можно было бы ввести сверху... или снизу, опираясь только на одни объективно-материальные условия жизни народной массы, игнорируя ее внутреннюю эволюцию...

Он так пророчески боялся несвоевременного господства "пасынков цивилизации", т.е. той части народной массы, которая в силу социально-политических условий не успела еще приобрести к цивилизации, выработанной интеллигенцией, и не приобрела еще потребности развития; он, предсказавший, что господство этих "пасынков" неизбежно приведет к прекращению роста прогресса в той стране, где это случится.

Верно замечает В. ("Наш век"):

"С болью сердца увидел бы [Лавров. — А. С.] на примере русской революции, что его пророчество в точности сбылось и что диктатура этих «пасынков» с каждым днем губит и беспощадно разрушает все наши ценности, все те крупницы прогресса, которые с такой болью и мукой в железных оковах самодержавия добывали в течение долгих десятилетий лучшие поколения России... В недоумении остановился бы перед "новоявленными коммунарами", мечтающими политическими захватами, декретами и пулями ввести вместе с осадным положением и социализм, мечтающими при помощи диких и слепых бунтов самой темной, самой забитой и малосознательной народной массы на земном шаре начать осуществление основных начал социализма...³⁰

Вот она, трагедия русской интеллигенции: "Не надо нам бело-

* Очевидно, "построения".

ручек. Мы сами, своими мозолистыми руками можем писать всякие договоры, хотя и неграмотно, и нескладно, но весьма понятно". Это слова одного из современных лидеров.

Тургеневское стихотворение в прозе превратилось вдруг в страшную действительность³¹.

"Отныне два явления неразрывной связью соединены будут в народном сознании: брестский мир и демократическая революция. Этой «ассоциации по смежности» не истребит никакая пропаганда, никакая самая пламенная проповедь...

Но Коренной идейный перелом, испытанный всей грамотной и мыслящей половиной целого народа, никогда не проходит бесследно. Последствия его рано или поздно сказываются во всех областях человеческой деятельности — от умозрительной философии до простого хлебопашества. И перелом этот — неизбежная реакция" (Арзубьев. "Наш век")³².

О чем говорит теперь "Новая жизнь" — этот прежний подгосок "Правды": "При создавшемся положении как для центральной империи, так и для России политика дальнейшей милитаризации кажется неизбежной, как сама судьба".

Общий голос: мы вступаем в самую безотрадную полосу целого ряда новых кровавых и страшных войн.

Самая страшная тема сейчас — это Брестский мир. Он не принят всей мыслящей и грамотной частью России. С ним мирятся потому, что иначе нельзя. Патриарх Тихон так говорит от имени церкви об этом мире в своем послании православному народу: "Мы призываемся совестью своею возвысить голос свой в эти ужасные дни и громко объявить перед всем миром, что церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир... В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества"³³.

В Петрограде произведено несколько отвратительных убийств моряков Красного Флота. Моряки вынесли резолюцию, которая кончается такими словами:

"...если убийства наших лучших товарищей будут впредь продолжаться, то мы выступим с оружием в руках и за каждого нашего убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч тех богачей, которые живут в светлых и роскошных дворцах, организуя контрреволюционные банды против трудящихся масс, против тех рабочих, солдат и крестьян, которые вынесли в октябре на своих плечах революцию. Вы, тираны, и в то же время подлые трусы..." и т.д.³⁴.

Резолюция эта может служить хорошим показателем той степени озлобления, при которой мы живем.

"Крач цивилизации" — вот как нужно называть наше время.

Тут спорили о том, что кончился петербургский период истории или мы изживали московский и только теперь начинается петербургский³⁵.

Кондурушкин считает этот возникший спор некоторым недо-разумением. Петербургский период кончился и закончился провалом государственности и духовной культуры. Это бесспорно.

Попутно он останавливается на причинах этого крушения. Причина в том, что материал и величина постройки имеют соотношения, которыми нельзя пренебрегать. Что можно построить из железобетона, нельзя построить из дерева. Мы строили непомерно большое здание из дерева, а величина которого требовала железобетона. Ну, здание и не выдержало, рассыпалось.

“...В великом столкновении европейской войны не выдержало здание, воздвигнутое титанами (я говорю — титанами!) петербургского периода, и падение его великое. Государственность петербургского периода потерпела великое крушение...”

В чем отличительная особенность духовного состояния петербургского периода? Это слепое, книжное (всякое книжное — слепое) усвоение идей европейских. Было «западничество», т.е. такое умозрение, которое утверждало, что мы¹ пойдем по путям развития Западной Европы и иных путей быть не может.

Рядом с «западничеством», как тень его, существовало «славянофильство». Россия, дескать, скажет миру свое особое слово, пойдет своим путем, отличным от западного. Но и это было по существу пустословием людей праздных.

И то и другое было верой без умения и даже без желанья делать дело реального государственного строительства.

Оторванный от страны Петербург делал «свое» дело, а Россия жила как бы сама по себе.

От столкновения с Германией рушилось, так сказать, тело нашей государственности, рухнул наш дом.

Но устроить на развалинах пожар, завести на развалинах родного дома кровавую драку, собственными руками истреблять остатки достоинства — это дело водителей темных масс. И, разрушая рухнувший дом свой до основания, тысячи и тысячи больших и малых водителей все еще думают, что они воплощают в жизнь взятую с Запада прекрасную мечту свою.

Но Запад — не удосужился воплотить свои слова, так это делает Россия!.. И делают, и зовут за собой Запад... Какая великая трагедия! Мне ясно рисуется, что великое несчастье наше в области духовной будет благодетельным и оздоравливающим. Русская интеллигенция обретет свое отечество, и государственное строительство будет ее кровным делом вместе со всяким новым архитектуром³⁶.

28 III. Че[е]тв[ерг]. Опять эти глупцы — наши несчастные русские мужики и бабы, разочаровавшиеся в новой власти, ждут новых избавителей, при которых все будет, и все будет дешево, хлеб 7 копеек и т.д. ...В прошлом году, в феврале, ждали это от “революционеров”, в октябре — от большевиков, теперь ждут от немцев.

Издается в Петрограде такая газета — “Красная газета”. Стоит она при теперешней дороговизне баснословно дешево — 10 к.³⁷. Рассчитана на темный люд. Пишущие там ничего не стесняются. “Русское знамя” наизнанку³⁸. И тоже “правительственное”. Конечно, чуть не даром выпускается газета, издатель Володарский³⁹ должен получать чудовищную субсидию из народных денег... Цель газеты — чисто агитационная и разрушительная. Сейчас травится духовенство и подрывается в корне религия... В каждом номере статья—две, подрывающие веру и авторитет церкви. Сегодня в утреннем выпуске, помимо статей, еще и стишонки, где автор глумится: “поп”... “елей”... “налей”...⁴⁰. Больно и стыдно.

Сейчас, несмотря на пост, очень мало народу в петроградских церквях. По свидетельству Парфенова, старосты Пантелеймоновской церкви⁴¹, на первой неделе и половины не было того числа, какое было обыкновенно раньше. Это общее наблюдение — церкви пустуют.

Это мне даже удивительно. Казалось бы, в такое беззащитное время многие должны бы были искать защиты у Бога... Говорю про те слои общества, которые наиболее жестоко пострадали — “буржуи”, “саботажники”, б[ывшие] военные и т.д. О простом народе и говорить, конечно, нечего. Они распропагандированы...

Помощник статс-секретаря Буше между прочим заявил в германском рейхстаге: “Границы Украины точно установлены”. При организации управления там будут использованы хорошо знакомые с местными условиями к у п ц ы - е в р е и*.

М.Н.Я. пишет в “Речи”: “Конечно, то, что творится кругом, не могло быть вызвано декретами, хотя бы и самыми решительными: в потенциальном состоянии элементы распада и смуты имелись налицо уже к моменту февральской революции. Но демагогические лозунги сверху в связи с примитивной социалистической идеологией, распространяемой в массах, дали моральную санкцию разрастающейся анархии и ослабили силу сопротивления более устойчивых общественных групп.

Грабить — преступно и грешно, но грабить награбленное — так ли уж это плохо? Ведь сколько времени кормилась буржуазия неоплаченным трудом рабочего. Неужто он не вправе взять обратно то, что у него отнято?

...Вернувшийся с побывки из деревни рабочий рассказывает, как неодобрительно отнеслись к нему односельчане, когда убедились, что он приехал с пустыми руками. В ответ на его пылки речи о недопустимости расхищения народного достояния ему пришлось выслушать хладнокровную реплику: «Да разве это воров-

* Слова, выделенные автором, здесь и далее при публикации даются вразрядку.

ство? Ведь, это наше кровное, собственное взято у буржуев. Они грабили для себя, теперь пусть, если им нужно, то и строят, и платят, а мы не будем. Довольно!»⁴².

Поистине знаменательные слова! Изю всей программы социальной революции темная масса восприняла только одну отрицательную формулу — экспроприация экспроприаторов. От положительной ее части, требующей сознательной работы, она просто отказывается, предоставляя строить — “если ей нужно” — все той же буржуазии.

Скороспелая и недоношенная социальная революция изжила себя, не успев расцвести, выродилась в анархию... Совершилось “перемещение собственности”, как правильно озаглавив свои наблюдения сотрудник “Рабочей мысли”, но не перемещение общественных сил, которое одно только может послужить основанием новой социальной эры.

Все еще идет спор около темы “кончился или не кончился петербургский период русской истории”⁴³.

Потресок так определяет петербургский период: “Это затяжной процесс превращения огромного конгломерата народностей, населяющих Восточную Европу и север Азиатского материка, в один общественный организм, единственное государственное целое. Это вместе с тем приобщение этих народностей и азиатских основ их общественного строя к европейскому ходу развития вовлечения их в кругооборот современной мировой цивилизации...”⁴⁴.

7(25) IV. В[о]ск[ресенье]. Простить, многое простить сейчас нужно. На великие жертвы пойти ради прощения. Иначе жить нельзя. Мы утопаем в крови и озлобленности... Будут ли те дни, при нашей жизни, когда солнце любви вновь воссияет на небе и прогонит бесовщину... Хочется молиться об этом.

Теперь много занимаются пересмотром всех своих верований. П. Рысс дает очень интересный разбор марксизма. Он приходит к выводу, что учение марксизма, доведенное большевиками до своего логического конца, потерпело полное крушение, как доведенное ad absurdum.

“Крах потерпела не партия, а учение, доведенное до логического конца. В марксизме была лишь фикция реальности. Он погибал от противоречий, материалистическо-идеалистической сущности своей. И погибает теперь в агонии того аристократизма, который один класс облек всей Истиной. Очевидно, идея «избранности» и производимые отсюда идеи классовой непримиримости, углубления, вражды и пр. непригодны как учение о морали и как практика действия. «Сознание» определялось не реальным «бытием». Очевидно, надо возвратиться к бытию подлинному, т.е. уйти от марксистской схемы”⁴⁵.

10 IV — 18. Ср[еда]. Если это социализм — будь он проклят! — скажет теперь всякий, лишенный покоя и безопасности. К тебе могут каждую минуту ворваться, разгромить твой дом, оскорбить

или даже ограбить и безнаказанно уйти. На улице с тобой могут сделать все, что угодно, и некому заступиться. Я часто видел дикие сцены саморасправы. Один, более сильный, побьет другого — более слабого, разойдутся. И некому вступить. ... Торжествует грубая сила.

13 IV. С[у]б[бота]. “Стружки” революции. В трибунале разбиралось дело по вымогательству судьей Мейхвальдом денег у тех лиц, против которых возбуждались сочиненные дела по обвинению в спекуляции.

После вынесения обвинительного приговора председатель Трибунала обратился к подсудимому и его сообщиникам со следующей речью, отмечая, что преступление, совершенное Мейхвальдом, столь велико, каких не знал даже павший режим:

“Вот почему нет наказания, достойного этого преступления. Если революция родила такого преступника, она же должна убить его. Если бы вы, Мейхвальд*, раньше, чем сесть на скамью подсудимых, спросили у меня совета, я не колебаясь дал бы его Вам. Я посоветовал бы Вам выпить яду, и вы тогда хоть умерли бы с честью.

Здесь, в Революционном трибунале, нет статей закона, мы не считаемся со старыми уставами, но и здесь должна быть логика. Вы заслужили самогострогого наказания, но смертной казни у нас нет, яду Вам дать я не могу. Поэтому мы назначили Вам 37 лет тюрьмы. Вы взяли в общей сложности 37 000 р. и за каждую взятую Вами тысячу мы дали Вам по году тюрьмы”⁴⁶.

События в Благовещенске были очень тяжелы. Они оставили за собою сотни трупов. На многих это так сильно подействовало, что они сошли с ума. Некоторые не выжили ужасов и окончили самоубийством.

“Литератор социалист Федор Чудаков, 13 марта покончил самоубийством со своей женою, убив предварительно ребенка, оставив такую записку своему брату: «Умираем радостно. Впереди много лет скорби и муки. Подличать и приспособляться не желаю. Тебе, как рабочему, легче пережить совершающееся. И ты не имеешь права следовать нашему примеру по причинам, которые сам легко поймешь. Пишу я это в состоянии полного примирения с недалеким грядущим. Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа все, что был в силах, и теперь, видя, что народ идет по ложному пути, ухожу из жизни, думаю, что и это честно»⁴⁷.

“В социализме есть возмутительно ложные идеи, — говорит В.В.Португалов, — банкротство которых обнаружилось теперь с полнейшей очевидностью. Но нет никакого основания делать за

* Так в тексте.

эту злостную идею ответственными все социалистические группы, особенно если точно известно, что именно на этом пункте произошло решительное размежевание одних групп от других”⁴⁸.

По этому поводу Философов, подтверждая эту мысль, указывает, что “для государственников всех партий (либералов, радикальных демократов, социалистов) насаждение немедленного социализма кажется губительным, все равно — по какому методу оно будет произведено. Отсюда ясно, что если и теперь начался «поход» против интеллигенции, то вовсе не против ее «социализма», а против ее государственной близорукости”⁴⁹.

Действительно, кризис, переживаемый интеллигенцией, очень болезнен.

А.Карташев пишет: “Горький опыт должен, наконец, убедить всех страдающих старческим склерозом сознания, что лозунг «служения народу», при молчании о «служении России» был философско-этической ошибкой и социально-педагогической ложью... Нас и погубил «немедленный социализм», эта «воля к социализму» у русской интеллигенции с лозунгом «диктатуры пролетариата» во главе. Слишком сильна была эта идея служения именно народу, а не тому, что выше народа, — России.

Как справедливо замечает социалистический журналист Макиевский, «у нас всюду говорили лишь о нашем долге перед народом», о «служении народу», о народе, о народе и опять-таки о народе... У нас целое было подменено частью.

Священная обязанность интеллигенции заключалась в том, чтобы растолковать народу, что сверх Иванов и Петров... есть Россия и русская культура...

Очевидно, для социалистической мысли не существует России и русской культуры как живого факта, как непреходящей ценности, с вневременной, общезначимой силой, которой служили, служат и обязаны служить все силы наши от полноправных носителей власти до бесправного каторжника, от миллионера до батрака, от гения до полуживотной бездарности” (Карташев)⁵⁰.

Для социализма идеалом был один класс, господство этого класса — диктатура пролетариата. “Немедленный социализм” (Чернов⁵¹ — лицемерно и хитро, Ленин — прямо и резко) добился этого... Все было принесено в жертву ради этого. И что же получилось? Крах. Полнейший крах. И не могло быть иначе, потому что тут в корне была “философско-этическая ошибка и социально-педагогическая ложь”, как выразился Карташев.

14 IV. В[о]ск[е]сье. Все, все то же самое, что и при царях, в самые мрачные периоды, только “вверх ногами”.

Неудивительно, что честные, чуткие люди “уходят”. “Народ идет по ложному пути”. Тут уж ничего не поделаешь. “Духи” вызваны, и нет силы с ними справиться. Все должно дойти до своего естественного конца — изжить самого себя.

В Москве — подавление анархического восстания⁵². Победили большевики. Анархисты очутились в положении большевиков после 3—5 июля, а большевики?.. Теперь анархисты, называя большевиков “предателями” рабочего класса, соглашателями с буржуазией и генералами, клянутся отомстить и грозят, что после “неудачных июльских дней придет и для них свой Октябрь...”.

Какой-то железный закон. Ведь знали же многие из них об этом. Никогда не забуду, как 21 апреля прошлого года я встретил тысячу солдат 180-го Пехотного запасного полка с музыкой и красными знаменами: “Долой Милюкова”. Упало, случилось мое сердце... Я знал, что это начало страшного — анархия. Тогда торжествовали меньшевики и эсеры. Близорукие, никчемные люди. И скоро они из победителей обратились в побежденных. Большевики стали господствовать. И их захлестывает еще более крайний фланг революции... Так, видно, уже суждено нам дойти до конца — до полной анархии.

Тяжело положение Балтийского флота. Бесславная позорная летаргия. С наимоверными трудами добрался он до своего гроба — Кронштадта...⁵³. Англичанам же пришлось взорвать свои лодки в Ганге и Гельсингфорсе. Немцы не щадят нас. Мы принуждены сносить все оскорбления. Такой уж наш удел. “*Scavi saltrens*”. И мы пляшем... Все заборы и окна трамваев пестрят афишами: ...“Демократический бал” “Развеселая танцулька”... И мы душим друг друга... Рабы перессорились между собою... Вся Россия полна крови и ужаса от междоусобицы.

Тяжело жить в такое время.

28 IV. В[о]скр[есенье]. Тяжелое зрелище открывается с Николаевского моста. Суда русского флота с обеих сторон моста пригнулись к набережным. На мачтах болтаются красные флаги... На одном из истребителей на палубе сушится белье, и не только мужское, но и женское. Очень откровенно развешаются по ветру женские принадлежности туалета. “Шикарные” матросы гуляют по набережным. Говорят, что мелкосидящие суда будут проведены в Ладожское озеро, а остальные, в случае необходимости, взорваны... Так бесславно кончат дни свои наш доблестный русский флот...

Конечно, то, что случилось, результаты длительного процесса гниения. Мы только не замечали этого. Русский народ давно “загнил”. Уже в 1905 г. были все признаки, только мы не могли их усмотреть тогда. И вот теперь...

У нашего дома мальчишка продает странного вида коричневые лепешки из “дурайды”⁵⁴. Лепешки лежат в плевательнице, поставленной прямо на панель. Торговля идет бойко. Одна баба угваривала не покупать таких лепешек другую: “Вчера только в нашем доме трое отравились, в больницу отправили”. — “И чего врте, огрызается мальчишка-продавец, — мы-то едим. И не травимся”. Какой-то мастеровой, несмотря на все предостережения, начинает тут же есть лепешки.

Полоса такая. На всех углах продают бабы, б [ывшие] солдаты, дети, интеллигентного вида девушки и дамы — все продают леденцы. Постоял. Покупают много. Леденец похуже 80 к., леденец получше 1р.20к. И вынимают печатные бумажки пригоршнями из карманов покупателя, все больше мелкие ремесленники, мешаночки... “А которые с чаем-то вкуснее?” — “Конечно, получше которые крепкие. Те похуже будут, мягкие, — их только так едят, для удовольствия”. — “Ну давай крепких”. И берут.

Совсем плохо пришлось М.Ф. Совершенно не знает, чем и кормить. С понедельника, кажется, будут давать по 1/8 ф. хлеба... Таков уж народ наш. За 2 фунта хлеба на семью согнал с престола Николая и за 1/8 терпит большевиков, так много обещавших и ничего не давших... По-видимому, устали еще не верит в “царство небесное” на земле. А мы дальше от него, чем когда-либо.

В трамваях, на улицах все громче, все смелее раздаются возгласы возмущения против обманщиков. Многие уже предрекают, что пришли последние дни для большевиков. Их полный провал очевиден всем... Тут только я задумываюсь, радоваться или нет этому. Все же эта власть сейчас. Без этой власти — ничего, полное безначалие. А в том, что пришло время сильной какой-либо другой власти, я сильно сомневаюсь. Слишком мы раскачались. Время еще не пришло. Вот когда созреет идея общенациональной, надклассовой власти, тогда можно еще что-нибудь говорить. А из-за того — быть ли у власти Чернову или Ленину — не стоит и капли пота проливать, не только крови. Ненормальное, неестественное, в корне своем лживое и лицемерное, многократно ухудшенное царское самодержавие наизнанку — большевизм — сам себя погубит, умрет. Зараза в нем самом и гибель, как и в царском самодержавии. Только в том их разница, что самодержавие все же было культурно, а большевизм нагл и до неприличности дерзок, как зарвавшийся юнец-неуч. Не может долго существовать то, что даже не прикрыто ничем, и все видят ничем не прикрашенную мерзость.

Юноша Шереметьев (17 лет) за непризнание Советской власти приговорен Революционным трибуналом к 17 годам каторжных работ.

Помощник войскового атамана по гражданской части М.П. Богаевский расстрелян⁵⁵. Кто не знал Богаевского в Петроградском университете в период 1905—1908 года как бессменного председателя экспертной комиссии и всеми уважаемого и любимого товарища, одно время единственного беспартийного члена в Совете старост! Знал его и б [ывший] Главковерх Крыленко, тогда знаменитый “товарищ Абрам”⁵⁶.

И так без конца, какая-то жестокость от очевидного и ими самими, по-видимому, сознаваемого бессилия...

У нас в доме уполномоченный б [ывший] рабочий, большевик, теперь служащий Комиссариата и в то же время получающий и по должности уполномоченного домом, всего, наверное, около 1000,

если не больше в месяц. Разве “большевизм” не благодетель для него? Что там Россия, родина... И что ему Россия, если он латыш к тому же.

Спорят двое на улице. “Совсем дело было плохо, да война помогла”. — “Ну и мелешь же ты”, — накидывается на него другой. — “Ей-богу, война”. — “Перестань”, — и раздражается целой филиппикой против войны другой. Но не веришь ему и сквозит в его словах: “А ведь это я так, через войну, я и сам теперь так устроился, в люди вышел...”.

1 V. С[р[еда]. Вотон, “голод”... Выдают по 1/8 ф. хлеба надень. На рынках ничего нет. М.Ф. вчера купила 2 [и] 1/4 ф. рыбы шуки и заплатила 14 р.63к. и еле нашла куру. За маленькую щупленькую курицу заплатила 23 р.

В разных местах идут брожения. В Петергофе был целый голодный бунт. В Петрограде, говорят, была голодная демонстрация.

Сегодня 1 мая. Праздник всех пролетариев. Какой тут праздник на голодный желудок, когда в трамваях даже незнакомые начинают разговаривать друг с другом о голоде... Не выдерживают. Сказать вслух, что наболело у всех, стало вдруг потребностью.

— Вот вам и Советская власть. Сами того хотели...

— А обманули нас большевики.

— Ленин говорит, что через 10 лет все хорошо будет.

— А нам что до этого. Умрем до тех пор с голоду или от черной смерти.

— Мор-то будет большой... И голодно, и грязно... Как загажено-то все.

Думали сразу — царство социализма. На-ка что получилось. Все по-старому... Да нет, хуже стало. Раньше хоть не свой брат куражился над тобой. Все не так обидно было... А теперь...

Тяжелое время. Сегодня 1 мая. Первый к а з е н н ы й пролетарский праздник. Вывесили новые красные флаги. Давно объявлен церемониал. Опять будет шествие на Марсовом поле. Говорят, что будут снимать памятники “болванам и их слугам”. Митинги, конечно, будут... Как встарь, в цветущие годы самодержавия: праздник по казенному заказу, с церемониалом...

Это при 1/8 ф. хлеба-то! Не выйдет, пожалуй, так гладко...

Видел вчера взвод солдат, новых солдат-красноармейцев. Впереди шел хор музыкантов. Бравурный марш и молодецкая выправка создавали эффект. Впереди взвода шел офицер или “инструктор” — не знаю, как теперь их называют, — без шашки, без погон, такой жалкий, беспомощный. Все были одеты в полусолдатскую одежду. Новое войско. А кто знает. Быть может, им суждено большое будущее. Ведь мы живем во время “чудес”. Невозможное бывает. Судьба подшутила над нами: что и во сне не могло присниться бы, вершится наяву. Во многом жизнь стала тяжелее сна.

Дыбенко отдан под суд⁵⁷. Исключен из партии. Это один из

интереснейших персонажей русского национального большевизма. Что-то есть у него от Пугачева. Только неизмеримо мельче он. Противна эта сторона большевизма. Особенно когда вспомнишь, что делал Дыбенко и ближайший друг его солдат Павлов — комендант Петропавловской крепости с Октября 1917 г. А эта грязь с скутежами, пьянством и развратом под Нарвой в феврале... И Коллонтай тут припуталась⁵⁸. Вот еще феномен русского большевизма — тип вырождения, истеричная барынька, сбившаяся с понталыку.

Наша девочка говорит: “Я говеть не буду, зачем говеть”?

— Как зачем?

— Да вот печник говорит (у нас работал печник три дня), что говеть не надо. Это попы выдумали. А Христос сам революционер был. Теперь революция. Значит, ничего и не надо... Все хорошо бы было, если буржуй не гадил бы. Теперь борьба, оттого и плохо. Вот революция победит, тогда хорошо будет. А буржуи все подохнут”.

Я видел этого печника. Называл меня “товарищем”. Был не в меру словоохотлив. Как “квалифицированный” рабочий получал больше меня. А когда уходил, то остался очень недоволен, что “на чай” не оставили. Все справлялся, скоро ли со службы придем...

Ленин мечтает “через 10 лет”... Незабвенный Чехов предвосхитил его. Один герой его мечтательно говорит: “Лет через 200—300 жизнь будет иная”⁵⁹. Разница только в 20—30 раз. Сущность та же. Романтика. Она, романтика, прекрасна, слов нет, в устах мечтателя, уставшего от жизни, от “реализма действительной жизни”, от которого не зависят ничьи судьбы, но романтика в устах человека, который “правит” Россией, как-то страшна. Страшно, что фанатик, человек “одной мысли”, “мечтатель”, держит в своих руках многие судьбы. И прежде всего, если не держит, то направляет роковым путем судьбы России!..

Газет теперь продается масса. Особенно вечерних. Продают мальчики и девочки. Словно все школьники мобилизовались продавать газеты. Каждый день вижу на Галерной у конторы прежних “Биржевый ведомостей” десятки мальчишек. С грустью прислушиваюсь к их разговорам. От гнусной брани вянут уши. Делается невыразимо тяжело, когда слышишь почти из детских уст “матерщину”... Почти всегда кто-нибудь ссориться из-за денег, из-за очереди... Другие неистово играют тут же в азартнейшую игру вроде “орлянки”, не знаю, как она называется... Это молодое поколение. Между этой бандой дожидаются в очереди выхода газеты и девочки.

Во всех трамваях вчера развешивали большой плакат: “Анархия любви”, лекция графа Амори... Уже надвинулась на нас эта страшная полоса упадка, реакции — порнография. Она пришла скорее, чем мы ожидали.

Страшные дни. Казенный праздник совпал с великим днем пещали — Великой Средой... Церковь убеждала верующих не при-

нимать участие в празднествах и ликованиях в такие дни. Но тут жизнь сделалась нелепее сна: празднество будет. Будут и музыка, и песни... А из Калуги пришли известия, что местный Совдеп постановил отменить празднование Пасхи... "Все это поповская чепуха", — сказал бы наш печник... — но все же к празднику на чаек следовало бы". Такова наша действительность.

Один пушечный выстрел, другой. Выбежал послушать. Стреляют. Глухие взрывы сопровождаются мелкой трескотней. Замерло сердце. Началось. Что началось?.. Лучше ведь не станет. Мне кажется, что все благоразумные люди должны со временем до поры оставить борьбу с большевиками. Сейчас это единственная власть... Еще глухой взрыв и вдруг... в воздухе веером рассыпалась серебряная ракета и стала падать золотым дождем в ярко-синем небе майского вечера. За этой ракетой в другом месте, высоко над домами, взвилась другая. Стало очевидно, что это не пальба, а фейерверк. Прохожие, возвращающиеся из города, поясняли, что с судов эскадры у Николаевского моста палят из пушек холостыми зарядами и пускают ракеты. Все суда иллюминированы...

Тихий, ясный весенний вечер. Улица пустынна. Редкие прохожие, как черные тени, спешат куда-то. На всей улице несколько одиноких газовых фонарей, только к 8-1 линии у подъезда пролетарского театра блестит яркая электрическая звезда. Трамваев нет. Нет и экипажей — ни извозчиков, ни автомобилей. Тишина. И только изредка глухие взрывы вдалеке и мелкая трескотня не то ружейных выстрелов, ни то вертящихся огненных фигур, устроенных пиротехниками потехи ради. В больших черных домах светились яркими пятнами окна.

Возвратился домой не то успокоенный, не то удовлетворенный. Пусть разум говорит одно, а чувство все же не мирится с тем, что кругом нас... Пусть там будет, что будет, только бы не это — не этот позор и ужас после Бреста.

"От чего пальба и крики

И эскадра на реке"...

Нельзя не ответить без того, чтобы не залила лицо краска. Ведь говорят же, что на судах у всех пушек будто бы сняты по приказанию немцев замки. Иначе суда не могли бы выйти из Гельсингфорса...

5 V. В[о]скр[есенье]. Светлое Христово Воскресенье.

Все, что случилось, рано или поздно должно было случиться. Колосс на глиняных ногах должен был завалиться. Мы должны были пережить унижение и распятие родины. Слишком мало думали о ней, слишком мало видели ее болезнь. Теперь, когда все иллюзии провалились и мы рухнули в бездну, некого винить, не на кого кивать... Свершилось неизбежное. Стенки не выдержали тяжелого свода. Здание рассыпалось. Теперь две возможности — строить новую Россию или плакать над растерзанным телом ее. Так хочется верить в воскресение России и отдать на строение ее все мои силы. Не может быть, чтобы она умерла. Или это рок, что

русские гении должны погибать, не сказавши целиком свои слова (Пушкин, Лермонтов...), и этот рок на всей русской культуре? Да воскреснет родина!..

Не могу же я петь Интернационал, когда братоубийственная война, и “внутренняя”, и “внешняя”, кипит по всей Европе... Когда брат на брата пошел и вырезают друг друга. Мне предоставляется какой-то неслучайной циничностью эта идея “Интернационала”, когда руки у немцев в крови своих братьев...

Конечно, революция погибла. В прошлогоднем мае это стало очевидным, теперь это факт. “На обломках несбывшихся мечтаний”...

Не буду повторять, как дошли мы до жизни такой. Уму не дано целиком не только представить, но и осмыслить весь пережитый ужас... Я только что прочел выдержки из дневника Шингарева⁶⁰. Я не мог победить горьких, тяжелых слов. Ужас и сплошной позор... Но я не звал бы к мести. Самое страшное — это “око за око”. И мы еще придем, к сожалению, к этому. Реакция будет еще безжалостнее. И сейчас уже первые раскаты нового грома заставляют содрагаться от ужаса, во многих местах “социалистического отечества” начались еврейские погромы, а в Закавказье — армянские. Кровь стынет от этой резни стариков, детей и женщин... Они первые жертвы... Мы еще многое переживем. Я все смотрю на трамвайные столбы: они так удобны для веревки с мертвой петлей... Покуда много пороха и патронов. Будет время, когда вспомнишь о веревке. Кровь, кровь, кровь...

Сегодня хотелось бы вспомнить что-нибудь хорошее. Ведь хорошее было и осталось.

Наиглавнейшее: больше нет деления на “черную” и “белую” кость. Теперь все равны в своем человеческом достоинстве. (Не о степени говорю, а об отношениях). И нет больше места, чтобы кто-нибудь смел говорить другому по праву “ты”, называть просто по имени — “Петр”, “Степан” и не подавать руки тому, что подавал пальто, мел полы или открывал дверь. Это актив революции. У нас на службе — я никогда не забуду этого — для многих это подавание руки и “Вы” и “Петр Трофимович” было неприемлемым новшеством, но теперь нет “черной” и “белой” кости. В своем человеческом достоинстве все равны... Какое было для меня нравственное удовлетворение, когда я вижу, что со сторожкой Марией Михайловной все здороваются и прощаются “как с человеком”. А раньше...

Еще в активе записал бы я — освящение всякого труда. “Никакой труд не унижителен”.

Это, правда, крупинки в горах мусора и грязи революции, но драгоценнее алмаза эти крупинки.

Все минется, одна правда останется.

7 VII. В[о]скр[есенье]. Что это? “Гибель старого мира” и “возрождение новой жизни” или просто только гибель с трудом накопленных ценностей человеческой культуры? Что это — сгни-

ла Россия и лежит в гробу или только повержена в смертельный недуг, подобный временной смерти и как Лазарь выйдет из гроба? Что это, начало или конец?

Вот мысли, которые не дают покоя.

Судьба послала нам великие испытания. Немногим поколениям приходится пережить столько. Мы были свидетелями и участниками того, как треснула великая европейская культура и люди захлебнулись в крови и ужасах... Мы пережили гибель родины. Мы переживаем позорнейшее время, когда все на свете попрано. Пусть ради "лучшего будущего", но смято и растоптано — то факт.

Чем мы живы еще? Все оплевано, осквернено, опозорено, низвергнуто... Полный крах.

Но жить — то надо. А для этого надо или верить, или махнуть на все рукой: "На наш век хватит...". Я верю. Я неисправимо верю в разум. Пройдет этот кошмар. Он не может длиться слишком долго. Это катастрофа. Разум не справился со слепыми началами жизни. Не разрешил бездну противоречий, но он восторжествует в конце концов. Останутся какие-то непреложные истины, непреходящие ценности.

Буду искать из всюду, хоть по крупице, по зернышку. У меня нет предвзятой точки зрения. Предо мной открытая, чистая книга — "Tabula rasa"*.

Один индийский царь велел собрать всех слепых и, когда они все пришли, велел им показать своих слонов.

Слепые пошли в конюшню и стали щупать слонов.

Один ощупал ногу, другой — хвост, третий — репицу, четвертый — брюхо, пятый — спину, шестой — уши, седьмой — клыки, восьмой — хобот.

Потом царь позвал к себе слепых и спросил: "Каковы мои слоны?".

Один слепой сказал: "Слоны твои похожи на столбы". Этот слепой щупал ноги.

Другой слепой сказал: "Они похожи на веники". Этот щупал хвост.

Третий сказ: "Они похожи на сучья". Этот щупал репицу.

Тот, что щупал живот, сказал: "Слоны похожи на кучу земли".

Тот, что щупал бока, сказал: "Они похожи на стену".

Тот, что щупал спину, сказал: "Они похожи на гору".

Тот, что щупал уши, сказал: "Они похожи на платки".

* Чистая доска (лат.)

Тот, что щупал голову, сказал: “Они похожи на ступу”.

Тот, что щупал клыки, сказал: “Они похожи на рога”.

Тот, что щупал хобот, сказал: “Они похожи на толстую веревку”.

И все слепые стали спорить и ссориться.

Я всегда помню эту басню. Побольше терпимости. Даже к тем, кто, с нашей точки зрения, явно заблуждается. Мы все, как слепые... Никто не знает истины. Нам доступна лишь часть ее, разные стороны ее, но не все, вот почему я никогда не мог бы быть в какой-нибудь партии, предан какой-нибудь идее. Мы знаем только часть истины, повторяя.

Один английский социалист в своем приветствии Советскому правительству сказал: “Мы раньше говорили «святая Русь», понимая под этим темноту, невежество России, теперь, когда в России осуществляется новая жизнь и Россия посеет залог освобождения народам запада, она поистине «святая Русь»”.

“Святая Русь”. Русская святость, так близко слившаяся не только с зверством, но и с сатанинством, как заметил Мережковский. Осатанеем окончательно или просветимся?

О нашем общем недуге — теоретическом интернационализме — нужно и думать перестать.

Задача нашего грядущего — национальное возрождение Родины, т.е. объединение Севера и Юга, укрепление на берегах Балтики, укрепление в народе мысли об единстве России, об общей Родине — национальная идея. Вот та программа, которая должна объединить всех русских людей, то, что должно быть взято за скобку при объединении самых различных групп.

Что делается в России! Какой-то нелепый сон. Все сдвинулось с места, потеряло свое равновесие и кружится... “Словно листья в ноябре”. По временам мне слышится дикая музыка и я вижу, как все кружатся в бесовском танце... Наваждение. Чур, чур меня!

Приехал М.Н.В. Он ездил на Волгу. Рассказывает, что делается в Нижнем, в Ярославле... Спекулируют все. Продают и продается все. Полный развал. Все перепуталось. Неимоверная грязь. В дороге М.Н. заели клопы... Он их уже не давил, а просто сбрасывал. Все люди какие-то озверевшие. Словно зачумленные. Большевикские начальники хуже всяких жандармов. Взятничество всюду. Берут десятками и сотнями рублей. Без взятки шагу не шагнуть. Все измучились. Грустнее всего, что наш “бедный народ” смиряется только перед грубой силой. Без угрожающей ему

палки гордыбачит*, при проявлении силы вдруг делается послушным и смиренным, принижается до раба.

Убит германский посол в России — граф фон Мирбах⁶¹. Последствия этого могут быть роковыми для нас. Возможно, что Москва и Петроград теперь будут оккупированы. Величайшие испытания предстоят еще родине.

8 ч [асов] 20 м [инут]. Что это? Отдаленный гром или орудийные выстрелы? Наши пошли узнать.

Все возможно. Ведь немцы в 30-ти верстах от Петрограда... Действительно, стреляют. Никто не знает, что произошло.

Говорят, стреляют из ружей и пулеметов на Невском. По временам раздаются орудийные выстрелы⁶². Что случилось, никто ничего не знает. Дикое, нелепое время. Дай Бог, как-нибудь дожить до более лучшего времени. У многих иссякает надежда — да будет ли когда-нибудь это лучшее время? Будет ли?

“Россия будет”, — отвечает Мережковский⁶³. “Россия — не случайность, а исторически сложившийся организм”, — отвечает М.А.Полиевктов⁶⁴, обозревая историю рубежа России с XVII века. Россия воскреснет, верим все мы. Воскреснет. Неужели мы неждемся этого?

А куда... Покуда, по-видимому, раскачались и дойдем до конца, до “*pes plus ultra*”**. До полного падения. Когда разложимся окончательно, тогда начнем кристаллизоваться. Многое еще придется нам пережить.

8 VII. П[о]н[едельник]. Действительно — мятеж. Левые эсеры сделали попытку свергнуть советскую власть. “Гады начали пожирать гадов”, как выразился как-то по подобному же случаю Платонов⁶⁵. Во главе движения, говорят, Спиридонова⁶⁶. Кто бы знал, что ей суждена такая роль в нашей революции? Все мы думали, что это экспансивная гимназисточка, “совращенная в социализм”... Очень пострадавшая и несчастная. Так продолжали думать и в начале нашей революции, когда она стала принимать участие в политической жизни. Больше посмеиваясь, чем серьезно относились к ней. Оказывается, во всяком случае она серьезнее, чем полагали. По крайней мере у нее есть ораторский и организаторский талант.

9 VII. Вт[орник]. Давно ждали эту страшную гостью. Она наконец пожаловала. Холера свирепствует в Петрограде⁶⁷. Сегодня я встретил телегу с тремя гробами... Может быть, это и не холерные, но жутко почему-то стало... Больше 300 больных за-

* Так в тексте.

** Далее некуда (лат.).

регистрировано за один день. В церквях молятся об избавлении от “морового поветрия”.

10 VII. Ср[еда]. Кругом валяются: в нашем доме один из жильцов заболел, мальчик у Сомотиных свалился сегодня утром.

Эпидемия застала врасплох. Ничего не было предпринято своевременно. Больным нет места в больницах, и они в ожидании очереди, свезенные туда, мучаются во дворе и больничных садиках. Умерли поэт Коковцев, профессор Карцев...⁶⁸.

Война, голод, мор... И все слышнее, все явственнее, как постукивает сухими ногами по пустынным улицам города Смерть. Последняя примирительница.

Надо многое не видеть сейчас, стараться забыть. Иначе не выдержат нервы, порвутся, как туго натянутые струны. Только потому и можем еще жить, что не осознаем всего...

Островок, а кругом него бушующие волны... Так мне представляется моя жизнь сейчас. Живем мы с Мусей, а кругом стонет буря, рвет ветер и долетают брызги разъяренных волн. Залет или нет? Погибнет или нет?

Есть какая-то доля обреченности у всех нас. Какой-то рок тяготеет над нами... Совершается что-то слишком грандиозное, “Представление”.

Я все вспоминаю слышанный мною рассказ, как десятки, сотни, тысячи русских прошли на войну через Киев, поклонившись там святыням. Целыми полками проходили в пещеры поклониться мощам святых угодников Божиих. Молча молились и проходили. Потом шли дальше и умирали... Это после, спустя много времени началась бесовщина. Сначала был подвиг, вера... А когда изверились, измотались, стали пакостничать, озорничать и все погубили...

11 VII. Чет[верг]. Национализм, интернационализм и с у п р а н а ц и о н а л и з м. Национализм как таковой слишком зоологичен. Интернационализм убог, ущербен. Супранационализм вмещает в себя и лучшее национальное, и все то лучшее, что есть у других наций. Национализм можно сравнить с одним общим знаменателем. Интернационализм можно сравнить с наибольшим делителем. Супранационализм с наименьшим кратным. Интернационально то, на что делятся данные величины, делитель всегда меньше делимого, и при этом чем больше делимых, тем меньше делитель. Для величин 12, 36, 48, 54 (скажем, русским, итальянским, французским) этот делитель может быть еще 6, но если к этим величинам прибавить еще величины 25, 8, 7 (Японию, Турцию, Персию), то делитель понизится до безличной единицы. Вот это и будет и н т е р н а ц и о н а л и з м. Тогда как взять наименьшее кратное тех же чисел, то оно будет б о л ь ш е каждого из них — это раз, во-вторых, они вмещают в себя эти числа и на каждое из них может быть разделено без остатка. Вот это и есть с у п р а н а ц и о н а л и з м. Оставаясь русским, вместить в себя и лучшие стороны немецкой, французской, английской, американ-

ской, античной и даже восточной культуры — вот идеал. Не подчинить все другие нации и их культуры одной (русской, германской), что и было бы злейшим национализмом (“бобриковщиной”⁶⁹, “новременщиной”), а объединить, вместить эти культуры, найти наименьшее кратное их — вот истинный супранационализм.

Супранационалист — всечеловек, тогда как интернационалист — междучеловек. Национализм же — подавление и обезличение других национальностей, приведение всех и вся к одному общему национальному знаменателю.

(См. ст.Ф.Ф.Зелинского⁷⁰: “Национализм”, интернационализм и супранационализм). Н[аш] в[ек], 7 VII 18.

Плиний Младший⁷¹ пишет своему другу Максиму, назначенному в Ахайю: “Помни, что тебя посылают в провинцию Ахайю, в ту подлинную и истинную Грецию, в которой впервые люди познали человечность (humanitas), культуру, даже хлебопашество; что тебя посылают для устройства свободных общин, т.е. к людям и к свободным в полном смысле обоих слов... Проникнись уважением к их богам-основателям, уважением к их давнишней славе, уважением к их древности — она у людей почтенна, у народов же священна... Помни, что ты посещаешь Афины, что ты управляешь Спартой; отнимать у них последнюю тень оставшихся свобод было бы жестокостью, самодурством, варварством” (кн.VII, посл.24) (cit.ibid.)*. Поистине прекрасные строки.

Теперь часто проводят аналогию между распадением Римской Империи и Российской Империи и подмечают, что там и тут виновницей была Германия.

Зелинский делает маленькую поправку. Народы, объединенные Римом, стремились снова слиться с ним после страшных ударов, испытанных Великой Империей, а народы России бегут от нее, может быть под такое же или еще более тяжкое ярмо, но другое...

Как это понятно будет, если сопоставить прекрасное послание Плиния — важного сановника при дворе Траяна⁷², с Бобриковым и другими обрусителями!

У национализма две стороны: положительная и отрицательная. Полож [ительная]: утверждение и развитие собственных национальных черт и особенностей; отрицательная — подавление и обезличение других национальностей, объединенных с ней одним рубежом.

Особенности нашего русского (новременского) национализма — крайняя ассимиляция, даже внутри собственной националь-

* Так в тексте

ности; сглаживание диалектич[еских] и друг[их] особенностей, приведение всех к одному общему национальному знаменателю.

Здесь и случилось то, что Россия “надорвалась”. “Многое поглотивший не сумел поглоченное переварить”: Россия, как циклоп Полифем: “из разинутой пасти куски человеческого мяса, не в меру напившись, изрыгнул”⁷³.

Немудрено, что как реакция так долго и злобно торжествовавшему “воинствующему” национализму, как реакция, на смену пришел убогий интернационализм. “Прежде всего и после всего: интернационализм есть оскудение и убожество”. “Ценность всякого предмета равняется общей сложности характеризующих черт и особенностей. Все мы — люди и как таковые обладаем известной суммой качеств, которые нас характеризуют именно как людей. А поскольку мы русские, немцы и т.д., мы в придачу к той сумме обладаем еще и другой суммой качеств, характеризующих нас именно как русских, немцев и т.д. Итак, ясно, что, отрешившись от своих национальных особенностей, мы уменьшаем наше умственное богатство, нашу умственную ценность...”. Мы отрешились от всего национального, ударились в другую крайность. Результаты очень плачевные. А выход есть и, оказывается, он давно был известен. Я, собственно, всегда и жил этим третьим, взяв положительную сторону национализма и соединив его с положительными сторонами интернационализма, но чего не умел выразить и что так удачно сформулировано Зелинским: “Такое приспособление духа, которое позволяет нам вместить в себе, кроме совокупности наших национальных качеств, также и совокупность тех, которые характеризуют и немцев, французов, вообще те народы, с которыми мы имеем дело. Вот это приспособление я и называю с у п р а н а ц и о н а л и з м о м”.

Как бы ни назвать это “третье”, но им только и можно руководиться при всех тех крайностях национализма и интернационализма, однако во вредных и неприятных для строительства лучше будущего.

Я не случайно так долго остановился на этом. Слишком это важный и существенный вопрос нашего времени. Я всегда думал, как примирить национальность с общечеловечностью. Я никогда не мог спокойно читать воинствующих статей “Н[ового] в [ремени]”, как потом водянистых статей Н[овой] ж[изни].

В начале войны мне особенно тяжело было, когда гналось все немецкое — и язык, и музыка, и искусство, и вообще культурные ценности общечеловечны, а отрицательные стороны мерзки и неприемлемы, и признавал борьбу только с ними. Много атак я выдержал от тех, которые потом стали ярыми интернационалистами...

Формула с у п р а н а ц и о н а л и з м а — прекрасная. Она может стать идеалом. Она примиряет, казалось бы, непримиримое. Она не нова. И я, и многие, многие другие русские интеллигенты, собственно, давно и живут этим идеалом, но дело в том, что

мне впервые пришлось встретиться с такой ясной и талантливой формулировкой.

12 VII. Пят[ница]. Спиридонова, по сведениям, сошла с ума⁷⁴. Муравьев изменил Советской власти и застрелился⁷⁵. Так кончился “скифский бунт”... Тело Мирбаха увезли в Германию. Вспоминают, что послы были убиты за минувшие столетие в следующих странах: Персия, Китай, Турция, Корея, теперь... Россия⁷⁶.

При виде всего совершающегося В.А.* как-то писала нам: “Так все пусто кругом, минутами кажется даже, что оправдались слова Гейне:

Gestorben ist der Herr Gott oben,

Und unten ist der Teufel tot**.

13 VII. С[уб]б[бота]. Конечно, не за горами то время, когда сгинет, как дьявольское наваждение, вся эта “бесовщина”. Уйдут, пропадут все эти “авантюристы, самозванцы, провокаторы, изменники, безумцы и болтуны, поразившие народное воображение”. Будет худо ли, хорошо ли, царь с народным представительством, перед которым будет ответственная исполнительная власть. И с каким удивлением будут вспоминать, что одно время Россией управляла кучка фанатиков-мечтателей, партийных доктринеров и предателей!

Страшное лихолетье... И мы свидетели всего этого были!

Где та отправная точка, которая могла бы считаться причиной всего совершающегося? Ее нет. Чем дальше отодвигать эту точку, тем яснее, что она всякий раз не причина, а само следствие предыдущей. Все так любят сейчас говорить это слово “если”, но ничего этим не объясняется, не изменяется. Нам не дано найти такого момента, про который можно было бы сказать: “если” бы принято было не X решение, а V, то все было бы иначе...

По общему признанию, Керенский окончательно уронил свой авторитет книгой “Дело Корнилова”⁷⁷. Не был Керенский не только великим человеком, но и выдающимся деятелем. Просто судьба выкинула его в первые ряды потому, что не было никого другого, более подходящего (ведь бедна наша революция людьми!). Керенскому ответил Зарудный⁷⁸, и тоже очень неудачно. Старание свалить вину на другого, выпутать себя — “если бы все по-моему сделали, то того бы не случилось” и т.д.

По вопросу о возникновении войны король Георг V⁷⁹ определенно заявил, что более всех ответственен германский император:

* Возможно, сестра Князева Валентина Алексеевна.

** Умер Господь Бог на небесах И дьявол в преисподней мертв.

“Я сделал все возможное, чтобы предотвратить столкновение, но, к сожалению, — напрасно”.

16 VII. *Вт[орник]*. Вчера распространились слухи о начавшихся мирных переговорах между Германией и союзниками. Не верилось этому. И действительно, это оказалось “понеделничьей сенсацией”.

Хорошо было бы создать словарь ходячих сейчас выражений. Между прочим, товарно-пассажирский поезд называют “Максимум Горьким”; всем опостылые 5x5 сантиметровые бумажки двадцати- и сорокарублевого достоинства — “керенками” или “кереновками”, Великобританию — Совдепией и т.д.

Один мой знакомый собирает все сокращенные названия учреждений. Каких только нет сочетаний! И ЦИК (Центральный Исполнительный Комитет), и Совдеп (Совет рабочих депутатов), и Срисд (Совет рабочих и солдатских депутатов), и Совнарком (Совет народных комиссаров) и так без конца. Конечно, будущему историку не так-то легко будет справиться с этими терминами.

Холерных не меньше. Мимо нашего дома проносятся автомобиль за автомобилем. В открытые ворота видно, как промелькнет кузов машины и белый халат санитаря. Значит, еще и еще одного везут. И невольно вздрогнешь.

Инстинкт самосохранения жизни очень понизился. Я до сих пор еще не видел, кто бы очень боялся холеры. Холера только звено в цепи тех развернувшихся ужасов последних лет, и особенно последнего года...

Мы тоже спокойны. Приняли все разумные меры предосторожности. А там будь что будет. Если случится что, то это будет катастрофа. Я давно взял себе за правило к а т а с т р о ф у никогда не принимать во внимание как явление, которое нужно было бы учитывать; я отношусь к ней п р о с т о как к катастрофе. Катастрофа — то, когда н и ч е г о нельзя поделать, когда нет возможности ни предусмотреть, ни предотвратить...

Когда бежал Муравьев, то был издан приказ, заканчивающийся словами: “Всякий честный гражданин должен застрелить его при встрече с ним...”. А рядом был другой приказ о новой регистрации оружия, где было сказано, что гражданин, у которого окажется незарегистрированное оружие, будет подвергнут штрафу в 100 тыс. рублей и т.д. Это дало богатый источник для потехи наших юмористов. Вообще юмористам материала очень много, только нет подлинного таланта. Скудно у нас талантами и тут.

Про Милюкова ходят слухи, что он задался одной целью — спасти Россию. Во что бы то ни стало и в с е м и средствами. Поэтому все чаще и чаще говорят о “немецкой ориентации” к-д⁸⁰. И травят же по этому случаю кадетов!

17 VII. *Ср[еда]*. На улицах почти совсем нет извозчиков: очень мало ломовиков, еще меньше автомобилей. Некоторые улицы и площади зарастают травой. Столица Российской Империи принимает захолустный, провинциальный вид:

“Быть Петербургу пусту”.

Совершается то, что только иногда “фантазией” приходило в голову. Многие казалось совершенно невероятным, и вот происходит на наших глазах. Такое быстрое падение династии Романовых. Разделение России на мелкие куски и особенно отделение как самостоятельного целого — Украины. Диктатура пролетариата и возобновление всех приемов управления самодержавия, но только наизнанку. Перенесение столицы. Что же еще может нас удивить, что же еще может считаться непоколебимым?

Я часто возвращаюсь к этой схеме: диктатура богатого класса, попытка надклассовой власти и диктатура пролетариата. Многие станowią понятным в таком случае. Запутаннейшие вопросы можно легче и удобнее всего разрешить именно в таком рассмотрении их. Хорошо было бы расположить впоследствии весь накопившийся у нас материал по этому плану.

Немцы потребовали право ввода немецких войск в Москву для охраны посольства⁸¹. Им в этом отказано... Ленин отказал. Последствия очевидны — насильственный ввод немецких войск в Москву или снова война... Вероятнее же всего, что на этот раз Советская власть примириться с новым требованием и подчинится. Во всяком случае положение критическое. С одной стороны немцы, с другой чехословаки, стретей — союзники... Возможно, что именно Великороссия делается ареной кровопролитнейшей борьбы.

18 VII. Четы[ерз]. Образец того, как “гады пожирают гадов”. Некто Огановский⁸², партийный работник, эсер, отзывается о своем бывшем эсере, товарище М. Спиридоновой: “Маруся, попавшая на каторгу с гимназической скамьи и застывшая на уровне гимназического мирозерцания, с кучкой таких же недоучившихся юнцов, превзошла в мастерстве иудиного ремесла самых многоученых и многоопытных мерзавцев всего мира”.

Давно подмечено, что нет страшнее для волка врага — своего же брата, собаки-волкодава. Сожрут друг друга. Ей-Богу, сожрут.

Противно так, что кучка проходимцев экспериментирует над живым телом России. Спасая тень власти, проходимцы отдают родину в полнейшее экономическое рабство Германии. Германия, кажется, удовлетворяется новыми экономическими уступками со стороны России и настаивает на вводе войск в Москву.

19 VII. П[я]т[ница]. Мальчишка, проталкиваясь между пассажирами трамвая, выкрикивает своим детским, осипшим от крика голосом: “Газета «Вечерние огни». Расстрел бывшего царя...”. Слухи, вздор! Другой выкрикивает и выкрикивает то же.. И заголовок на газете крупный: “Расстрел Николая II”. Черным по белому, официально: Б[ывший] царь расстрелян 16 июля по постановлению Уральского Областного Совета.

Президиум Всероссийского Центрального И[сполнительного]

Комитета признал решение Уральского Областного Совета правильным.

И защемило сердце... Что же это? Ну, пусть убийство, покушение. Нет, расстрел. И — санкция высшей теперешней власти...

Николай был только жалок, теперь он мученик. Теперь народ — и цареубийца.

В “Бедноте” сегодня так и напечатано: “Волею революционного народа кровавый царь Николай Романов скончался в Екатеринбурге. Да здравствует красный террор!”⁸³.

Текст донесения Екатеринбургского Совдепа: “В последние дни столицы Красного Урала — Екатеринбургу — серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд, в то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиум Уральского Областного Совдепа постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение 16 июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером”⁸⁴.

“Правда” о расстреле Николая II: ««Нам нужен царь!» — провозгласил недавно словоохотливый Родзянко. Но когда чехословацкие друзья этого матерого помещика, уже освободившие Михаила Романова, стали подбираться к бывшему венценосцу, чтобы выкрасть его из-под бдительного караула екатеринбургских пролетариев и, выкрасив рабочей кровью облезлую корону, снова водрузить ее на этой пустой голове, ружейные выстрелы оборвали жизненный путь Николая Романова. Его больше нет, и как бы ни молились святые игумены о его здравии, ему уже не воскреснуть...»

Николай Второй был не только олицетворением варвара-помещика, этого невежды, и тупицы, и кровожадного дикаря. В нем текла и “благородная” кровь английских королей и германских императоров.

С двух сторон он был связан с империализмом разбойничьих государств Европы. Там будут плакать о нем”⁸⁵.

“Красная газета” еще не успела высказаться. Она сообщает только факт между прочим, среди другого материала, под заголовком: “Расстрелян Николай Романов”. Перед этим заметка: “Как обезвредили эсеров во Владимире”, а после — телеграммы в таком подборе и с такими заголовками: “Помещиков в концентрационный лагерь”; “Бьют помещиков”⁸⁶. О Николае II больше ни слова.

Мы вступили в ожесточеннейшую полосу. На Западе в буквальном смысле слова льются р е к и крови. Немцы у Марны... Гибнут сотни тысяч человеческих жизней. У нас гражданская война и кровавый террор. Теперь и бывшего царя убили... Ежедневно убивают офицеров, помещиков, эсеров правых и левых, всех, кто мешают или одним, или другим... Междоусобная бойня.

Хотели задушить буржуазию. Грозятся, что пошлют буржуев переносить холерных и рыть им могилы...

Сегодня уже и декрет есть: “Лица 3 и 4 продовольственной категории привлекаются к обязательной работе по очистке улиц и дворов”⁸⁷.

“Большевизм растет” — читаем в “Красной газете”... “Да здравствует гражданская война!”; “Все к оружию!”; “Товарищ, не опоздай на сборный пункт!”. И тут же рядом, на третьей странице, в рубрике “На Западе”, под заголовком, взятым в кавычки, “В «с в о б о д н о й» А м е р и к е”, заметка: “Секретарь социалистической партии в штате Вашингтон приговорен к десятилетнему тюремному заключению за то, что в его комнате висел плакат с надписью: «Не солдатом быть, а человеком»”⁸⁸.

Над чем же тут ирония? Над самим собой. Ведь Вы одного семнадцатилетнего юношу за то, что он смело сказал Вам, что не признает Вас, принудили к 17 годам каторги. И потом, что значит в Ваших устах: “будь человеком”... Насмешка, действительно ирония. “Будь зверем” — вот Ваш лозунг. Сегодня как раз полгода со дня страшной гибели Кокошкина⁸⁹ и Шингарева. А сколько с того времени пролилось крови!.. И не истинная ли ирония?

“Послушай, наше дело правое или нет? Мы желаем,
Чтобы земля для всех была светлым раем,
Чтобы не было ни богатых, ни бедняков,
Ни тюрем, ни оков,
А пуще всего — пушек и штыков.
Худо это, али не худо
Для трудового люда”⁹⁰.

Это стихи (по аналогии со знаменитым: “Се лев, а не собака”).

Все перепуталось. Какая-то чертова чехарда. Святые мечтания вперемежку с осатанелой свирепостью и дикостью...

И все чаще и чаще вспоминается ответ Анжело Строщи, вложенный в уста изваянной им Ночи:

“Мне легче спать, отрадней камнем быть”⁹¹.

Проклятое время.

Хотя и есть наивно верующие. Кто они? Чем поддерживается их вера? Мне показалось искренними эти стихи:

“Он близок, близок день всемирного восстания,
Ужель не слышите вы гулов грозных,
Лавины огненной глухого клекотанья,
Движенья сил мятежных, роковых.
Гроза близка, еще одно усилие.
Еще один стремительный удар
И рухнет дряхлый мир позора и насилия,
И злобы вековой рассеется кошмар...”

Ужели для того мы свергли гнет тирана,
Ужели для того сверкала сталь мечей,
Чтоб вновь надеть ярмо, разбередить наши раны
И головы склонить на милость палачей.

Нет, лучше смерть. Прочь, робкое сомненье,
Идет девятый вал, гремит его волна,
Наш путь один — вперед, иного нет решенья,
Спешите все, кто смел, под наши знамена.

Пусть тяжек путь борьбы, суровы испытанья,
И казни новые готовит лютый враг,
Он близок светлый час: гремит гроза восстанья
И молнии ее тревожат черный мрак”.

(В.Сабиров. Кр[асная] газ[ета]. 19 VII 18. № 122)⁹².

Помню, в Н [ашем] веке рассказывалось лицом, пережившим в Москве Октябрьские дни, об одном мальчишке—прапорщике, артиллеристе, который руководил обстрелом Кремля из орудий... Юноша говорил после занятия большевиками Кремля, что они не постояли бы разрушить и весь Кремль со всеми его святынями и древностями, если бы это понадобилось. Если немцы, ради узкоэгоистических целей своекорыстной грабительской войны не пощадили Лувена, Реймса, то можно ли было щадить Кремль, когда от этого зависело все лучшее будущее мира!.. В одном из домов около Кремля жила его сестра. И он не знал, останется ли жива она при бомбардировке города. Не думал об этом, старался забыть... И палил.

“Будет жизнь иная”... “Всем хорошо будет”. Будет ли только? Не сметет ли нас всех закружившийся смерч.

Кто же эти люди, в руках которых судьбы Родины? Ленина, Троцкого, Зиновьева мы знаем. Но вот еще могущественный орган — Президиум Ц.И.К.

И тут, кроме Свердлова, совсем ничего не говорящие фамилии: Аванесов, Сосновский, Теодорович, Владимирский, Максимов, Смидович, Розенгольц, Митрофанов и Розин⁹³.

Это они 9, вместе с председателем Свердловым, постановили: “Всероссийский ЦИК, в лице своего президиума, признает решение Уральского Областного Совета правильным”⁹⁴.

20 VII. С[у]б[бота]. С удивительным равнодушием публика встретила известие о смерти б[ывшего] царя.

Газеты полны материалом о погибшем. Только большевистские очень мало пишут о Николае. В них грозно заявляется, что настало время красному террору: “Революция вынуждена стать беспощадной к своим классовым врагам, когда последние тесным кольцом окружают ее со всех сторон...”. “Классовые враги принимают все усилия, чтобы наступить коленом на грудь Советской власти, и ставшие у власти революционные классы вынуждены

ответить им тем же”. “Мы хотим победить, и в борьбе мы будем беспощадны” (“Правда”).

В “Сев[ерной] Коммуне” приблизительно то же: “Победоносный пролетариат великодушен, он чужд жестокости к поверженному врагу. Но есть моменты, когда применение террора становится необходимостью, когда только беспощадным подавлением своих врагов может удержаться революционная власть. И такой момент наступил как раз теперь”⁹⁵.

“Наш век” пролепетал что-то в передовой смутное, темное. Характерно то, что статьи в “Н [ашем] в [еке]” и “Северной коммуне” кончаются одними и теми же словами о неумолимой логике вещей.

В “Нашем веке”: “Очевидно, события в России, носящие столь стихийный характер, имеют свою логику. Во всяком случае, укрепление русской свободы это событие едва ли может содействовать...”⁹⁶.

В “Северной коммуне”: “События имеют свою логику, революция — кровавая и жестокая, но, раз вступив на ее путь, нужно иметь мужество идти до конца!”⁹⁷.

Зато “Красная газета” “распоясалась”. Крупным шрифтом: “Одним коронованным палачом меньше”. И дальше опять: “Одним коронованным палачом меньше, но их еще много. Этого не должны забыть пролетарии всех стран”⁹⁸.

Но эту газету все-таки превзошел “Вооруженный народ” (орган военной секции Петроградского Совета): “Троны на Западе еще не свергнуты, и по-прежнему угнетают народы короли и императоры Европы. Революционная Россия... бросает в лицо венценосным палачам народов Европы мертвую голову Николая Романова”⁹⁹.

В “буржуазных” газетах много характеристик Николая. Есть здравые. Не газетными работниками через день-два после смерти такой личности, как погибший Николай II, может быть написана характеристика его. Это дело серьезного и вдумчивого историка-психолога.

“Нов [ые] в едом [ости]: Николай погиб оттого, что остался верен ”бессмысленным мечтаниям” своим, что в XX веке можно управлять по-старому и сохранить абсолютный образ правления. Это очень остроумное обращение слов Николая, сказанных им о мечтающих о конституции, к нему же самому. Кстати, говорят, что в своей речи, где были сказаны эти слова о “бессмысленных мечтаниях”, были заготовлены в конспекте речи другие слова, а именно — о “несбыточных мечтаниях”¹⁰⁰. Николай II ошибся. В “Вечерних огнях” б[ывший] сотрудник “Веч[ернего] времени” Ксюнин называет Николая II роковым царем. И действительно, он был роковой царь. Было что-то неумолимо-трагическое в его судьбе. Последний на троне — последний династии.

Все видели неминуемую гибель его, династии и России, но никто ничего не мог поделать! Все шло к неминуемому концу.

“Над царем тяготеет рок. Красные знамена, которые развеваются сейчас над российскими остатками, окрасились в той крови, которая пролилась еще в первые дни царствования Николая II и потоки которой потом захлестнули Россию...”

... горы трупов, гибель флота в японскую войну, гибель армии в эту кампанию, вереницы крестов над могилами бессмысленных жертв...

Кровь, кровь без конца...

И мрачный, трагический конец. Развал России, государственной и национальной позор, зверь, вызванный из бездны, поруганный и морально обанкротившийся народ, а для себя пуля где-то в Екатеринбурге.

Нелепое царствование, нелепый конец. Несчастливая Россия, расплатившаяся за безвольного рокового царя” (Ксюнин. “Веч[ерние] огни”)¹⁰¹.

В будущем наше время — неисчерпаемый источник для создания подлинных трагедий. Как гибла Россия — будет величайшей темой для тех, кто осилит ее. И личность Николая II, так трагично окончившего свои дни, искупившего смертью все свои ошибки, долго будет привлекать к себе внимание. Умри он как-нибудь незаметно, “по-обывательски”, не имей он такого трагического конца, о нем бы скоро забыли, о нем бы меньше задумывались.

Все-таки отмечается одна черта у Николая II — слабоволие, и справедливо, кажется, отмечается другая — упрямство. Психологически это верно. Упрямство у таких людей достигает крайней степени нелепости. И с Николаем II это часто случалось. Много рассказывают теперь таких фактов. Особенно относящихся к последним месяцам царствования, когда все указывали Государю на недопустимость творящегося при дворе в связи с выходками Григория Распутина. Николай II уперся: “Это дело моей личной семейной жизни, и никто не вправе касаться ее...”. И ничто не могло уже столкнуть его с этой точки зрения.

Страшное царствование. Ходынка, убийство министров — кишиневский погром, японская война, Мукден, Цусима, 1905 год, 9 января, октябрьские дни, декабрьские дни, столыпинские виселицы, азефовщина, распутинщина, мировая война, гибель армии Самсонова, разгром в Карпатах, безоружные солдаты, бунт, революция, ссылка в Сибирь и расстрел под Екатеринбургом.

И кто окружал погибшего, в последние месяцы особенно. Достаточно вспомнить одного Протопопова!¹⁰² О Воейкове, Питириме, Штурмере, Щегловитове и говорить не стоит.¹⁰³

А прежде? Все мрачные люди, “последыши”, “гробкопатели” России: Победоносцев, Дурново, Плеве, Бобриков, Горемыкин, Штурмер, Щегловитов, Протопопов...¹⁰⁴

Царя убили рабочие. Смертный приговор ему подписал Председатель Уральского Совета — уральский рабочий-слесарь с Лысенского завода Александр Георгиевич Белобородов¹⁰⁵. Комен-

дантом помещения, где содержался б[ывший] царь, был рабочий с Исетского завода Авдеев¹⁰⁶. Перевез б[ывшего] царя из Тобольска в Екатеринбург рабочий Яковлев¹⁰⁷.

Подписавший смертный приговор б[ывшему] царю Белобородов — один из видных рабочих Урала, коммунист, член Областного Комитета партии, бывший член Учредительного собрания от Пермской губернии.

Вот еще одна характеристика: “В Екатеринбурге расстрелян всего лишь почти жалкий человек, уже давно безнадежно похоронивший свою карьеру. Решительно негодный для трона, незадачливый во всех своих начинаниях, во всех выступлениях жизни... Маленький человек, которому волею злого Рока, всегда стоявшего за его плечами, суждено было понести кару сначала народного равнодушия, потом отвержения, потом гнева, потом ярости, кару разжалования, отречения, подневольного существования, трепета за жизнь свою и своих, наконец, казни за накопившиеся три столетия грехи самодержавных отцов и дедов, за вырождение династии, за развал ее, доведенный им до предела и трагически символизированный в несмыслимом грехе распутинщины” (“Петр [оградский] голос”)¹⁰⁸.

Распространенное мнение об ограниченности Николая II, конечно, слишком преувеличено, он был и умный, и образованный, и очень воспитанный человек. Все отзываются о нем как о добродушном человеке. Он был прекрасным помещиком, или, как выразился кто-то, “хорошим полковником, командиром полка, но отнюдь не самодержцем на российском троне”.

Николай II, как и все русские интеллигенты, обманулся в своих надеждах на поддержку народа: “Я уверен, что 80% русского народа будут со мною, окажут мне поддержку и будут благодарны за такое решение”, — пишет он по поводу желания не отказываться от самодержавных прав. “Вопрос о моих прерогативах — дело моей совести”... “Я всю ответственность принимаю на себя”.

И, по-видимому, правда, он был “жертва своей среды”. Если интеллигенты уже обманулись в русском народе, то Николай и подавно. Окруженный “гробокопателями России”, “большевиками наизнанку” — членами Союза русского народа, он и подавно не мог знать подлинного русского народа. Он был твердо уверен в своей правоте. Я верю его искренности, когда он пишет: “Искренне говорю Вам: верьте, что если бы я был убежден, что Россия желает, чтобы я отрекся от самодержавных прав, я бы сделал это, я бы для блага ее сделал это с радостью”. И он это доказал, когда 2 марта подчинился воле народа и отрекся не только от самодержавных прав, но и от престола.

Нет, Николай II не был плохим человеком, и если он был плохим государем, то, может быть, потому, что нельзя было быть лучшим — изжита была та форма правления, которую искусственно содержали на Руси ради каких-то эфемерных благ и священных традиций.

Что могла сделать слабая человеческая личность при роковом устремлении социальных, национальных, политических и экономических противоречий к неминуемому последнему страшному столкновению их?.. Мы видели, что и сильные личности ничего не могли поделать. Старое сгнило. И можно ли одного человека винить за это! Ведь гнило было все.

“Венценосный палач”... “Кровавый Николай...”. Все фразеология, митинговщина. Но дайте факты! Интересно, что никто не может указать ни одного факта, порочащего Николая как человека... И я их не знаю.

Когда доложили императрице Марии Федоровне о расстреле ее сына, бывшего Императора Российского, бедная старуха серьезно заболела. Немногим суждена такая злая судьба. Быть женой самого могущественного монарха в мире, познать все искусства власти, почета, преклонения и потом испытать позор и унижение при падении династии, видеть гибель своей новой родины и, наконец, пережить расстрел своего сына, несчастного преемника великодержавного Александра III...

24 VII. *С[еда]*. Мы свидетели того, что называется историей. Государства решаться, не только города. Порядки и обычаи меняются. Старый мир рушится. То, что казалось незыблемым, распалось с легкостью карточного домика... И невольноголова кружится, заражаешься этим стремлением к новым, неведомым формам. Все равно больше нечего терять. А интересно, что из всего этого выйдет. Большевики экспериментируют и на живом теле России. Ну, что же делать! Это только все возможно во время революции... Одного только не знаешь — напрасны ли все эти жертвы или действительно наступает новая эра в истории человечества... А пока что Ярославль почти весь сожжен и разрушен. Погибло много ценностей древнего искусства. Сильно пострадали монастыри. После занятия города красногвардейцами расстреляно 290 человек¹⁰⁹!.. Пока что — нерабочие призывов 1896 и 97 гг. призываются в тыловую службу. Им не будут даны винтовки. Их обязанность — служба в тылу, и в особенности очищение казарм и города от грязи... А пока что — какая-то советская газета призывает расправиться со всеми офицерами, потому что они — все контрреволюционеры... А впереди — царство мира, справедливости, благоденствия, отсутствия угнетателей и угнетенных, царство рабочих, среди которых не будет места трутням и лежебокам. Кровью и ужасом покупается это будущее. И вдруг напрасно!..

25 VII. *Четверг*. Объявлен конкурс на представление изречений, цитат для “монументальной пропаганды”. Будут выставляемы доски с надписями. Надписи эти должны кратко, сжато, точно, ясно формулировать какую-нибудь мысль, которая заставила бы задуматься или зажечься энтузиазмом гражданина¹¹⁰. Сколько тут “благих желаний” и наивности... Луначарский¹¹¹ как автор этого начинания дает большую пищу юмористам. Не может быть, чтобы наше время не создало великого таланта — сатирика.

26 VII. Пятница. Зорин, председатель Трибунала¹¹², на собрании мобилизованных, между прочим, сказал: “Мы пока только разрушали, разрушали дотла. Трещал весь мир, когда мы произвели эту работу. И надо сказать, что разрушение произведено великолепно. Теперь мы защищаем свою шкуру. Мы хотим защитить свои материальные интересы — интересы рабочих и крестьян. Мы — не пацифисты, наоборот, мы стоим за войну. Нам нужны пушки, пулеметы, нам нужна вся военная техника, и мы ее больше усовершенствуем. Мы Гинденбурга заткнем за пояс. Конечно, мы не думаем покорять страны, мы лишь создаем армию спасения всего мира...”.

И тот же мотив у Луначарского, только с оговоркой: “Мы до глубины души антимилитаристы, но да здравствует все-таки последняя единая война угнетенных с угнетателями!”.

Зиновьев говорил, что русскому пролетариату, может быть, придется сражаться не только в пределах России, но и на площадях мировых городов... Военный пыл, почти шовинизм...

Зорин так и закончил свою речь: “Призрак Брестского проклятого договора должен быть уничтожен. Договор должен быть разорван на мелкие клочки...”.

А Луначарский говорил о святой (священной) гражданской войне против “сволочи всего мира”¹¹³. Советская власть подстерегает своих западных врагов — империалистов, чтобы в удобный момент стереть их с лица земли.

Хвастуны или безумцы?

28 VII. В [о]ск [ресенье]. Что стоит прожить теперь? Несколько выписок из расходной книги М.Ф.:

22 VII. Молоко — 1 б. — 3р.50к., ягоды — 1 ф. — 5.50, Сух.картофель — 2 ф. — 17р., яйцо — 1 шт. — 1.70, лук — 1ф. — 2р.80к. Хлеб — 1/4 (по карточкам) — 11к.

23 VII. Рыба 2 ф.1/8 (осетр) — 19.60. Молоко — 4 б. — 13.20к. Хлеб (по карточке) 1/4 ф. — 11 к.

24 VII. Рыба 1/2 ф. — 4р., масло 1/2 ф. — 1.54к. Сух.яйца (Эгго) (по рецепту) 1/2 ф. — 7.80, вермишель — 1 ф. — 97 к. (последние три продукта по медицин.свид.) в городской лавке (на рынке сейчас масло — 1 ф. — 16—18р., сух.яйца — 1 ф. — 60р. и больше, грибы — 1 ф. — 3.50).

25 VII. Мясо 2 5/8 — 28.68, картофель молодой — 5р.25, морковь — 1 пуч. — 1р.20к. Репа — 1 пуч. — 5р., молоко — 2 ф. — 7р., хлеб — 1/4 ф. — 11к.

Немного ранее такие расходы: мука — 12 ф. — 165р. по 13.75 за фунт, масло — 2 ф. — 36р.

В мае, июне и июле на одну еду выходит более 1000 р. в месяц, т.е. на круг более 30 р. в день. Только при таких условиях и сыты. Иначе ног не волочили бы уже. Тяжело смотреть на некоторых — высыхшие скелеты, мумии, а не люди.

На каждом углу по коммиссионному магазину. Каких только

вещей не выставлено там: фарфор, хрусталь, металл, произведения искусства, безделушки, хозяйственные вещи!.. Все, что хранилось и береглось, вытащено на улицу.

Удивительный это народ — кондукторши. Злы и невежественны. Куда же хуже кондукторов. А это ведь все крестьянки, мещанки, сам народ... Неужели такова русская женщина? Что же значат тогда слова Некрасова о русской женщине...

31 VII. С[реда]. Все-таки граждан, получающих хлеб по 3-й категории, водили на принудительные работы по рытью могил для холерных. Гумилевский в "Н [ашем] веке" сегодня очень талантливо описывает испытанные им мытарства¹¹⁴. Я вырезал этот фельетон. Поистине, это сама история.

Забавно видеть социалистическую и даже коммунистическую армию в красных бархатных штанах. Говорят, что в других местах новые воины разряжены в гусарские ментики, расшитые мундиры... Кто бы мог сказать, что такой вид будет у прелетарской армии?

Насильственно вводится новая орфография. Много раздражения с обеих сторон — противников и сторонников. Сторонники действуют по примеру Петра. Призывают и грозят за неисполнение всеми карами.

Какая-то всеобщая мобилизация объявлена. Кого она касается, точно не выяснено. Сегодня холерная повинность, завтра мобилизация для тыловых работ, послезавтра еще что-нибудь. Так и живем, словно на биваке. Даже привыкли к этому. Всякий знает, что это только временно, и ждут, ждут с нетерпением какого-нибудь конца.

С продовольствием очень плохо. Сегодня выдано только 1/4 ф. риса вместо хлеба.

В воскресенье проезжал мимо Марсова поля. Заборы, дрова... могил так и не видел. Непривлекательный вид. В этот день кого-то там хоронили из павших большевиков в Ярославле¹¹⁵. Старушка объяснила нам — еврея какого-то хоронили... Видимое ли дело, чтобы еврейское кладбище затеять в середине города!..

Мне очень хотелось бы знать, останутся ли в будущем веке эти могилы или будут перенесены. Мне думается, будут перенесены. Первая сотня трупов, положенная там, совершенно случайные люди. А потом стали хоронить тех, кому место на каком-нибудь кладбище, а не на лучшей площади города... При похоронах падали из ружей. Шли какие-то процессии.

Интересно следить сейчас за господством меньшинства над большинством. При царе высшее меньшинство все подавляло, теперь низшее...

Кто-то верно сравнил:
было:

стало:

Только и всего.

Рубакин¹¹⁶ в цюрихском журнале “Международное обозрение” дал характеристику Ленина (см.: Н[овые] би[ржевые] и вед[омости] от 30 VII 18)*: “Ленин прежде всего человек волевого и эмоционального склада...”. “Фантастическая нетерпимость является одной из характернейших эмоций Ленина”. Ленин не терпит противоречий... “Наиболее характерной чертой его является идейная и безличная ненависть, ненависть, которую он называет «святой»...”. Ненависть к буржуазии. “Такие люди обыкновенно погибают”. Но от своих мыслей, от своего дела не отказываются. “Для них существует только одна формула жизни: согнуть, сломать”. Не логика лежит в основе его прямолинейности, но эмоциональные и волевые импульсы: Ленин умеет сильно хотеть”. Вопросов этики для Ленина, пожалуй, не существует. Все средства хороши, если они ведут к торжеству поставленной им цели. Для Ленина прежде всего диктатура пролетариата, “во что бы то ни стало, каких бы жертв она ни стоила”.

Ярославль почти весь разрушен, очевидцы сообщают невероятно тяжелые вести. Город в течение 10 дней обстреливался из орудий. Здания горели и разрушались от выстрелов. “Люди гибли от огня, пуль, снарядов; гибли и от голода, так как в городе совершенно не стало продовольствия”. “Целый ряд улиц сравнен с землей... Разрушены почта и телеграф. Повреждены театр и лицей”. Погибла вся лицейская библиотека. Пострадали старинные церкви и монастыри... До 70 тысяч людей остались без крова и хлеба... “Трупы валяются непогребенными. Они насчитываются многими сотнями. Есть улицы, которые непроходимы из-за трудных баррикад, испускающих страшное зловоние. Трупы кишат червями”... По городу бродят психически заболевшие после пережитых ужасов.

Когда вошли в город большевики, то первым делом расстреляли около 500 человек.

“Правда” так пишет об Ярославле: “Белого, красивого Ярославля более нет... Трупы людей и животных. Разбитые стекла. И все время, не переставая тянет нудный, тягучий, какой-то резиновый и сладковатый запах гари и разлагающегося мяса”¹¹⁷.

Давно не встречал в газетах имя Леонида Галича. В “Н[овых] ведом[остях]” появился его фельетон “Свет из Монте-Карло”. Не так уж остроумен фельетон, но этот парадокс следует отметить: “Страшно было бы за нашу культуру, если бы не «Revue de Metaphysique et de Morale» перестала появляться, а «Liste des arrivants a Monaco»**... Ибо это означало бы оскудение не мета-

* Новые ведомости. Издание сотрудников “Биржевых ведомостей”. Веч.вып.

** Фраза не закончена.

физического порыва в человеке (цветочек, который всегда готов распусться, сколько бы его ни срывал ветер), а несравненно более глубокого и серьезного творящего начала культуры: нашего стремления к удовольствию”¹¹⁸.

2 VIII. П[я]т[ница]. Скажу страшный парадокс. Большевики все же принесут, пожалуй, России большую пользу: они научат работать. Мы совсем не умеем работать... Большевики н у ж н ы России. Только они одни и могут сейчас так проявлять силу власти. Ведь какая бы там ни была, но в л а с т ь есть. Это все чувствуют. И приучаются работать.

Действительно, кругом — кошмар... Но что это — гибель культуры или рождение нового будущего, совсем непохожего на старое? Ведь действительно кучка людей жила трудом масс. Может быть, и впрямь, всех заставят работать...

Так и не понимаю ничего. Но не могу проклинать большевиков... И защищать их не могу. Но чувствую, что они нужны... Ну, как сильно и страшно действующее лекарство, после которого или выздоравливают, или умирают.

Вот этот хотя бы факт. О новой орфографии. Так никогда и не ввели бы ее, если бы не такие решительные меры. Пусть там жалуются, печалуются... Жизнь требует реформы правописания.

Я не сторонник насилия. Мне органически чужд большевизм, но иногда, повторяю, я чувствую, что он необходим для больной России. Иначе мы так бы и погибли в своей лени и неподвижности.

И пусть выносят иконы. Это хоть оживит, опозитизирует умирающую религию, особенно каменевшее православие. Заставит многих одуматься, кто и думать забыл о Боге, о непреходящих ценностях.

А особенно меня мало трогает, когда туго приходится тем, у кого свои дома, имущество, роскошь. Что же делать? Только в такое время, как наше, и могут происходить коренные изменения в устройстве общества и уклада жизни. Это ничего, когда дама, привыкшая пить кофе в постели, продает теперь лепешки на улице.

Так думает мой alter ego*. Я не знаю, спорить с ним или соглашаться.

Все, все зависит от того, “творится ли у нас новое небо и новая земля или нет?”. И будь проклято все творящееся у нас сейчас, если это только дьяволов водевил, и будь благословенно — и никакие жертвы тогда не страшны, — если это рождение жизни новой и более справедливой на нашей грешной земле.

Что люди такие мерзавцы — это меня мало пугает. И что они

* “другой я” (лат.)

такие наглые, грубые в большинстве — тоже мало трогает. Откуда им лучше — то быть? Надо все сделать, чтобы они такими не были. А сразу это не делается. Еще не е д а в н о они по пещерам жили, еще сегодня миллионами истребляли друг друга. Но этого не должно быть...

Я неисправимый мечтатель. Меня не останавливает то, что мало еще сделано, но и не видно и не слышно о том моменте, когда будет заметна работа ума и сердца человеческого, лучших представителей человечества. Я сделаю все зависящие от себя меры для того, чтобы другому было хорошо, а если в благодарность он мне делает подлость, то я не разочаруюсь. Что же можно ожидать от него? И буду делать по-прежнему хорошее. Без всякой мысли о благодарности и признательности...

Все сильнее бушуют волны... Захлестнет или нет? Так и летят соленые брызги... И не вода, а кровь и ужас кругом. Наш островок покуда цел. Но надолго ли? Вот того и гляди налетит страшный порыв ветра и опрокинет все вверх дном, и зальет наш островочек. Мы с Мусей спокойны и бодры. Прямо смотрим в глаза будущему...

Всего тяжелее видеть сейчас падающих лошадей. Сегодня одна упала под воротами, на набережной канала, и не могла встать. В кровь сбила себе зубы, покрылась испариной... Ее куда-то оттаскивали за хвост. Грубо, с ругательствами. Не народ, а звери... Я прошел поскорее. Защемило сердце.

На службе — сокращение штатов. У меня трое уйдут. Один уж очень старался. И так тяжело было смотреть, когда он узнал грустную для него новость. Жестока жизнь. Много надо веры, чтобы жить сейчас.

На религиозном диспуте один священник, отвечая Луначарскому, сказал: "Нельзя кухню назвать храмом. Котлы не могут быть для нас божеством. Дайте народу верить, как он хочет. Не насилуйте совесть. Пусть церковь имеет много пятен. Но я спрошу у русского социализма: сколько он имеет на себе пятен? О каком братстве может идти речь, когда с таким рвением насаждается классовая борьба".

Священник был когда-то сторонником социализма, теперь же он горячий противник его, ибо социализм хочет быть не только экономическим учением, но и божеством. В заключение священник поблагодарил Луначарского: "Я благодарю представителя Советской власти за отделение церкви от государства, но теперь зато народ русский никогда не будет отдален от церкви".

На днях тут было интереснейшее собрание служителей религии, верующих в единого Бога, для защиты свободы исповедания. Собрались православный епископ, католический ксендз, лютеранский пастер, еврейский раввин и магометанский имам. Это, кажется, первое после Чикагского конгресса религиозий собрание священнослужителей всех религий. Несчастье объединило их всех.

Кажется, серьезно решено преподавать атеизм в школах. Что

ж, посмотрим, что из этого выйдет. Уроки атеизма, совместное обучение, трудовая дисциплина (сами ученики будут мыть полы и стирать пыль), примерное поведение как особый предмет, вместо “закона Божия”... Разве мало!..

3 VIII. С[у]б[бота]. Ночью производились массовые аресты офицеров. Всех их группами отправляли к Неве и сажали на баржи. По одним сведениям, их отправляли вверх по Неве, в Шлиссельбургскую крепость, по другим — вниз, в Кронштадт.

Ленин произнес речь, в которой заявил, что от исхода борьбы с чехословаками зависит Советская республика. Положение очень обостренное. Начался массовый террор, систематический и жестокий.

4 VIII. В[о]с[кресенье]. Не жизнь, а бедлам какой-то. Массовый обыски, расстрелы. И голод. С четверга ничего не получали, не только хлеба, но и крупы... Ничего не дают. “Чем люди живы” — в доподлинном смысле. На иных страшно смотреть. Скелеты, какие-то тени. И полная неизвестность. Все несоветские газеты закрыты. Теперь будем питаться только слухами.

5 VIII. П[о]н[едельник]. Вся периодическая печать, как метлой, выметена из обихода нашей жизни. Ничего не знаем. Продают “Красную газету”, “Правду”... Невыносимая скука. Агитация, агитация без конца... И ненависть. В стихах и прозе:

“Вставай, бедняк, крестьянин и рабочий,

На бой с врагом...

Звучит набат, не закрывай же очи... —

Враги кругом!..”¹¹⁹

и т.д.

Ну, а вот этот, Василий Князев, тот самый, который провожал убитого Володарского весь в слезах и со словами: “Товарищ, ты веришь поэту”, действительно — бард коммунизма, преданный ему душой и телом? Он уже пишет по новой орфографии:

“Набат за рубежи”

“Всех стран земли товарищи и братья,

Прочь мирный сон — хватайтесь за мечи!

На помощь к нам — влекут нас на распутье

Проклятые вампиры — богачи!

Рабочие Британии и Рима!

Французы, сербы, Бельгии сыны!

Развейте мрак порохового дыма,

От вас таящий лик моей страны.

С коммуной все, кто ведал плуг и молот,

С коммуной все, кто гнет бесправья нес;

Сквозь лютый мрак, лишения и голод,

Незагашенным огнь души пронес.

С коммуною — рабочие завода,

С коммуною — селений беднота,
Милльоны пролетарского народа,
Страдавшего от барского кнута!
Америка!..

* * *

Все вольное — вокруг Кремля столпилось,
Он — жизни центр в растерзанном краю:
Вся беднота слилась — объединилась,
Чтоб победить иль пасть костями в бою!..
Пусть меди рев ваш сладкий сон нарушит:
Товарищи, кровавая рука, —
Нас задушив, и вас потом задушит!
И будет ночь на долгие века!!
Прочь власть палат, попов и государей,
Столетия державших мир во тьме —
К оружию, вселенский пролетарий!
К оружию, товарищ по тюрьме!
Кто духом жив, заветов красных витязь,
В грозу привык не тратить лишних слов —
Громами канонады отзовитесь
На крестный вопль моих колоколов!" 120.

Я нарочно почти целиком выписал эти стихи. Может быть, автор их и впрямь верит. Во всяком случае, у него больше искренности, чем у многих его сторонников. Читаешь советские газеты и удивляешься “казенному экстазу”, “деланному энтузиазму”... Словно мехами раздувают потухающий огонь.

“На помощь к нам! Во что бы то ни стало!!

На помощь к нам!.. Скорей!... На помощь к нам!!!!” 121.

И действительно, тяжелые дни для большевиков. Быть может, последние. Но кто-то их заменит? Есть ли кому заменить? Судороги... Больше 12 тысяч офицеров арестовано за эти дни и действительно отправлены на баржах в кронштадтские и шлиссельбургские тюрьмы. Хлеба не выдают уже с прошлого четверга. Я не встречал за это время ни одного человека, кто бы сказал хоть одно доброе слово о большевиках. Ругают всюду и везде их. Кем они держатся? Словно наемным войском. Ведь не кучкой же энтузиастов и фанатиков, к которым примазались массы кормящихся от их стола людей.

7 VIII. Сп[еда]. Ну, так и есть: печать задушена, слухов не обобратся. Живем в полном неведении. В советских газетах одни призывы к борьбе и партийное месиво, ни одного факта. А утверждают, что английские войска двигаются по направлению к Петрограду. Навстречу им, будто бы с разрешения Советской власти, двигаются в обход Петрограда немецкие войска. Никто почти в

точности не знает. Наверное, узнаем, когда Петроград оккупируют. Теперь вопрос только в том, кто оккупирует. Ну и времечко.

Перечитываем с Мусей Достоевского. Взяли старое, авторское издание и перечитываем все вподряд*. Перечитали “Игрок”, “Двойник”, “Чужая жена и муж под кроватью”. Только в “Игроке” еще некоторые страницы были увлекательны. Другие вещи, особенно “Двойник”, еще преодолели. Правда, попадались и тут “мысли” болезненного таланта — мираж хмурого одинокого Петрограда с завывающим ветром и хлопьями мокрого снега и с этой несчастной фигурой пришибленного, униженного, бедного человека, чиновника одного из бесчисленных петербургских департаментов...

В “Игроке” интересна мысль о силе страсти к игре, страсти, победившей даже страсть к женщине. Колоритен тип самовластной бабушки, “бабуленьки”, генерала, m^{lle} Blanche, мистера Астляя.

Уж скорей бы какой-нибудь конец. Нам не удалось вырваться из кроваво-огненного кольца. Напротив, мы, кажется, попадаем в самый центр событий. Смотришь на монферрановский Исаакий, захаровское Адмиралтейство и думаешь: а может быть, близится тот страшный час, когда вместо этих пышных зданий будут одни жалкие обломки и обгорелые стены. Неведение мучит. И голод, самый настоящий, ожесточает и без того жестокие сердца людей. Никогда, кажется, так не были так злы* люди, как теперь...

Страшно видеть эти пустынные, поросшие зеленой травой улицы Петрограда, особенно облияный, пустынный Невский. Если бы не трамвай, то совсем впечатление мертвого города. “Быть Петербургу пусту”. Страшное, роковое пророчество. Есть и другое: “Все флаги будут в гости к нам”. Предрекают великую будущность бывшей столице великой Российской империи как будущему грандиозному мировому порту. Кто знает волю судьбы! Неписоведимы пути ее... Много выпало на нашу долю. Видим воочию то, что только в книгах читали, как о давно и, казалось, навсегда минувших днях.

И ищешь вечных, непреложных истин. Углубляешься в душу свою... Ищешь того, чем поистине можно жить, стоит жить. Ведь все разменено, испачкано, оплевано... Ночь. Черная, зловещая ночь. Счастливы те безумцы, которые принимают ее за ликующее, многообещающее, прекрасное утро...

8 VIII. Четв[ерг]. Сидит на выступе окна какого-то магазина бледная худенькая интеллигентная девушка и продает бокал, металлический подносик и еще что-то... Все, что собрали дома для

* Так в тексте.

продажи, чтобы хоть как-нибудь просуществовать. “Обыкновенная” картина теперь.

После декрета о налоге на вывески многие вывески исчезают со своих мест, другие закрашиваются. Вид петербургских улиц принимает другой колорит... В скором времени, наверное, издадут и другой декрет — о переписке вывесок по новой орфографии... И еще меньше останется от старого Петербурга...

Надо признать, что новое правописание куда рациональнее старого. В будущем будут удивляться тому, как это ухитрились читать при так часто повторяющейся нелепой “букве” твердому знаку — Ъ. Этот знак мешает. Он пестрит. Он лишний. С другой буквой, Ь, дело сложнее. Но если эта буква тоже выйдет из употребления, вряд ли от этого будет какой-либо ущерб. И я не понимаю, почему такая злобная война объявлена нашим образованным обществом этому необходимому нововведению. То же было и при введении нового стиля.

“Правда” пишет: “Рабочий класс, ставший у власти, должен применить всю тяжесть своей классовой диктатуры в полном значении слова и должен сказать громко, во всеуслышание: «Кто с нами, тот товарищ, а кто против нас, тот враг». Если мы не применим диктатуру пролетариата, то враг будет беспощаден и уничтожит нас”.

Значит, не все еще ужасы обрушились на нас. Чего же ждать дальше. Не того же, что на каждом трамвайном столбе будет висеть по человеку! А может статься. Так эти проклятые столбы с крошечными удобны для виселиц.

10 VIII. С[у]б[бота]. Ничего толком не знаем. слухов не обобщаться. Большевики обнаруживают чрезвычайную нервность. Можно заключить, что они сами не знают, что делать. Можно заключить все-таки, что они не решаются вести борьбу на два фронта — против союзников и немцев — и, кажется, склонны сделать уступки немцам. Есть сведения, что немцы заявили: если большевики не могут справиться с чехословаками, англичанами, то немцы принуждены будут сами дать им отпор, и потребовали пропуска своих войск. Передают, что большевики после долгих колебаний уступили и что несколько германских дивизий движется от Нарвы на чехословацкий, а из Финляндии — на Северный фронты. Все ждут, что Петроград будет занят немцами, которые захотят это сделать, чтобы предупредить оккупацию англичанами и французами. В Морской коллегии большое волнение: не знают, что сделать с флотом. Мнения разошлись: одни предлагают взорвать флот при приближении немцев, другие — оставить и в случае необходимости передать немцам. Мелкие суда приказано отправить вверх по Неве в глубь России по водной системе. На завтра назначены митинги. Большевики трезвонят во все колокола. Призывают верных себе спасать “социалистическое отечество” и Советскую власть. Призывами дать отпор врагам полны все газеты... Но тон, тон сбивчивый — враги только “союзники” или и немцы?

Мы в центре событий. По последним известиям, англичане продвигаются к Вологде, по другим — они уже заняли Вологду.

Петроград отрезан от всего мира, а самое главное — от хлебодородных губерний. Сегодня к тому же забастовали железные дороги. На рынках пустота. Хлеба опять не дали. Трамвайное движение, ввиду недостатка угля, сокращено, электричество горит тускло.

Каждый день аресты, обыски... Все изнервничались, даже “отупели” как-то. Приготовились ко всему.

Мы с М.Ф. действительно ко всему готовы, ложимся спать и спрашиваем друг друга: “А под чьей властью мы проснемся завтра?”. Даже с любопытством ждем, а Муся и с нетерпением: скорей бы хоть какой-нибудь конец — так жить, как сейчас, нельзя: сорок рублей выходит в день и еле сыты...

Даже удивительно, как этакий голод терпит народ. М о л ч и т.

11 VIII. В[о]скр[есенье]. Выдался хмурый, дождливый, совсем осенний день. Никуда не поехали. Перечитываем “Неточку Незванову”¹²². Что делается в городе, не знаем. Сегодня день митингов — “Все на митинги”. Тема — “Сибирь, Урал, Петроград”.

12 VIII. П[о]н[едельник]. Утром мне встретилась группа арестованных, по-видимому офицеров, так человек 50, окруженных матросами с винтовками. Некоторые из них совсем пожилые, даже старые, аресты продолжают ежедневно. Офицеров куда-то увозят. Как оказывается, для них созданы концентрационные лагеря.

На обратном пути встретил призванных на военную службу. Объявлена мобилизация рабочих 1893, 1894, 1895 гг. Впереди шли оркестр музыки, взвод или два матросов и новопризывные... Около Кронштадтской пристани суетня. Выгружают ящики. Один рассыпался. Матросы подбирают пулеметные ленты. Совсем военный вид у города.

В “Известиях” печатают дневник Николая II. Ни строчки, приковывающей внимание... Тот же “Гоффурьевский журнал”... Но тут хотелось бы большего. А то — “спал хорошо”, “погода такая-то”, “погулял с тем-то”, “лег спать тогда-то”. Слишком ничтожны все эти записи. Словно велись они по шаблону. Так надо было, полагалось писать дневник. Ни крови, ни плоти там нет. Один каркас. Только 8 марта несколько более живых впечатлений; это был день отъезда Николая II из Могилева: “8 марта. Среда. Последний день в Могилеве. В 10 1/4 ч. подписал прощальный приказ по армиям. В 10 1/2 ч. пошел в дом дежурства, где простился со всеми чинами штаба и управлений. Дома попрощался с офицерами и казаками Конвоя и Сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 часов приехал к Мама в вагон, позавтракал с ней и ес свитой и остался сидеть с ней до 4 1/2 ч. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алексом. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4 час. 45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!

Поехал на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо”¹²³.

Оказывается, что много бумаг Николая 10—11 марта сожжено. Он деятельно готовился к отъезду в Англию (запись 23 марта)^{123а}.

На одно надеются сейчас большевики, что революция на Западе разразится. На этом все построено. Только и говорят об этом: “Подождите.., верьте.., всемирная революция приближается”. В “Красной газете” даже факты набираются с этой тенденцией: “Волнения на Западе” и “Забастовка в Англии”. Нужно заверить массу, поддержать ее слепую веру.

Предстоит государственное издание произведений Маркса: 1. Капитал. 2. Критика политической экономии. 3. Исторические работы. 4. Нищета философии. 5. Переписка. 6. Наемный труд и капитал. 7. Речь о свободе, о торговле. 8. Коммунистический манифест и др.

13 VIII. Утром опять на том же месте, у Николаевского моста, видел еще группу арестованных офицеров, также окруженных матросами с винтовками. Все в трамвае заволновались и заговорили, увидев эту группу. Особенно волновалась какая-то дама. В углу, где я сидел, боялись выражать свое мнение. У дверей стоял матрос. Наглая и одутловатая физиономия и вызывающий вид не внушал никому смелости высказаться вслух. Он даже не обернулся посмотреть на арестованных...

Какой-то больной и несчастный сел в трамвай, когда я ехал домой. Когда подошел кондуктор, он тихо сказал, что ему нечем заплатить, и заплакал. Слезы, крупные, чистые полились из его глаз. Голова нервно подергивалась... Я и другие ему помогли, чем могли.

Сегодня наконец и “Петроградскую газету”, единственную неофициальную, но все же советскую, выходящую целую неделю после “ликвидации буржуазной печати”, прикрыли. Ничего теперь не осталось, кроме “Северной коммуны” и “Красной газеты”. Невольно купишь “Северную коммуну”, вечерний выпуск. Традиционный подбор фактов, партийная жизнь, официальная казенщина. На последней странице объявления, только здесь и дозволенные.

Не все сплошная мерзость и попрание всего светлого у наших властителей. Надо быть справедливым и отметить этот отраднейший факт, что русские классики действительно делаются народным достоянием. “Северной коммуною” изданы: *И.С.Никитин*, полное собрание сочинений, три тома, свыше 1200 стр[аниц], цена — 4р.50к.; *А.В.Кольцов* — полное собрание сочинений, 1 том, 328 стр., ц.1.50; *И.А.Крылов* — Стихотворения и басни — 1 том, 325 стр., ц.1.25; *М.Е.Салтыков* — Полное собрание сочинений; вышли I, II, IV тома, ц. по 2.50; и даже *В.О.Ключевский* — Курс русской истории... И по каким ценам! И впрямь, пожалуй, скоро наш мужик “Белинского и Гоголя с базара пронесет”.

Теперь, когда, собственно, нечего терять, меня очень интересуют продельваемые большевиками эксперименты. Некоторые я прямо приветствую. Например, превращение частных музеев, таких как Строгановский, в народное достояние, превращение многих дворцов в музеи и т.п. ... А эксперименты с единой школой! А сосредоточение управления всеми архивами в одном месте, создание "Единого Государственного архивного фонда". А переход всех зданий, прежде всего различнейших ведомств, в одно учреждение — имущество республики (стоит только вспомнить при этом бесконечные споры и ссоры разных ведомств, например военного и города из-за Марсового поля со знаменитым Скоттинг-рынком, возведенным там вопреки всему с одобрения высших сфер). А знаменитая национализация банков!.. Действительно, только с октября можно считать, что мы в полосе подлинной революции и и... Смешно вспомнить, что один мой сослуживец еще в сентябре 1917 г. получил чин титулярного советника, еще другой (Грум-Гржимайло) был представлен к чину тайного советника в конце октября. Все оставалось по-старому, только царя не было и Союз русского народа не был в чести.

Октябрьские дни все изменили. Я помню те страшные впечатления, когда так болело сердце за Родину... Несказанно тяжело было видеть ее гибель. Но вот теперь, когда все свершилось и нам больше нечего терять, очень интересно, что выйдет из большевистских экспериментов. Безусловно, некоторые из них грезилась иногда какому-нибудь фантазеру. Теперь приходится наяву видеть, казалось, нелепые, неразборчивые сны.

У нас у самих пропал дом, да, кажется, и пропал на Удельной. Но я приветствовал эту мысль об отобрании домов в городе. Ведь было нелепо, что купец П., например, имеет до 14 каменных домов в Петрограде. Только не осуществилась эта большевистская затея. Как-то свелся на нет этот эксперимент. А как это правильно, что никто, кроме государства, не должен иметь право на владение такими громадными имуществами!

15 VIII. Помню, это было впечатление, как от землетресения, когда рушился окончательно старый строй после октября. Помню, меня больше всего поразило упразднение Сената. И как рубеж России, это учреждение мне казалось непоколебимым. С этими мыслями я вырос... И вот на глазах рушится царство, стираются рубежи, уничтожаются вековые учреждения.

Нет ничего вечного. Все преходяще. Нас учили другому. И все кругом как будто говорило о том, что многое, многое, совершившееся потом с февраля до октября, и впрямь "бессмысленные мечтания", несбыточные слухи, а с октября — бред сумасшедшего...

17 VIII. Мне предложено прочесть краткий курс практического архивоведения при Археологическом институте. Взвесив все обстоятельства, я отказался. Слишком мало осталось времени до начала лекций, и трудно успеть подготовиться за это время, это раз, а во-вторых, совместить службу и чтение лекций для меня

невозможно. Это будет полным раздвоением и к тому же тяжело должно отразиться на моем здоровье. Все нутро на службе, вечер в институте, и это при теперешних трудных условиях передвижения, когда извозчиков даже за деньги нет, а трамваи не довозят меня и до места службы, и до института. Если же взять отпуск или получить командировку, то без меня Бог знает, что натворят на службе. Я это чувствую.

Сейчас я всецело ушел в свое дело. Очень много работаю. Очень интересные работы ведутся у меня в отделе по описанию архива Крузенштерна¹²⁴, Беринга¹²⁵, Корнилова¹²⁶, строительных чертежей и дел старого времени, конца XVIII в., архива Гребного порта и Адм.Макарова¹²⁷, плававшего у берегов Англии.

Фонд Беринга мы описываем совместно с Грум-Гржимайло. Старик много знает, но с большими странностями.

Мы делаем свое маленькое дело. Пусть там трещит мир. Мы не переставая будем продолжать работать. А если не минует нас чаша сия — быть засыпанными обломками мирового вихря, что ж, погибнем на своем мирном посту. Мы не бойцы, мы борцы за культуру. Как бы только удалось уберечь в такое время поборше культурных ценностей, сохранить этот “священный огонь”...

25 VIII. В[о]с[кресенье]. Так ничего, ничего и не знаем, что делается кругом. Чудовищные слухи рождаются и уступают место новым, еще более чудовищным слухам. Рассказывают о страшных расправах с офицерами. И действительно, размах террора еще небывалый. Хотят потопить в крови всякую попытку низвергнуть Советскую власть.

Все ужасы самодержавия побледнели перед ужасами социализма. Ничто — бирюшчина, николаевщина... Смешно сопоставлять какого-нибудь Бенкендорфа¹²⁸, Дуббельта¹²⁹ с Урицким¹³⁰, Кузьминым¹³¹! Все эпитеты, которыми обзывали николаевских жандармов и гнет, недостаточны для нашего времени и его деятелей. Союзу русского народа¹³², самому Дубровину¹³³, не снилось то, что случилось, только наизнанку... Человечество не знало большего рабства и позора, чем то, которое сейчас в России. Стыдно и больно. Особенно за наглость и готтентотство. Все на лжи, на демагогии строилось. Одно стоит вспомнить — разложение фронта и негодование большевиков против смертной казни. А теперь... “Та часть, которая не исполнит приказа, будет расстреляна. Комиссар этой части будет расстрелян первый”... Они, большевички, когда-то аплодировали Боксу, камаринскому мужичку, который заявил Керенскому на фронте, что нет смысла в наступлении, ибо “если убьют, то не нужно ни земли, ни воли”; теперь те же большевички на все лады декларируют — “или победить или умереть”... Как славно умереть за “социалистическое отечество”... Вот она, “диктатура пролетариата”. И сколько немецких денег рассыпалось по карманам. Стоит только вспомнить травлю “союзников”. О немцах ничего не говорится. Как будто бы и не было Брестского мира. О, лицемеры! Подлое время.

В Москве красноармейцы находятся в коридорах учреждений. Если чиновники разговаривают, красноармейцы требуют разойтись и идти заниматься. Если кто хочет уйти раньше времени, сделать этого без особого разрешения не может — его не выпускают из учреждения те же красноармейцы. Обращение их очень грубое и надменное. Все они с винтовками в руках, за всякий проступок отбирают билеты... Никогда власть царских жандармов не простиралась до этого!

Ну хорошо же русские люди со своей неспособностью к работе и отсутствием всякой дисциплины! Какие-то латыши с винтовками в руках следят за успешностью из занятий. Все это о жандармерии и надзоре за служащими я слышал от приехавшего из Москвы служащего в Комиссариате путей сообщения. Это не слух и не факт, перевернутый несколькими передачами.

Будь справедлив к врагам. То, что делают большевики, хорошо с той стороны, что создает хоть какую-нибудь дисциплину. Мы слишком страдаем от безалаберности нашей. И то хорошо, что, говорят, Рязанов¹³⁴ решил распустить всех служащих Архива и сделать новый подбор из наиболее достойных. Это давно следовало бы сделать. Пусть, может быть, при этом и я как-нибудь пострадаю — это неважно, но дело выиграет.

Оказывается, что мира ждать нельзя не только в скором времени, но и в отдаленном будущем. “Вся историческая обстановка показывает, что пожелания мира в настоящую эпоху обостренных конфликтов внутренних и внешних являются бессмысленными, сентиментальными мечтаниями, недостижимой утопией. Мир невозможен. В порядок дня история поставила борьбу, и борьбу до конца. История не дает нам выбора. Нашему поколению не суждены блага мирного жития. Нам придется, может быть, еще десятилетия странствовать по безводной пустыне войн внутренних и войн внешних, прежде чем мы войдем в обетованную землю гармонии и солидарности, каким будет царство освобожденного труда” (“Северн [ая] коммуна”)¹³⁵.

В б [ывшем] особняке Мятлевых на Исаакиевской площади открывается музей “Старого Петербурга”¹³⁶. Долго не могли найти себе места эти чудные коллекции.

Вчера было сильное наводнение. Нева и каналы вышли в некоторых местах из берегов. Ветер не утихал весь день. Думали, что и нас затопит, но бог миловал. В Гавани многих затопило.

29 VIII. Ч[e]тв[ерг]. “Были когда-то и мы рысаками”. Неужели это он, “Его Превосходительство” генерал, б [ывший] начальник Гидрографического управления¹³⁷. Куда девались спесь, гордость!.. Я невольно остановился, провожая взглядом пробиравшегося осторожно сквозь толпу, образовавшуюся около молочницы, старичка в поношенном статском пальто и смятой шляпе... А как к нему шел генеральский мундир... А как он любил, чтобы к нему обращались: “Ваше превосходительство”. И через два слова в третьем ему твердили “Ваше превосходительство”. Со мной он

снисходительно раскланивался, кивая головой, когда мы встречались, отвечая на мой поклон. Потом я перестал кланяться... Некоторых он удостоивал и подачей двух пальцев. А теперь... Да неужели это он!

Провожал вчера М.Ф. в Новгород, долго стоял на Заневской площади у вокзала. Любовался творением Паоло Трубецкого Александром III¹³⁸. Осадил-таки коня... И представлялся мне другой памятник, ну хотя бы на Троицкой площади. Конь вздыбился и скинул с себя всадника. Одна нога его застряла. Голова волочится по земле. Это памятник революции, низвергнувшей Николая II. О, как следовало бы художнику взяться за эту тему, найти такое положение лошади, при взгляде на которую чувствовалась бы вся безудержная отвага и чудовищный скачок, взлет... Скинутый всадник — это олицетворение прежней власти.

Долго мы вчера с М.Ф. выбирали, к кому бы подойти и спросить о том, проедет ли она до Новгорода, если возьмет сперва билет до Любани, а оттуда дальше (у М.Ф. остались несданными продовольственные карточки, а без удостоверения об их возвращении билет не выдают) и, наконец, решили спросить у группы носильщиков. Никакого ответа не получили. Просто отвернулись от нас. Хорошо, что не обругали! О, "славянское добродушие", о, русская "мягкая душа". Спроси-ка сейчас кондуктора или особенно кондукторшу о том, где надо вылезть или пересесть на другой трамвай, — в лучшем случае бурчит что-то себе под нос, а то и ничего не ответит, в худшем — огрызнется. Такой дикий, хмурый, грубый, неприветливый стал человек. Тяжело жить с такими людьми.

Возвращаясь вчера с вокзала, я так и не встретил ни одной лошади на всем протяжении Невского. Только два-три автомобиля прогудели. Если бы не трамвай и не пешеходы, совсем "мертвый город".

У Литейного стоял какой-то длинный ряд, и все продавали что-то Кого только не было в этом ряду с мешочками в руках! И старики, и дамы, и два лицеистика, и солдаты.

У Знаменской площади встретился взвод матросов с хором музыкантов и стягом. По-видимому, провожали товарищей "на фронт".

Как же жутко становилось при мысли, что это ведь х о з я е — в а п о л о ж е н и я... Думал ли Александр III, что через каких-нибудь 25 лет после его смерти судьбы России попадут в руки матросов, рабочих! А еще удивительнее то, что социализм организует армию, проповедует войну, воспекает войну...

Шествие.

"Гремит роковая труба, знамена сверкают, горят, таинственна даль, как судьба, но взоры отвагой горят. Гремит роковая труба.

Не счастье беззаветных бойцов. Проходит за взводами взвод, в них счастье грядущих веков, за ними восставший народ. Не счастье беззаветных бойцов.

Незримо шагают в рядах и Разин, и гордый Спартак, погибшие в красных боях француз–коммунар и поляк незримо шагают в рядах.

Их Дева–Свобода ведет на грозный решительный бой, их мир лучезарный зовет на подвиг великий, святой. Их Дева–Свобода ведет”.

*Владимир Кириллов*¹³⁹.

“Коммунары!.. Легионы Коммунаров, выходите
Смело, стройно,
В бой последний... Революция зовет.
Коммунары, поспешите!
Враг жестокий, злобный, черный
У ворот...
Коммунары! Им навстречу, за Свободу,
Двинем наши роты, взводы,
Эшелоны и дружины...
Наши мускулы — пружины
В напряженье. Ждут сражений,
Битвы ждут...
Вдохновенные сердца гневом гордых и отважных,
Ярким пламенем горят...
Нервы — струны, тихо, нежно
Напевая, говорят:
В битве классовой, священной, неизбежной —
Биться храбро — до победы, до конца!..”¹⁴⁰.

Это вольный перевод Ильи Садофьева (Аксень Ачкосов) из Яниса Земзаритиса, латышского поэта.

Такова современная поэзия. Вот еще ее образчики:

Новый закон. Из Социалист [ической] трагедии “Солнце Коммуны” П.Арского¹⁴¹:

“Тысячи лет мы под гнетом страдали, тысячи лет мы томились в плену... Время пришло — мы стихийно восстали, встретив, как солнце, свободы весну... Пламенный вызов мы бросили миру всех королей и царей развенчать, смело сорвать с них венец и порфиру, снять эшафоты и тюрьмы сломать.

Новый закон написали мы кровью — павших борцов за святой идеал... Царство труда освятили любовью, прокляли рабство и с ним капитал. Свет золотой нашей мысли струится огненно–красным потоком лучей... Мы, побеждая, заставим молиться солнцу свободы — былых палачей. В гордой мечте мы богов развенчали... Мы объявили войну небесам... Миру мы дали скрижали: Власть и Свобода навеки — рабам”.

Это все риторика, но вот в одном маленьком стихотворении Самобытнина чувствуется нечто большее:

“Ты помнишь — домик за заставою
Среди безмолвных пустырей,
Где не за праздною забавою
Собрался наш кружок друзей?
Горели взоры ярким пламенем
И, как набат, звучала речъ,
И мы клялись под старым знаменем
Заветы вольности сберечь!
Как гребни волн, заколыхались
Рабочих грозные полки,
А в окна бешено врывались
Заводов вещи гудки...”.

Один из поэтов так пишет о Советской республике: “Советская республика — поэма из поэм”.

А мечта — она все та же, одна:

“И над миром Знамя Красное Свободы развернем”.

И те, кто никакой такой всемирной революции не ожидали, стали говорить о ней. Быть может, это гипноз советских газет. А гипноз этот, надо сознаться, силен. Только никто не знает, где раньше ожидать этой революции. Чаще всего обращаются взоры на Австрию... Но другие указывают на Германию. Революция там неизбежна, потому что Германия побеждена. Третьи ждут, что революция вспыхнет в Англии. Но факт, что все говорят о революции, все ждут ее в мировом масштабе.

Одно только закрепит власть большевиков — это революция на Западе. Иначе их песня спета.

30 VIII. Пятница. Воз, а на нем пять-шесть белых деревянных гробов; на одном полосы свежей, еще красной крови... И ничего, привыкли.

Проезжая по Адмиралтейскому проспекту в трамвае, даже незнакомые не могут удержаться, чтобы не указать на здание б[ывшего] Градоначальства: “Гороховая, 2”¹⁴². Да, все померкло, чем нас пугали либералы-доктринеры и мечтатели-народолюбцы. Что там “Третье отделение”, “Тайный приказ”! Времена инквизиции и Иоанна Грозного возвратились. О какой тут свободе говорить. Все как-то стыдятся и вспоминать сейчас об этом.

Ну, вот, не выдержал кто-то. Урицкий убит. Это имя запомнит история, и в особенности русский интеллигент. Нас когда-то приводили в исступление полевые суды Столыпина, расстрел на Лене... Что перед этим бесчисленные расстрелы Урицкого. Убивал других — и сам убит^{142a}. Какая ограниченность — убивать других, веря, что только в твоих руках истина.

31 VIII. Суббота. Убийство Урицкого и тяжелое ранение в Москве Ленина. Урицкого убил студент еврей¹⁴³. Ленина ранила какая-то женщина¹⁴⁴. “Красная газета” полна призывами к мести

и беспощадному террору¹⁴⁵. Большевики не любят пускать слова в воздух, это значит, что сотни, тысячи несчастных, особенно б[ывших] офицеров, взятых заложниками, погибнут жертвой мести.

“За смерть одного ответим смертью тысяч, — так мы раньше говорили, так мы обязаны действовать! Прочь с дороги, мягкотелые, боящиеся, как бы не пострадали невинные!.. Каждая капля пролитой вчера дорогой для пролетариата всего мира крови тов.Ленина должна повлечь сотни смертей буржуев и белогвардейцев...

Интересы революции требуют физического истребления буржуазного класса. Пора начинать и нам” (“Красная газета”, 31 VIII 18)¹⁴⁶. И вся газета полна надписями афишными буквами среди другого текста: “Смерть наймитам англо-французского капитала”; “Пуля в грудь всякому, кто враг рабочего класса”; “За каждого нашего вождя тысячи ваших голов”...

Что это, агония большевизма или новый этап? Ведь никто не считает их подлинными, настоящими хозяевами земли русской, они для всех захватчики. Стоит только послушать, как всюду бранят их, негодуют, начиная с низов и кончая верхами — “обманули нас”, где земля? где воля? Ничего нет. Вы обещали. Негодяи! Большевики держатся своей энергией и хорошо сплоченным ядром, опираясь на своих наемников — красноармейцев. Измени эти наемники, и все рухнет.

Сегодня можно сказать, в наиболее критический день нашего бытия, архивные работники справляли большой и подлинный праздник культуры. При Археологическом институте открылись архивные курсы. Множество работников, жаждущих знания, собрались выслушать речь директора Археологического института С.Ф.Платонова и других... И так было трогательно видеть, что как ни дует удушающий ветер, все уничтожающий на своем пути, светильник науки горит и даже сильнее разгорается. Мы, может быть, все обреченные, но работаем не покладая рук... “Что там Везувий дымится?”. “Что, новое извержение?”. “Что, Земля где-то поколебалась и трещины дала?”. “Что это, пепел и камни посыпались?..”. — Ничего, давайте работать, куда можно. “Засыпает пеплом?..”. — Ничего, давайте работать; нам некуда идти. Все наше спасение в работе. И мы работаем. Над чем работаем в такое время. Над архивным материалом!..

1 IX. В[оск]ресенье. ...М.Ф. уехала в Новгород. Я один. Дома неуютно так одному, тоскливо. Поехал на службу. Как-то уж особенно тихо на улице, пустынно показалось. “Да что же это так долго нет трамвая?”. — “Да и не будет”. — “Почему?”. — “Потому что жиды хоронят, — ответила мне газетчица на углу. — Не купите ли газету: новая, литературная”.

Взял газету и с грустью повернул домой. А как же с сединой быть? Дома есть нечего. Попил пустого чая. Только согрелся немного. Хотел заниматься и не смог. В 6 часов пошел искать в буфете, по

всем углам, в кухне чего-нибудь. Нашел кубики Магги и фасоль. Задумал сделать похлебку, ничего путного не вышло. Так, по-видимому, и придется жить до завтра. Ну, а если и завтра то же? А у многих ведь это обычное явление. Ну и жизнь...

Пришел Женя В. Действительно, слова большевиков не остались только словами, а воплотились в дело. За сегодняшнюю ночь арестовано очень много офицеров, юнкеров, священников, арестовали и тех, которых не тронули в прошлые разы¹⁴⁷. Женя не знает, что делать. Только случай спас его сегодня от ареста. В 2 часа ночи приходили с обыском, но поверили уполномоченному, что офицеров в доме нет, и не пошли по квартирам. Один из приходивших, безусый мальчишка, особенно интересовался еще тем, “нет ли в доме батюшек, знаете, этих батюшек”...

Хмурый, скучный день... Голодно. Нет, если бы не Муся, не работа — с ума бы сошел, не выдержал.

Если бы нас сразу постигло все свершившееся, т[о] е[сть] если бы нас сразу из 1913 г. перенесли в 1918 г. — никто не выдержал бы — сошел с ума, все кровяные сосуды порвались бы, как у водолаза, которого со страшной быстротой подняли с огромной глубины на поверхность или, наоборот, опускали в воду... Мы это все переживаем теперь более или менее “нормально” только потому, что успеваем привыкнуть ко многому. Нас время, постепенность во времени спасает.

Передают, что в заливе много трупов офицеров плавает. В кронштадтских тюрьмах томится много священников, между прочим, известный отец Философ Орнатский¹⁴⁸. Над ним, говорят, особенно издеваются.

“Литературная газета” оказалась еврейской, с неопределенной физиономией. На первой странице — Урицкий чуть ли не самый гуманнейший человек в мире, и тут, как бы невзначай, фраза о том, что Урицкий сознавал, что б е с п о щ а д н а я расправа с врагами народа необходима... На следующих страницах мечта всех сионистов — Палестина. “Сказка сбывается”. Довольно эффектно в лирическом восторге автор, какой-то Л.О.Кармен, рисует Палестину как святое святых рассеянного еврейского народа, куда теперь могут возвратиться евреи... На первой странице — коммунизм, на второй — фанатическая преданность нации, родине, сионизм¹⁴⁹. Что же делать! “Кесарево — кесарю, Божье — Богу”.

Интересные постановки ожидаются. В театре трагедии, в бывшем цирке Чинизелли¹⁵⁰ — “Макбет” с Юрьевым¹⁵¹ и Андреевой и декорациями Добужинского¹⁵², танцами Романова¹⁵³. В Александринском театре — “Горе от ума” с Южиным, Щепкиной, Домашевой¹⁵⁴ в постановке Долинова¹⁵⁵.

В ближайшее время будет издаваться журнал “Литературный современник”. В нем примут участие многие крупные величины. Политика будет совершенно исключена. Отведено будет место и библиографии.

У меня все тот белый гроб с запекшейся кровью из ума не выходит. Целый воз гробов... И воз веревкой стянут, чтобы не рассыпались. На одном из передних гробов примостился извозчик. Худая лошаденка еле ноги передвигает... А кругом народ, носильщики... Бойкая Знаменская площадь, косые лучи потухающего солнца.

2 IX. П[о]н[е]д[ельник]. “Спит спокойно, с короткими перерывами”. Таков текст официального бюллетеня 31 VIII 12 ч [асов] ночи о здоровье Ленина.

3 IX. Вторник. Зиновьев на могиле Урицкого сказал: “Недалеко то время, когда тов[ариш] Ленин поведет против Бастилии мирового капитализма весь международный пролетариат. И может затем наступить другое, еще более знаменательное время, когда будет мировой Совет Народных Комиссаров и председателем его будет не кто другой, как тов[ариш] Ленин”¹⁵⁶.

Надписи на венках: “Слава павшему, мы отомстим”; “Ненавидимому буржуазией и неценимому дорогом пролетариату”; “Через трупы борцов — вперед к коммунизму”; “За каждого нашего вождя — 1000 голов ваших”; “Смерть твою окупим смертью тысяч голов буржуазии и социал-предателей”; “Пролетарий железной поступью шагает к врагам социализма”.

Если бы Ленин умер, мы были бы свидетелями страшных событий. Многие бы тысячи людей погибли в тот день жертвой мести. И так смерть Урицкого стоила жизни сотням, а может быть, и тысячам человек. Все тюрьмы, все совдепы полны арестованными. Многих расстреливают. В Новгороде арестовали до 40 человек самых разнообразных лиц, и 8 человек расстреляны... Сколько расстреляно в Петрограде, Кронштадте, мы не знаем¹⁵⁷. Рассказывают страшные вещи. Но никто толком ничего не знает. Запомнился мне один рассказ о том, как матросы, везшие переполненную барку арестованными офицерами, получили приказ отцепить барку и пустить их ко дну. Они не смогли этого сделать и приехали в Кронштадт, не исполнивши приказа, поседевшими... В этом рассказе много психологической правды.

Теперь можно наблюдать тяжелые сцены около Совдепов и прочих учреждений... Толпятся поодаль дети, жены арестованных. Их не пускают внутрь. Они стали бессменно дежурить, чтобы не потерять следа своих близких, если их куда-нибудь будут переводить. С.В.Форфоровский говорит, что у них там у Нарвских ворот несчастные, столпившись у окон, молят прохожих бросить им что-нибудь. “Мы голодны, мы умираем с голоду”, — кричат они.

Дети, несчастные дети, что они должны испытывать при виде того, как их отца тащат ночью неизвестно куда и угрожают расстрелом.

Мне многие рассказывали, что в Кронштадте со многими партиями арестованных проделывалось следующее. Их приводили на окраину города, выстраивали, приказывали приготовиться к рас-

стрелянию и нацеливались из ружей. В последний момент раздалась команда не стрелять и партию уводили снова в место заключения. Теперь, говорят, после смерти Урицкого расстреляли на самом деле несколько таких партий...

Видеть, как твоего отца арестуют, уводят и, может быть, расстреляют. И ни за что... О, не сторонников новой власти вербуют себе нынешние властители. На долгие годы будет поселено отвращение ко всему, что связано было когда-то с самыми святыми мечтаниями... Будь проклята всякая диктатура...

Из Уржума мы получили письмо от Л.А. Она пишет М.Ф.: “Вот я и застряла. Ты не можешь представить себе, какой ужас, какой кошмар переживает Уржум. На волос от смерти, на волосок от насилия... Не приведи никому, Господи, испытать то, что видит Уржум сейчас и два дня тому назад в особенности... Были заняты сначала белогвардейцами, пережили страшный бой под Буреком и Журмой, сейчас снова в руках Красной Армии. Что ждет впереди, страшно подумать... Весь город бежал в отряды белой гвардии, начались репрессии, грабежи, о, что только видел Уржум!! Я буквально сумасшедшая...”

Может же случиться такой казус. В “Правде” передовая статья, посвященная выяснению, чем дорог Ленин пролетариату, начинается так: “Внимание рабочих всего цивилизованного мира приковано в настоящее время к постели в Кремлевском Дворце, где борется с раной (!) великий вождь великой революции...”. Так иногда подводит “высокий штиль”, особенно если за него возьмется какой-нибудь фармацевт или чистильщик сапог.

7 IX. С[у]б[бота]. Хоть плач — голодно. Чтобы быть мало-мальски сытым, надо проедать в день до 25 рублей одному человеку. Мы прожили в августе более 1700 рублей. Если выкинуть дрова и мелкие расходы, то на одну еду приходится 1500 р.

8 IX. В[о]с[кресенье]. Так и нет никаких газет, кроме правительственных. Газетчики с углов исчезли. По-видимому, нашли новое дело, конечно, “спекулируют”, привозя в город картофель, муку, молоко... Занятно наблюдать, как вокруг какой-нибудь перекупщицы молока собирается толпа, все выстраиваются в хвосты и ждут, когда им отмерят жидкого, жидкого, совсем синего “молока”. И за бутылку, очень малую теперь, иногда двух стаканов не выходит, берут 3.50—4 рубля и ничего, надо же чем-нибудь питаться. А вот с картофелем стоят разные бабы, мужчины, дети. С трудом достали, перекупили и продают. На иных местах, где можно присесть, чуть ли не целый день продают кусочки сахара. Кусочки разложены в тряпочке. Цена небольшому кусочку 2 р. И покупают. М.Ф. вчера купила 1 ф. зелени — укропу. И все утилизировала, даже стебли. Вкусный навар получается из этих “зеленых палочек”. Бедная она, М.Ф., как и все сейчас, кто должен заботиться о том, что приготовить, чем пропитаться, должна напрягать много мысли и энергии. Поистине борьба за существование. И как грустно видеть, что этот вопрос во главе угла, все ос-

тальное отодвигается на второй план. Все заняты кухней. А ведь это не прогресс...

Мы ничего не знаем, какая у нас армия и флот¹⁵⁸. Но вот маленькая продовольственная табличка. Из нее видно, что в армии выдается по 1 ф. сахара на едока, а всего на месяц 33540 п. для армии; значит, численность ее достигает сейчас 1341600 чел [овек]. На флот выдано 2290 п., значит, личный состав сейчас достигает 91600 ч [еловек].

Из чего же, из каких губерний Российской Империи и областей состоит Совдепия из той же продовольственной таблицы (Изв[естия] Н[ародного] Комисс[ариата] по продовольствию № 52 1918 г. IX 8) видно: г. Москва и Московская область, г. Петроград и Северная область и губернии: Воронежская губ., Казанская (без Казани), Пензенская, Пермская, Тамбовская, Тульская, Орловская, Черниговская, ч[асть] Могилевской (без Могилева), ч[асть] Саратовской... Вот, кажется, и все.

Все население, помимо 4 категорий, на который оно официально разделено, оказывается, еще делится на следующие категории, обеспеченные пайком по степени значения и важности для Совдепии тех или иных граждан: 1) армия; 2) флот; 3) рабочие, заготов[авливающие] топливо для страны; 4) рабочие и служащие водных сообщений и семейства; 5) рабочие водн[ых] сообщений и их семейства; 6) рабочие Брянского, Сормовского и Иваново-Кинешмского заводских районов и 7) остальные рабочие и 8) прочие граждане.

С вчерашнего дня плата за трамвай повышена до 60 к. Мне, таким образом, чтобы ездить на службу, надо 2 [р.] 40 к. в день. Что делают те, кто получает сейчас 400—500 рублей?

Итак, “слово и дело”. Объявлен декрет о превращении домовых комитетов в домовые комитеты бедноты. Председатель такого комитета является что-то вроде коменданта, агента местного (районного) совдепа. На обязанности комитета возложено наблюдение за буржуазным населением домов в отношении исполнения трудовой повинности, недопущения доставки мешочниками в буржуазные квартиры продовольствия, недопущения контрреволюционных собраний, недопущения укрывательства белогвардейцев, шпионов и друг[их] контрреволюционеров.

Как мизерен знаменитый проект об усилении полиции Протопопова! Какой-то наивный “либерализм”... И Союзу русского народа не снилось то, что делается, после всех воплей о свободе, реальностью наших дней.

Кстати, и последняя свобода — собраний — отменена.

Снилось ли вам, милые юноши и девушки, жизнь отдавшие за свободу, что наступят такие времена, когда те, кто придут за вами и, воспользовавшись вашими трудами и именем вашим прикрывшись, под словом “свобода” принесут величайшее рабство, какое только когда-либо знал мир.

В каждом городе собраны десятки, сотни, а где и многие сотни,

а, может быть, и тысячи (например, в Петрограде) заложников. Объявлено, что при первой новой жертве из числа советских вождей все эти заложники будут расстреляны. Кого только тут нет. В петроградских списках — на первом месте великие князья (между прочим, Павел Александрович, Николай Михайлович)¹⁵⁹, далее идут банкиры, биржевики, крупные дельцы и просто неизвестные (бывшие) чиновники, офицеры и т.д.)... И Проппер среди заложников попал. Много купцов, богатых домовладельцев... “цвет” петроградской буржуазии¹⁶⁰.

Зиновьевым объявлен лозунг: “Каждый дом в Петрограде есть крепость рабочих”. Для этого будут предприняты решительные шаги, вплоть до насильственного переселения пролетариев из их подвалов в барские квартиры. “Мы сделали громадную революцию, прогнали буржуазию от политической власти, но мы настолько с молоком матери всосали рабские предрассудки насчет священных основ частной собственности, что даже сейчас, после десяти месяцев рабочей революции, средний рабочий и его семья не всегда решаются пойти да и занять квартиру, принадлежавшую до сих пор тому или иному богачу... Надо, чтобы рабочие немедленно переселились в хорошие, удобные квартиры, надо, чтобы дети перестали хиреть в сырых подвалах. Надо сознать себя властью...”.

Все это так. Но на ком же, в сущности, держатся большевики? На своих наемниках. Ведь только и слышно, как поносят большевиков. Царское правительство так не ругали. В трамваях, на улицах, особенно женщины, кричат, что большевики обманывают народ, издеваются над ним. Что хуже стало, чем при царе. И все-таки большевики держатся, вопреки всему держатся. По неделям не выдается ни хлеба, ни других продуктов. Подлинный голод. И ничего. Большевицкая власть не колеблется... И никто не бунтует; не смеет. Пухнут и умирают с голоду и от лишений робко, покорно, по-рабы. Взбунтовались, нашумели, все опрокинули на своем пути, как спущенные с цепи собаки, и снова попали на цепь. Дернули — крепко, и покорно смолкли. К другому хозяину попали.

Был вчера у нас приехавший из Новгорода знакомый, бывший тамшний член суда. Жаль было смотреть на него, до того он испуган и нервен. Это почти сумасшедший человек. Бежит из Новгорода, боясь попасть в число заложников. Создает себе разные несуществующие ужасы, везде видит подвохи, ожидает каждую минуту, что вот его схватят, что расстреляют. Так жить нельзя. Это какой-то кошмар. И тяжело смотреть на интеллигентного университетского человека, впавшего вдруг в такой транс, такого жалкого в своем трепетании и бабьем преувеличении своей собственной опасности... Он ведь ни о чем больше не говорит и не беспокоится, как только о себе. Покуда я разговаривал с ним, или, вернее, покуда он говорил, бессвязно сбиваясь, скороговоркой, у меня в голове все время кружилось: “жалкий буржуй”, хоть бы капелька мужества перед совершающимся, хоть бы частичка ра-

зума!.. Один инстинкт самосохранения, ничем не прикрашенный, самый животный, первобытный.

14 IX. С[у]б[бота]. Я совершенно ничего не имею против новой орфографии¹⁶¹. Удивляюсь той буре, которую поднимают противники ее. Это, что сделали большевики, подлежало давно сделать. Курьезы не идут в счет. А вот это, что придумалось тут мною идучи со службы, действительно, курьезно: “Мир без мира дошел до того, что все все съели и при встрече спрашивают, синие от голода, друг друга: есть ли у Вас, что есть”.

Мне представляется, что люди скоро привыкнут к новой орфографии. Ведь только день поглядели, удивленные, пораженные, как женщины полезли в один прекрасный день на империал конки (раньше им было запрещено взбираться туда)... И были такие консерваторы, которые никак не хотели с этим помириться. Стоит вспомнить и то впечатление, когда женщины были допущены в кондуктора... А наши углы улиц без городских, газет без объявлений!..

Привыкнешь и к новому правописанию. Надо же было когда-нибудь разрубить этот узел. С удивлением будут потом вспоминать, как мы долго не могли отделаться от твердого знака Ъ и буквы ять Ѣ.

15 IX. В[о]с[кресенье]. Это стоит быть выписанным:

“Сегодня день особенно был ясен. Прошел осенний мерный дождь. Цвет зелени был солнечно прекрасен. С постели встал сегодня вождь.

Казалось мне, что улицы смеются,

Что катится скорей трамвай,

Приветствия и клики раздаются,

И на душе покой и рай.

Прошел кошмар, нет больше опасений!

И никнет только головой предатель, враг,

И нет ему спасенья, пощады, в битве роковой.

Подписано: Кира Старорусская (“Красная газета”)

Еще несколько выписок. Из Рыбинска: “В городе взяты на учет все буржуазные дома. Приступлено к заселению их рабочими. «Портреты царей» и их приспешников будут собраны из всех учреждений и после рассмотрения их употреблять как холсты для плакатов в день годовщины революции”.

Из Солигалича: “Вводится во всех школах уезда преподавание социальных наук: истории социализма, теории коммунизма и изучение Советской конституции”.

Ленина в газетах теперь часто называют запросто — Ильичем. “Здоровье Ильича” и т.д.

22 IX. В[о]с[кресенье]. С 17-го мы обедаем из общей столовой. Кормят прилично. На первое — какая-нибудь похлебка, на

второе — или рыба, или мясо, или гусь. За все — 2.50, тогда как самим сделать обед 10—15 р. на человека мало.

На бывшем Ксениенском дворце появилась ярко-красная вывеска с золотыми буквами: “Д в о р е ц Т р у д а”. Когда косые лучи солнца падают на эту вывеску, буквы блестят и переливаются и вся вывеска такая ликующая, нарядная... А может быть, и впрямь “Дворец Труда”. Иногда невольно начинаешь верить, что действительно случилось что-то новое, небывалое и в широчайшем мировом масштабе. Наступило Царство труда и трудящихся.

Вся Волга в войне... “И взятие Казани”¹⁶²... и падение других городов. Большевики окрепли. Борются там, в сущности, две идеи — идея демократического фронта (фронт Учредительного Собрания) и идея диктатуры класса пролетариата (фронт советских коммун). Так и надо смотреть на все происходящее. Да простит мне моя категорическая “схематичность”. Схема многое уясняет.

Интересно, что сейчас “приставшие” к большевикам часто больше большевики, чем сами большевики. Как живуча эта формула о “роялистах больше, чем сам король”. Это — закон. Почему “больше”. Так в ы г о д н о, так у д о б н о. Одним без дальних размышлений, другим потому, что так скорее “сгорит” большевизм.

“Я — большевичка из самых консервативных соображений”, — сказала одна из моих сослуживиц, у которой до 100 тысяч капитала, но сейчас она не может им пользоваться и принуждена служить. (Кстати, она и с л у ж и т; но н е р а б о т а е т). Это все “большевики”, и подчас самые злейшие.

Как я уважаю тех настоящих, преданных своей идее до потери жизни и всех ее благ “большевиков”, и как ненавижу всех этих “большевиков”, в д р у г ставших таковыми. Пусть настоящие заблуждаются, ошибаются, но они честны, эти же последние самые бесчестные люди, завтра же они будут состоять в свите “Его Величества”. Их место там, где выгодно... Нисколько не удивлюсь, если тот же Блинов, чуть ли не камергер, бюрократ, надменный, несимпатичный человек старого щегловитовского покроя, тот самый, который после Февральской революции первым долгом у себя, в Сенатском архиве, ставший собирать разные бумаги, которые могли очернить павшего государя и строй, которым он служит, если этот человек, пишущий сейчас большевистские декреты и часто бывавший больше большевиком, чем сами большевики, завтра же, завтра, если большевики падут, увяжется за колесницей нового победителя... Так удобно, так выгодно...

На что С.Ф.Платонов¹⁶³, и тот... Рязанов, настоящий большевик, часто бывает менее большевик, чем С.Ф. Как грустно все это.

Два случая... Они характерны. Так много сейчас делается для бедноты. Берется на учет даже обстановка в богатых квартирах. “Всех заставим работать”...; “Трудовые книжки вместо паспортов заведем”; “Мы уничтожим буржуазию как класс”; “Бедняки должны быть вселены в квартиры буржуев”...; “Мы запечатаем

все подвалы”... И буржуазия живет. И иным даже “не дует”. Кто побогаче, тому и лучше. Как и всегда. Страдает от измождения тот же бедняк... “Выживают наиболее н а х а л ь н ы е, — заметил мне один мой знакомый, — сейчас ведь ставка на нахалов”... И ужас охватывает. Неужели д а р о м все эти жертвы? Ведь только и миришься с ними, что где-то в тайниках души начинаешь верить, что наступит новая э р а жизни человечества. И неужели...

Но вот эти два случая. Сестра нашей сторожихи поступила кухаркой к какому-то инженеру, не то просто “барину” (и термин этот сохранился). Семья из двух человек. Он и жена его. У них, кроме поступившей кухарки, еще лакей и горничная. Квартира, конечно, огромная, барская. Ни в чем себе не отказывают. К столу подается и д о с т а е т с я все. Слоеные пирожки, сладкие и прочие... Н и к а к и х лишений...

А вот второй случай. Сестра нашей прачки, больная женщина, которую неделю сидит без работы. Нет работы. И здоровая-то сестра их жалуется, что иногда по неделям никто не зовет стирать, словно и стирать-то не стали.

Так вот эта больная, несчастная женщина только и жива тем, что роется в отбросах на Гаванском поле и питается ими, одними или в буквальном смысле слова...

Вот он и коммунизм... “П е р е х о д н о е время”. А вдруг и не так. Так зачем столько крови и ужаса тогда.

Большевизм только исполнил то, не стеснясь в средствах, о чем мечтал русский интеллигент. “Как это можно быть счастливым, если на свете есть хоть один несчастный”... Или точнее: как это можно быть спокойным, если столько нищеты и темноты кругом, а небольшой кучке людей предоставлены все блага жизни... Так м е ч т а л и, но пришли люди и начали д е л а т ь. Тут и случилось то неожиданное, что вызвавшие духов растерялись и первые испугались их. С л о в не боялись, лелеяли их, д е л испугались.

На улицах еще глуше стало. Лошадей совсем нет, редко-редко автомобиль прогудит... И как-то странно станет, что кто-то еще ездит. Одни трамваи катятся. Без них бы совсем “мертвый город”.

Сейчас большое оживление у трамваёв. “Мешочники” всех рангов везут картофель. Забавно глядеть, как выучились расторопности. В 7—12 секунд успевают всунуть в трамвай иногда несколько мешков разных вещей или продуктов. А разгружают еще быстрее. Правда, прямо на мостовую, иногда в лужу. Где тут разбирать! А если трамвай трогается — на ходу выбрасывают. Иногда все это проделывает один человек.

По городу развешена масса агитационных плакатов. Одна пропаганда работает. На одном плакате рисунок Пастернака “раненый солдат”, он прислонился к стене, отставив ружье, из головы сочится кровь, и у ног образовалась кровавая лужа¹⁶⁴. Рисунок в две краски — черную и красную; производит впечатление. На плакате текст: “Цена крови”. Я долго охотился за этим плакатом,

наконец рискнул и оторвал рисунок. Надо это было все проделать в расстоянии 25—30 шагов от красноармейца. О, страсть коллекционера! Другие плакаты менее интересные. Некоторые мне достал уже В.В. Тоже, наверно, с риском.

Стоят дождливые осенние дни. Удивительно скверные лето и осень. Так грустно идти по левому берегу канала, где все тропинки устланы опадающими листьями. Шуршат листья под ногами... Канал полный воды, такой черный, угрюмый. У портовых ворот плотники строят деревянный настил в виде набережной. Строгают, прилаживают. Все так чинно, размеренно. Казалось бы, все, что мы переживаем, — выдумка, наваждение, а это вот все настоящее... Ан, нет... Вот вышел на площадь и блеснула тебе в глаза красная вывеска с ярко блестящими буквами на здании, построенном Штанкенштейндером для царственных особ: “Дворец Труда”. А вот прошла кучка матросов врассыпную с винтовками в разных положениях — и в руках, и за спиной, и дулом вверх и вниз. Куда-то торопятся. Лица озабоченные, вид вызывающий. Мальчишка протяжным голосом поет у трамвайного павильона: “Красная га-а-зета”... Дождь мерный, осенний сечет воздух.

И что бы там ни было, я все-таки приветствую тот день, когда последнему служителю в нашем учреждении была подана рука и он был признан равноправным гражданином. Я никогда не забуду того впечатления, когда наш сторож Мельников вдруг стал называться Федором Степановичем и ему стали говорить “Вы”.

Пусть потом они зазнались, положили “ноги на стол”. Но ведь это за ко н. Нужно время, чтобы совершенно изгладилось прежнее и вошло в свой уровень новое. Я не разговаривал, как многие: “Иначе быть не могло”... А великое дело признания равноценности человеческой личности сделано. Вот это самое главное. А, ей-Богу, душа человеческая больше царства...

Так же и в той революции 1905 г. Пусть она впоследствии вылилась в сплошное хулиганство и порнографию. Но тогда впервые перестали работать на других, не зная праздников, кроме первого дня Пасхи, Рождества, Троицы во всем году, по 14—15 часов в сутки, как работали наши лавочники, пекаря... Ведь лавка открывалась в 6—7, а закрывалась в 11—12 часов ночи. И все-таки, как ни р е в о л ю ц и о н н о н а ш е в р е м я, — был сильнее. Большевикам пришлось ввести после уничтожения всех орденов и знаков отличия новый военный орден, высшую боевую награду — “К р а с н о е З н а м я”¹⁶⁵. Фальшиво звучало объяснение введения этого ордена и отличие его от Георгиевского креста... А фальшь всегда противна. Лучше уж прямая грубость, фализм. Грустно, что большевикам так много приходится сейчас фальшивить с аполгией с в о е й войны. Война всегда война — т.е. б о й-н я и мерзость. Убийство другого всегда преступление... Тут самое больное место большевизма — корень слабости и разложения...

24 IX. Долго не мог дожидаться трамвая, возвращаясь со служ-

бы. Говорят, что на Невском стрельба — разгоняют торги между Троицкой и Владимирским.

Жуткую картину представляет из себя эта длинная вереница интеллигентных людей с узелочками и коробочками в руках. Чего только тут не вытащили продавать! Когда я увидел впервые этот торг — я ничего не понял, думал, что это какой-нибудь “хвост”. Оказывается, это торг несчастных “буржуев”...

27 IX. Пят[ница]. Теперь часто можно услышать: “большевики спасут Россию”; “большевики научат нас работать”... Тут много правды. Только все дело в том, как понимать “спасут”, кого “научат”... Правда, у нас есть теперь полуторамиллионная армия, есть налаженный государственный аппарат. Но армия создана для г р а ж д а н с к о й войны, а в правительственных учреждениях такая волокита и неразбериха — “господство безграмотных барышень и малоопытных юнцов”...

Удивительно прямо, какая разведена канцелярщина. Все теневые стороны бюрократизма сделались еще темнее, еще несноснее. Добиться чего-нибудь можно после больших хлопот и неприятностей. Отношений к своим обязанностям у исполнителей больше, чем чиновнице, чисто формальное, халатное. Народу много, и мало кто что делает... Тут, может быть, большевики менее всего виноваты. Таков русский народ. Это при всякой власти было бы, да так и есть...

Но вот тут в некоторых мероприятиях большевиков и хочется видеть залог, что они “научат” работать, насадят трудовую дисциплину. Если бы им это удалось, многое бы им простилось.

Хочется верить и в то, что, создав громадную армию, большевики смогут более уверенно разговаривать и с Германией. С Россией снова будут считаться.

Кто совладал бы сейчас с массами, с всеми инстинктами голодной, кровожадной толпы, кроме большевиков? Никто. Только они, больше всех других постаравшиеся расшатать все устои, могут иметь какое-нибудь значение в массах.

Любопытно смотреть, как все — от охраны до военного ордена — восстанавливается большевиками. Кто бы мог это сделать другой?

Почему так тщательно большевики восстанавливают и сыск, и репрессии, и административное усмотрение — все то, что, казалось, безвозвратно умерло? Да потому, что средства-то оказываются при достижении классово-власти о д и н а к о в ы м и. Никак нельзя иначе...

А было время, когда мы так мечтали об истинно государственной, народной, надклассовой власти, и одно время казалось, что мы достигли этого. Тем горше, тем тягостнее было разочаровываться. Теперь мы многому научились.

В Петроградском Совете Резанов выступил с предложением освободить ко д н я м праздника 25 октября из тюрем невинных, ко-

торых там много, а для этого усилить состав следственной комиссии. Предложение это потерпело фиаско. Т. Зиновьев и с ним, вернее, за ним, большинство порешило, что Резанов неправ, невинно томящихся в тюрьмах нет, что Резанов хочет “испортить” праздник пролетариату и т.д. На собрании присутствовали красные офицеры первого пролетарского выпуска. Как и везде, им устроили оваацию. Они держали обнаженные сабли. Все кругом стояли. Оркестр играл Интернационал.

Интересно наблюдать, как воссоздается то, то же самое, что в прошлом году с таким искусством разрушалось. Иногда диву даешься — да как же это так: вчера об этом, об э т о м с а м о м, так страстно говорили против, а сегодня — за. Голова кружится: черное, черное!.. — белое, белое! Оказывается, все дело в точке зрения! Это какое-то ultra-готтентотство.

А все-таки без большевиков Россия, может быть, окончательно погибла бы, так и сгнила бы. Большевики — дрожжи.

Старую “Торгово-промышленную газету” заменила новая “Финансы и народное хозяйство”. Газета является органом Комиссариата финансов и Совета народного хозяйства. В редакционной статье, очень корректной и спокойной, между прочим, октябрьский переворот объясняется так: “Октябрьский переворот не только переворот политический, каким в значительной степени является переворот февральский. Октябрьский переворот — это революция экономических отношений, полное и коренное изменение тех основ экономической жизни, на чем зиждилась экономика страны до него. Иными словами, октябрьский переворот знаменует собой переход от старых капиталистических форм экономических отношений — к новым, социалистическим...”

Экономические предпосылки, повлекшие за собою октябрьский переворот, поставили на очередь дня принятие ряда мероприятий в области экономической жизни. Истощенная вконец небывалой в истории войной страна требовала коренного изменения всего уклада ее экономического бытия. Сам октябрьский переворот был экономически неизбежен, так как старый капиталистический уклад жизни, в особенности в его специфических, полуфеодалных формах, господствовавших у нас, не мог справиться с новой задачей, выдвинутой в значительной степени войной...”¹⁶⁶.

29 IX. В[о]ск[ресенье]. Много нужно самообладания, чтобы жить сейчас, сохраняя какой-нибудь покой. Кругом идут повальные обыски. Конечно, не все агенты власти относятся вполне сознательно к своим обязанностям. Много злоупотреблений. Масса незаслуженных оскорблений...* Идут аресты. Все ищут гидр

* Слово не разобрано.

контрреволюционеров. Никто не уверен, что с ними будет не только завтра, но и сегодня, сейчас, через несколько минут.

Вот придут, ворвутся... А может быть, и ничего. Много было случаев, что при осмотре были предупредительны и вежливы. Обыска, собственно, и не было, был только осмотр, но много случаев, когда все “очищали” — и белье, и серебро, и деньги, и продукты. Все это большей частью происходит ночью. Так что утром “обысканные” не знали, во что одеться, чем подкрепить свои силы. Жаловаться некому. Правда, помню случай. После обыска, прошедшего благополучно, один из обыскиваемых вернулся и забрал все ценное. Жалоба возымела действие. Захватчик был уличен. Его тотчас же расстреляли. Но часто даже жаловаться бояться. Не знают, к кому, да и запуганы. Дожили до “свободных дней”. Милые русские юноши и девушки, отдавшие жизнь за свою свободу, ждали ли вы такой свободы?.. Нет, никто не ждал. Март 1917 г. доказал всем, что истинная свобода нежизненна. Она только и была на земле всего несколько деньков... И в мае уже не было свободы. А теперь? Теперь кто же говорит о свободе! Полная свобода — мечта. Можно думать только о том, как бы согласовать противоречия классов, общества, создать наиболее свободные и удобные условия существования... Но это, говорят, буржуазный строй. Никакой такой средней равнодействующей не должно быть. Вся власть должна принадлежать массам, а не меньшинству, наиболее обеспеченному и сытому... И какими светлыми лозунгами прикрываются все эти ужасы, насилие, кровь. Идут почти к тому же, о чем мечтали лучшие умы человечества, Христос, Толстой... Но какими путями идут, какими средствами и пользуются... Кровь льют, человеческую кровь, заставляя испытывать страшные физические мучения, ужас смерти, несказанные душевные страдания, и все ради той идеи, святой идеи — общечеловеческого счастья. Будет ли оно когда-нибудь? Не потонут ли все эти святые мечты в разлившейся невинной крови и грязи ловакачей? Не достигнут ли в конце концов благ и всевозможных выгод только одни ловакачи — попросту нахалы. Ведь непростая это обмолвка моего знакомого о ставке категории “на нахала”...*

Я верю Ленину, верю еще нескольким, но большинству — то не верю. Не верю. Они слишком лакеи и предатели, “нахалы”. Чем сильнее большевизм, тем более у него лакеев. Они — таки и делаются самыми жестокими и несносными. Нет ничего презрительнее этих волкодавов. А вчера они были лакеями у трона. Вспомнить без тошноты невозможно это лакейство некоторых. Для них, в сущности, ничего не изменилось. Другой только хозяин пришел.

* Так в тексте.

Погрубее и попроще. Ну, они распоясались. Чего тут. Будь демократическая, будь социалистическая республика, будь буржуазная власть, будь диктатура пролетариата, будь собственники, хоть коммунисты — не все ли равно: лакейство-то останется. А с ним и плутни, и взяточничество, и измывки над кем можно. Таков народ. А народ-то, масса-то — порядочная дрянь, тупое стадо. Вот несколько фанатиков и задумали переделать это стадо. Все средства пустили в ход. Пока торжествует только наиболее приспособившийся — нахал.

Я откуда-то вышел — из недр матери, из темноты, и куда-то перейду — в небытие — темноту. До меня тьма, после меня тьма... И вот только в промежутке, мгновение одно, бледнеет мой разум, бьется сердце... Что же, как не мгновение 40—60 лет моей земной жизни. Пришел, ушел. Нет, даже не так, а вспыхнул и потух. Блеснула искорка и пала пепелинкой. Кусочек жизни вычеркнули, и снова нет ничего — распалась оболочка и исчезла жизнь. Тьма до меня, тьма после меня, а вот между этой тьмой я вдруг на мгновение слышу, верую, радуюсь, страдаю, люблю, ненавижу, борюсь, изнемогаю и умираю... Умираю. Снова сливаюсь с тьмой. Ничего не было, ничего не станет. Так зачем же все это... А тем более, зачем же столько крови и ужаса.

Даже во сне не могло присниться, что когда-нибудь на московской площади будет поставлен памятник Стеньке Разину. Ставят.

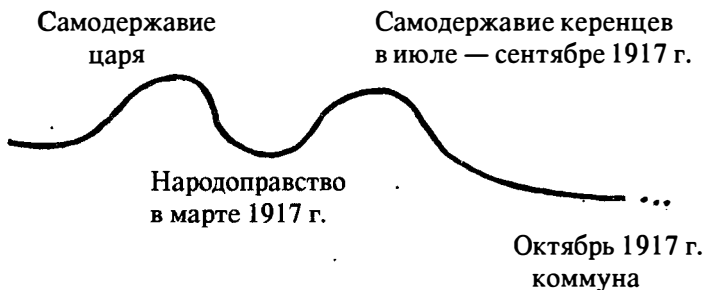
Еще меньше на улице лошадей видно. Иногда так и не увидишь ни одной, хотя проедешь от гавани до Н [овой] Голландии¹⁶⁷ и обратно — большое расстояние. А если увидишь иногда, то еле плетется, бедняга.

Наш котик, с голубовато-серой шкуркой, такой чистенький, “благородный”, издох вчера. От голоду, наверное. Он ничего не ел, что ему давали — ни селедки, ни овощей, ни вареных объедков, набрасываясь только на мясо и молоко. Мы и думали, что он сыт значит — по всему двору известен был, по неделям жил у соседей. Ан, оказывается, не по нутру была ему пища, и он постепенно терял свои силы. Вчера издох, без нас, на дворе околобочек, долго мучился, говорит.

Все, что случилось с 1913 г., можно грубо в графике представить так:

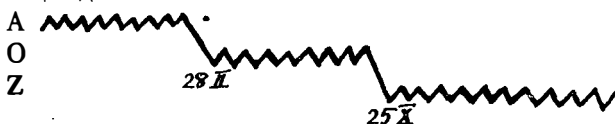


С 1913 г. жизнь пошла перебоями, и когда “амплитуда” размаха достигнет минимума, и потечет жизнь нормальная: **ММ**. О такой жизни наша интеллигенция всегда отзывалась с презрением, как обуржуазном прозябании. Ну, а как много теперь из них мечтает о такой жизни. Ведь и правда, кого не растряснут эти “американские горы” истории:



И все на протяжении каких-нибудь двух лет...

Еще одна схема:



A. Диктатура одного класса (богатых, буржуазии).

O. Надклассовая, надпартийная, надгрупповая власть.

Z. Диктатура пролетариата ("бедноты").

3 X. *Ср[еда]*. Лозунг дня — "Дома — рабочим". Пароль — "Близок час всемирной революции". Еще "прижим". Удлинили на час службу, теперь от 10 до 5 (было до 4 час.). На службе сокращение штатов. Увольняют двоих из нашего отдела.

Многие не выдержат грядущей зимы. Слишком, слишком тяжёлы становятся условия жизни.

Падает лист. Бодрый холодный октябрьский день... Но на службе сидеть невозможно — холоднее, чем на улице, не топят. И будут ли топить? Все ходят посинелые от холода, понурые.

7 X. Какая-то судорога мировой истории. В Германии "демократическое правительство". Фердинанд Болгарский отрекся от престола¹⁶⁸. Усиленно говорят о заявлении Германии принять мирные условия Вильсона¹⁶⁹. Таким образом, все немецкие земли Австрии отойдут Германии, по принципу самоопределения... На Западе идут кровопролитные бои... Это все из немецких газет. Что делается у нас — мало знаем. Видим только, как вооруженные люди водят группу за группой "буржуев" и контрреволюционеров. Ходят самые разноречивые слухи... Но в большевизм, кажется, начинают верить. Это чувствуется. Находят уже хорошие стороны. Свыкаются с мыслью, что большевики так и останутся у власти.

8 X. *Вторник*. Самара взята советскими войсками. "Учредительница" поражена в самое сердце и, как пишет "Кр[асная] газ[ета]"¹⁷⁰, "в Болгарии — крестьянское правительство". Германское правительство, за подписью рейхс-канцлера принца Баденского, предлагаая мир, просит немедленно перемирия.

"Мировая история вступает в полосу долгожданного перелома.

Крах империализма. Мировая революция..." (Советские тезисы).

"Мрачный призрак социалистической катастрофы повис над старой европейской цивилизацией. И если только проблема мира не будет своевременно разрешена, то большевизм перешагнет демаркационную линию и зальет всю Европу кровью неслыханной гражданской войны" (Несоветские тезисы).

Еще из советских тезисов: "Сметет их огненная лава, раздавит буря мятежей... За весь обман и заблуждение, за все страдания и гнет от гнета страшного и мщенья никто, ничто их не спасет...". Мы должны быть готовыми вступить в борьбу с буржуазией всего мира на мировой арене... "Революционной Красной Армией должны руководить надежные офицеры от станка и плуга"... И "Новый путь найдет земля!".

А ведь, надо признаться, увлекательно: "И новый путь найдет земля". Ну, а пока такая неразбериха, грубость, злоупотребления. Всякий-то может измываться над тобой. Пока что — царство срама. Может быть, это и временно. И быть иначе не могло. Примириться надо. Живем в развороченном здании, в лесах... В здании, под которым возводят новый фундамент... Может статься, что так ничего и не выйдет — завалится здание. Ну, тогда все равно — "крышка". Выхода нет. Старое невозможно, да и про т и в н о старое. Чем кончилось старое — невиданной, позорнейшей бойней. Не могла иначе кончиться эта бойня, как только такой страшной катастрофой, которая случилась в России и перекидывается на Запад. "Мне отмщение и аз воздам"... И еще, может быть, одного испытания не миновать нам — черной смерти. Там, где пройдет страшная война, всегда следом идет эта страшная гостья... По тем самым полям, где лилась человеческая кровь, где зарыты бездыханные трупы павших бойцов. Господи! Сколько их пало в эту войну¹⁷¹. По чьей вине, за что? Это они вопиют из могил, это от смрада их трупов стало тяжело жить тем, кто прямо или косвенно повинен в их смерти... Да, час расплаты наступил. Треснула старая цивилизация. Будет ли лучше — неизвестно, но старое не вернется. Оно отжило. Новый период всемирной истории открылся. Действительно, теперь все, что относится к времени до 19 VII 14 года, — подлинная история. "Бывшее"... "И новый путь найдет земля"...

А жаль уюта, комфорта, в котором мы жили. Жаль всего "м е щ а н с к о г о" уклада жизни лучших интеллигентных семей, особенно в усадьбах. Жаль, что борьба за существование стала в центр жизни и заслонила собой все другие интересы. Быть бы сытым! И чтобы быть сытым — распродадут свои последние сокровища — книги, картины, любимые вещи... Все разорено. Созидется ли что-нибудь новое. А вдруг произойдет только "перемещение ценностей", "переливание из кулька в рогожку". И сегодняшние пролетарии окажутся в конце концов теми же "буржуями", только в разбавленном виде. Ведь многие, многие рабочие давно уже, с год и более года, — не рабочие больше, а ч и н о в н и к и, бю р

о к р а т ы, правящая аристократия. Какой же рабочий наш б [ывший] уполномоченный дома товарищ Розе (б [ывший] рабочий Трубочного завода), теперь чуть ли не министр по латышским делам в Петрограде! Грустно было бы, если только этим все и ограничилось.

Должны были выбирать сегодня в нашем доме “Комитет бедноты”. Ничего не вышло. Завтра опять будет собрание. Кого же это мы должны выбирать? Какого-нибудь жильца, что ли?

Ну а вдруг это: “Впереди знамен страдания много светлых дней...”. “Много, много ясной шири... Новый мир настанет в мире”... Гипноз обман. Дьяволово наваждение. “Чертов водевиль”. И в финале — сумасшедший хохот, сатанинский хохот... И все по-старому...

Хотя часы остались переведенными на час-вперед против астрономического времени, к 8 1/2, когда зажигается электричество, делается совершенно темно. Керосина нет. И сидим в абсолютной темноте. С этим временем у нас совпадает обед. Ну и привыкаем: “мимо рталожку не пронесешь”. Сегодня в начале обеда хоть печка топилась, освещала немного — часть комнаты. Зато конец обеда проходил “наобум”. С рыбой трудновато было. А сегодня, как нарочно, из столовой дали такую мелкую, костлявую рыбу.

9 X. *С[реда]*. В “Красной газете” сегодня помещена басня, которая начинается “рожей” и кончается “мордой”¹⁷². Что ж, делать, “скотина” всегда ведь останется скотиной, а не “говядиной”.

Наставили памятников. У Зимнего дворца ярко-белый бюст Радищева, у здания Городской думы — Лассала¹⁷³. Что-то родственно с Siegesallee берлинского Tiergartena. Казенно и скучно.

Куда махнули! “Почему интеллигенция не поняла Октябрьской революции? Интеллигенция оказалась невежественной в социальных науках, неподготовленной к пониманию великих общественных событий, не умевшей вдуматься в четкие научные понятия из области социологии и истории, в понятие класса, характеристики империализма, классовой борьбы... От самого интеллигента зависит избавиться от этих пороков, от него самого зависит пройти ту школу, которую проходит каждый сознательный рабочий, запасаясь багажом знаний об обществе и его законах...”. Вот оно что. Оказывается, “законы-то об обществе” в кармане у рабочего. А косные интеллигенты это-то и проглядели. Господи, до чего сильно еще вера в слова у людей.

10 X. *Ч[етверг]*. Оседлали пар, поймали молнию и заставили ее двигать станки, освещать жилища и улицы, достигли мечты человечества — стали летать в воздухе и... разодрались.

Каким-то способом дошло письмо от наших из Ейска. Отец пишет: “Старайтесь беречь свою жизнь от голодной смерти. Будьте здоровы. Шлем Вам всем свое родительское благословление, и хранит Вас Бог от всех несчастий”. В конце письма приписка рукою матери: “Я очень скучаю и сердцем больна; ночи не сплю; не знаю что...”. По сердцу скользнули мне эти строчки. Всю-то

жизнь они только и заботились, как бы прикопить на черный день, хоть свою с о б с т е н н у ю квартиру иметь под старость, где бы можно было голову приклонить... Скопили копейку, домик нажили, собственный угодили. . . И вот все брошено, все кинуто. Дом без призора, вещи брошены. Сидят где-то за тысячи верст. Как мать всегда инстинктивно боялась этого. Сердце у нее болело каким-то тяжелым предчувствием. И вот случилось же то, чего она так боялась. Теперь они нищие. Отец — старик, она полубольная, беспомощная женщина. А лишней корочки не съедали прежде, в темноте сидели, куда совсем не стемнеет, чтобы керосину меньше вышло. Экономили. Во всем; и частично в буквальном смысле один грош какой-нибудь экономили. И сколько жизни было отравлено этими мелочами. Целые истории создавались из-за этих пустяков. Боже, сколько разным таким пустякам придавалось значения, и все потому, что надо было сберечь, прикопить. . . Когда я женился, у меня было всего три рубашки, и то рваные. Все экономили! И что же получилось в конце концов.

Совсем осень. Мелкий дождь. Слякоть. Желтый лист лежит на дорожке у канала. Все как-то вдруг оголилось, оскелетилось. Нева в серовато-бурой дымке. Когда едешь со службы, контуры зданий по набережным сливаются в длинные синеющие ряды. На рябоватой свинцовой воде чернеются силуэты кораблей. . . Где-то вдали, на чуть видном в сумерках другом мосту, загораются на мгновение синие электрические искры трамвая. . . И тихо так кругом. Не верится, что столько пережили и еще, может быть, на пороге величайших мировых событий. . .

Только тишина поражает, необычная пустота улиц смущает.

Боже, как все устали. И особенно бедняки. “Все для бедных. . .”, а бедным хуже, чем когда-либо. Горькая истина — одним нахам сейчас хорошо. Они устроились, они всегда устроятся.

В трамваях висят плакаты о том, что какой-то Шинцберг читает лекции: “Религия как язва” и “Попизм”*.

Да, большевизм вырос на смраде трупов безвинно погибших миллионов людей, это они, покойники, мстят нам. Это их костлявые руки поднимаются отовсюду и сжимают нас своими мертвыми пальцами. И всей Европе не спастись. Покойники отомстят.

И кем только держаться большевики! Все-то их ругают. Я ни разу не слышал, чтобы их хвалили, серьезно защищали; особенно народ, сами же бедняки возмущаются. Не живуч тот режим, который так ненавидим. Он неминуемо погибнет. Будет ли лучше от этого — другой вопрос, но то, что большевизм в себе самом содержит яд, от которого он погибнет, — это очевидно. Все молчат

* Далее и до записи за 19 X текст публикуется по машинописи, так как в рукописи вырваны страницы.

сейчас, притаились, покорны. Кажется, никогда не было еще более низкого рабства и раболепия, чем сейчас. А мы рабы. И бунт наш был не что иное, как бунт рабов. Потому и омерзителен порою был этот бунт. Рабы бунтовались...

12 X. Пронеслась радостная весть: мир, мир, мир...

Германия предложила перемирие и согласна на вильсоновские пункты.

Боже, какое счастье — мир! И интересно отметить и это чувство: если мир, то больше всего сейчас пострадает Россия. Для России необходимо, чтобы там, на Западе, случилось то же, что произошло здесь. Иначе мы за все расплатимся. Ведь все предьявят нам свой счет — и немцы, и англичане, и французы. Ведь до 1/10 национальных богатств одной только Франции находится в России. Два чувства — радости личной и сверхнациональной и некоторого беспокойства за дальнейшие судьбы родины. Не хочется видеть родную страну, разделенную на участки “влияния” той или другой державы.

19 X. В[о]ск[ресенье]. Святое правило: “Делая другому добро, не жди благодарности”. Я так и поступаю. Я не люблю людей, т.е. тех, с кем я сталкиваюсь на службе, в трамваях, на улице. Но всем я не хочу худа; я постараюсь сделать все для них лучшее, хотя бы они и обругали меня после этого или хуже — сделали какую-нибудь пакость. “Не жди благодарности”... У нас нет детей. Если мы возьмем кого-нибудь на воспитание, Боже упаси, воспитывать его с точки зрения, что он за все это отблагодарит, воздаст сторицей. Ничего не ожидая, дать все по возможности.

Теперь все лозунги. И митинги собирают под этими лозунгами. То “дома — крепости рабочих”, то “зашатались троны” и проч. Все это риторика, пустые цветы демагогии. Особенно мне неприятен своей демагогией Зиновьев. Ленина уважаешь. Не соглашаешься и слушаешь, взвешиваешь каждое слово. А вот от слов этого господина иногда прямо тошно бывает. И язык — то такой деланный, притворный блудный...

Чему мы только не были свидетелями! Что нас еще может тешить и обманывать... Право, справедливость, братство, свобода... стыдно делается, вникая в смысл этих слов, при виде всего совершающегося. Раз все граждане поделены на категории, так о каком же равенстве можно говорить! Раз в тюрьмах томятся десятки тысяч человек, о какой свободе можно говорить! Раз кровь льется, братская кровь, своих же сородичей, своих же прежних товарищей, то о каком братстве можно говорить! Если вчерашнего буржуя сменяет вчерашний рабочий, делаясь новым буржуем, переезжая в шикарную квартиру, получая безвозмездно обстановку и все удобства прежнего владельца (тов. Розе б[ывший] рабочий, теперь значительный чин Коммуны, переехавший на житие в княжеские хоромы), то о каком же праве можно говорить!.. Что же осталось?.. Ясно, что если хотят дать торжество кому-нибудь одному, то это можно достигнуть только одною н е с п р а в е д л

и в о с т ь ю. Пусть проклято то время, когда было хорошо только кучке людей, “буржуям”... Но будь проклято и наше время, когда опять хорошо какой-то противоположной кучке, только не бедным. Кучке сумевших устроиться на новых началах. И выходит, что слова о равенстве, свободе, братстве — только слова. Всегда кто-нибудь кого-нибудь давит. Вся разница — с большей или меньшей силой.

Это даже забавно: в старую гвардию принималось только потомственные дворяне... в Красную Армию принимаются только рабочие... Служба в армии — привилегия господствующего класса. Но там раньше произошел перелом — введена была всеобщая повинность, допущены были некоторые компромиссы, нащупывалась равнодействующая. Сейчас наоборот заостряется “классовая вражда” и ненависть одних к другим... Поэты же поют о братстве, о свободе, о равенстве... И не знаешь, что тут — “профессия” или злое лукавство. Ведь никогда еще в мире не были скомпрометированы эти слова, как теперь!

Тут прибежал на днях б [ывший] сторож в архиве к своей жене: “Слава Богу, большевиков свергают. Толпы матросов идут с музыкой, знаменами и кричат: «Долой Советскую власть!»¹⁷⁴... И я не утерпел, крикнул”. Говорит и сияет от радости: “Слава Богу, слава Богу”... А все время он был тайный большевик, сочувствующий. Так много обещалось. В прошлогодние октябрьские дни на большевистских вооруженных грузовиках раскатывал вместе с победителями по городу. У нас в комитете заседал. Чуть ли не на управление архивом претендовал. Он сознавал свой вес, и с ним считались. Ничего не делал, и никто, особенно из тех, кто побаивался, не смел слишком перечить ему... “У нас свой комитет... Так постановили. Нам что: нас никто не смеет уволить... А вот...” Тут делалась многозначительная пауза... Прошло около года. Прошла их пора. Пора господства уличной черни. Пришли снова немногие и укрепились. Сторож этот у нас больше уже не служит. Не посчитались и с “ихними” комитетами. Больше того. Чего так боялся он — отправки на фронт, от чего, думал, с пришествием большевизма совсем избавился, вдруг снова предстало перед ним — его действительно отправляют на фронт. Ну, конечно, и бормочет теперь: “Проклятые большевики”, — и лепечет, прибежавши как угорелый, к жене: “Большевиков свергают”...

Этот случай, с возмущением части мобилизованных матросов, немало наделал хлопот властителем. Даже Троцкий приехал. Конечно, объявлен уже и лозунг: “Милость обманутым, горе обманувшим”. Это умно. Иначе ведь совсем конфуз: расстреливать “красу и гордость, авангард русской и всемирной революции”.

Устали. Некоторые уже не жалуются, а только иногда так, к слову, говорят: “Тяжело...”. Действительно, прожиточный минимум для одного сейчас — 500 р. Чтобы прожить вдвоем, надо 1200 р., втроем — 1800 р. И вот тем, у кого жена не служит, дети есть становится невмоготу. Нельзя даже впроголодь прожить вдвоем на 600 р., а втроем и говорить нечего. А у многих уже все

лишнее продано. Изнуряют себя... Один интимный, но характерный факт — месячные у некоторых женщин от истощения запаздывают на несколько недель, а иногда и на несколько месяцев. Дети страдают больше всех. у Н—ка умирает ребенок. Не будь истощен организм, он, может быть, и справился бы с болезнью.

Листопад. Все деревья словно обуглились, черные, сучковатые. Сыро очень. По временам стелится мокрый туман. Так что часто, когда едешь через Николаевский мост, кроме серой мглы и кусочка темно-свинцовой воды, ничего не видишь. У конца моста торчат на носу миноносца гюйс, но корма потонула в туманной мрази. И все такие скучные, озабоченные, озлобленные. Выходят из тумана и скрываются во мглу. Словно в каком-то фантастическом романе.

Всюду развешены плакаты. Как бороться с распространившейся в городе “испанской болезнью”, по всей Европе кочует эта незванная гостья. Добралась и до нас. Кто и что только не посетило нас за эти годы! Не собрала еще свои страшные “палочки” злая холера, чтобы засеменить дальше, как нагрязнула новая мерзкая гостья... При этой болезни идет носом и горлом кровь, сильная боль в кишечнике, полный упадок сил... А дальше кого ждать?.. Есть у нас и постоянные жильцы: тиф, чахотка. Это “обычные явления”. Но вот один из таких аборигенов слишком обнаглится* за это время — это грозные болезни. На каждом шагу висят предостережения, адреса лечебниц, таинственно-страшные цифры “606”. И не ипохондрику вдруг так мерзко и отвратительно станет на душе... И заболит душа по солнцу, по зеленым клейким листочкам, по чистой, прозрачной, родниковой воде и куску свежевыпеченного черного хлеба... И ничего, кажется, не надо бы больше...

Будут ли после революции счастливые люди? Нет, конечно, нет. Слишком расстроен порядок жизни. Долго не наладить хоть какой-нибудь мало-мальски сносной жизни. Некоторые все потеряли, но большинство-то все-таки осталось ни с чем. Выиграло другое меньшинство. И только. Но пусть так. Я все-таки считаю, что революция нужна была нам. Мы загниваем. Много было болячек. Может быть, в огне и крови очищаемся. Банкротство наше, может быть, многому научит нас и отрезвит. Это ничего, что я, другой, третий страдаем. Лес рубят, щепки летят. А может быть, новый фундамент закладывается, новые основы жизни создаются. Ведь лжива, в самом корне лжива наша цивилизация. И неудивительно, что она завершилась катастрофой, как всемирная война и большевизм.

Одно ясно, если мира не будет, то будет революция на Западе,

* Так в тексте.

подобная нашей, если не хуже. Руководящее меньшинство потеряет и там власть над массами. Неминуемо придут другие люди. Они уже готовы взять власть в свои руки. И некоторый опыт уже у них есть. И вождь приготовлен... Даром никому не пройдет этот ужас. Возмездие за безумную бойню придет...

А может быть, это и искренне, и во всяком случае не без таланта:

Призыв

Волнуемый, как океан безбрежный,

Я вам кричу в час битвы роковой:

Откликнитесь на призыв мой мятежный

Вы, с детства обожженные грозой...

Я младше всех, но в пламени пожара

Окреп мой дух для новых битв и ран,

Для грозного победного удара

Собирайтесь угнетенные всех стран!

Горит весь мир в объятиях железных,

А новый мир в восстании труда.

Всех ваших сил, всех ваших душ мятежных

Смыкайте огневые провода...

Гроза сверкнет, и яростное пламя

Размечет гром в тревожные сердца,

Настал черед под огненное знамя

Собраться всем и биться до конца...

О, если молот ваш в тревоге повседневной

Заставит шар земной испуганно дрожать,

Ужель у вас не хватит силы гневной,

Чтоб рабские оковы разорвать...

В последний бой железною стеною

Поднимемся со всех концов земли,

Чтоб мир пахнул нетленною весной,

Чтоб счастья все фиалки расцвели.

Смотрите, как вольнее и бесстрашней

Гудит набат восставшего труда...

Собирайтесь, чтоб вновь сверкнули пашни,

Из пепла возродились города...

Волнуемый, как океан безбрежный,

Я вам кричу, сжимая свой клинок:

"К восстанию! И в стан Ваш зарубежный

Бросаю ран моих пылающий венок!"...

(Самобытников. "Правда", 19.10.18).

Хорошо так верить — легче жить... Я не думаю, что написано “по профессии”.

То, что хлеб отправляют в Германию, большевики не отрицают. Для военнопленных наших. Сейчас это самое больное место для изголодавшихся петроградцев. Успокоит ли их это разъяснение?

Если теперь приходит кто-нибудь третий в семью из двоих, то он объедает их, съедая по половине у каждого. Вот и принимай теперь гостей. А есть очень хорошие люди, но вот этого и не замечают. Сами аккуратны до обгрызка, корочки, но у других и пообедать не откажутся, и не один раз, так ничего и не замечая... Действительно, сейчас каждый к у с о ч е к в буквальном смысле дорог и учитывается. И Боже меня упаси, зная это, где-нибудь съест по л о в и н у или часть у другого.

За 3/8 ф. простых гвоздей с нас взяли 3 рубля. Вот и строй что-нибудь. А задвижку нашли только ржавую и составную притом, из двух разных. Вот степень состояния материальной культуры. Если грянет мировая революция, опустимся еще ниже. Противно смотреть, как все запачкалось, облупилось, не чинится, не красится... По некоторым мостовым проехать нельзя. В квартирах грязь. Прислуг не держат. Полы не моются. Бани дороги — сами редко моются. Белье редко тоже стирают. От нашего дворника невыносимодурно пахнет. По-видимому, он никогда не раздевается и на нем все сопрело от грязи. К тому же он еле жив. Муся сама рубит и носит вязанки дров. Сама все делает. Пригласила было тут женщину убираться. Дала ей 6 р. за неполные 4 часа работы, и не пришла больше. А все жаловалась, что дела нет, денег нет... И ничего не поймешь. Одни пухнут с голоду. Другие... Другие могут покупать яблоки. На всех углах стоят торговцы и торговки и продают яблоки. по 3—4 рубля за штуку. И ведь, находятся люди — покупают. Кто-то может покупать!

Седьмой час времени. У нас совсем темно. Электричество зажигают полчаса восьмого. Керосина нет, свечей нет. Вот и сиди так, “сумерничай”. Пишу сейчас набум, не видя написанное. Культура, нечего сказать!.. А ведь мы уже год не “воюем”... Что же дальше будет. К лучине вернемся... Да и лучины, пожалуй, не будет. Доканчиваю эти строки через два часа, когда уже зажглось электричество. В это время обедали. В темноте. К концу обеда совсем темно было, так что совсем не видели, что ели. Теперь мы всегда это время “утилизируем” на обед. “Мимо рта не пронесешь”...

В.А.* рассказывает. В дни, когда умирал Ленин и “буржуазия” расплачивалась тысячами жизней за безумный поступок какой-

* Вероятно, сестра Князева Валентина Алексеевна.

то несчастной женщины, стрелявшей в вождя коммунистов, к ним, в Новгороде, около 12 часов ночи прибежал как-то сосед. Лица на нем не было. “Получена телеграмма: «Ленин умер. Мстите до конца». Что же делать, что же делать?” — метался он.

“Да чего вы волнуетесь, — урезонивали его. — Вы ведь не в числе заложников”. “Нет, нет, сказано: «Мстите до конца». Я не пойду домой спать. Я спущусь в сад и буду дежурить.” — “Да чего Вы, опомнитесь: на улице проливной дождь”. Никакие доводы не убедили несчастного. Он все-таки просидел часть ночи в саду. Это все тот несчастный судейский, член суда, Георгизон, который как-то тут осенью прибежал к нам и поразил нас своей болезненной трусостью. Всего-то он боялся. Прислушивался к стенам. Расспрашивал нас, как проехать в нужное место, чтобы не обращаться к встречным на улице или в трамвае. Все время как-то боязливо озирался. Все, боясь не запомнить, записывал в записную книжку... Вот это он и сидел под проливным дождем в саду после ложной телеграммы. И все-то у него и ему подобных “телеграммы”, “самые последние известия”, “достоверные”, из первых рук... И полное извращение перспективы. Новгород вдруг — это последняя цитадель большевизма. Там последний оплот и т.д. ... Георгизон, этот университетский человек, член суда, очень обходительный и душевный человек. Ни в каких партиях никогда не состоял, никуда не совался. Жил скромно, честно исполнял свой долг; был примерный чиновник. Но вот стряслась одна беда — Февральская революция, пришла другая — Октябрьская. И Октябрьская революция, после которой он потерял свое место, окончательно выбила его из колеи, он потерял душевное равновесие. Вся его жизнь с тех пор какая-то мука; и день и ночь — сплошная тревога. По душе, будучи сторонником старого уклада жизни, дофевральского, он принужден был, после того когда продал все менее необходимое, искать какие-нибудь занятия. Он хороший музыкант. Поступил в оркестр. Оркестр этот большевистский. Раздумывать не пришлось. Предлагали поступить в военные оркестры. Но мысль о том, что ему с флейтой придется в торжественных случаях ходить по улицам Новгорода, ужасала его. В том же оркестре, в котором он устроился, нужно было выступать только в театре или на концертах. Стал музыкантом. И сына куда-то устроил — в штаб красноармейский. Сын получал паек, которым так все дорожили в семье... Все, казалось, обошлось. Они были гарантированы: “советские, дескать...”. Но вот надо же было случиться, что в оркестре узнали старого знакомого — бывшего новгородского полицмейстера, игравшего не гобое... Его арестовали. С этих-то пор Георгизон и заметался, потеряв окончательно свой покой. В другой город задумал уехать... Стал сноситься с знакомыми по этому поводу. А тут и случилось убийство Урицкого, покушение на Ленина. В Новгороде начались репрессии. Были взяты заложники. Семь человек расстреляли. Тут силы совсем ему изменили... Вот мы и видели его тогда бежавшим из Новгорода. Он бежал оттуда, чтобы искать место где-нибудь на железной дороге,

обязательно с пайком... Этот паек ему казался самым необходимым в жизни. И действительно, рассказывают, что он и жена его только и делают, что едят, неизменно много едят, проедая его и сына и красноармейский паек сына, и пугают друг друга “последними, самым достоверными телеграммами”.

А вот есть и другие “типы”. Во времена Временного правительства они, чтобы сделать карьеру, записывались — одни в кадеты, другие перескочили и записывались в трудовики. Теперь расплачиваются. Некоторые же из них записаны “заложниками”. Сидели в тюрьмах. А А.И.К., как был, так и остался цел-целехонек со своими консервативными взглядами, и никто его не трогал и не тронет. Он ни к каким кадетам не приписывался, никаких карьер не собирался делать. Он выжидал и выжидает. Служил Николаю, служит Ленину. Не любит только вспоминать время Керенского. Менее всего ему по сердцу были эти “либеральничания”. Ленинскому режиму он многое простил, потому что слишком этот режим напоминает николаевский. Ведь одолей тогда Дубровин и К^о, т о ж е с а м о е было [бы], только наизнанку. Дело привычное, следовательно. К “керенщине” сердце не лежало, как “противное по духу своему”. Это, что мы переживаем сейчас, — пусть мерзко, но это проявление силы, и кто знает, что будет после Ленина... Вот они, наши строители жизни народной.

“Вся страна объявлена сейчас военным лагерем”, — сказал т.Троцкий на митинге матросов. Действительно, мы накануне великих событий. И как характерны эти слова: “Помните, что мы сейчас имеем настоящую Родину, где все принадлежит нам. И если кто-либо не желает защищать эту родину, хотя и бедную, мы должны уничтожить эту сорную траву”, — это сказал Троцкий.

Заводские трубы задымили снова. Снова решено готовить снаряды и военное снаряжение. На очереди дня — война с Югом.

21 X. Люди всегда останутся людьми. Не в крови человека коммунизм.

Действительно, наш б[ывший] уполномоченный домом товарищ Д.И.Розе, бывший рабочий, поселился теперь в барской квартире... Владелец квартиры был убит. Жена с детьми после смерти мужа куда-то уехала. Вот в их квартиру и въехали Розе и его друг Рудзис. У них теперь несколько комнат. Ковры, зеркала. Все имущество поделили. Жена Розе и сожительница Рудзиса перессорились. Никак не могли поделить розовое шелковое платье. Наконец поделили. Рудзис получила шикарное платье. Розе — золотые часы. Она тут приезжала на старое пепелище. Жаловалась на нервность — так много работы. Обойщик поправлял гардины... И все не так... Это все она и разболтала по глупости. Приглашала старых знакомых взглянуть, как теперь они живут. Хвасталась. И вид и замашки — все по новой мерке. Кто бы сказал, что это вечерняя фабричная работница. Буржуйка самого низшего пошиба... Вот он во что вырождается, коммунизм. Неужели и все этим

кончится? Что же в результате? Одно понижение культурного уровня, огрубление. А по существу все то же.

На углу надпись: “Крушение сытых”. Крупными буквами, как аншлаг. И ничего более. По ассоциации вспоминалась другая латинская надпись, которая бросалась в глаза года четыре-пять тому назад: “Виши”. И тоже четыре буквы всего, без всяких пояснений.

Там, где был Василеостровский совдеп, снова объявился 162-й свободный эвакуационный госпиталь, как и в дни войны... На улицах ряды обучающихся воинскому строю.

22 X. *Вт[орник]*. Грязно живут теперь люди. Особенно когда с ног сбываются. У начальника четверо детей. Жена тоже служит. Конечно, без прислуги. Дома хаос. Грязь комками лежит на полу... А теперь, когда сильно болен его маленький сын, и, вероятно, безнадежно, и когда мать денно и нощно около больного ребенка, в доме совсем все пришло в упадок, загрязнилось, сдвинулось с места. Остальные детишки ходят чумазые. Платице на старшей девочке цвета затертой тряпки... В столовой все повалено, сбито в кучу... И так странно бросается в глаза замечательный резной буфет японской работы с изящным перекидным мостиком вместо полки посередине. Это к ним поставили на время их знакомые. От этого буфета при окружающей неуютности, развале, невольно остается какое-то грустное впечатление одинокого островка бывшего комфорта и уюта...

На службе неимоверный холод, 8° по Р. Стынет и ломит все тело. К 5-ти становится невтерпеж. Больно становится от холода. Домой придешь, и тоже не тепло. Тут было так, что несколько суток я напролет протрясся: ни днем, ни ночью не мог согреться.

Пишут, что турки подписали мирный договор с Антантой¹⁷⁵. Так в большевистских газетах называют теперь Согласие. В скором времени можно ожидать появления англо-французской эскадры в Черном море...

23 X. Так и стоят третий-четвертый год начатые постройки зданий и неоконченные. Некоторые в лесах, другие только начатые, третьи почти готовые...

Трудно что-нибудь представить грубее кондукторши. Это фурии какие-то. Ничего нельзя спросить — огрызаются. Вагоны ими отправляются часто почти без остановки, несмотря на то что публики скопится на остановках очень много. Если сделают замечание, в ответ поднимается крик, лай... И выходит, что не трамвай для публики, а публика для уплаты жалованья кондукторам. Чтобы говорить названия остановок — об этом и мечтать нечего. Когда спрашиваешь, то не отвечают. Не люди, а собаки какие-то. И где же это женская мягкость, женственность! Может быть, я не прав, но противно видеть эти угрюмые, глупо-дерзкие лица... А барышни в канцеляриях! Нет ничего несноснее этих созданий. Заносчивы, назойливы и неприятны. И тоже толку не добьешься. Часто и не разговаривают с имеющими до них дело.

Просители часто теряют часы и целые дни, чтобы добиться какой-нибудь справки. Чудовищная канцелярщина свила себе гнездо в советских учреждениях. Диву даешься, как такой бюрократизм взрос на корнях “небывалой по размаху революции”...

25 X. Творцы и вдохновители революции у нас евреи, и фактически исполнители этих идей — латыши...

Карл Либкнехт, два с лишним года томившийся в тюрьме, выпущен на свободу¹⁷⁶. По этому поводу ликовали в Москве и Петрограде. Митинги, резолюции, телеграммы. Либкнехт приглашен на “Октябрьские” празднества в Россию... Либкнехту, как вождю III Интернационала, посвящены все столбцы газет. Демьян Бедный даже успел написать стихотворение:

Упал замок на пол холодный,
Раскрылась дверь тюрьмы сырой,
Среди рабочих вождь народный,
Бойцы, вперед! Смыкайте строй!
С завода весть летит к заводу,
Надежды новые будя,
Привет рабочему народу,
Так долго ждавшему вождя!"

В Берлине, пишут, состоялась многолюдная манифестация в честь освобождения Либкнехта. Участвовало будто бы до 200 тысяч человек. Либкнехта везла толпа на себе в телеге. Перед зданием русского посольства на Unter den Linden Либкнехт сказал краткую речь, закончив ее приветствием русской революции и первому посольству первого правительства мозолистых рук.

Политика Либкнехта вся насквозь проникнута духом Интернационала. “Та политика, которую я провожу и отстаиваю, — пишет Либкнехт, — предписана резолюцией международного социалистического конгресса в Штутгарте, обязавшей социалистов всех стран, в случае если они окажутся бессильными предотвратить возникновение войны, содействовать всеми средствами ее быстрому окончанию и использовать созданное войной положение в интересах скорейшего уничтожения капиталистического строя”.

И всей своей жизнью Карл Либкнехт доказал, что слова его не расходятся с делом.

Из речи Луначарского, посвященной Либкнехту: “Для нас в нашем великом деле главнейшим лозунгом является следующий: «Народы, не позволяйте ссорить вас друг с другом, ибо вы братья». И первый, кто сказал это своему правительству и своему народу, был немецкий социалист, наш брат и друг Карл Либкнехт...”

Это он, Карл Либкнехт, послал Циммервальдскому съезду свое знаменитое заявление: не гражданский мир, а гражданская война и война у себя внутри с насильниками и эксплуататорами рабочего класса...

На Потсдамской площади (1 мая 1916 г.— Г.А.) Либкнехт открыто говорил о восстании против власти, против банкиров и капиталистов, и за это его три года держали за решеткой...

Циммервальдский съезд, на котором выступали одинокие вожди пролетариата, скоро превратится в общий европейский съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, который и решит судьбу мира и установит вольность и свободу...

Что это — действительное начало мировой революции или только отголоски нашего “движения масс”... Мне одно непонятно, как это немцы выпустили на свободу того, кто, не скрывая, говорит об обороне на смерть с классовыми врагами трудящейся массы, т.е. буржуазией и всем капиталистическим строем, и проповедует гражданскую войну. С кем я ни говорил, никто не может объяснить этого факта...

Какая гражданская идея германского могущества рушилась: “Гельголанд—Багдад”. Теперь союзники требуют отступления германских войск на правый берег Рейна и нескольких мостов через Рейн для контроля...

В феврале немцы нам уготовили Брест, в октябре сами близки к своему “Бресту”. Большевики так смотрят на корниловское выступление в августе прошлого года: “Корниловская авантюра решила судьбу России, и тогда был подписан приговор над всей западной и мировой буржуазией”.

Луначарского сейчас считают спасителем культуры. Он все больше и больше завоевывает симпатии. “Самый гуманный и культурный из большевистских деятелей”. Зато все, все ненавидят Зиновьева. За его кровожадность, фразерство, я бы сказал пуштозвонство, если бы не было пролито столько крови при его участии. Не любили еще покойника Урицкого. Действительно, этот революционный деятель превзошел всех царских жандармов, и имена Дуббельтов, Бенкендорфов, Грессеров и Треповых¹⁷⁷ ничто в сравнении с ним. Назвали в честь его имени дворец и площадь в Петрограде. Безнадежное дело. Никогда не привыкнут эти названия. И Таврический дворец, и Дворцовая площадь всегда останутся под своими старыми названиями... Вот если пришлось бы назвать что-нибудь именем Ленина, это привилось бы. Добился-таки своего — ненавидят, но уважают.

29 X. Большевики наобещали с три короба к праздникам, а теперь жмутся. И по фунту хлеба, и булку, и сахару к чаю обещали, а теперь от одного “отперлись”, другое сократили до минимума. “Вот и верь им”, — говорят разочарованные “существователи”.

На чем держатся большевики. Я тщетно ишу ответа. Вот один еще. На общей усталости, на реакции, на голоде. Люди устали, еле ноги волочат, где тут еще новую революцию делать.

Все чаще и злобнее говорят об отправлении большевиками хлеба в Германию.

Весь город готовится к празднику. Везде столбы, щиты. Бог знает, что обещано! Между прочим, будет обращено особое вни-

мание на “самый красивый предмет, протекающий через весь город” (!). Так и сказано. Этот предмет — Нева. Праздники будут продолжаться три дня. На третий день “каждому гражданину будет предоставлено все, что ему захочется...”. Это не из сатирического какого-нибудь журнала, а из “Красной газеты”... Особенно должен украситься “Дворец Труда”. Там кипит работа, конечно, какой-то монумент воздвигают перед дворцом. Теперь всюду монументы...

Приехали родственники из Москвы. Служили в Комиссариате путей сообщения. Выпросились на службу в Петроград. Слишком плохо сейчас в Москве, да и боязно. Особенно тем советским служащим, которые живут в реквизированных гостиницах. При первом движении против большевиков прежде всего не поздоровится тем, кто, состоя у них на службе, разместился в отелях и реквизированных особняках. И бегут, кто может, из Москвы.

Ленин констатирует: момент чрезвычайно важный. Большевизм — осознанная всеми сила. И с большевизмом западными империалистами, по-видимому, решено покончить. Предстоит ожесточеннейшая борьба, от исхода которой будет зависеть судьба Советской республики.

Кто же “большевики”? Присматриваюсь и никак не могу разглядеть их вокруг себя. Вокруг меня их нет.

Немцам приходится плохо. Турция вслед за Болгарией заключила мир. Чехия объявила себя независимой. Венгрия объявила себя независимой. Поляки требуют включения в состав свободной Польши Силезии и Познани. Датчане заявляют притязания на Шлезвиг-Голштинию. Само собой разумеется, от Германии отходят Эльзас и Лотарингия... Надорвались. После отчаянных наступлений в начале нынешнего года полное изнеможение. Намечается отвод войск из оккупированных мест западной России и Украины. Интересно, чтобы спасти Украину от большевизма, додумались до какого-то международного Управления (Жандармерии?) и с швейцарским адмиралом во главе!

Сейчас “Красный Питер” отдыхает. “Смрадный демагог” Зиновьев уехал на фронт. Зиновьева заменяет “любимец” питерцев — Луначарский.

Сколько оттенков в этих названиях города Петра Великого: Санкт—Петербург. Петербург. Петроград. Питер. Город Святого Петра. Северная Пальмира. Парадиз. Северная столица. Полнощных стран краса и диво. “Красный Питер”. Все чаще и чаще раздается это имя. Оно и правильно: простой народ всегда звал северную столицу “Питером”. Это название ему понятно. Может быть, большевики так и будут называть Петроград. Готовится декрет о полной отмене церковных праздников. Не будет занятий в седьмой день недели, всего 52 дня в году. Каждому служащему будет предоставлен месячный отпуск в году. Итого 82 дня. К этим дням будет прибавлено 5—6 государственных праздников. Таким обра-

зом, нерабочих дней будет около 90, или 1/4 всего года. Что ж, это, пожалуй, и хорошо. Мы слишком много праздновали.

Мы пережили в сентябрьские дни тактику: “Лучше десять невинных казнить, чем одного виновного помиловать”. Тоже термин: “Местная чрезвычайка”.

Вместо торговли — “компродов” — единый общегражданский и советский аппарат распределения. Вместо кооперативов — “государственные лавки”. Вот уж куда мы шагнули!

Что теперь говорят наши антимиитаристы: “Всякая великая революция...должнапоставитьна место старой армии новую. Армия являетсяплотьютотплоти и костью откостивсякогообщества, построенного на антагонизме классов” (“Правда”).

Историку трудно будет разобраться в этих бесчисленных метаморфозах. Иногда они слишком чудовищны и “ни в какие ворота не лезут”.

Интересен этот процесс разложения царской армии. Ведь так и разбежалась, рассыпалась эта бесчисленная серая масса. В какие-нибудь три-четыре месяца на фронте никого не осталось! Потеряли свое магическое действие какие-то слова и фетиши, и все развалилось. А теперь созданы новые слова и фетиши, и снова люди воюют, льют кровь... Удивителен человек, душа его удивительна!

30 X. У нас на службе по-прежнему невыносимо холодно. Каждый день все коченеют и заболевают. Все время на службе не больше 1/2 состава. Все забрались в переплетную, которая превращена теперь в кухню. Жарят и пекут картофель. Варят чай. И тут же пьют, едят и занимаются. Конечно, ведутся разговоры. И все об еде, об еде. Самое центральное сейчас в жизни. Склонившись к плите, стоит, грея руки, старик Гржимайло и рассказывает, как он с женой получили уведомление по телефону, что к ним приедет обедать только что вернувшийся из Москвы хороший старинный знакомый. Как быть? Пришлось что-нибудь предпринимать. Прежде всего он часто у них обедал, и они у него. Жена поехала разыскивать провизию. Раздобыли курицу за 60 р., сахару, шоколаду и приготовили обед, который напомнил старое доброе время, но и стоил несколько сот рублей. А назавтра полетело из библиотеки Гржимайло несколько ценных книг к букинисту, чтобы заткнуть образовавшиеся дырки в бюджете... Вот что значит теперь приехать к кому-нибудь пообедать!.. Другой раз прямо “смешно” делается, до чего мы дошли и до чего еще дойдем!

Только и разговоров, что о большевистской сайке. Легенды уже сплетаются вокруг этой злополучной, обещанной на праздник сайки!

Наша сторожиха ездила в Витебск за продуктами. Кое-что привезла. Нарочно брала с собой девятимесячного ребенка и мальчика лет шести. И действительно, только благодаря этому смогла привезти 20 ф. муки и 5 ф. сахару. Иначе отобрали бы. Все отбирают при обысках. Но страдают больше ни в чем не повинные

труженики, везущие для себя. Спекулянты же работают всюю. Голь на выдумки хитра. На некоторых женщинах надеты юбки и нижее белье, сплошь под подкладкой набитые сахаром. Всюду притеснения, измывательства над своим же братом. Клянут большевиков.

Васильев слушал—слушал сторожиху и вдруг тихо, мечтательно спросил: “А ситный Вы там в и д е л и?”...

Не может долго держаться та власть, которая так поносится самими же низами, ради блага которой якобы и делает все существующая Советская власть. Никакого морального авторитета большевики в массах не имеют. Держатся они потому, что одни запуганы и голодны, другие же хорошо устроены, и им выгодно создавшееся положение... А там хоть трава не расти!..

Есть и такая теперь-идеология: “Мы России не раскачивали, мы не повинны во всем ее унижении и позоре. И потому мы спокойны. И наш единственный лозунг — изжить скорее до конца всю эту мерзость. А теперь, чтобы изжить, надо укреплять как можно больше свой организм питанием — есть и есть...”. И едят, и спокойны, и ждут, когда “мерзость будет изжита”.

Лучше всего сейчас устроились те, кто всегда так был “предан” трону. Оказывается, преданность эта была искренняя, “собачья”... “Уважаю того, с чьего стола мне подают крошки”... Господи, как им всем мало было дела до России!

Ведь вот в прошлом году разбежались с фронта, а нынче опять с винтовкой на плече и снова гибнут от ран и болезней. Ведь казалось, никакими силами не заставишь пойти воевать снова. А вот пошли и воюют.

Видел сегодня взвод Красной Армии. Все больше мальчики 18—20 лет. Идут с винтовками врассыпную, в желтых стеганых куртках, серых меховых шапках. Все одеты по-разному. Какая-то разношерстная кучка вооруженных людей; а странно так, что это новое войско и что, может быть, этому войску суждено еще многое совершить.

Еще новая категория объявилась — “особо истощенные”. Мы вроде жвачных теперь. Целый день едим и сыты не бываем. Ну что толку съесть два-три-пять фунтов картофеля. В особенности того, который теперь выдается: водянистый, дряблый такой. Притом наполовину — гнилье (сперва сгноили — потом выдают). Или несколько фунтов овощей. Желудок полон, а не сыт. Все деньги уходят на еду. В результате новый вид “особо истощенных”.

Раздражение против большевиков все растет. Те, кто приписались к общественным столовым, — бегут. Очень плохо стали кормить. Только тем хорошо, кто около столовой “греется”. Воровство там, говорят, непредставимое. В результате столующиеся, заплатив 3 р. 50 к., и голодны, и не знают, что только они перед этим съели. Наша знакомая говорит, что в понедельник, когда получила какой-то форшмак, з а ж м у р и л а с ь и съела... Это

было что-то кислое, дурно пахнущее, мерзкое. Но что же было делать: безумно хотелось есть. И едят.

Особой популярностью сейчас пользуется жена Горького, г-жа Андреева¹⁷⁸. К ней обращаются за заступничеством перед властью имущими. Горький же принимает необходимые для этой меры в самом Кремле, перед лицом революционного трибунала.

Он, Горький, говорят, примирился с большевизмом и принят там с почетом. Суханов тоже, кажется, примирился¹⁷⁹. Как поздно, через год почти. А “столпы отечества”, “верные слуги монарха”... О, они давно ездят на запятках большевистской кареты и иногда уже больше большевики, чем сами большевики...

Иногда такая страшная усталость чувствуется. И физическая, и душевная. И не глядел бы ни на что... И уснул бы. Мало радости стало. А впереди ее еще меньше. Хотели всех счастливыми сделать. Никого не сделали. Точнее, всех несчастными сделали. Я не видел ни одного хоть мало-мальски довольного человека. Из честных. О тех, коим при всяких условиях хорошо, не говорю. А честным плохо. Иногда до потери покоя, до потери чувства радости, приятности жизни. И впрямь какой-то бедлам, наваждение, а не жизнь. Слово — угар, поднялись испарения крови, и мы, оставшиеся в живых, задыхаемся.

Сегодня у нас в архиве были грубые большевики — комиссары. Нас выселяют. На месте архива хотят устроить квартиры для к-ра порта. Один из комиссаров, войдя в хранилище, посмотрев на дела, цинично спросил: “А сжечь все это нельзя?”. Мне стоило больших хлопот, чтобы показать им на примере значение архива и возможности перевозить архивный материал, как дрова. Я все время нажимал на количество и качество. Показал массу драгоценных памятников. Из архива они вышли уже совсем другими, посбавившими в спеси и заносчивости и даже любезными... А мне после их ухода стало неизмеримо грустно. Кто распоряжается нашей жизнью и всеми накопленными с таким трудом культурными ценностями — какие-то проходимцы, грубые, случайные люди!

Ну и пусть бы распоряжались. Я примирился бы с этим. Пусть даже сожгли бы архив. Если бы кому-нибудь от этого жилось легче и лучше. Но ведь горе-то в том, что никому не лучше. В с е м стало хуже. Так для чего же тогда такая бездна страданий? Ведь сумма всех тяжелых переживаний и ужасов, выпавших на нашу долю, чересчур колоссальна, не по силам на одно человеческое поколение. Нет ничего мудреного, что мы устали, обессилели...

2 XI. Венгрия отделилась от Австрии. В Венгрии провозглашена республика. Над парламентом развевается красное знамя. Славянские области объявили себя самостоятельными. Австрия развалилась.

По телеграфным сведениям, и в Вене революция. Император Карл с 18 вагонами своих сокровищ выехал из Австрии. Суда австрийского флота захвачены матросами. Суда будут поделены между национальностями. Город Фиуме отошел к Италии. В Бол-

гари Борис принужден был отречься, и там тоже объявлена республика.

Действительно, величайшая из войн влечет за собой величайшую из революций. Не могло пройти даром убийство почти 10 миллионов людей и ранение и искалечение еще вдвое большего количества. А весь тот кошмар войны, бесчисленные страдания, лишения, миллионы разрушенных гнезд... За все будет расплата... “И новый путь найдет земля”.

А в то же время вокруг большевиков стягивается новое кольцо. Красновские войска стягиваются под Псковом¹⁸⁰. На “верхах”, т.е. у наших властей, заметна тревога. Еще бы, говорят, что предприятие затевается англичанами и американцами. Они будто бы поставили своей целью задушить Советскую власть. Конечно, об этом ничего не пишется. Мы толком ничего не знаем, все только шептания. И плетут же!.. Но факт сосредоточения войск под Псковом против Советской власти, кажется, не плод вымысла.

В декабре обещают всех советских служащих удовлетворить вместо жалования денежными знаками натурою. И “удовольствия” даже обещаны.

В “Красной газете”, в передовой статье, так прямо и говорится: “золотой век”... “Человечество приближается к своей заветной мечте... Советская Россия указывает путь”.

Все площади застраиваются. Какие-то заборы воздвигают. Въезд на Николаевский мост почти целиком забрали вагонкой, оставив только два проезда по бокам. Вчера из порта привезли целый воз красной материи. Откуда только берут ее! Всюду стучат, роют, прикрепляют.

Среди матросов все время глухое недовольство властителями. На пожаре в Адмиралтействе, не стесняясь, поносили большевиков и грозились им: “Только бы праздничек отпраздновать, а там мы покажем им”.

А я об одном думаю: было ли бы лучше, если [бы] большевики пали? Пожалуй, что нет. Они одни только и могут совладать с массами. Не будь большевиков, мы пережили бы все ужасы и мерзости самой разнузданной анархии. Большевики спасли Россию от крайностей дичайшего русского анархизма. Анархизм—то коснулся нас так, только краешком.

Тяжело, пусть будет еще тяжелее, но все—таки интересно жить в такую пору. Все “переставляется”... А вдруг и впрямь: “и новый путь найдет земля”?

Я не предубежден. И не стесняюсь признаться, что все мы потерпели массу страшных поражений в несокрушимости нашего научного мировоззрения в области истории. Раз все оскандалились, предполагая, что мировая или тогда только европейская война возможна всего несколько месяцев. Иное не только предполагалось, но и не мыслилось. Второе — это то, что случилось в прошлогоднем октябре. Все ждали, что большевики, захвативши власть, продержатся очень недолго: сама собой их власть падет.

И... большевики держатся... И третий государь теряет на Западе свою корону!..

Быть чище, быть лучше. Вот лейтмотив всей моей жизни... Выше, выше! Но не одному — с другими. Чтоб и другой был чище, лучше. На высоты человеческого духа. На вершину. Но не в замкнутость, в келью, в не достигаемость. Моя мечта — “среди людей остаться человеком”.

Я ненавижу иногда своего ближнего, но я никогда ему не сделаю худо. Покуда не делал. Совесть моя чиста. Нет у меня больших добрых дел, но нет и тяжелых воспоминаний. И, делая другому “добро”, я никогда не жду от него благодарности. Мне кажется, что ожидание “отплаты” тут слишком нежелательно. Если сердце велит, сделай. И если за сделанное добро “отплатили” тебе черной неблагодарностью, не останавливайся перед движением сердца в другой раз и делай. Не из любви, не из тщеславия, не из чего-нибудь там “высокого, прекрасного”, а по человечеству: “среди людей остаться человеком”.

Дух, дух человеческий. На каких вершинах он парит иногда! Чтобы было, если только кровь, слезы да слезы. Слишком пали люди. Слишком озверели, осатанели. Грубы, жестоки... Дух, один дух человеческий спасет. Светлые идеи, рожденные лучшими людьми. Огненные светильники, зажженные на случай всеобщей тьмы, великого позора. Без них смерть. Конеч.

Я не могу без волнения читать этих строк, написанных студентами-медиками своему профессору: “Учитель, научи нас трудной науке среди людей остаться человеком.., научи нас любить правду, перед ней одной преклоняться. Отдавая всей душой мгновенным порывам к добру, мы часто быстро падаем духом. Научи же нас, где черпать ту силу, чтобы до преклонных лет сохранить чистоту и свежесть идеалов, чтобы жизнь, пригибая наше тело к земле, не сгибала, не стирала нашего духа...” (Адрес студентов-медиков профессору Гирману 24 VIII 1895 г. См.: Кони, “докт.газ.”, СПб., 1897).

О, святые идеалисты. И пусть многие из вас потом обессилели, но порыв ваш запечатлен. Много святости было, много подвига в русской интеллигенции. Она, правда, ошибалась, ошибалась. Вскрывайте это, объясняйте, но не поносите... Хулой на Духа Святого будет это поношение.

Жить как-то легче делается при чтении таких строк... Они мажак. Уляжется буря. Только бы вот не погас этот огонек. О, Боже, как кругом свистит и неистовствует буря! Какая свирепость, какое разделение... “Учитель, научи... среди людей остаться человеком”.

Плохо сейчас, а было лучше? Все язвы были только прикрыты тряпьем и мишурой. Только немногим было хорошо. Сейчас только все обнажилось. “Хороший тон” не позволял этого прежде. Теперь не до тону.

Стоит вспомнить один Гай-Маркет у Достоевского (“Зимние

заметки о летних впечатлениях”), Нелли, Соню, отца и мать Нечки... Это в литературе. А грязь и нищету в рабочих кварталах Петербурга, разврат, пьянство, грубость в “низах”... Это в жизни.

5 XI. Всюду стучат молотки, копошатся люди. Целые арки возведены, грандиозные щиты с картинами. Николаевский мост с обоих концов застроили громадными “триумфальными воротами”. Всюду столбы, обтянутые красной материей, переплетенные еловыми ветвями. Тысячи людей работают денно и ночью. Целые куски красной материи так и развертываются обойщиками, взгромоздившимися на высокие лестницы, и полотнища закручиваются на столбы... Вот это больше всего нервит “народ”. Скоро без штанов и рубашек ходить будем, а тут целыми кусками материи столбы заворачивают... Все реквизируют, ни по одному ордеру ничего не получили, а тут... Тут небывалая вакханалия. Такой расточительности — не денег, нет, что деньги! — а добра трудно представить себе. Все разваливается, не ремонтируется, а тут целые леса бревен, тысячи досок, сотни пудов гвоздей, веревок... и самое бесценное — холста и разной материи.

Весь город принял какой-то насторожившийся вид. “Народ” озирается... Редкие осмеливаются только иметь свое суждение. Какой-то стыд читается в уставших глазах... “Простите, уж я-то тут ни при чем”. Сотни художников, тысячи декораторов и рабочих украшают площади и улицы Петрограда. Особенно стараются на Благовещенской площади перед Дворцом Труда. Трамвайный павильон посередине, кстати сказать, давно превращенный в ретирадное место, — не пройти иногда, какой дух распространяется от этого злополучного места, — обратили в трибуну для ораторов. На крышу павильона устроили лестницу, на самой крыше смастерили площадку. Украшение готовят... Продезинфицировали бы сперва хоть! С возведением колонн, столбов, арен не стесняются. Строят прямо чуть ли не посередине проезда. Ничего. Благо некому теперь ездить... По Николаевской набережной целая картинная галерея. Все н о в ы е л ю д и — рабочие и крестьяне. Куют железо, косят сено, подбрасывают уголь в топку... Люди нарисованы в натуральную величину и больше. Это производит впечатление.

Везде изготавливаются знамена. Бешеные деньги стоят они сейчас... Каждое советское учреждение должно участвовать в торжествах со своим знаменем.

Как нарочно, погода испортилась. Заморосил дождь. Почернели тротуары, облиплые грязью. Серое, серое, безнадежное небо, даже красный цвет как-то обесцветило, “обескровило”... И все эти фантастические постройки сделали еще фантастичнее в холодном петербургском тумане...

Когда я подходил к дому, на телеге, нагруженной доверху, везли сайки. Мальчишка, мужик и баба сидели на них. Значит, сайки будут давать!

К вечеру распространились слухи о продвижении белогвардейских частей, поддержанных немцами, к Луге...

6 XI. Официально сообщается, что Германия предъявила Советскому правительству ультиматум. Сегодня, в 11 часов вечера, истечет 24-часовой срок, и в случае неисполнения требования о прекращении пропаганды и проч. военные действия возобновляются...

Сегодня, в 12 часов ночи, должен был начаться праздник. В 11 часов решится, при каких условиях будут праздновать годовщину Октябрьской революции и под каким лозунгом он пойдет.

На улицах большое оживление. Вozы везут хлеб, материю, еловые ветви... Улицы разрыты. На 8-й линии в одном месте даже плиты тротуара вынуты. Что-то вроде заставы строят. Все выстроенное очень "топорно". Многие еще совсем не готово. "Триумфальные ворота" у Николаевского моста все еще скорее бесформенные щиты с перекладинами [скорее] в виде аркад, чем ворота. Не представляю, чем они будут украшены. Неужели тоже материей!..

Народ совсем устал. Даже и не смотрит. На улицах появились "контрреволюционные" прокламации. Возвещается о б щ е н а - р о д н а я власть и проч. Неужели нам предстоит испытать еще все ужасы Ярославля, Самары, Казани? Да минует нас чаша сия.

Постукивают молоточками, с утра до вечера приколачивая красные полосы материи, обертывая ею столбы, колонны, перила, парапеты, ворота... Хотят "Красный Питер" действительно сделать к р а с н ы м. Хотят праздник сделать какой-то феерической сказкой. И вдруг германские разведки около Луги! И вдруг... Нет, это было бы что-то слишком похожее на "праздничный вымысел". Действительно, наше время своим разнообразием, неожиданностями и эффектами превзошло всякий вымысел.

Дали по сайке! Одну мы тотчас же съели. "А вот придут немцы — каждый день по сайке есть будем". И много так рассуждают. И сайка не подкупила! Но как они ошибаются, бедные наивные люди. А воображение разыгрывается. "О н и за собою целые поезда хлеба везут. Все будет. Ведь в Пскове, Риге все есть". Так мечтают "романтики". Практики откровеннее: "Будь хоть Ленин, хоть Вильгельм, хоть сам черт — только бы хлеба давали". Да, победит тот, у кого есть хлеб, кто может дать хлеб. Одному тому и поклонятся.

Помню, в эти дни в прошлом году растерявшаяся власть только и делала, что разводила мосты. По вечерам все улицы словно вымирали. На Благовещенской площади перед разведенным Николаевским мостом было темно и жутко. Тускло горели редкие электрические фонари, приглушенные сверху, чтобы их не видно было неприятельским аэропланам. Трамвай, доезжая до площади, поворачивали обратно... Тогда многие тысячи петроградцев не попали домой. Я был принужден остаться ночевать у начальника. Было так грустно и беспокойно на сердце. Разверзлась пропасть

перед Родиной. И не было сил удержать ее от гибели... На г л а з а х г и б л а Р о д и н а !..

Стрельба. Вероятно, фейерверк. Ровно 12 час. ночи. Ну, конечно, праздничный салют. “Праздник” начался...

Это было позором, и все это чувствовали, кого коснулась святая струна истинной человечности, — это памятник Муравьеву Виленскому¹⁸¹. Был поставлен памятник висельнику и палачу. И все стыдились этого. Теперь поставлен памятник кровавому извергу человечества — Робеспьеру¹⁸². На днях в Москве было открытие “памятника”. Может быть, и Аттилле¹⁸³ поставить бы: то же крови немало пролил.

Стрельба продолжается. Слишком сухие выстрелы. Фейерверк ли это? А вдруг началось...

“Буржуазия” захлебнулась в крови проклятой войны, вряд ли пройдет безнаказанно “пролетариату” проливаемая им кровь в углубление революции и разжигании классовой ненависти.

10 XI. В первый день праздника моросил дождь и дул холодный, сырой, пронизывающий ветер. Но это мало помешало празднику. Были шествия, речи на площадях. Вечером весь город потонул в море огней... Сильный ветер ко второму дню праздника уже сорвал многие украшения, покачнул “триумфальные арки”. У Николаевского моста безобразно повисли разодранные в ключья декорации. Я только и разобрал какую-то белую “гипсовую” даму. Громадный деревянный щит зиял своим безобразием, подпертый со всех сторон подпорками... С другой стороны “декорации” остались. Что-то слишком “лубочные”, топорные.

Пресные краски, недоделанность, небрежность. Особенно безвкусны щиты посередине улицы (на 8-й и 9-й линиях у набережной)... На Благовещенской площади наряднее. Много знамен-плакатов, эмблем, картин, надписей. В саду Дворца Труда поставили колоссальную статую (покуда гипсовую) Рабочего. Вечером было грандиозное шествие с факелами. Пожарные в медных касках и громадная толпа с сотнями пылающих факелов производила, говорят, сильное впечатление.

Много улиц переименовано. Запомним несколько. Невский — улица (или проспект) 25 Октября. Каменноостровский — Проспект Красных Зорь, Английская набережная — Набережная Красного Флота, Благовещенская площадь — Площадь труда, Знаменская — Площадь Восстания. Некоторые улицы переименованы по “контрасту”: “Архиерейская” — улица Льва Толстого, Ружейная — улица Мира, Дворянская — улица Комитетов Бедноты... Что бы им уж и самое название города изменить бы: “Город Красных Зорь”...

Это было бы так похоже на действительность в то мерзкое мокрое утро, когда белые полотняные вывески с красными буквами наколачивались на места прежних названий.

Во всяком случае в советских газетах редко называется Петроград, всегда “Питер”. Наверное, так и переименоуют его. И тогда

действительно будет короткий, но страшный период русской истории — “Петроградский” (1914—1919).

“Питер”, говорят, — это вульгарно. “Вдоль по Питерской” и т.д. “Где вы живете?”. — “На Питерской”. Но это все пережитки “буржуазной психологии”. Питер — народно. Народ всегда говорил — Питер. Да и сам Петр называл свою столицу не Петербург, не Санкт-Петербург, а С а н к т-П и т е р б у р х.

На некоторых плакатах красивые эмблемы: серебряный сверкающий орел и золотящийся колос ржи. Сочетание черного молота и блестящего серпа менее удачно. Часто пропорции не соблюдаются.

Интересно все-таки, что именно этот символ начинает главенствовать в мире. Крестьянин и рабочий господствуют. И все плакаты и картины славят их во всех видах — землепашцев, огородников, носильщиков, кузнецов, деревообделочников, кожевников, металлостов... И всюду это з н а м я т р у д а. Победное, развешиваемое, ликующее... Тут есть от чего загореться огнем “священного энтузиазма”... Да, это так.

Беда только в том, что слишком “бьет в глаза” иногда обратная сторона дела. Я даже сплюнул вчера. Мелкий факт. Что говорили в прошлом году о войне, солдатах большевики... Вспоминать стыдно. Но если это было их убеждение, то что же делать: это дело и х в е р ы. Ведь существуют же различные понимания чести, долга, отечества... И вдруг я увидел плакатную надпись: “Нет ничего выше звания солдата”. Это т е п е р ь. Оказывается, что они лгали тогда, мерзко, беззастенчиво, “демагогически” лгали. Из проклятого лозунга “все средства хороши” исходили. Достигли своего и, не стесняясь, провозгласили на своем знамени то же, только по новой орфографии. Вот эта беззастенчивая ложь удручает. Не может быть прочно то, что насквозь пропитано ложью и неразборчивостью средств... У них, большевиков, один ответ: “Мы реальные политики”.

Обрушились какие-то неожиданные репрессии против некоторых к-д., особенно из профессоров (Коншина, Щерба¹⁸⁴ и др.). Это в то время, когда все говорят об объявленной широкой амнистии. Ничего толком не знаем. Газет не достать. Издавалась эти дни всего одна “соединенная газета” “Год пролетарской революции”: ее очень быстро раскупали. А к нам на 16-ю линию вряд ли она и успевала доходить.

Гусь стоит сейчас 120 р. ...

Вильгельм отрекся от престола. В Киле Совет германских рабочих, солдатских и матросских депутатов. В Берлине тоже.

Телефонограмма из Москвы за подписью Ленина: “Сегодня ночью получены известия о победе революции в Германии. Сначала Киль сообщил по радио, что власть оказалась в руках Советов рабочих и матросов. Потом Берлин сообщает следующее: “Привет мира и свободы всем”. Берлин и окрестности в руках Со-

ветов рабочих, солдатских депутатов... Солдаты сами начали переговоры о мире с французскими солдатами...".

Восстание было начато германским флотом в Киле... Оно быстро распространилось по всей Германии. Телеграмма (радио) с приветом от Берлинского Совета рабочих и солдатских депутатов помечена 10 ноября 10 ч. 20 м. и подписана Адольфом Гофманом, членом парламента.

Национальный флаг на германском консульстве в Петрограде "срублен шашкой германского интернационалиста". На месте старого флага водружен красный флаг. Оказывается, русское посольство было уже выехавши из Берлина. Телеграмма Ленина сообщает, что теперь оно возвращается в Берлин.

В экстренном выпуске "Красной газеты" аншлаг: "Сегодня, в 4 ч. дня, на площади Урицкого откроется митинг. Все на митинг!".

Из описания торжеств в Москве: "Идет Ленин — простой, ясный, с мягкой улыбкой на лице. Рядом с ним Свердлов в своей кожаной куртке, словно вылитый из стали. Дальше крупная фигура Бонч-Бруевича...". (Вот они, "столпы" мировой революции!). Владимир Ильич Ленин, поднятый на руки окружающими, приближается к задрапированной доске, обрезает ножницами шнур, покров спадает, и глазам присутствующих открывается доска. Мемориальная доска работы Коненкова¹⁸⁵ представляет собой барельеф с изображением белокурой женщины с веткой мира в руке. Внизу склоненные знамена, склоненное оружие и надпись: «Павшим в борьбе за мир и братство народов»... На ораторскую трибуну поднимается Ленин. Он виден всей площади, и Красная площадь дрожит от аплодисментов и восторженных криков... Площадь затихает, тогда начинает говорить Ленин...".

II XI. С каким злорадством мы, "благоразумные люди", всегда говорили о безумстве большевиков, строящих все свои замыслы, так сказать, в расчете на еще не существующее — т.е. революцию на Западе, прежде всего на революцию в Германии. И случилось не так, как мы, "умники", думали, а так, как они, "безумцы", предполагали.

Как, поди, торжествует Ленин! И в глазах многих он теперь провидец. Мне кажется, он действительно вел рискованную игру. Что будет так — никто, я думаю, даже и среди множества большевиков не думал... Случилось так, но могло быть и иначе. Риск удался...

15 XI. Кто-то сказал: "Говорили — «зашатались троны», теперь — «троны кувыркнулись»".

Немцам предьявлены чудовищно тяжелые условия перемирия. Немцы приняли их.

Если не историку, то бытописателю или беллетристу в будущем нужно будет отметить очень плохой сорт спичек нашего времени. Это бесконечное чирканье во время заседаний часто отвлекает внимание; люди раздражаются, и прения принимают несколько затянутый характер; в домашнем обиходе создаются

вследствие этого семейные неприятности. В особенности теперь, когда спички отсутствуют в продаже и в буквальном смысле каждая спичка дорога. Так наше время даже спичками может характеризоваться!

27 XI. Во власти самых разноречивых слухов: «Англичане в Ревеле». «Англичане в Гельсингфорсе». «Был морской бой. Два наших линейных корабля погибли. Один из них — «Андрей Первозванный». Эвакуируют Парголово и Левашово. Петербург решено защищать до последней крайности».

В газетах н и ч е г о нет... И, засыпая, не знаем, проснемся ли под английским кулаком или по-прежнему под большевистским каблуком!

Не могу себе ясно представить, что из этого выйдет, если англичане возьмут Питер. Ну, а дальше — то что? Избави нас Бог от этой нелепой бойни и ужасов Урала и Поволжья. Англичане нам ничего не принесут, кроме старых счетов для уплаты. Они власти мира сейчас и не отступятся от своих прав победителей. Вот уже не жду их как «избавителей». А есть люди, которые ждут. Правда, мало. Особенно, конечно, те, которые пострадали, карман — то которых вытряхнули большевики. Ясно для всех только одно, что англичане с большевизмом не помирятся, если у них у самих не случится что-нибудь подобное. Наш самый страшный враг сейчас — всемогущая Англия. Я иногда готов понять эту молитву: «Боже, накажи Англию». Мне думается, и ей не сдобровать. Ирландский вопрос всегда был темным пятном на теле Англии. И Индия тоже. Милитаристической Германии нет, большевистской России тоже, может быть, не будет и мировой власти — Англии... Это моя мечта... Мечта объединения народов. И ради этого я готов все вытерпеть и ждать. Вот тут наша точка соприкосновения и с большевизмом. Они стирают границы. Я не только интернационалист. Мы, русские, ими и должны оставаться, и немцы пусть остаются немцами и англичане тоже... Только не надо, чтобы кто-нибудь обязательно давил другого. Жить бы только не вооруженными до ушей и ждать нападения. То, что было до 1914 года, конечно, не должно повториться. Все поплатились за это безумство... Мы, может быть, многому теперь научившись, оценим м и р. Не будем фарисейски говорить: «Кто хочет мир, тот должен готовиться к войне». И, может быть, избавимся еще от одного фетиша — от великодержавности именно своей нации, от удушения более слабых.

3 XII. Приходит, уходит... Вдруг бесшумно ворвется откуда-то, осветит все и через несколько часов, в определенное время, так же незаметно, так же мгновенно и бесшумно исчезнет. Я говорю об электрическом освещении теперь. И это словно символ. Не мы распоряжаемся им, кто пользуется, а кто-другой. И тут у нас нет воли... Если быть отрезанным от всего мира сейчас, то это зажигание и потухание было бы единственной весточкой, что жизнь еще есть, не все еще погибло. Люди еще не стали троглодитами. Вот, когда совсем потухнет — дело другое. А потухнет, пожалуй.

Так и живем в неведении. Неделю не читали газет. Ведь в них и ч е г о не пишут. Ухитрились же умники! Шесть печатных листов, а читать нечего.

18 XII. Дошли до форменной голодовки. Едим редьку и селедку. Селедка стоит 10—15 рублей. В лавках нет ничего... Раздобыли овса. М.Ф. целыми вечерами очищает его от шелушек и промалывает в мясорубке. Обратились в первобытное состояние. Только и думы у всех, что о пище. Все такие жестокие, эгоистичные стали. Борьба за существование...

Люди мрут и мрут... От холода и голода¹⁸⁶. Из больниц вывозят мертвецов по ночам. Жуткая картина — на рассвете воз с пятью-шестью плохо сколоченными гробами, из которых торчат куски голого посиневшего человеческого трупа... Как на свалку везут на казенное кладбище. И лошаденка еле плетется. Завтра и она свалится, и десятки счастливых поделят ее между собою.

Так ничего и не знаем... Редко теперь кто и читает газету. Все равно ничего нет — ничего не вычитаешь. У меня только и осталось в памяти, что м а р о к к а н с к и е стрелки заняли Будапешт и что Вильсон приехал в Париж...

Читаю лекции по практическому архивоведению — “Описи архивного материала” — на архивных курсах при Петроградском археологическом институте. Очень утомляюсь... По полчаса и больше жду трамвая; невероятно толкаются озверевшие пассажиры, так что и сам начинаешь ради самообороны толкаться. На курсах народу мало. Все такие вялые. Так как некоторые приходят по обязательству, то часто видишь, как кто-нибудь да и заснет на лекции!.. Не на моих только одних лекциях это бывает, одно хотя утешение.

Все словно очумевшие. Рабы. И вид-то такой приниженный, озлобленный. Никто не осмеливается громко и смело заявить протест. Только злобно шепчутся. На улицах еще тише. Покрытые снежным покровом, улицы еще пустынее кажутся. А в эти лунные вечера как-то жутко делается на некоторых улицах, где так недавно кипела жизнь, а теперь мертвая тишина...

У нас разграбили дом на Удельной. Узнали это на днях. Особенно не удивились. Давно ждали этого. И никак не соберемся поехать, чтобы узнать, что же украли, что же осталось... Да и не все ли равно!

Сами уезжаем жить на службу. М.Ф. измучилась. Ей самой приходится и дрова рубить в этикие морозы (дворника-то нет!). Квартире оставляем запертой на милость случая. Ну а если и разграбят, то и Бог с ней и со всеми вещами... Совсем “философами” стали. Смотрим спокойно и просто на вещи и прямо в глаза будущему, не ожидая в скором времени лучшего: “Худо. Еще может быть хуже. Значит, еще не так худо. Надо устраиваться. И устраиваемся”.

29 XII. На службе. Разместились в комнатке при канцелярии.

С непривычки от тепла и сухости воздуха болит голова. Чувствуется какая-то усталость, вялость...

Из окна виден портовый двор. Дальше ряд фонарей по Конногвардейскому бульвару или, как он теперь называется, по бульвару Профессиональных Союзов.

Грустно так в синие сумерки, когда лежит снег и все тонет в этой сине-молочной мгле... Из ближайшей церкви — Благовещения¹⁸⁷ — явственно доносится по временам благовест... Какое-то другое настроение создается, какой-то иной колорит...

А кругом все мрачнее. Особенно тяжело с продовольствием. Умер сослуживец в буквальном смысле от голода... Рассказывают об одном банковском чиновнике, который сошел с ума от голода... Ничего нет... С сегодняшнего дня перестали давать и хлеба, дают овес. Снежные заносы; полное расстройство транспорта... Голодают, мучаются и молчат.

Никогда не было большего рабства, чем сейчас. Особенно это тяжело чувствуется в Москве. Там совсем другой тон. Большевики там не стесняются. И тот же Рязанов там держится нагло и заносчиво. Людей третируют, не стесняясь ни с их возрастом, ни с заслугами на поприще науки или искусства. Профессор Белорук-ков умер¹⁸⁸ действительно от слишком больших неприятностей, которые ему пришлось пережить там. Другой профессор умер от холода и голода. (Холод в московских квартирах нестерпимый, нет квартиры, где температура была бы выше 5, 7 градусов, обыкновенно 2—3 и ниже). Этого профессора нашли у себя в комнате мертвым около стола. На столе лежала записка, на которой было всего два слова: “Костеню...” и фамилия.

Рабство. Иначе нельзя назвать все, что проделывается с обществом. Всюду хотят все учесть, нормировать, и ничего не выходит... Задумаешься — не верится, что все это наяву, что это и есть то, о чем так долго мечтали лучшие из людей. Неужели это и есть идеальный строй? Задавлены, расплюснуты. Поистине: “Мы плененные звери. Голосим, как умеем. Глухо заперты двери. Мы открыть их не смеем”.

Все хуже и хуже. Никакого просвета... И, казалось, прошла пора разрушения, нет — все еще разрушают. Созидание неизмеримо отстало. Пропорции чудовищны. И это болезненно чувствуется... Мучаемся и страдаем. Разрушили промышленность и ничего не создали взамен, разрушили торговлю и ничем не сумели заменить ее, разрушили школу, и там творится что-то неладное... Теперь начали разрушать науку. Вместо буржуазной науки “вводится” социалистическая. Что может выйти из этого?.. Юридические факультеты уже упразднены. Из всех дисциплин, читавшихся на этом факультете, оставлены только три — статистика, политическая экономика и еще что-то, которые временно будут читаться при историко-филологическом факультете... Организуются чтение обязательного для всех предмета — советское законодательство... Устраивается социалистическая академия. Ну, а вдруг

и тут случится то, что старое разрушится, а новое будет болезненно тоще и нежизненно, придуманно. А мы ведь очень бедны интеллигентными силами.

И порою страшно делается от того одичания и некультурности, к какому мы идем.

“Хотели социализма, а добились сплошного хулиганства”, — сердито ворчал сегодня вагоновожатый, сталкивая вошедшего с передней площадки несчастного гражданина Социалистической Федеративной Советской Российской Республики, замерзшего на морозе в тщетном ожидании трамвая и в отчаянии полезшего в трамвай с передней площадки... И долго еще ворчал вагоновожатый. Но никак нельзя было понять, против ли большевиков он или за них. Кругом тоже ругались: не могли “вытолкнуться” из трамвая. Кто-то решил “пробуравить” выход, и я еле устоял на месте, схватившись за ворчавшего вагоновожатого. К удивлению, меня он не обругал... Я, конечно, извиняясь, оправдывался перед ним.

Комментарии

¹ В статьях в газете “Новая жизнь”, под общим названием “Несвоевременные мысли”, А.М.Горький выступил с беспощадной критикой советского хамства, депотизма, “полуграмотной массы”, “самодержавия политических дикарей”.

² Германское наступление после провала переговоров в Брест–Литовске началось 18 февраля 1918 г. Двинск занят в этот же день германскими войсками без боя. Гарнизон разбежался. Противник захватил штаб 5–й армии. Псков занят германскими войсками в ночь на 25 февраля 1918 г.

³ Это явление подмечено и другими современниками Г.А.Князева. Так, И.Урицкий в заметке “Здесь танцуют” писал: “Балы, балы! Одновременно с эпидемией тифа вспыхнула неукротимая эпидемия балов, «грандиозных», «костюмированных», «демократических».. За один день я насчитал 14 афиш о предстоящих боях (Наш век. 1918. 24(11) февр.). В статье М.М.Я. “Неимущее мещанство” отмечено: “Здания Петрограда покрыты афишами. Преобладают сообщения о всякого рода балах. Бал монстр. Веселье трудящихся классов, отдых пролетариата! Танцы до 4–х час.утра”; “Демократический бал. Непрерывные танцы. Конфетти, серпантины, почта Амура”; “Грандиозный бал–карнавал. Комната свиданий (!). Роскошные призы царице бала и за характерные танцы. Карамели для мамзели! Орехи для потехи!”. И повсюду “доступные буфеты, с горячими и холодными блюдами, с прохладительными напитками”. Этому явлению автор ставил диагноз: “«Новопришельцы», нижний слой мещанства, слепо идущий по стопам сброшенного им с дороги старого строя и копирующий как раз худшие стороны разрушаемого им бытия” (Наш век. 1918. 15(2) марта). Все это происходило на фоне февральского наступления германских войск, когда 21 февраля 1918 г. СНК принял воззвание “Социалистическое отечество в опасности!”.

⁴ Ремизов А.М. Слово о гибели русской земли // Под созвездием топора: Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый. М., 1991. С.78,80. Впервые опубликовано в газете “Воля России” (1918. № 1).

⁵ Вопрос о переезде Советского правительства из Петрограда в Москву обсуждался 26 февраля на закрытом заседании СНК. 10 марта 1918 г. в 22 ч. спецпоезд № 4001 отбыл из Петрограда в Москву, увозя Совнарком в новую столицу. 11 марта в 21 ч. 30 м. эшелон прибыл в Москву. 12 марта о переезде правительства были уведомлены все Советы России. 16 марта 1918 г. решение о переносе столицы и переезде правительства было утверждено на IV Всероссийском съезде Советов.

⁶ Нарва занята германскими войсками 4 марта 1918 г.

⁷ 1 марта 1918 г. на заседании Петроградского Совета по докладу В.Володарского был принят декрет о вселении рабочих и их семейств в квартиры имущих представителей буржуазии. В декрете говорилось, что подлежат занятию помещенными и у людей, занимающихся личным трудом, но имеющим излишки жилой площади. Нормы устанавливались следующие: на каждого взрослого не более 1 комнаты, двое детей до 10 лет приравнивались к взрослому, на 6 человек допускалась одна общая столовая.

В мае—июне 1918 г. проведенная в Петрограде перепись установила наличие 8258 свободных квартир, из них 6651 совершенно пустых и 1608 формально занятых. 56 квартир имели по 11 комнат и более, 435 — от 6 до 10, 3054 — от 3 до 5. Вся работа по переселению возлагалась на районные Советы. Переселенцам

предоставляли значительные льготы: квартплату за реквизированную площадь вносил прежний съёмщик, вместе с площадью бесплатно передавалась и мебель. При переезде предоставлялся бесплатный транспорт, пособие от 150 до 200 руб. Переехавшие пользовались бесплатным проездом в трамвае к месту работы. Семьи красноармейцев и матросов освобождались от платы за отопление и освещение в домах с центральным отоплением. Кампания переселения носила в основном пропагандистский характер и не стала массовой. Квартиры в центре города находились далеко от заводов и фабрик. При плохо работавших трамваях это создавало трудноразрешимую проблему. В дни топливного кризиса были удобнее деревянные дома с печами, требовавшие меньше дров. На окраинах рабочие заводили огороды, что было важно в условиях города. Многие из пустующих квартир центра были забронированы и это уменьшало их число для реального заселения.

⁸ *Ремизов Алексей Михайлович* (1877—1957), русский писатель. С 1921 г. эмигрант.

⁹ *“Роза и крест”* — драма А.Блока, написанная в 1912 г.

¹⁰ *Аристотель* (384—322 гг. до н.э.), древнегреческий философ и ученый. Аристотель придавал большое значение форме государственной власти. В основу классификации форм государства положил два признака: 1) количество людей, имеющих власть; 2) преследуют ли эти люди общее благо или личную пользу. Исходя из второго признака, Аристотель делил государственные формы на правильные (монархия, аристократия, полиция) и неправильные, извращенные (тирания, олигархия, демократия) и противопоставлял тиранию — монархии, олигархию — аристократии, демократию — политике. Сам философ являлся сторонником политики — умеренной цензовой демократии, в которой политическими правами пользуется большинство свободного населения.

Охлократия (“власть толпы”) — у некоторых древнегреческих писателей название формы государственного устройства, которая возникла в результате вырождения демократии.

¹¹ 22—23 февраля 1918 г. в Севастополе матросы предприняли попытку уничтожения буржуазии. За два дня в городе по ночам убито и ограблено 350 человек, трупы бросали в море (Наш век. 1918. 9 марта/24 февр.; 12 марта/27 февр.; 14 марта).

¹² 12 марта 1918 г. пленарное заседание Петроградского Совета в Александринском театре в связи с отъездом СНК в Москву приняло решение о создании коллегиального управления Петроградом и утвердило список комиссаров Петроградской трудовой коммуны.

¹³ В Петрограде вместе с пригородами на июль 1918 г. насчитывалось 1 468 845 жителей.

¹⁴ *Базаров В.* — *Руднев Владимир Александрович* (1874—1939) — философ, экономист, в социал-демократическом движении с 1896 г. В период революции 1905 г. — большевик. В 1917—1918 гг. — на позициях меньшевиков-интернационалистов, ведущий сотрудник газеты “Новая жизнь”. С 1921 г. работал в советских плановых организациях.

¹⁵ Массовые убийства в Глухове (Наш век. 1918. 17(4) марта).

¹⁶ *Блейхман (Солнцев) И.С.* — глава анархистов-коммунистов в Петрограде. В 1917—1918 гг. член Петроградского Совета.

- 17 М.Горький “Несвоевременные мысли” (Новая жизнь. 1918. 16/3 марта).
- 18 Информация о событиях в Солигаличе дана по газете “Наш век” от 21 (8) марта 1918 г., с некоторыми изменениями корреспонденция в номере за 20(7) марта 1918 г.
- 19 Разгрому подверглось Тургенево (Чернский уезд Тульской губ.) — родовое имение отца И.С.Тургенева. В нем в 1850 г. 2 месяца жил Иван Сергеевич Тургенев. Все права на свою часть имения он передал своему брату Николаю Сергеевичу.
- 20 “Разные известия” (Наш век. 1918. 24/11 марта).
- 21 Газетное сообщение об убийстве в Курске председателя местного Совета Голощапова (Наш век. 1918. 17/4 марта).
- 22 Наш век. 1918. 20(7) марта.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 *Колли Андрей Робертович* (ум. 1918) — физик, профессор Варшавского университета.
- 26 “В Ростове” (Наш век. 1918. 24/11 марта).
- 27 23 января (5 февраля) 1918 г. В.И.Ленин выступил с речью перед агитаторами, посылаемыми в провинцию: “Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего — мы отсидимся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное... Прав был старик-большевик, объяснявший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака, а правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: да, мы грабим награбленное” (*Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т.35. С.327).
- 28 “Наш век” — одно из названий кадетской газеты “Речь”, закрытой 26 октября (8 ноября) 1917 г. ВРК. Выходила под названиями “Наша речь”, “Свободная речь”, “Век”, “Новая речь”, “Наш век”. Окончательно закрыта в августе 1918 г. Здесь цитируется статья П.Мокиевского “Современные настроения” (Наш век. 1918. 24/11 марта).
- 29 *Лавров Петр Лаврович* (1823—1990) — теоретик русского революционного народничества, философ и социолог. Выступал с критикой революционного авантюризма.
- 30 “П.Л.Лавров и русская революция (по поводу выхода в свет 1-го издания собрания его сочинений)” (Наш век. 1918. 24/11 марта).
- 31 Имеется в виду стихотворение в прозе И.С.Тургенева “Чернорабочий и белоручка” (*Тургенев И.С.* Сочинения. М., 1982. Т.10. С.143—144).
- 32 *П.А.Арзубьев.* “Реакция” (Наш век. 1918. 24/11 марта).
- 33 Цитата из послания патриарха *Тихона* о мире (Наш век. 1918. 24/11 марта).
- 34 18 марта 1918 г. собрание моряков морского берегового отряда в связи с гибелью своих товарищей Мясникова, Забелло, Белозерова приняло резолюцию, часть которой цитирует Г.А.Князев. С резкой критикой резолюции выступил М.Горький в “Новой жизни” 26(13) марта 1918 г. (См.: *Горький М.*: Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990. С.159—161).

35 Имеется в виду ряд политических статей на эту тему в газете “Наш век” за март 1918 г.

36 *С. Кондурушкин* “Крушение Петербурга” (Наш век. 1918. 21/8 марта).

37 На номерах “Красной газеты” — цена 30 копеек.

38 “*Русское знамя*” — ежедневная черносотенная газета, орган “Союза русского народа” (издатель А.И.Дубровин). Выходила с ноября 1905 г. Закрыта Петроградским Советом 5(18) марта 1917 г.

39 *Володарский В.* — Гольдштейн Моисей Маркович (1891—1918). В 1905 г. вступил в Бунд, впоследствии меньшевик, в эмиграции в США, вернулся после Февральской революции 1917 г. На VI съезде РСДРП(б) принят в партию. После Октябрьской революции комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Союза коммун Северной области, редактор “Красной газеты”. Убит рабочим-эсером Сергеевым 20 июня 1918 г.

40 Имеется в виду стихотворный фельетон *Осипа Шило* “Поп — все тот же” (Красная газета. 1918. 28 марта).

41 *Пантелеймоновская церковь* открыта в 1721 г. в честь побед русского флота. Сохранившееся здание построено архитектором И.К.Коробовым. Памятник морской русской славы. После Октябрьской революции храм использовался для хозяйственных надобностей. В настоящее время в нем находится музей Гангутского сражения.

42 *М.М.Я.* “Идеология и жизнь” (Наш век. 1918 28/15 марта).

43 Имеются в виду статьи: *Рысс П.* У гроба Петрограда // Наш век. 1918. 16/3 марта; *Кондурушкин С.* Крушение Петербурга // Там же. 21/8 марта.

44 *Потресов Александр Николаевич* (1868—1934) — русский социал-демократ (меньшевик), принимал участие в создании газет “Искра” и “Заря”. В 1917 г. один из руководителей правосоциалистической газеты “День”. Эмигрант.

45 Петр Рысс “Марксистское бытие” (Наш век. 1918. 9 апреля/25 марта).

46 “Дело народного судьи Мейнвальда” (Наш век. 1918. 13 апреля/31 марта).

47 “Наш век” (13 апреля/31 марта 1918 г., рубрика “Разные вести”).

48 *Португалов Виктор Вениаминович* — журналист, сотрудник газеты “Современное слово”. Его высказывание цитируется по статье Д.Философова “Немедленные социалисты” (Наш век. 1918. 13 апреля/31 марта).

49 *Философов Дмитрий Владимирович* (1872—1940) — публицист, сотрудник разных газет, включая “Речь”. Автор религиозно-философских и литературно-критических статей. В 1920 г. эмигрировал, жил и умер в Варшаве. Сотрудник эмигрантских газет “За свободу”, “Молва”, журнал “Меч”.

50 А.В.Карташев “Народ и Россия” (Наш век. 1918. 10 апреля/28 марта).

Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — кадет, профессор богословия, в 1917 г. обер-прокурор Синода, министр исповеданий Временного правительства. В 1918 г. член правления “Национального центра”. В новогоднюю ночь 1919 г. перешел из Петрограда в Финляндию, где возглавил “Русский комитет” (известен также как “Особый комитет” и “Независимый русский комитет”). Входил в Политическое совещание при генерале Н.Н.Юдениче. После поражения Белого движения жил во Франции, автор книг по истории церкви.

51 *Черной Виктор Михайлович* (1873—1952) — член ЦК партии эсеров,

министр земледелия в 1-м и 2-м коалиционном Временном правительстве. С 1920 г. эмигрант.

⁵² В ночь на 12 апреля 1918 г. ВЧК разоружила в Москве анархистов. Подробнее см.: Поссе В.А. В годы Гражданской войны // Русское прошлое. 1991. Кн.2. С.208, 264.

⁵³ Речь идет о переходе кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт в марте—апреле 1918 г. из-за угрозы захвата немцами.

⁵⁴ “Дуранда” — остатки семян масленичных растений после выжимания из них масла.

⁵⁵ *Богоевский Митрофан Петрович* (1881—1918). Окончил Петербургский университет, директор гимназии, помощник атамана Войска Донского по гражданской части (с июня 1917 г.), захвачен в плен красными и убит.

⁵⁶ *Крыленко Николай Васильевич* (партийный псевдоним — товарищ Абрам) (1885—1938) — член РСДРП с 1904 г. Окончил историко-философский факультет Петербургского университета и юридический факультет Харьковского университета (1914). С 1916 г. в армии, прапорщик. 9(22) ноября 1917 г. — март 1918 г. верховный главнокомандующий.

⁵⁷ *Дыбенко Павел Ефимович* (1886—1938) — член РСДРП с 1912 г., из семьи крестьянина. С 1911 г. в Балтийском флоте. В апреле—июле и с октября 1917 г. председатель Центробалта. С 26 октября 1917 г. по март 1918 г. нарком по морским делам. В феврале 1918 г. командовал отрядом моряков под Нарвой. За сдачу германским войскам Нарвы в мае отдан под суд, оправдан, но за агитацию против Советской власти и нарушение честного слова добровольно явиться в суд исключен из партии; восстановлен в 1922 г. с зачетом партстажа с 1912 г. С лета 1918 г. на подпольной работе на Украине.

⁵⁸ *Коллонтай (Дрмонтович) Александра Михайловна* (1872—1952) — дочь генерала, в революционном движении с 90-х гг. XIX в., член РСДРП с 1915 г. В 1908—1917 гг. в эмиграции. С марта 1917 г. в России. На VI съезде РСДРП избрана в ЦК. Нарком государственного презрения в первом Совнаркоме, вышла из его состава. В 1918 г. “левый коммунист”. Гражданская жена П.Е.Дыбенко.

⁵⁹ Здесь неточно воспроизведены слова действующего лица пьесы А.Л.Чехова “Три сестры” Вершина: “А пройдет еще немного времени, каких-нибудь двести—триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь так же будут смотреть со страхом и с насмешкой, все нынешнее будет казаться угловатым, и тяжелым, и очень неудобным, и странным. О, наверно, какая это будет жизнь, какая жизнь!” (Чехов А.Л. Сочинения. М., 1986. Т.13. С.163.

⁶⁰ *Шингарев Андрей Иванович* (1869—1918) — член ЦК кадетской партии, депутат II, III и IV Государственной думы, министр земледелия в первом составе и министр финансов во втором составе Временного правительства, депутат Учредительного собрания. Арестован 28 ноября (11 декабря) 1917 г. на квартире графини Паниной в ходе совещания ЦК партии кадетов согласно декрету об аресте и преданию суду “вождей гражданской войны”. В тексте речь идет об отрывках из дневника А.И.Шингарева “Как это было...”, который он вел в Трубецком бастионе Петропавловской крепости (Наш век. 1918. 3 мая/20 апреля). Убит в январе 1918 г. в Мариинской больнице в Петрограде).

⁶¹ Днем 6 июля 1918 г. в помещении германского посольства в Москве в Денежном переулке (ныне ул.Васина) сотрудник ВЧК Я.Блюмкин и представи-

тель Ревтрибунала Н. Андреев убили немецкого посла с апреля 1918 г. графа В. Мирбаха (1871—1918) с целью вызвать войну с Германией.

⁶² Около 8 час. вечера 7 июля здание бывшего Пажеского корпуса на Садовой ул., где помещалась петроградская организация левых эсеров и их боевая дружина, окружили красноармейские части. На требование сдать оружие последовал отказ. Тогда была подтянута артиллерия. На предложение о немедленной сдаче оборонявшиеся ответили огнем. После 40-минутной ожесточенной перестрелки к 10 часам вечера в окнах Пажеского корпуса появились белые флаги. Сдалось 260 человек. Потери сторон: левые эсеры — двое убитых и двое раненых, красноармейские части — 10 убитых и 45 раненых. Вечером 7 июля закрыта левозсеровская газета “Знамя борьбы”. Сообщение “Красной газеты” о том, что при обыске в редакции было найдено оружие, оказалось ложным. Протокол обыска газетную информацию не подтверждает.

⁶³ *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1866—1941) — писатель, критик, публицист. Эмигрант.

⁶⁴ *Полиевкттов Михаил Александрович* (1872—1942) — историк, профессор (с 1917 г.) Петербургского университета.

⁶⁵ *Платонов Сергей Федорович* (1860—1933) — русский историк, профессор Петербургского университета (с 1899 г.), академик.

⁶⁶ *Спиридонова Мария Александровна* (1864—1941) — из тамбовских дворян, вождь левых эсеров, член ЦК. С октября 1917 г. член ЦИК Советов, делегат III—V съездов Советов. Противник Брестского мира. Взяла на себя моральное руководство мятежом левых эсеров 6 июля 1918 г. в Москве. Неоднократно была репрессирована, расстреляна.

⁶⁷ Разгар эпидемии холеры в Петрограде пришелся на июль 1918 г. С 1 по 21 июля 1918 г. в больницы Петрограда поступило 4668 больных холерой, 1611 человек умерло. В городе была создана Центральная рабочая комиссия по борьбе с холерой. На борьбу с эпидемией ассигновано 12 млн. руб. Буржуазию мобилизовали на уборку улиц, рытье могил, захоронение трупов, запретили уличную торговлю продуктами и напитками, жалование медперсоналу повысили на 50%, и он переведен на 1-ю категорию снабжения. Ежедневно проводилось от 1500 до 2000 противохолерных прививок. В августе эпидемия пошла на спад.

⁶⁸ *Карцев Николай Сергеевич* (ум. 7 VII 1918) — профессор Бестужевских курсов.

⁶⁹ *Бобриков Николай Иванович* (1839—1904) — генерал-адъютант, генерал-губернатор Финляндии (с 1898 г.), проводил жесткую русификаторскую политику. Убит финским террористом.

⁷⁰ *Зелинский Фаддей Францевич* (1859—1914) — филолог-классик, окончил Лейпцигский университет. Профессор Петербургского университета в 1885—1921 гг., с 1921 г. профессор Варшавского университета.

⁷¹ *Плиний Младший — Гай Плиний Цецилий Секунд* (61 или 62 — ок. 114) — римский писатель и государственный деятель. Письма Плиния являются ценным источником по социальному облику верхом императорского Рима.

⁷² *Траян Марк Ульпий* (53—117) — римский император (98—117) из династии Антонинов. Вел ряд успешных войн, в результате которых присоединил ряд новых территорий к Римской империи. Во внутреннем управлении стремился к

централизации власти и усилению контроля над провинциями. Правил в согласии с Сенатом.

⁷³ В древнегреческой мифологии циклопы — одноглазые великаны. Согласно “Одиссее”, это дикое племя, живущее где-то на западе, на острове, и не принимающее богов. Полифем был ослеплен Одиссеем.

⁷⁴ Сведения о М. Спиридоновой реальной основы под собой не имели. После мятежа левых эсеров в Москве она была арестована и отправлена на Кремлевскую гауптвахту.

⁷⁵ *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880—1918) — левый эсер. Назначен командующим Восточным фронтом 13 июня 1918 г. Противник Брестского мира. 10 июля 1918 г. выступил против Советской власти, отдав приказ войскам двигаться на борьбу с германцами. 11 июля 1918 г. убит при аресте в Симбирске. Сведения о самоубийстве Муравьева почерпнуты Князевым из газеты “Наш век” (12/29 июля 1918), которая в свою очередь сослалась на “Известия”.

⁷⁶ Имеются в виду: убитый в Персии в 1829 г. во время разгрома толпой фанатиков российский миссии в Тегеране русский писатель и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов (1795—1829); германский дипломат Кетлер; русские дипломаты Шербина и Ростовский; японский государственный деятель и дипломат Иго Инробуми (1841—1909), в 1906—1909 генеральный резидент Японии в Корее, который готовил почву для аннексии Кореи Японией в 1910 г. и был убит в Харбине корейским националистом.

⁷⁷ В 1918 г. в издательстве “Задруга” вышла книга А.Ф. Керенского “Дело Корнилова”. В нее вошла стенограмма допроса Керенского Чрезвычайной следственной комиссией по делу генерала Корнилова и его соучастников с дополнениями, которые Керенский сделал в подполье после захвата власти большевиками.

⁷⁸ *Зарудный Александр Сергеевич* (1863—1934) — присяжный поверенный, защитник на политических процессах. Товарищ министра юстиции (с марта 1917 г.), министр юстиции (23 июля — 27 августа 1917 г.), затем председатель Петроградской судебной палаты. Примыкал к партии народных социалистов. В годы Советской власти преподаватель.

⁷⁹ *Георг V* (1865—1936) — король Великобритании с 1910 г., представитель Саксен-Кобург-Готской династии (переименована в июле 1917 г. в Виндзорскую).

⁸⁰ В 1918 г. в кадетской партии обсуждался вопрос об ориентации в борьбе с большевиками (союзнической или германской). Большинство высказалось за Антанту, только П.Н. Милоков и группа киевских кадетов — за прогерманскую ориентацию.

⁸¹ После убийства 6 июля 1918 г. в Москве германского посла графа В. Мирбаха 14 июля германский представитель в Москве Ритцлер вручил Г.В. Чичерину телеграмму из Берлина с требованием о срочном вводе в Москву батальона немецких солдат для охраны посольства. 15 июля советская сторона ответила категорическим отказом. Тогда немцы потребовали создать свободную от населения зону вокруг здания посольства с охраной из немцев “без мундиров” и советских войск. И это предложение было отклонено. В германское посольство продолжали поступать угрозы со стороны ультралевых и ультраправых, и посольство уехало в Псков, затем в Ревель.

82 Возможно, имеется в виду публицист Н.П.Огановский.

83 Цитируемый лозунг обоснован в статье “Осиновый кол” в газете “Беднота” от 19 июля 1918 г.

84 Более точный текст донесения приведен в кн.: Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпизод царизма. М., 1987. С.342.

85 Цитата из редакционной статьи “Николай Романов” (Правда. 1918. 19 июля).

86 Красная газета. 1918. 19 июля: Вечерний выпуск.

87 Для “справедливого” распределения продовольствия в Петрограде с 1 июля 1918 г. декретом Петроградской трудовой коммуны вводился классовый паек. Все население города делилось на четыре категории по классовому принципу: I — рабочие, норма хлеба — 1/2 ф. в день; II — служащие — 1/4 ф.; III — лица не принадлежащие к рабочим и служащим, живущие своим трудом, — 1/8 ф.; IV — владельцы торговых заведений, предприятий — 1/16 ф. На июль 1918 г. было выдано 1 529 148 карточек. Из них I категории 657 517, II категории 659 437, III категории 194 462, IV категории 17 732. В ноябре 1918 г. решением Петроградской трудовой коммуны количество категорий населения, получающих карточки, сокращалось до трех.

88 Названия статей — из “Красной газеты” от 19 июля 1918 г., вечерний выпуск.

89 *Кокошкин Федор Федорович* (1871—1918) — профессор права Московского университета, депутат I Государственной думы, член ЦК партии кадетов, государственный контролер во Временном правительстве (июль—август 1917 г.). Убит в январе 1918 г. в Мариинской больнице в Петрограде вместе с А.И.Шингаревым.

90 “Терпи и силу копи”, Софронов внук из Великих Лук (Красная газета. 1918. 19 июля. Вечерний выпуск).

91 Строчка из четверостишия Микеланджело. В переводе Ф.Тютчева она звучит несколько иначе: “Отрадно спать, отрадней камнем быть”. Четверостишие — ответ на стихи Строщи, навеянные знаменитым изваянием Ночи на саркофаге Юлиана Медичи во Флоренции.

92 В.Сабилов “Призыв” (Красная газета. 1918. 19 июля. Вечерний выпуск).

93 Перечисленный состав Президиума ВЦИК избран 15 мая 1918 г. (все большевики), кандидаты в члены Президиума — К.Г.Максимов и А.П.Розенгольц.

Аванесов Варлаам Александрович (Мартиросов Сурен Карпович) (1884—1930) — из крестьян, член РСДРП с 1903 г. (меньшевик), с 1914 г. большевик. Окончил медицинский факультет Цюрихского университета. В октябре 1917 г. член Петроградского ВРК (отдел печати и информации), делегат II-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. В 1917—1919 гг. член Президиума и секретарь ВЦИК. С марта 1919 г. член Коллегии ВЧК, с августа 1919-го — второй заместитель начальника Особого отдела ВЧК. В 1920—1924 гг. член коллегии ВЧК—ОГПУ и одновременно член коллегии Наркомата госконтроля, заместитель наркома РКИ, затем на хозяйственной работе.

Сосновский Лев Семенович (1886—1937) — сын кустаря, в РСДРП с 1903 г. В 1905 г. уехал за границу “в надежде там поучиться марксизму, поглядеть заграничное рабочее движение и просто подышать свободным воздухом”. В России с февраля по октябрь 1917 г. на партработе в Екатеринбурге, член Учредительного

Собрания от большевиков. В Петрограде с В. Володарским издавал “Красную газету”. Член Президиума ВЦИК, в марте 1918 г. уехал с правительством в Москву. Редактор газеты “Беднота”. В 1921 г. заведующий Агитпропом ЦК РКП(б), писал статьи против “упадочных произведений” С.Есенина, против “извращения советской действительности” Б.Пильняком.

Теодорович Иван Адольфович (1875—1940) — из польских дворян. Член РСДРП с 1895 г. Окончил естественно-историческое отделение Московского университета, профессиональный революционер. В 1917 г. депутат Петросвета, кандидат в члены ЦК РСДРП, с августа 1917 г. товарищ председателя Петроградской городской думы. В первом составе СНК нарком продовольствия; как сторонник однородного социалистического правительства вышел из состава СНК. Член ВЦИК. В начале 1918 г. уехал в Сибирь, в ноябре 1919 — январе 1920 г. сражался в партизанских отрядах с колчаковцами, затем на государственной работе.

Владимирский Михаил Федорович (1874—1951) — сын священника, член РСДРП с 1895 г. Окончил медицинский факультет Берлинского университета. В 1917 г. член боевого центра по руководству вооруженным восстанием в Москве. В 1918—1921 гг. член Президиума ВЦИК. В 1919 г. заместитель наркома внутренних дел РСФСР. Делегат 7-го, 8-го, 10-го съездов РКП(б), в 1918—1919 гг. член ЦК РКП(б), в 1919—1920 гг. кандидат в члены ЦК. С 1922 г. на государственной и партийной работе.

Максимов Константин Гордеевич (1894—1939) — из крестьян, член РСДРП с 1914 г. В 1917 г. член МК РСДРП(б). В октябре 1917 г. начальник разведки Центрального штаба Красной Гвардии в Москве, с марта 1918 г. кандидат в члены Президиума ВЦИК. С лета 1919 г. чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению на Восточном фронте. С августа 1919 г. по январь 1920 г. член РВС Восточного фронта. В 1920—1921 гг. председатель промышленного бюро ВСНХ на Урале, уполномоченный СТО по восстановлению уральской промышленности, на хозяйственной работе.

Смидович Петр Гермогенович (1874—1935) — из дворян, член РСДРП с 1898 г. Окончил Высшую электротехническую школу в Париже. После октября 1917 г. член Президиума ВЦИК и ВСНХ, в 1918 г. председатель Моссовета. В 1920 г. входил в состав советской делегации на переговорах с Польшей. С 1920 г. заведующий Московским горно. Член ВЦИК всех созывов.

Розенгольц Аркадий Павлович (1889—1938) — член РСДРП с 1905 г. Учился в Киевском коммерческом институте. После октября 1917 г. член Президиума ВЦИК. В сентябре 1918 г. член РВСР, член реввоенсоветов армий и фронтов. После гражданской войны на государственной и хозяйственной работе. С 1929 г. нарком внешней торговли.

Митрофанов Алексей Христофорович (1879—1941) — член РСДРП с 1903 г. Участник революции 1905—1907 гг. В 1917 г. член Самарского комитета, председатель губкома РСДРП(б), член Самарского Совета и ВРК, редактор газеты “Приволжская правда”. В июле 1918 г. комиссар отряда особого назначения по эвакуации золотого запаса из Самарского банка в Казань. С конца 1918 г. на партийной и государственной работе.

Розинь (Розиньш) Фрицис (Фридрих) Адамович (1870—1919) — из крестьян. В 1891—1897 гг. учился в Тартуском университете. В 1904 г. участник создания Латышской с.-д.рабочей партии. В октябре 1917 г. вернулся в Латвию из эмиграции. С ноября 1917 г. председатель Исполкома Совета рабочих, солдатских

и безземельных депутатов Латвии. С апреля 1918 г. заместитель наркома по делам национальностей РСФСР. Член Президиума ВЦИК. Участвовал в разработке Конституции РСФСР 1918 г. С января 1919 г. член Президиума ЦИК и нарком земледелия Советской Латвии. С марта 1919 г. член ЦК КП Латвии.

⁹⁴ 18 июля 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК принята резолюция: “Президиум признает решение Уралоблсовета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати”.

⁹⁵ “Смерть Николая Романова” (Северная коммуна. 1918. 20 июля).

⁹⁶ Цитата из редакционной статьи (Наш век. 20/7 июля).

⁹⁷ “Смерть Николая Романова” (Северная коммуна. 1918. 20 июля).

⁹⁸ Здесь приводятся заглавие редакционной статьи “Одним коронованным палачом меньше” и две заключительные строки из нее (Красная газета. 1918. 20 июля).

⁹⁹ “Расстрел Николая Романова” (Вооруженный народ. 1918. 20 июля).

¹⁰⁰ “Из жизни Николая II” (Новые ведомости. 1918. 20 июля. Вечерний выпуск).

¹⁰¹ Ксюнин “Роковой царь” (Вечерние огни. 1918. 20/7 июля).

Ксюнин Алексей Михайлович (1880—1938) — журналист, масон. Начиная писать как журналист-криминалист в “Петербургском листке”, “Новом времени”, “Вечернем времени”. Входил в совет товарищества “Нового времени”. В 1918 г. эмигрировал в Белград. В 1919 г. из Парижа послан в ОСВАГ к Деникину. После поражения белых снова в Белграде, сотрудничал в монархических изданиях, входил в монархический совет, введен в разведывательную сеть Гучкова по сбору информации о СССР. Узнав, что генерал Скоблин оказался агентом НКВД, застрелился.

¹⁰² *Протопопов Александр Дмитриевич* (1886—1918) — последний министр внутренних дел (1916 — февраль 1917) царского правительства, помещик, фабрикант, член партии октябристов, товарищ председателя IV Государственной думы. Расстрелян в 1918 г. в начале красного террора.

¹⁰³ *Войков Владимир Николаевич* (р.1868) — генерал-майор свиты Его Императорского Величества по гвардейской кавалерии, дворцовый комендант (с 25 декабря 1913 г.), эмигрант.

Питирим (в миру Павел Окнов) (1858—1921) — с ноября 1915 г. митрополит Петроградский и Ладожский и архиепископ Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, ставленник Г.Распутина. 28 февраля 1917 г. арестован, под давлением духовенства сложил сан митрополита, отпущен “на покой” в Лавру.

Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917). Обер-камергер, член Государственного Совета, председатель Совета Министров (20 января — 16 ноября 1916 г.), одновременно министр внутренних дел (3 марта — 7 июля 1916 г.) и министр иностранных дел (7 июля — 10 ноября 1916 г.).

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената (с 1903 г.), с 1906 по 1915 г. министр юстиции, председатель Государственного Совета (1917).

¹⁰⁴ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907). Окончил училище правопедания, профессор Московского университета в 1860—1865 гг. Преподавал

законоведение великим князьям, в том числе Александру III и Николаю II. Обер-прокурор Синода в 1880—1905 гг.; сенатор с 1868 г.; член Государственного Совета с 1872 г. Автор историко-юридических трудов.

Дурново Иван Николаевич (1830—1903) — министр внутренних дел в 1889—1895-гг. Осуществил контрреформы в отношении земских начальников (1889), земских учреждений (1890), при нем было принято Городовое положение (1892). В 1895 г. назначен председателем комитета министров.

Дурново Петр Николаевич (1844—1915) — директор Департамента полиции (1884—1893), с 1893 г. сенатор, товарищ министра внутренних дел (1900—1905), с октября 1905 по апрель 1906 г. министр, член Государственного Совета (1906).

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — директор Департамента полиции (с 1881 г.), в 1884—1894 гг. сенатор и товарищ министра внутренних дел, государственный секретарь и главноуправляющий кодифицированной частью при Государственном Совете (с 1894 г.), министр статс-секретарь Финляндии (с 1899 г.), министр внутренних дел (с 1902 г.) и шеф корпуса жандармов. Убит эсером С.П.Сазоновым.

Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — министр внутренних дел (1895—1899), продолжил политику “контрреформ”, председатель Совета Министров (апрель—ноябрь 1906 г., январь 1914—январь 1916 г.), член Государственного Совета с 1899 г.

¹⁰⁵ *Белобородов Александр Георгиевич* (1891—1938) — член РСДРП с 1907 г., рабочий. В 1917 г. член Уральского областного комитета партии, делегат VI съезда РСДРП(б), Председатель Уральского облисполкома и член Уралобкома РКП(б) в январе 1918 — январе 1919 гг. А июне 1918 г. подписал решение Совета о расстреле Николая II и его семьи. С апреля 1919 г. уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по подавлению Вешенского восстания на Дону. На политической работе в Красной Армии: С конца 1921 г. заместитель наркома внутренних дел РСФСР. Примыкал к троцкистской оппозиции, исключен из партии в 1927 г., восстановлен в 1930 г.

¹⁰⁶ *Авдеев А.Д.* — рабочий Верх-Исетского завода, комендант “дома особого назначения” (дом Ипатьева) в Екатеринбурге, где содержались Николай II и его семья.

¹⁰⁷ *Яковлев Василий Васильевич* — псевдоним Константина Алексеевича Мячина (р.1888 г.) — слесарь, член РСДРП с 1905 г., член боевой дружины Уральского комитета партии. Участник “миасского экса” — вооруженного нападения на почтовый поезд на ст.Миасс с целью захвата денег (1,5 пуда золота) для группы “Вперед” в Болонье. Выехал в Брюссель. В 1910 г. слушатель школы группы “Вперед”. В Бельгии работал электротехником. С 1917 г. в России. Делегат II Всероссийского съезда Советов, участник штурма Зимнего дворца. Комиссар Центральной телефонной станции, сотрудник ВЧК. По поручению Я.М.Свердлова перевез Николая II и его семью из Тобольска в Екатеринбург (апрель—май 1918 г.). В середине мая 1918 г. главком Урало-Оренбургского фронта. Командарм 2-й армии Восточного фронта, перешел на сторону Комуца. Впоследствии предстал перед судом. Отбыв наказание, работал в органах НКВД.

¹⁰⁸ “Последний Романов” (Петроградский голос. 1918. 20 июля).

¹⁰⁹ 6—21 июля 1918 г. в Ярославле под руководством “Союза защиты родины и свободы” произошло восстание против Советской власти. Возглавил полковник 142

А. П. Перхуров. Аналогичные выступления в Рыбинске и Муроме успеха не имели. Ярославль был окружен советскими войсками и взят после ожесточенных боев. 21 июля восставшие сдались в Ярославле "Германской комиссии военнопленных", которая на следующий день выдала их советским частям.

110 Монументальная пропаганда — идея использования монументального искусства в городах Советской России в качестве действенного средства политического воспитания масс. Выдвинута В. И. Лениным.

111 *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875—1933). С октября 1917 по 1929 г. — народный комиссар просвещения. Проводил в жизнь ленинский план монументальной пропаганды.

112 *Зорин (Гомберг) Сергей Семенович* (1890—1937). В РСДРП(б) с 1917 г. В 1911—1917 гг. в эмиграции в США, член Американской социалистической партии. С марта 1917 г. токарь на Сестрорецком оружейном заводе в Петрограде. В 1918 г. — председатель Революционного трибунала Петрограда, затем комиссар почт и телеграфов Союза коммун Северной области, в 1919—1921 гг. — секретарь Петроградского комитета РКП(б).

113 23 июля 1918 г. в Таврическом дворце на первом общем собрании мобилизованных рабочих, родившихся в 1896—1897 гг., выступили Зорин, Зиновьев, Луначарский, Позерн, Лашевич. В изложении речей Зорина, Луначарского и Зиновьева приводимые Князевым слова отсутствуют (Северная коммуна. 1918. 24 июля). Полностью речь Г. Е. Зиновьева опубликовала "Петроградская правда" 25, 25 июля 1918 г. Изложение приводимых слов — в номере за 26 июля.

114 *Лев Гумилевский* "На холерной повинности" (Наш век. 1918. 31 июля).

115 На Марсовом поле в 1918 г. похоронены большевики, погибшие во время Ярославского мятежа: С. М. Нахимсон, Г. Я. Дейбус — командир роты 6-го Тукумского латышского полка, стрелки этого полка Лепинь и Петерсон, а также петроградские рабочие-красногвардейцы.

116 *Рубакин Николай Александрович* (1862—1946). Из купеческой семьи. Окончил Петербургский университет. Писатель, издатель, книговед. В 1907 г. эмигрировал в Швейцарию, где жил до кончины. Собрал две библиотеки: в Петербурге (80 000 томов) — подарена в 1907 г. Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования; другая в Швейцарии (100 000 томов) — передана ГБЛ в Москве. Автор книг "Этюды о русской читающей публике", "Среди книг", "Письма читателям о самообразовании", "Практика самообразования" и др.

117 "Ярославская трагедия" (Правда. 1918. 27 июля).

118 Леонид Галич "Свет из Монте-Карло" (Новые ведомости. 1918. 28 июля. Вечерний выпуск).

119 Питерский рабочий "Тревожный звон" (Красная газета. 1918. 5 авг. Вечерний выпуск).

120 *Василий Князев* "Набат за рубежом" (Красная газета. 1918. 5 авг. Вечерний выпуск).

Князев Василий Васильевич (1887—1937 или март 1938) — поэт, из купеческой семьи. С 1905 г. писал революционные песни, баллады. После октября 1917 г. сотрудник "Красной газеты". Псевдонимы: "Красный звонарь", "Красный поэт", "Софронов внук из Великих Лук", "дед Нефед". Его произведения появлялись в газете почти ежедневно.

¹²¹ *В.Князев* “Набат за рубежом” (Красная газета. 1918. 5 авг. Вечерний выпуск).

¹²² Речь идет о повести *Ф.М.Достоевского* “Нечоточка Незванова”.

¹²³ В “Известиях” ВЦИК печатался дневник Николая II, отрывки из которого приводит Князев (Известия. 1918. 10 авг.).

^{123а} В записи от 23 марта об уничтожении бумаг Николаем II ничего не сообщается.// Дневник императора Николая II. М., 1991. С.628.

¹²⁴ *Крузенштерн Иван Федорович* (1770—1846) — русский мореплаватель, адмирал, почетный член Академии наук (1806). Закончил Морской корпус (1788). Руководил первым русским кругосветным плаванием на кораблях “Надежда” и “Нева”. Оставил подробные описания путешествий. Был директором Морского корпуса (1827—1842).

¹²⁵ *Беринг Витус Ионассен (Иван Иванович)* (1681—1741) — русский мореплаватель, капитан-командор, руководитель 1-й (1725—1730 гг.) и 2-й (1733—1743 гг.) Камчатских экспедиций. Умер 8 декабря 1741 г. во время зимовки на необитаемом острове.

¹²⁶ *Корнилов Амос Кондратьевич* (даты рождения и смерти неизвестны) — русский полярный мореплаватель XVIII в. Совершил ряд плаваний из Архангельска по Белому и Баренцову морям. Во время путешествий вел дневник наблюдений, который впоследствии был передан в Адмиралтейство в Петербурге.

¹²⁷ *Макаров Степан Осипович* (1848/49—1904) — русский флотоводец, океанограф, кораблестроитель, вице-адмирал (1896). Руководил постройкой ледокола “Ермак” и участвовал в его испытании и перегонке из Ньюкасла (Англия) в Кронштадт (март 1899 г.).

¹²⁸ *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), граф (1832). Участник войн с Францией (1805—1807), Турцией (1806—1812), Отечественной войны (1812 г.) и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. Начальник штаба гвардейского корпуса (1819—1821). Участник подавления выступления на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. в Петербурге, член следственной комиссии по делу о восстании. Шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения.

¹²⁹ *Дуббельт Леонтий Васильевич* (1792—1862) — участник кампаний 1807 и 1812—1815 гг., начальник штаба Отдельного корпуса жандармов (1839—1856), начальник III отделения, член Главного управления цензуры и секретного комитета о раскольниках.

¹³⁰ *Урицкий Моисей Соломонович* (1873—1918) — из купеческой семьи, окончил юридический факультет Киевского университета (1897), член РСДРП с 1898 г. Неоднократно арестовывался и высылался. В 1914 г. эмигрировал. В апреле 1917 г. вернулся в Петроград, принят в РСДРП(б), участвовал в работе VI съезда партии, избран в члены ЦК. Один из руководителей восстания в Петрограде, член Петроградского ВРК, комиссар Министерства иностранных дел, комиссар Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК и комиссар внутренних дел Союза коммун Северной области. Убит студентом Леонидом Канегиссером.

¹³¹ *Кузьмий Николай Николаевич* (1883—1939) — член РСДРП с 1903 г. Окончил Петербургский университет. Политработник Красной Армии. В гражданскую войну проявил крайнюю жестокость. Подробнее см.: Русское прошлое. 1991. Кн.2.

132 “Союз русского народа” — массовая черносотенная организация в России. Возникла в октябре 1905 г. в Петербурге. Основной печатный орган — газета “Русское знамя”. После Февральской революции распущена.

133 *Дубровин Александр Иванович* (1855—1918), по профессии врач. Основатель и до 1910 г. председатель Главного совета “Союза русского народа”, редактор газеты “Русское знамя”. Расстрелян осенью 1918 г.

134 *Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович* (1870—1938) — с II съезда РСДРП меньшевик. По поручению немецких социал-демократов вел работу по изданию сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса. С 1917 г. член РСДРП(б), после октября сторонник однородного социалистического правительства, выходил из партии из-за несогласия с заключением Брестского мира. В 1918 г. уполномоченный по архивам и библиотекам Петрокоммуны.

135 “Возможен ли мир?” (Северная коммуна. 1918. 23 авг.).

136 Расположен на Исаакиевской площади, д.9. Трехэтажный особняк, построен в 1760-е гг. предположительно по проекту архитектора А.Ринальди, принадлежал Л.А.Нарышкину. В нем останавливались приехавшие в Петербург Д.Дидро, Ж.де Сталь, Ф.Шлегель. В начале XIX в. дом принадлежал камергеру, действительному статскому советнику и поэту Ивану Петровичу Мятлеву (1796—1844). В этом доме часто бывал А.С.Пушкин. После Октябрьского переворота 1917 г. здесь размещалось общество “Старый Петербург”.

137 *Жданко Михаил Ефимович* (р.1855 г.), генерал-лейтенант (1912), начальник Гидрографического управления (1913—1917).

138 Памятник Александру III на Знаменской (пл.Восстания), скульптор П.Трубецкой; в 1937 г. перенесен до двор Русского музея.

139 *Кириллов Владимир Тимофеевич* (1890—1943). Из крестьян, плавал на торговых кораблях Черноморского флота, участвовал в революционном движении моряков, 3 года провел на каторге. В печати выступал 1913 г. В 1917—1918 гг. работал в Петроградском, с 1919 г. в Тамбовском Пролеткульте.

140 Отрывок из стихотворения “Клич” (Красная газета. 1918. 22 авг. Вечерний выпуск).

141 *Арский (Афанасьев) Павел Александрович* (1886—1967). В революционном движении с 1905 г., член РКП(б) с 1918 г. Начал печататься в 1917 г., являясь солдатом Запасного батальона Павловского полка. Главная тема стихов — революционная борьба.

142 В этом здании (бывшее Градоначальство) с декабря 1917 г. по март 1918 г. размещалась ВЧК; после ее переезда в Москву — Петроградская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

142а В этом эпизоде эмоции подменяют факты. В действительности по предложению М.С.Урицкого в марте 1918 г. СНК Петроградской трудовой коммуны постановил не применять расстрела в качестве меры наказания. Однако уже 19 августа был издан декрет СНК Союза коммун Северной области о применении расстрелов за подписями Г.Зиновьева, Б.Позерна и М.Урицкого. Несмотря на это последний оставался противником расстрелов и при голосовании на коллегии ПЧК о применении смертной казни к 21 человеку воздержался. Позиция Урицкого вызывала неудовольствие как в ПЧК так и в центральном аппарате ВЧК. Ущю 12 июня фракция коммунистов конференции чрезвычайных комиссий потребовала от ЦК партии отозвать Урицкого с поста Председателя ПЧК.

¹⁴³ *Каннегисер Леонид Акимович* (1896—1918) — дворянин, поэт, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, студент 4-го курса Политехнического института; член партии народных социалистов.

¹⁴⁴ Последние разыскания историков поставили под сомнение официальную версию о причастности Ф.Каплан к выстрелам в В.И.Ленина. См.: *Lyandress Semion. The 1918 Attempt on the life of Lenin: A New Look at the Evidens // Slavic Review* 1989. V.48. №.3 P.432—448; *Лутвин Н.* 1) Кто стрелял в Ленина // 24 часа: Дайджест прессы. 1991. 23 авг. с.6; 2) Дело 2162 и другие дела // Собеседник. 1991. № 42. С.5.

¹⁴⁵ Автор имеет в виду редакционные статьи “Смерть буржуйам!”, “Под вашу защиту” (Красная газета. 1918. 30 авг. Вечерний выпуск). В первой, в частности, говорилось: “На единственный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором. Кто убийца? Студент Каннегисер — буржуазный отпрыск. Вся буржуазия должна поплатиться за его кровавое злодеяние... За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов... Зададим кровавый урок буржуазии, чтобы навсегда отбить охоту к террору у оставшихся в живых... Смерть буржуазии пусть станет лозунгом дня”. В статье “Под вашу защиту” были призывы: “За одного вождя рабочей революции — тысячу буржуйев!..”; “Кровью тысяч за кровь одного!”.

¹⁴⁶ “Пора начинать и нам” (Красная газета. 1918. 31 авг. Вечерний выпуск).

¹⁴⁷ С марта по октябрь 1918 г. Петроградской чрезвычайной комиссией было арестовано 6229 человек.

¹⁴⁸ *Орнатский Философ Николаевич* (1860—1918) — митрофорный протоиерей, председатель Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви (с 1899 г.), настоятель церкви при экспедиции заготовления государственных бумаг и заведующий технической школой при ней. Гласный Петроградской думы. Настоятель Казанского собора в Петрограде. Расстрелян.

¹⁴⁹ В первом номере “Литературной газеты” 1 сентября 1918 г. напечатаны статьи Н.Гнесина “Гражданин Урицкий”, Г.Зиновьева (перепечатка из “Петроградской правды” за 31 августа 1918 г.) и Л.О.Кармен “Сказка сбывается” (о еврейской Палестине).

¹⁵⁰ Цирк Чинизелли (Набережная р.Фонтанки, д.3). 26 декабря 1877 г. состоялось открытие каменного здания цирка вместо деревянного, построенного в 1867 г.

¹⁵¹ *Юрьев Юрий Михайлович* (1872—1948) — русский актер. В 1918 г. создал в Петрограде “Театр трагедии”, открывшийся спектаклем “Царь Эдип” Софокла (на арене бывшего цирка Чинизелли). Им был также поставлен “Макбет” В.Шекспира. Деятельность театра оборвалась в связи с обострением положения на фронте. Участник создания Большого драматического театра в 1919 г.

¹⁵² *Добужинский Мстислав Валерианович* (1875—1958) — русский живописец, график, театральный художник. В 1918 г. вместе А.И.Томановым оформил спектакль “Макбет” в бывшем цирке Чинизелли. С 1926 г. эмигрант.

¹⁵³ *Романов Борис Георгиевич* (1891—1957) — артист балета и балетмейстер, артист Мариинского театра в Петербурге. В 1921 г. эмигрировал за границу.

¹⁵⁴ *Домашева Мария Петровна* (1875—1952) — народная артистка РСФСР (1951).

¹⁵⁵ *Долинов Анатолий Иванович* (р.1869) — актер, режиссер, театральный

педагог. Сценическую деятельность начал в 1885 г. В 1918 г. на сцене Александринского театра поставил “Горе от ума” А.С.Грибоедова. С 1923 г. эмигрант.

156 Цитата из газетного изложения речи Г.Зиновьева, помещенной в материале “Похороны товарища М.С.Урицкого” (Петроградская правда. 1918. 3 сент.).

157 В дни красного террора в сентябре—ноябре 1918 г. в Петрограде расстреляно около 1500 человек.

158 Общая численность Красной Армии на октябрь 1918 г. составляла 800 тыс. человек.

159 *Великий князь Павел Александрович* (1850—1919) — дядя Николая II, генерал-майор, с мая 1916 по февраль 1917 г. командир 1-го гвардейского корпуса.

Великий князь Николай Михайлович (1859—1919) — двоюродный дядя Николая II, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте, историк.

Арестованы вместе с другими великими князьями как заложники после убийства М.С.Урицкого. Сидели в Петропавловской крепости, где 28 января 1919 г. расстреляны. Место захоронения неизвестно.

160 *Протпер Станислав Максимилианович* — редактор и издатель газеты “Биржевые ведомости” и еженедельного иллюстрированного журнала “Огонек” (1899—1918). Анализ списка 476 заложников показал, что в Петрограде среди них находилось 13 правых эсеров, 5 великих князей, два деятеля Временного правительства (А.И.Верховский и П.И.Пальчинский), 407 офицеров (77 в чине от генерала до ротмистра, 303 от капитана до прапорщика и для 27 звание не установлено), остальные принадлежали к банковским и торговым кругам. Таким образом, главный удар наносился по офицерскому корпусу старой русской армии, а не по правым эсерам, как об этом заявляли в печати.

161 10 октября 1918 г. СНК принял декрет о введении новой орфографии.

162 Освобождение Казани советскими войсками от эсеровских и белочешских частей произошло 10 сентября 1918 г.

163 Возможно, что под криптонимом “С.Ф.” скрыт академик Сергей Федорович Платонов.

164 *Пастернак Леонид Осипович* (р.1862) — живописец. Плакат “Раненный солдат” им создан в 1914 г. “...он был расклеен в Москве в день сбора пожертвований. Толпы стояли перед ним, бабы плакали” (*Пастернак Л.О.* Записки разных лет. М., 1975. С.84). Впоследствии плакат не переиздавался.

165 Первый советский орден (Красного Знамени РСФСР) учрежден ВЦИК 16 сентября 1918 г. Право награждения орденом принадлежало ВЦИК, а право представления к награде — всем командирам и комиссарам отдельных частей Красной Армии и Флота. В дальнейшем эти права были расширены.

166 Отрывок из передовой статьи газеты “Финансы и народное хозяйство” от 24 сентября.

167 Новая Голландия — остров в западной части Петрограда.

168 *Фердинанд I Кобургский* (1861—1948) — болгарский князь (1887—1908) и царь (1908—1918), основатель династии Кобургов в Болгарии. Способствовал усилению германского влияния в Болгарии. Поражение в первой мировой войне вынудило его отречься от престола и бежать в Германию.

169 *Вильсон Томас Вудро* (1856—1924) — президент США (1912—1921). Здесь имеется в виду программа мира “Четырнадцать пунктов”, с которой Вильсон выступил в январе 1918 г.

170 7 октября 1918 г. части Красной Армии освободили Самару.

171 Во время Первой мировой войны с обеих сторон убито и умерло от ран около 10 млн. человек, свыше 20 млн. ранено и искалечено, около 10 млн. умерло от эпидемий и голода.

172 Имеется в виду басня Стар—старика “Брюзжание” (Красная газета. 1918. 9 окт.).

173 Бюст А.Радищева (скульптор Л.В.Шервуд) установлен в пролете решетки Зимнего дворца 22 сентября 1918 г. и вскоре обрушился и разбился. Памятник Ф.Лассалю (скульптор В.А.Синайский) установлен в октябре 1918 г. у бывшего здания Городской думы (ныне в экспозиции Русского музея). Памятники созданы по плану монументальной пропаганды.

174 Имеется в виду антибольшевистское выступление матросов 2-го флотского экипажа. 13 октября 1918 г. на митинге матросы потребовали разрыва Брестского договора, отказа от уплаты контрибуций, похода на Украину для изгнания германских оккупантов. Выдвинули лозунг “истинной власти Советов без большевистских комиссаров”. Комиссаров Балтфлота И.Флеровского и Б.Фрунтова согнали с трибуны. Вечером 14 октября толпа матросов направилась на площадь к Мариинскому театру, где состоялся митинг. Затем матросы ворвались в театр, где шла опера Г.Вагнера “Валькирия”, потребовали прекращения спектакля, взяли с собой оркестрантов и под музыку двинулись по улицам, ведущим к Неве, где стояли корабли. Не встретив сочувствия, демонстранты повернули в казармы. Ночью воинские части окружили казармы 2-го флотского экипажа и арестовали зачинщиков. По постановлению Петроградской ЧК 11 организаторов выступления были расстреляны.

175 Мудроское перемирие с Турцией было заключено 30 октября 1918 г.

176 *Либкнехт Карл* (1871—1919) — один из основателей коммунистической партии Германии. В своем послании Циммервальдской конференции в 1915 г. выдвинул лозунг: “Гражданская война, а не гражданский мир!”.

177 *Трепов Дмитрий Федорович* (1855—1906) — московский полицмейстер (1896), петербургский генерал—губернатор (с января 1905 г.), товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией (с апреля 1905 г.).

178 *Андреева (Юрковская) Мария Федоровна* (1868—1953) — актриса, общественный деятель, член РСДРП с 1904 г. В 1898—1905 г. в Московском художественном театре. Гражданская жена А.М.Горького. Заместитель комиссара просвещения по художественным делам в Петрограде (1919—1921). Одна из инициаторов создания Большого драматического театра (1919).

179 *Суханов (Гриммер) Николай Николаевич* (1882—1940) — эсер, меньшевик (с 1917 г.), член исполкома Петроградского Совета (1917 г.), эмигрант. Автор “Записок о революции”. Работник Института монополии внешней торговли, в 1930 г. арестован. На процессе “Союзного бюро ЦК меньшевиков” 1931 г. приговорен к 10 годам заключения. С 1935 г. в тобольской ссылке. В 1937 г. арестован как “немецкий агент”, расстрелян.

180 В дни немецкой оккупации в Пскове 10 октября 1918 г. начал формироваться русский Северный корпус. На 24 октября 1918 г. в него входило 3459 солдат

и офицеров, без Талабского отряда, данные о численности которого весьма противоречивы.

181 *Муравьев Михаил Николаевич* (1796—1866) — участник войны 1812 г. В 1863 г. в качестве военного губернатора жестоко подавлял восстания в Литве и Белоруссии, получил титул графа. В общественном мнении заклеен как “вешатель”. В 1863—185 гг. губернатор Северо-Западного края, осуществлял политику русификации. В 1866 г. председатель Верховной комиссии по делу Д.В.Каракозова.

182 *Робеспьер Максимилиан Мари Изидор* (1758—1799) — деятель Великой французской революции.

183 Аттила (ум. в 453 г.) — предводитель гуннов в 434—453 гг. Вел опустошительные войны с соседними государствами.

184 *Щерба Лев Владимирович* (1880—1944) — языковед, профессор Петроградского университета, академик (1943). Один из создателей теории фонемы.

185 *Коненков Сергей Тимофеевич* (1874—1971) — скульптор. Участвовал в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. Для кремлевской стены выполнил мемориальную доску “Павшим в борьбе за мир и братство народов”, группу “Степан Разин со своей ватагой” для Красной площади в Москве (ныне обе в Русском музее).

186 В Петрограде в 1918 г., по неполным данным, умерло 64 150 человек. Для сравнения скажем, что в 1919 г. смертность составила 65 347, а в 1920 г. — 37 479 человек.

187 Благовещенская церковь построена в 1844—1849 гг. по проекту архитектора К.А.Тона для лейб-гвардии Конного полка. Находилась на Благовещенской пл. (ныне пл.Труда). Снесена в 1929 г., так как “мешала трамвайному движению”.

188 По-видимому, имеется в виду литературовед профессор С.А.Белокуров, участвовавший в подготовке серии сборников “Русская историческая библиотека”.

А.Г. Шапрон дю Ларре

Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году

Вводная статья, подготовка текста и комментарии
В.Г. Бортневского

Публикуемые ниже воспоминания представляют несомненный интерес как из-за личности их автора, одного из зачинателей Белого движения, так и из-за приводимого в них уникального фактического материала, в некоторой степени дополняющего и уточняющего историю Октябрьской революции и начала Гражданской войны.



Алексей Генрихович Шапрон дю Ларре родился 23 июля 1883 года (по ст. стилю) в семье перешедшего на русскую службу швейцарского подданного. По окончании Симбирского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища (по первому разряду) он был произведен в корнеты лейб-драгунского Павлоградского Императора Александра III полка. Первую мировую войну А.Г.Шапрон дю Ларре провел в составе лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, командовал эскадронам, был награжден за боевые отличия шестью боевыми орденами (вплоть до ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом включительно)¹. Затем пришла Февральская революция, разложение рус-

ской армии, расформирование прославленного полка, торжество черни. Гвардии ротмистр А.Г.Шапрон дю Ларре пытается найти свое место в происходящих событиях и всеми силами воспрепятствовать падению Родины в пропасть. Осенью 1917 года он сближается с отстраненным Временным правительством от должности генералом от инфантерии М.В.Алексеевым, добровольно становится его личным адъютантом, принимает активнейшее участие в созданной в Петрограде, а затем в Москве “Алексеевской организации”, ставшей организованным ядром будущей Добровольческой армии, покрывшей себя неувядаемой славой в борьбе с большевизмом. А.Г.Шапрон дю Ларре находился при генерале М.В.Алексееве до самой его кончины 25 сентября 1918 года, прошел легендарный Первый Кубанский (Ледяной) поход, выполнял важнейшие поручения командования. Весьма примечательно удостоверение, выданное ему 29 мая 1918 года в станице Мечетинской за подписью генерала М.В.Алексеева: “Дано сие моему личному адъютанту, гвардии ротмистру Шапрону дю Ларре в том, что он командирится мною во все города России”². Последующий этап боевой биографии А.Г.Шапрона дю Ларре неразрывно связан со знаменитым в истории гражданской войны 2-м Офицерским Конным генерала Дроздовского полком, которым он доблестно командовал в чине полковника. 9 марта 1920 года А.Г.Шапрон дю Ларре был произведен за боевые отличия из полковников в генерал-майоры и назначен исполняющим должность генерала для поручений при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России. Вскоре он отбыл из Новороссийска вместе со штабом генерала А.И.Деникина³.

Находясь в эмиграции, А.Г.Шапрон дю Ларре жил сначала в Англии, затем в Бельгии, где женился на дочери генерала Л.Г.Корнилова Наталье Лавровне. Алексей Генрихович ушел из жизни 10 июля 1947 года и был похоронен на Икселевском кладбище в Брюсселе.

Воспоминания А.Г.Шапрона дю Ларре посвящены обстоятельствам тайного отъезда генерала М.В.Алексеева из Петрограда после Октябрьского переворота, событиям, непосредственно предшествовавшим рождению Добровольческой армии. Длительное время об этом поистине историческом эпизоде практически не было достоверной и фактически точной информации. Пожалуй, лишь в изданном в 1962 г. в Париже первом томе фундаментального труда В.Е.Павлова⁴ был приведен ценный материал об “Алексеевской организации”, правда, не подкрепленный точными ссылками на источники. Через 20 лет в журнале “Грани” (№ 125) Н. Рутыч опубликовал уникальнейшие документы из коллекции скончавшейся в 1992 г. Веры Михайловны Борель, дочери М.В.Алексеева: дневники, записи, письма генерала, а также ее собственные воспоминания и переписку. Надо сказать, что эта публикация (объемом около 12 авторских листов) до сих пор должным образом не оценена и не введена в научный оборот отечественной историографией⁵. В числе многочисленных документов

Н.Рутычем опубликовано было письмо, полученное В.М.Борель в 1967 г. из Парагвая от Н.П.Щетининой. Она была одним из трех лиц, сопровождавших М.В.Алексеева в его опасной поездке из Петрограда на Дон, и по просьбе дочери генерала описала это событие в яркой и эмоциональной форме⁶.

Что же касается лаконичных воспоминаний А.Г.Шапрона дю Ларре, то они представляют собой личные впечатления второго из трех сопровождавших М.В.Алексеева лиц, причем ехавшего с ним, кстати, в одном купе. Несомненно, что сопоставление историками написанных в 20-е гг. воспоминаний А.Г.Шапрона дю Ларре и письма Н.П.Щетининой 1967 г. поможет восстановить с достаточной полнотой действительную картину этого знаменательного события, успех которого решающим образом способствовал началу Белого движения.

Рукопись “Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году” хранится в личном архиве сына автора, Лавра Алексеевича Шапрона дю Ларре, проживающего в Брюсселе. Редакция “Русского прошлого” получила от Лавра Алексеевича любезное согласие на публикацию.

Воспоминания публикуются полностью, без каких-либо купюр и изъятий. Старая орфография заменена на современную, в квадратные скобки заключены расшифрованные публикатором фамилии упоминаемых автором лиц. Оригинал фотографии хранится в личном архиве Л.А.Шапрона дю Ларре.

¹ Послужной список А.Г.Шапрона дю Ларре // Личный архив Л.А.Шапрона дю Ларре (Брюссель).

² Там же.

³ Коллекция приказов // Там же.

⁴ Марковцы в боях и походах в освободительной войне 1917—1920 гг. / Сост. В.Е.Павлов. Кн.1. 1917—1918 гг. Париж. 1962.

⁵ Рутыч Н. К опубликованию бумаг основателя Добровольческой Армии: дневники, записи, письма ген. Алексеева и воспоминания об отце В.М.Алексеевой-Борель // Грани. № 125. 1982. С.107—306. Коллекция В.М.Борель хранится в Архиве Общества Ревнителеев Русской истории (Париж). Отрывки из ее воспоминаний под заголовком “Как зарождалась Белая армия” публиковались в выходящем в г.Санта-Роза (Калифорния) журнале “Наши вести” (№№ 416—425, 1989—1991). Редакция “Русского прошлого” располагает копиями многих документов из коллекции В.М.Борель и рассматривает вопрос о публикации того, что не было издано ранее.

⁶ Грани. № 125. 1982. С.180—183.

29-го октября С.С.Щетинин¹ объявил мне, что билеты в Ростов будут готовы на следующий день в скором поезде. Удалось откупить два смежных купе в международном вагоне первого класса. Одно купе было решено предоставить ген. [ералу] А. [лексееву] и мне, а другое Н.П.Щетининой и полк. [овнику] В. [еденяпину]². Я тотчас же поехал к ген. [ералу] А. [лексееву], чтобы порадовать его известием о возможности выезда из Петрограда, пребывание в котором для него было мучительно. Особенно принимая во внимание условия и обстановку, при которых ему приходилось проживать³.

30-го производилась разведка Николаевского вокзала, чтобы хорошенько выяснить всевозможные выходы и ходы к поезду и выбрать наиболее подходящий из них.

Все наблюдения привели к решению провести ген. через большие ворота товарного въезда, совершенно минуя вокзал, где наблюдение за подъезжающими было слишком бдительным. Этот проход, кроме того удобства, что окарауливался одним безграмотным солдатом, привыкшим к тому, что здесь проходят главным образом местные служащие, имел еще преимущество для нас, что освещался одной грязной и очень тускло горящей лампочкой, не давая по вечерам возможности разглядеть хорошенько лица проходящих.

Значительно раньше времени отхода поезда на вокзал поехал С.С. [Щетинин] с целью все еще раз проверить и остаться там, следя за всем и всеми, а также чтобы встретить и провести ген. [ерала] А. [лексеева]. Потом туда же отправились Н.П. [Щетинина] и полк. [овник] В. [еденяпин] со всеми вещами, как своими, так и ген. [ерала] А. [лексеева]. Я же оставался с М.В. [Алексеевым], дабы приехать к условленному пункту Ник. [олаевского] вокзала за четверть часа до отхода поезда, т.е. без четверти одиннадцать. Ген. [ерал] А. [лексеев], у которого я провел весь вечер, жил под чужим именем на квартире гр[афини] [Сиверс]⁴. Он страшно волновался, поминутно смотрел на часы, и несмотря на все мои старания не смог выдержать времени, и мы раньше срока отправились пешком к Щ. [етининой] на Манежный переулок, откуда и должны были двинуться к вокзалу.

Тяжело и странно было смотреть на ген. [ерала] А. [лексеева] в столь несвойственной ему штатской одежде и особенно той, которой ему пришлось пользоваться за неимением времени достать что-либо более подходящее. Ген. [ерал] был одет в очень потертое осеннее пальто темно-шоколадного цвета с небольшими темными крапинами. Оно крайне неуклюже сидело на нем. Из-под не по росту длинного пальто виднелись черные брюки, бахрома оконечностей которых ярко очерчивала военные сапоги. Голову его покрывала синяя фетровая шляпа, опоясанная черною лентою, которую ген. [ерал] как-то особенно глубоко напяливал на голову, с наклоном на правый бок. Передняя часть шляпы доходила до бровей, отчего неестественно поднималась задняя ее часть, придавая столь непривычный и резко бросающийся в глаза вид. Рече-

ющее со времени революции городское освещение, в описываемое время достигло значительных размеров. Редкие лампочки тускло горели, точно задыхались от чуждого им счастья революционных свобод, и плохо исполняли свое назначение. Сильный дождь, особенно усилившийся к вечеру, увеличивал темноту, окружающую город, и вселял какую-то жуткость. Прохожие, кто из чувства самосохранения, а по большей части по наглости, своеобразно усвоив понятие свободы, нахально заглядывали в лица встречаемых; правда, что улицы Петрограда с наступлением темноты переходили в исключительное пользование черни, разнузданных матросов и солдат. Все вышеописанное, при чувстве нравственной ответственности за А. [лексеева], при наличии подложных документов на лиц, которых мы должны были изображать⁵, до того напрягало и без того издерганные за все последнее время нервы, что минутами хотелось выйти на любую площадь и громко объявить, кто и что я, почему я должен скрываться, как какой-то преступник, если моя вина разве только в том, что я вижу и чувствую всем своим существом ту ужаснейшую пропасть, в которую преступно ведут Россию, завязав ей предварительно глаза и сладострастно опьяняя ее лживым нашептыванием о прелестях будущего какого-то неведанного рая. И это делается людьми, не вставшими с оружием в руках на защиту не только чести и достоинства России, но ее жизни в грозные минуты опасности. С какого нравственного права и права вообще? Все эти мысли приводили в еще более нервное состояние, вызывая минутные головокружения, как случается со многими людьми, стоящими у края пропасти или на большой высоте, смотря вниз, когда возрастающее желание броситься вниз все больше охватывает их.

Ген. [ерал] А. [лексеев] шел молча, погруженный в глубокие размышления, и как будто старался головой уйти в поднятый от дождя воротник пальто. Каждый взгляд на него отрезвлял от охватывающего чувства вышеизложенных дум, наводя на мысли о величайшей нравственной ответственности, если его личность будет открыта благодаря моей какой-либо оплошности. Боже! Скорее бы, скорее бы Манежный и дом Щ. [етининых].

Наконец настало время покинуть столь гостеприимную, связанную со столь хорошими воспоминаниями квартиру Щ. [етининых] на Манежном, и мы вышли на улицу и, взявши заранее приготовленного извозчика, отправились на вокзал. По мере приближения вокзала волнение все больше и больше овладевало моим существом. Всю дорогу ехали молча. Подъезжая к условленному месту, я приказал извозчику остановиться. К нам подошел С.С. [Щетинин] и тихо сказал, что поезд опаздывает с отходом на час или полтора, что на вокзале народа масса, и чтоб мы пошли ходить по Лиговке, пока нам не сообщит он о времени посадки. Быстро расплатившись с извозчиком, мы отправились по указанному направлению. Дождь шел беспрестанно, минутами ослабевая, минутами превращаясь в ливень. По улице вдоль тротуаров, и временами и по ним неслись ручьи. Многочисленные и местами

довольно глубокие рытвины тротуаров были переполнены грязной водой. Эта часть улицы совершенно не была освещена. Ген. [ерал] А. [лексеев] нервничал, хотя и старался не показать, волновался и старался обходить рытвины с водой, точно нарочно не пропускал ни одной, попадая в них ногою в самую середину. Каждый раз он отряхивал вытянутую из воды ногу со словами полного отчаяния: “Ах, Боже мой! Боже мой!”, чтобы попасть в следующую и т.д. Я предложил ген. [ералу] идти со мной под руку, но и это дело мало облегчило; на мое предупреждение о луже он немного приостанавливался, поводил опущенными носками по воздуху и решительно опускал ногу в самую лужу. Долго, мучительно долго тянулось время. Наконец ген. [ерал] А. [лексеев] не выдержал и заявил мне, что он больше не может: “Подумайте, — говорил он, — ведь у меня подошвы совсем дырявые, я весь промок и продрог”. Но делать было решительно нечего. Уйти из указанного района грозило пропустить поезд, зайти в какой-либо дом — могли опознать, и я прилагал все красноречие, уверяя, что скоро, скоро мы попадем в поезд. Наконец за нами пришел С.С. [Щетинин]; не без волнения, но благополучно прошли мы контрольный билетный пункт и вышли на освещенную платформу, переполненную толкающимся и суетящимся народом. Поезд, который должен был нас увозить, медленно придвигался. Ген. [ерал] А. [лексеев] держал развернутый носовой платок у самой переносицы, как бы сморкаясь, стараясь закрыть им лицо. В недалеке, в толпе, я увидел Н.П. [Щетинину] и полк. [овника] В. [еденяпина] следящими за нами, мы перекинулись взглядами. Поезд подошел и мы заняли свои места. Я просил ген. [ерала] А. [лексеева] забраться пока на верхнее место и лечь до отхода поезда, изображая больного родственника, а я закрою купе и буду находиться в коридоре около двери, что и сделал. Заглянул через некоторое время в купе, бедный ген. [ерал] А. [лексеев] беспомощно разводил руками и говорил: “Хоть бы полотенчико какое-либо, чтобы вытереть ноги-то, весь промок”. Возможность необходимости выскочить из поезда, не особенная уверенность в прочности нашего положения, пока мы еще не выехали из Петрограда, не позволяла распаковывать вещи, и я предложил ему пока использовать носовые платки, незаметно положив в карман его пальто и свой. Уже когда мы были в дороге, ген. [ерал] А. [лексеев] говорил мне: “Вот подумайте, как бывает в жизни, думаю, как бы это мне так произвести предложенную Вами операцию с одним носовым платком, а тут нахожу другой. Какой-то благодетель нашелся, да по нечаянности не в свой карман платок засунул. Я все, — говорил ген. [ерал], — думаю, что не иначе как гр. [афиня] Сиверс, она такая рассеянная. Нужно будет ей возратить, а то неловко”. Этот платок мне памятен, потому что этим инцидентом его история далеко не исчерпывалась и при посылке курьеров из Новочеркасска в Петроград генерал мне каждый раз говорил: “Платочек-то, платочек, как-нибудь не забудьте переслать Сиверс-то”. На следующий день я встал раньше ген. [ерала] А. [лексеева] и отправился

умываться. Каков был мой ужас, когда ко мне подошел проводник вагона и сказал: “Не нужно ли будет ген. [ералу] А. [лексееву] чайку принести со следующей станции?”. Быстро опомнясь, я начал убеждать проводника в заблуждении. Он долго слушал и потом сказал: “Меня Вы не разубедите, но будьте спокойны, разве я не понимаю?”. Я ему сунул 50 рублей, записал его имя и адрес и обещал ему быть полезным в будущем⁶. Но поделившись с Н.П. [Щетининой] и В. [еденяпиным], мы были далеко не спокойны на этот счет, пока не миновали Москвы, пункта вообще опасного для нас и наиболее выгодного для использования проводником. До приезда в Москву нам предстояла задача объявить ген. [ералу] А. [лексееву], что он едет не в Смоленск, как он думал, но с нами в Ростов. Сначала ген. [ерал] А. [лексеев] был непреклонен и заявил, что он просто в Москве слезет с поезда, и только долгие убеждения в том, что весь Смоленск его знает, что его тотчас арестуют, что он рискует больше никогда не увидеть семью, причинит своей семье больше горя своим приездом, чем он может ожидать, что лучше, приехавши в Новочеркасск, там ориентироваться, списаться и тогда уже принять решение. Наконец убедили ген. [ерала] А. [лексеева], решившего ехать на Дон под условием пробы там несколько дней и с дальнейшей нашей помощью ехать потом в Смоленск. В Москву мы приехали значительно позже всяких расписаний, но по справедливости, если свобода была символом веры России, доходя до самых уродливых форм в ее проявлении, то почему же поезд не был свободен в выборе времени прибытия? Нас этот вопрос, конечно, волновал не с этой стороны. Нам был важен вопрос, как мы проедем Москву, а не когда. В Москве поезд пробыл около часу, но так как поезд за это время был на 2-х вокзалах и некоторое время ушло на пересадку с одного на другой вокзал, то срок опасного пребывания в Москве сократился. Ген. [ерал] А. [лексеев] в качестве больного лежал раздетый на верхнем месте в запертом купе, со спущенной занавеской. Вокзалы представляли редко запущенный и грязный вид. При сравнительно незначительном количестве народа на них, бросался в глаза громадный процент матросов. Они были почти все с шашками, при револьверах, а некоторые и с винтовками. Отпечаток какой-то озлобленности придавал им отвратительно зверский вид. Все наши страхи и опасения за Москву, благодаря Богу, оказались напрасными, и мы без всяких неприятностей и инцидентов благополучно пробыли в ней положенный срок, около часу, и также благополучно пустились в дальнейший путь.

По дороге из Москвы к Курску на одной из небольших станций я, напомнив ген. [ералу] А. [лексееву] его обещание не покидать купе, пошел купить яблок, которыми почему-то изобиловали корзины торговков. При возвращении, при входе в коридор нашего вагона, я был неприятно поражен следующей сценой: наш вагон состоял из первого и второго классов, разделенных между собою дверью, настежь открытой. Из апартаментов коридора второго класса, зорко устремив взгляд через большие очки, вытянув шею

почти параллельно горизонту, совсем как хорошая собака на стойке, положительно крадучись, медленно подвигалась фигура выше среднего роста старика, совершенно седого, к стоящему около окна коридора первого класса ген. [ералу] А. [лексееву]. Последний, в это время, таким же медленным темпом отворачивался от подходящего, и отвернув от него совершенно лицо, загородил его раскрытой рукой. Но в это время незнакомая фигура стояла вплотную к ген. [ералу] А. [лексееву] и радостно-вопросительным тоном громко вопрошала: “Михаил Васильевич, это Вы, как я рад...”. “Я, я не Михаил Васильевич и не ген [ерал] Алексеев, я теперь, я ... сейчас скажу, посмотрю...” — отвечал совсем растерянный ген. [ерал] А. [лексеев], уходя в свое купе и запирая за собой дверь. Я бросился к оставшемуся в полном недоумении незнакомцу и спросил его, что ему нужно и кто он такой. Бедный старик в свою очередь страшно испугался и окончательно растерялся. В дальнейшем выяснилось, что это генерал Генерального Штаба (к сожалению, фамилии не помню), который под чужой фамилией уезжает от большевиков. Едучи полтора суток, боясь каждого встречного, он как родному обрадовался ген. [ералу] А. [лексееву] и совсем забыл и свое положение, и то, что так гибельно могло отозваться на ген. [ерале] А. [лексееве] то, что он только что сделал. Подъезжая к Курску я, напомнив ген. [ералу] его обещание не покидать купе, пошел с Н.П. [Щетининой] и В. [еденяпиным] купить пищи для нашего обыденного общего ужина. Быстро проделав все закупки, мы возвратились в вагон. Торопились мы потому, что никто и никогда по тому времени не мог угадать капризного и непостоянного желания поезда о времени его отхода. Каково же наше было удивление, когда в вагоне не оказалось ген. [ерала] А. [лексеева]. Обезав рестораны всех классов, весь вокзал, платформы, мы все трое снова сошлись после пустых поисков у вагона нешего поезда, куда и вошли. Не найдя ген. [ерала] А. [лексеева] в вагоне, мы уже решались оставаться, как в это время появился ген. [ерал] и вошел в вагон. В купе ген. [ерал], к моему ужасу, объявил, что ходил на телеграф отправить жене телеграмму, оправдываясь, что он своей фамилии не подписал, а подписался Михаил⁷. Я начал упрекать генерала в его неосторожности, напомнил о данном обещании. В результате ген. [ерал] подтвердил свое обещание больше не делать рискованных шагов и не покидать купе, что и выполнил очень добросовестно.

2-го ноября, рано утром, я проснулся. Было чудное утро. В окне приветливо мелькали беленькие домики Донских станиц, освещенные яркими лучами солнца, небо было чисто, безоблачно, все точно приветствовало нас, вливая в сердца радостное спокойствие, наполняло душу давно не испытанным счастьем.

В 6 часов утра мы вышли на вокзал пить чай все вместе. Мы не в опасности. Семичасовой поезд нас отвез в Новочеркасск, куда мы приехали около 9 часов утра.

¹ Потомственный дворянин Сергей Сергеевич Шетинин, директор-распорядитель "Первого Российского товарищества воздухоплавания С.С.Шетинин и Ко" и директор воздухоплавательного завода, был одним из членов созданной около 10 дней назад "Алексеевской организации". Известно, что генерал М.В.Алексеев, опираясь на представителей торгово-промышленных кругов, предполагал разместить часть входивших в его организацию офицеров на заводах под видом рабочих. Определенную роль в этом деле должен был сыграть и С.С.Шетинин.

² Как отмечала Наталья Павловна Шетинина, сестра милосердия Кауфмановской общины Красного Креста и супруга С.С.Шетинина, билеты были приобретены другим их семьи Владимиром Петровичем Шуберским, инженером путей сообщения, директором Обществ Алтайской и Северо-Восточно-Уральской железных дорог, членом Правления Русско-Французского Коммерческого банка. Он же оказывал помощь в перевозке генерала М.В.Алексеева на Николаевский вокзал. Полковник Петр Александрович Веденяпин по поручению М.В.Алексеева вошел в состав Общества борьбы с туберкулезом — "Капля молока", которое стало и своего рода питательным пунктом, и "управлением этапного коменданта", помогая жильем и продовольствием случайно оказавшимся в Петрограде офицерам. Входящем 30 октября поезде Веденяпину было предоставлено купе вместе с Н.П.Шетининой, а М.В.Алексееву — вместе с А.Г.Шапроном дю Ларре. "Купе были смежные, их соединяла уборная, — вспоминала Н.П.Шетинина, — и мы могли сообщаться, не выходя в коридор" ("Грани". № 125. 1982. С.183).

³ М.В.Алексеев вернулся в Петроград 16 октября 1917 г. после кратковременного пребывания в Москве и Смоленске. В столице он сразу же окупился в работу по созданию Офицерской организации, ставшей вскоре ядром Добровольческой армии. Цель тайной "Алексеевской организации" состояла в вооруженном подавлении неизбежного восстания большевиков и предъявлении Временному правительству категорических требований об изменении проводимой политики. В случае победы большевиков "Алексеевская организация" по согласованию с донским атаманом А.М.Калединым должна была быть перебросена на Дон, чтобы продолжить борьбу оттуда. Генерала М.В.Алексеева явно тяготило его участие в созданном по инициативе Керенского Временном Совете Российской республики ("Предпарламенте"). 22 октября 1917 г. он пишет жене: "Никогда еще не охватывала мою душу такая давящая тоска, как в эти дни, дни какого-то бессилия, продажности, предательства. Все это особенно чувствуется и переживается здесь, в Петрограде, ставшем осиным гнездом, источником нравственного, духовного разложения государства. Как будто по чьему-то приказу, исполняя чей-то предательский план, власть в полном значении слова бездействует и ничего не хочет "делать", зато говорения бесконечно много. И каждый день все более прихожу к какому-то убеждению, что пребывание в "Совете республики" пользы родине не приносит, что являешься одним из участников бесполезного дела, из которого не будет результатов, необходимых для гибнущей, умирающей России. Предательство явное, предательство прикрытое господствует над всем (...). Хочется уйти от всего этого, спрятаться в самого себя, оказаться скорее в Смоленске, где нет бестолочи жизни; эта бестолочь составляет сейчас характерную черту петроградского существования" ("Грани". № 125. С.177). С 9 октября М.В.Алексеев проживал в общежитии московских общественных деятелей на Галерной улице (дом 8, кв.4) — совсем рядом с Мариинским дворцом, где заседал Предпарламент. 25 октября, в день Октябрьского восстания, он пошел на очередное заседание, но не был пропущен часовым в здание Мариинского дворца. "Часовой не узнал генерала, но ге-

нерал по часовому и другим признакам понял, что в городе восстание большевиков, — писал В.Е.Павлов. — В течение целого дня он стремился связаться с "власть имущими", но те, с которыми ему удавалось встречаться, были в полной растерянности. Такую же растерянность он нашел и в Штабе Округа; ему отказали даже дать конвой, чтобы связаться с Временным правительством в Зимнем. Из последнего его убедительно просили не предпринимать никаких мер и ... скрыться" [Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. / Сост. В.Е.Павлов. Кн.1. 1917—1918 гг. Париж. 1962. С.25]. А по Петрограду меж тем были расклеены листовки о розыске генерала Алексеева. Вечером 25 октября П.А.Веденяпин, А.Г.Шапрон дю Ларре и Н.П.Щетинина поехали вместе на Галерную, чтобы увезти генерала на квартиру Щетининых (Манежный пер., 17). Обрато возвращались порознь: Н.П.Щетинина ехала вдвоем с М.В.Алексеевым на извозчике. По дороге были дважды остановлены патрулями, удовлетворившимися, однако, объяснением Н.П.Щетининой, что она везет своего больного дядю на операцию в Кауфмановскую.Общину. "Конечно, все это сделала моя форма сестры милосердия, престиж которой был еще очень высок в армии", — вспоминала она ("Грани". № 125. С.181). У Щетининых М.В.Алексеев прожил три дня, провел там совещание с Б.В.Савинковым и представителями казачьих организаций.

⁴ 28 или 29 октября, возвращаясь вместе с Шапроном с прогулки, генерал М.В.Алексеев был узнан на лестнице одним подозрительным господином. В интересах большей безопасности он был переведен в находившуюся неподалеку квартиру двоюродной сестры Шапрона, жены надворного советника, графа Александра Эммануиловича Сиверса (Спасская ул., 20).

⁵ Полковник П.А.Веденяпин имел на руках документы С.С.Щетинина, поэтому он и ехал с Н.П.Щетининой в купе на правах "законного супруга". Генерал М.В.Алексеев с помощью той же Н.П.Щетининой получил паспорт ее отца, тайного советника в отставке.

⁶ Н.П.Щетинина вспоминала, что этот проводник ранее служил в поезде Ставки Верховного Главнокомандующего и поэтому прекрасно знал в лицо генерала М.В.Алексеева.

⁷ Н.П.Щетинина утверждала, что это произошло в Орле.

К истории осведомительной организации

“А з б у к а”

(из коллекции П.Н.Врангеля Архива
Гуверовского института)

**Вводная статья, подготовка текста и комментарии
В.Г.Бортневского**

История деятельности разведывательных и контрразведывательных служб периода гражданской войны в России до сих пор еще не написана. На протяжении многих десятилетий советская сторона по различным политическим и идеологическим “основаниям” не была заинтересована в правдивом изложении событий, в предоставлении специалистам свободного доступа к имеющимся источникам. В художественной же и “документальной” литературе, многочисленных теле- и киносериалах настойчиво эксплуатировался миф о неизменных победах бесстрашных и благородных чекистов над агентами-белобандитами, зловредные козни которых были, по сути дела, заранее обречены на неудачу.

Нельзя не отметить, что и публикации представителей противобольшевистской стороны, участников Белого движения, были удивительно лаконичны и скупы на подробности при описании разведывательных операций в советском тылу, тайных явок, связей и т.п. Причина этому — прежде всего боязнь чем-то повредить своим соратникам, оставшимся в Советской России, их родным и близким. Впрочем, некоторые сравнительно откровенные материалы о белой контрразведке были переданы в начале 20-х гг. на хранение в Русский Заграничный Исторический Архив в Праге с обязательным условием не открывать доступа к ним вплоть до “окончательной победы над большевизмом”.

Благодаря начавшемуся в конце 80-х гг. постепенному расширению доступа к архивным документам в бывшем СССР (где после Второй мировой войны оказались и коллекции “Пражского архива”) автору этих строк удалось подготовить ряд статей и научных публикаций нескольких ценных источников о деятельности белой контрразведки¹.

Публикуемые ниже документы секретной разведывательно-осведомительной организации “Азбука” представляют особый интерес по многим причинам.

Организация эта была создана и работала под непосредственным руководством столь яркой и колоритной исторической личности, как Василий Витальевич Шульгин (1878—1976), имя которого неотъемлемо вошло в Российскую историю XX века вне зависимости от отношения к нему сторонников тех или иных политических партий и движений. Сейчас печатные работы В.В.Шульгина не только вынуты из спецхранов, но и широко из-

даются на родине автора, однако многое в его биографии и политической деятельности до сих пор остается неясным и загадочным — в частности, история “Азбуки”, которой он заслуженно гордился, не раскрывая в то же время ее для широкой публики.

В отличие от других секретных служб, организация “Азбука” была создана по частной инициативе и, играя значительную роль в политической жизни Белого Юга, так и не стала официально структурной единицей его административного аппарата. Возникнув как независимое от властей разведывательно-осведомительное учреждение, оказывавшее колоссальную помощь Добровольческой Армии отправкой в нее тысяч офицеров, крупных денежных сумм, представлением ценнейшей агентурной информации, “Азбука” не могла не оказаться в эпицентре постоянного соперничества органов разведки, контрразведки, Отдела пропаганды (“Освага”) за влияние на формирование и проведение правительственного курса.

Исчерпав финансовые ресурсы для самостоятельной деятельности, руководство “Азбуки” пыталось ценой утраты независимости занять свое “место под солнцем” и, получив необходимые для работы средства, легализовать положение сотрудников, обеспечив им хотя бы минимальный прожиточный уровень. Однако “Азбука” не была принята деникинской бюрократией. Рутинная административная переписка, бесконечная волокита в условиях быстро менявшейся политической ситуации периода гражданской войны — все это оказалось сильнее несомненного авторитета “Азбуки” в высших правительственных сферах, завидных личных связей и контактов ее руководителей. Финансовые запросы “Азбуки” не выдерживали никакого сравнения в ее “конкурентами”. К примеру, в феврале 1919 г. было запрошено 750 тыс. руб. (получено лишь 120 550) — тогда как Отделу пропаганды было выделено 25 миллионов на первые три месяца 1919 г.! В июне того же года вместо просимых 750 тыс. руб. получено 500 тыс., на чем дело и остановилось вплоть до выделения в декабре 75 тыс. руб. на расходы по ликвидации организации².

Отчеты работавших под псевдонимами сотрудников “Азбуки” о политическом положении во многих районах России хранятся в коллекциях архивов различных стран³. Фрагментарно используемые исследователями, эти документы зачастую имеют весьма субъективный характер и нуждаются в строго критической оценке, сопоставлении с другими источниками. Впрочем, они почти и не содержат конкретной информации об истории самой “Азбуки”.

• Мы же представляем вниманию читателей источники иного рода: служебную переписку, исторические справки-обзоры, объяснительные записки о штатном расписании и финансовой смете, материалы по личному составу, то есть все то, что позволяет проследить внутреннюю историю “Азбуки” как уникальной разведывательно-осведомительной организации, своего рода тайного братства бескорыстных подвижников Белого дела. И в этой связи представляет несомненный интерес наконец-то появившаяся воз-

возможность назвать подлинные имена этих людей, действовавших в то время либо анонимно, либо под псевдонимами. Разумеется, эти материалы ни в коей мере не претендуют на исчерпывающий характер, однако могут, по нашему мнению, рассматриваться как некоторая документальная база для будущего обстоятельного исследования.

Публикуемые документы хранятся в коллекции генерала П.Н. Врангеля Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Стэнфорд, Калифорния, США). При публикации дореволюционная русская орфография была заменена на современную, описки исправлены, расшифрованные сокращения и грамматические пропуски заключены в квадратные скобки. Слова и фразы, выделенные в документах, даны курсивом. Все даты периода Гражданской войны (если это особо не оговаривается) приводятся по старому стилю. Названия документов принадлежат публикатору. При подготовке комментариев наряду с другими источниками были использованы неопубликованные воспоминания В.В. Шульгина, любезно предоставленные Б.И. Колоницким и Р.Г. Краснюковым и готовящиеся к публикации в альманахе “Лица”.

№ 1. Докладная записка В.В. Шульгина от 5 сентября 1918 г.⁴

“Киевская Азбука”,
5-го сентября 1918-го года

Его Высокопревосходительству
Генералу Драгомирову⁵

Докладная записка.

Краткая история Киевской Организации, имеющей в настоящее время склонность зафиксироваться под названием “Киевская Азбука” сводится к следующему.

В самом начале Ноября месяца 1917-го года приехав в Новочеркасск, я имел беседу с Генералом Алексеевым и его помощником Богаевским. Я имел намерение издавать на Дону “Киевлянин”, закрытый украинцами. Генерал Алексеев находил этот план желательным, но из разговоров с Генералом Калединым и Богаевским выяснилось, что следует с этим делом повременить, ибо колеблющееся настроение казачества требует очень осторожного и не столько определенного, как лозунги “Киевлянина”, обращения⁶. Я уехал обратно в Киев, условившись с Генералом Алексеевым, что буду помогать ему, чем могу, из Киева в предпринимаемом им деле образования Добровольческой Армии.

С этого времени собственно и возник зародыш организации. В 20-ых числах Ноября “Киевлянин” возобновился и, так как он вел упорную борьбу за те же лозунги, за которые сражалась Добровольческая Армия, то тяготеющее к Добровольческой Армии офицерство находило живую связь в редакции “Киевлянина”.

Так продолжалось два месяца, в течение которых по спискам Добровольческой Армии из Киева было отправлено около полутора тысяч офицеров (сколько их дошло неизвестно).

26-го Декабря в Киев ворвались большевики и фактически организация перестала существовать, ибо как Абрам Михайлович Драгомиров, так и я были арестованы⁷. Вскоре после моего освобождения Киев заняли немцы. Ценою закрытия “Киевлянина” мне удалось сказать немцам в лицо, что я по-прежнему остаюсь их врагом и верным союзником — после чего “Киевлянин” замолчал, а я перешел исключительно к конспиративной деятельности⁸.

С этого времени начинается работа так называемой “Азбуки”. Главная задача, которая была перед нами, это восстановить связь между всеми теми, кто еще боролся за воскрешение России и понимал, что верность союзникам — необходимое для этого условие. В течении нескольких месяцев организация, ведя разведку в Киеве, информировала главным образом союзников, Москву и Добр. (Добровольческую) Армию⁹. Через некоторое время нам удалось войти в тесную связь с французской разведкой, работавшей в Киеве, с французскими представителями, находившимися в Яссах, с англичанами, сидевшими в Москве, а через англичан и [с] остальными союзниками, с близкой нам по воззрению группой Московского Правого Центра (а впоследствии — Национального Центра)¹⁰, с некоторыми провинциальными организациями, как в Малороссии, так и за ее пределами, и наконец с Добровольческой Армией.

Одновременно с налаживанием связи мы старались, насколько возможно, популяризировать идею Добровольческой Армии и, как только мы получили необходимые средства, начали эвакуацию офицеров.

29-го Июля, полагая, что киевский аппарат может уже действовать самостоятельно и что, находясь в районе Добровольческой армии, можно в настоящее время сделать больше, я выехал в Екатеринодар, предварительно отказавшись от украинского гражданства. Со мной вместе выехала часть моих сотрудников.

В настоящее время, находясь в районе Добровольческой Армии, организация желает всецело посвятить себя этой последней, намечая следующие цели:

1) Эвакуация из Малороссии боевого элемента в Добровольческую Армию (Офицеры, чехословаки, поляки, кадровые солдаты).

2) Пропаганда идей Добровольческой Армии, а также дела, ко-

тому посвятила себя Добровольческая Армия — восстановление Великой Единой России.

3) Разведка политическая и военная для Добровольческой Армии, и правильное информирование политических центров и союзных держав о действиях и намерениях Добровольческой Армии.

4) Связь с лицами Императорской Фамилии для правильного информирования их о Добровольческой Армии, а также для освещения, какую опасность представляет так называемая германская ориентация.

5) Организация партизанских действий в Малороссии, когда это понадобится.

6) Исполнение всякого поручения, полученного от командования Добровольческой Армии, в том числе перевозка денег.

Для того, чтобы организация могла выполнить задачу, необходимо три условия:

1) Организация должна получить, хотя бы и секретно, но официально признанное командованием Добровольческой Армии наименование. Таковым наименованием, наиболее соответствующим, было бы “Азбука”.

2) Организация должна быть официально признанной, работающей на Добровольческую Армию. В связи с этим все члены ее должны получить какое-нибудь официальное положение. Это необходимо еще и потому, что по состоявшемуся приказу все офицеры, находящиеся в районе расположения Добровольческой Армии, должны явиться на службу. Для разрешения этого вопроса лучше всего было [бы следовало] применительно приказу Генерала Алексеева от 3-го Июня, & 3: *Все руководители и члены организационных центров, работающие на местах, считаются служащими в рядах Добровольческой Армии со дня их поступления и пользуются всеми правами наравне с чинами, состоящими в резерве Добровольческой Армии.*

3) Организации должны иметь необходимые материальные средства. До настоящего времени средства получались от Московского Национального Центра и от частных лиц. Пока эти средства не исчерпаны, организация не будет обращаться к Добровольческой Армии за материальной помощью. Когда же средств не станет, от Добровольческой Армии будет зависеть, помочь организации или же считать ее закончившей свою деятельность.

В связи с вышеизложенным и в случае признания правильности вышеизложенного надлежит.

1) Отдать приказ о зачислении организации под наименованием “Азбука” в число организаций, работающих на Добровольческую Армию.

2) Предоставить начальнику организации право личного доклада у помощника Верховного Руководителя Добровольческой Армии Генерала от кавалерии Драгомирова.

3) Весь состав организации по прилагаемому списку соответственно & 3-му приказом от 3-го Июня считать служащими в рядах Добровольческой Армии со дня их поступления и пользующимися всеми правами наравне с чинами, состоящими в резерве Добровольческой Армии.

4) Предоставить [право] начальнику организации входить с дополнительными докладами о зачислении новых членов организации, как находящихся в районе Добровольческой Армии, так и на местах.

5) В особо важных случаях предоставить начальнику организации право ходатайствовать об откомандировании в его распоряжение чинов Добровольческой Армии, находящихся на действительной службе.

№ 2. Доклад В. В. Шульгина от 5 ноября 1919 г.¹¹

Его Высокопревосходительству Главнокомандующему
Вооруженными силами на Юге России.
5 ноября 1919 г., г. Таганрог.

Доклад

В марте месяце 1918 года по инициативе быв. [шего] члена Государственной Думы и редактора "Киевлянина" В. В. Шульгина и с ведома и одобрения командования Добровольческой Армии возникла добровольческая организация, целью которой являлась как отправка на Кубань и на Дон русского офицерства, покинувшего или покидавшего в то время фронт, так и политическая информация командования Добровольческой Армии.

Организация начала успешно развивать свою деятельность в местностях России, занятых украинцами и большевиками, самостоятельно изыскивая на дело отправки в армию офицерства денежные средства и переправляя к ген. [ералу] Алексею при помощи своих курьеров собранные крупные денежные суммы¹².

В силу условия конспиративной работы и особого внутреннего распорядка организация стала именоваться "Азбукой".

Главная работа по эвакуации офицерства в армию велась в Малороссии, и до февраля 1919 года через Киевское отделение "Азбуки" прошло несколько тысяч офицеров, завербованных им в Добровольческую Армию и получивших каждый проездные документы и по 250 руб. прогонных денег. В феврале 1919 г. эвакуация офицерства из Киева при помощи "Азбуки" была приостановлена, и чины ее, оставленные мною в Совдепии, по моему приказанию занялись работой агитационного и разведывательного характера, неукоснительно поддерживая курьерскую связь со Ставкой.

С переводом Главного отделения "Азбуки" в Екатеринодар, а

затем в Таганрог, были оставлены отделения “Азбуки” в занятых большевиками Киеве и Одессе.

Работа чинов “Азбуки” в этих городах протекала в невыносимо тяжелых условиях. Бдительность и жестокость Чрезвычайка, непрерывная мобилизация в красную армию, отсутствие денежных средств, заключение под стражу и расстрелы по одному только подозрению в сочувствии Добровольческой Армии, не помешало Одесскому и Киевскому отделениям блестяще выполнить возложенные на них задачи. Прекрасно налаженный разведывательный аппарат давал исчерпывающую военную и политическую информацию. Самоотверженно несшие службу курьеры для внешней связи по 12 раз и более переходили оперативные фронты, подвергая свою жизнь каждый раз исключительной опасности, перевоза секретную почту и крупные суммы денег в армию и переноса невыносимые физические и моральные мучения на путях из Совдепии в Армию и из Армии в Совдепию.

Сосредотачиваемая в Главном отделении информация направлялась мною ген. [ералу] Драгомирову, ген. [ералу] Лукомскому¹³, ген. [ералу] Романовскому¹⁴ и по надлежащим учреждениям, которые, полагаю, не откажут дать свое заключение о произведенной чинами “Азбуки” работе.

Кроме того, Киевское отделение “Азбуки”, не останавливаясь перед трудностью и опасностью выполнения задачи, составляло и издавало агитационную литературу (прокламации, газетка “Русь” и проч. [ее]), самоотверженно распространяло эти издания по г. Киеву и по всей Малороссии, создавая в уездах и селах конспиративные национальные организации (Комитеты национального объединения России), разрушало военное имущество и подвижной состав большевиков, производило порчу жел. [езно-]дор. [ожного] полотна и крушения воинских поездов (ст. Тетерев — ст. Трубецкая, район ст. Труты — район ст. Гребенка и др.). Характерны случаи, когда назначенное к отправке на фронт телефонное имущество прибывало на фронт в таком виде, что ни одна из разобранных частей не подходила к другой, или поезд-база артиллерийского снабжения, направленный во время Полтавских боев в г. Прилуки, повернут был на Киев, и прочее.

Такая деятельность чинов Киевского отделения не оставалась незамеченной большевиками и неоднократно с негодованием была отмечаема в красной печати. Лихорадочные поиски, предпринятые Ч.К., не давали результатов. Пойманные, замученные и расстрелянные сотрудники “Азбуки” свято исполнили свой долг до конца, и работа Киевского отделения со всей самоотверженностью, энергией и исключительным мужеством продолжалась до самого дня освобождения г. Киева добровольцами.

В Киеве в совершенстве работали фотометрическая часть и фабрика фальшивых документов, что дало возможность расставить регулярную курьерскую связь между отделением в Киеве и в большевистских центрах со Ставкой, что позволило Ставке по-

стоянно и со всей подробностью следить за тем, что происходит в лагере противника.

Почти за 2 года своего существования “Азбука” понесла значительные потери личного состава, доходившие до 50% штатного ее состояния.

Чины “Азбуки” в самоотвеженном и бескорыстном служении Родине мучительно и безвременно гибли в Москве, в Киеве и в путях из Совдепии в Армию и из Армии в Совдепию. Так, за одно только минувшее лето в Киеве, где исключительно удачно и разумно была проведена конспирация, за работу на Добровольческую Армию схвачены были Ч.К., замучены и потом расстреляны чины организации — прап. [орщик] С.Г.Никольский, добр. [оволец] А.А.Поливин, добр. [оволец] Е.А.Неотти и др. В Москве погиб курьер юнкер Шварц, из шести высланных из Таганрога в Киев курьеров до Киева добрался лишь один.

Почти весь личный состав “Азбуки” заполнен гг. офицерами, которые 2-й год неутомимо и мужественно служат Родине и Армии в невыразимо тяжелых условиях, непрерывно и ежечасно подвергая свою жизнь особенной опасности мучительной и безвестной смерти. Чины организации в таких условиях несут свою жертву Родине не меньше и не хуже рядовых чинов армии, но поставлены в обстоятельства много худшие и несправедливые. Не числясь в рядах Добровольческой Армии, офицеры эти и добровольцы находятся как бы в положении вольнонаемных.

Все вышесказанное заставляет меня, как Начальника Организации, просить Ваше Превосходительство о переводе “Азбуки” с положения частной добровольческой организации на положение штатного военного учреждения Добровольческой Армии и о зачете времени пребывания в организации не только в службу в Добровольческой Армии, но и в боевую с правом на производство чинов организации по правилам Приказа по В. [оенному] В. [едомству] 1915 г. № 563, считая службу как бы в рядах частей, принимающих участие в непосредственных боевых столкновениях с противником, с зачетом в таковую службу и командировок по выполнению курьерской связи из местностей и в местности, занятые неприятелем. На чинов же организации, несших службу в тыловых учреждениях “Азбуки распространяется действие приказа по В. [оенному] В. [едомству] 1917 г. № 296, ст. 18, лит. А.

Испрашивается: Угодно ли будет согласиться с изложенным и в утвердительном случае приказать резолюцию Вашего Превосходительства сообщить в учреждения, ведающие наградными вопросами.

Начальник Организации.

№ 3. Письмо В.А.Степанова к А.И.Савенко¹⁵.

7/20 Декабря 1918 г.,
Екатеринодар

Отсутствие здесь Василия Витальевича вызвало реконструкцию нашей “Азбуки”. Я принял на себя по просьбе Вас. [илия] Вит. [альевича] бразды правления. “Азбука”, как организация, вошла в состав учреждений Нац. [ионального] Центра, организовавшегося здесь в Екатеринодаре, и будет в дальнейшем существовать на средства Центра. Кроме меня ведать Екатеринодарским отделением “Азбуки” поручено члену Центра Червен-Водали¹⁶, который принял на себя заведывание хозяйственной и денежной частью. В остальном дело остается в моих руках и мне бы хотелось, насколько сумею, сохранить его так, как оно было при Василии Витальевиче. И прежде всего я хотел бы сохранить в полной неприкосновенности ту связь с Киевом, которая была у нас до сих пор. Между тем, в последних сообщениях из Киева мы получили массу таких сведений, которые нам давно известны из сообщений Аза и других наших корреспондентов. Что это значит? Если это значит, что в Киеве новый, пополненный Москвичами, Нац. [иональный] Центр потерял прямую связь с Киевской “Азбукой”, то связь эту надо восстановить во что бы то ни стало. И не только восстановить связь, а необходимо достигнуть полного слияния. Сил антибольшевистских, антисоциалистических и... будем говорить без экивоков — монархических — слишком мало, чтобы их дробить. Я Вас очень прошу, многоуважаемый Анатолий Иванович, написать мне подробно, как стоит в Киеве дело с Нац. [иональным] Центром и “Азбукой”, а если оно обстоит не так, как надо, то давайте вместе — здесь и в Киеве — работать над тем, чтобы вновь сплотить все, что может составить ядро общественных сил для борьбы за русскую национальную идею, за Единую, Великую Россию, за ее трехцветный флаг и за то, чтобы вновь, вместо общипанной вороны, нашим государственным гербом стал наш старый, мощный двуглавый орел, увенчанный короной, со скипетром и державой в могучих лапах¹⁷.

Шлю сердечный привет Левицкому, Ефимовскому и другим Киевским к. [онституционным]—д. [емократам], не ходившим в германо—гетманскую самостийную каноссу¹⁸.

С отъезда из Одессы ничего не имею от Василия Вит. [альевича]. Если что—нибудь имеете от него, буду благодарен за сообщения.

Уважающий Вас В.Степанов.

№ 4. Переписка В. В. Шульгина и В. А. Степанова.

В. В. Шульгин — В. А. Степанову, 6/19 января 1919¹⁹.

Многоуважаемый и дорогой Василий Александрович.

Сообщаю Вам, что состояние моего здоровья в настоящее время позволяет мне вновь принять на себя руководство организацией “Азбука”, если Вы ничего не имеете против, причем я полагал бы сделать следующие необходимые изменения:

1) С переходом Командования Добровольческой Армии и Особого Совещания из Екатеринодара в Севастополь-Екатеринодарскому отделу “Азбуки” переехать в Севастополь²⁰.

2) В том случае, если полковник Лампе останется в Екатеринодаре, то заведывание Севастопольским отделом возлагаю на “Немо”. В этом случае особый отдел выделить, оставив его в распоряжении полковника Лампе²¹.

3) Нахожу возможным несколько сократить Екатеринодарский отдел “Азбуки”, а именно: Балюка, по исполнению им возложенного на него поручения, передать в распоряжение полковника Лампе, который имеет возможность его устроить. Шевченко переходит во Французскую миссию. Гуния перевести в Одессу в мое распоряжение.

Вместе с сим я нахожу, что политическая обстановка настоящего момента в связи с изменяющимися местными условиями, как например необходимость Киевскому отделу вновь перейти на конспиративную работу, вызывает надобность в развитии работы всех отделов “Азбуки” и учреждения отделов в новых пунктах, а потому:

4) я решил учредить новый отдел “Азбуки” в Одессе, который, находясь в моем непосредственном ведении, мог бы являться центральным, в смысле отдачи руководящих указаний и распоряжений.

5) позволяю себе надеяться, что Всероссийский Национальный Центр не откажет гарантировать выдачу содержания Екатеринодарскому (т.е. Севастопольскому) отделу “Азбуки”.

В дополнение к информационной странице позвольте послать Вам сердечный привет и поблагодарить Вас за письмо из Крыма. С тех пор, как мы с Вами расстались, я потерял еще сына. Утешение мне то, что он умер смертью честного, чистого мальчика, у которого слово не расходится с делом.

Их было там на Святошинском шоссе 25 юношей. Их начальник уехал в город и не вернулся, поручив им защищать шоссе. Утром 1/14 декабря Киев был сдан²². Соседние части стали отходить. Товарищ из соседней дружины подошел к Васильку и сказал:

“Мы уходим, уходите и вы”. Он ответил: “Мы не можем уйти, мы не получили приказа. Зайдите к моей матери”. Это были последние слова от него. Они остались...

Крестьяне видели, как, втачив на дерево пулемет, они крутили его до последнего патрона. Потом отстреливались из винтовок. Никто не ушел. Все до единого умерли, исполняя приказание. Когда-то, может быть, Россия вспомнит этих бедных детей, которые умирали пока взрослые предавали.

Мать откопала тело его из общей могилы-ямы. Лицо было спокойным и прекрасно, пуля попала прямо в сердце и, должно быть, смерть была быстрой. Почти накануне, после трех недель на позициях, он пришел домой на один день. Хотели его удержать еще на один день. Он ответил: “В такой семье не может быть дезертиров”.

А кто вынул его тело из груди других, кто, рискуя жизнью (их едва не расстреляли), откопал его из общей ямы? — Четверо волынских крестьян из нашей деревни, которые знали его с детства, и ведь любили “помещика”. Вот судьба. Я работаю до изнеможения. Тем скорее пройдет время до могилы.

Весь Ваш, В.Шульгин

Запись разговора по аппарату Юза, 9/22 января 1919 г.^{23.}

У аппарата член Особого Совецания Степанов.

Здравствуйтесь, Василий Витальевич.

Наш разговор хочу начать с дела, требующего возможно быстрого решения. Имею в виду “Азбуку”. Совокупность организаций, объединявшихся Вашим руководством и не имевших между собой иной связи, кроме своего рода личной унии в Вашем лице, пришла вследствие Вашего отсутствия в состояние полной запутанности и неясности взаимоотношений. Все эти организации вместе взятые по привычке называются “Азбукой”, а все лица, в них работающие, членами “Азбуки”. Между тем источники для их содержания разные, и предмет их работы совершенно различный.

Часть информационную и службу связи принял Национальный Центр, дающий средства на содержание этой части. Особый Отдел и издательство брошюр под фирмой издательства “Россия” существуют сами по себе на особые средства. Связи никакой нет. Что делается в этих частях, особенно же в Особом Отделе я понятия не имею. В Особом Отделе появились никому из нас неведомые новые лица. Деятельность Особого Отдела вызывает всевозможные толки. Вчера говорили с “Люди”, который считает, что “Азбуку” надо просто расформировать и ликвидировать самое название организации, с отдельными частями ее поступить так: ин-

формацию и связь передать прямо Национальному Центру с тем названием, какое для этой части установит Центр. Издательство должно закончить намеченные Вами брошюры, после чего эту часть ликвидировать. Лицо же, ведающее издательством, “Люди” обещает устроить в Осведомительное Бюро. Особый Отдел “Люди” берет в свое ведение и будет продолжать его деятельность под своим наблюдением по Вашим указаниям. “Люди” сам будет после меня говорить в Вами и об издательстве и об Особом Отделе, может изложить свои предположения.

Меня же интересует исключительно Отдел информации и связи, переходящий к Национальному Центру. Лично вполне согласен с необходимостью полного отделения этого Отдела от издательства и Особого Отдела, но при этом считаю совершенно необходимым два условия:

- 1) сохранить за Отделом информации и связи название “Азбука”, собственно говоря этому Отделу и принадлежащее. Сохранить это привычное название надо, во-первых, потому, что “Азбука” существует не только в Екатеринодаре; во-вторых, чтобы не порывать тех отношений и связей, которые установились у организации под этим названием;

- 2) передать “Азбуку” после отделения от нее Особого Отдела и издательства Национальному Центру следует не без всяких условий в полное распоряжение, а с условием, что во главе “Азбуки” остается Вы, а в качестве Вашего заместителя остаюсь я. Это необходимо по двум соображениям. Во-первых, с сотрудниками “Азбуки” уже сложились определенные отношения, не оставляющие желать ничего лучшего. При перемене руководства отношения могут измениться, а налаженная работа разладится. Во-вторых, у меня установились путем переписки личные отношения с “Азом”, которых у Национального Центра нет. Эти отношения надо не только сохранить, но и развить. Я после того, что было в Киеве после приезда туда москвичей, уверен, что отношения эти окончательно порвутся, если Вы не останетесь во главе “Азбуки” и если в Ваше отсутствие замещать Вас буду не я, а кто-нибудь другой из москвичей. Вчера же по поводу “Азбуки” говорил с Абрамом Михайловичем. Он очень дорожит не только продолжением, но и самым широким развитием деятельности “Азбуки”. Он очень настаивает на сохранении названия. В случае надобности готов оказать материальную поддержку. Пока такой надобности еще нет.

Таким образом хотел бы получить от вас принципиальный ответ на следующие вопросы:

- 1) отделение Особого Отдела и издательства “Азбуки”;
- 2) передача “Азбуки” Национальному Центру, с тем, что во главе ее остается Вы, я остаюсь Вашим временным заместителем;
- 3) издательство и особый отдел отделяется от “Азбуки” и передаются в ведение “Люди”.

Вчера уехали последние квартирьеры в Севастополь. От “Аз-

буки” выехал “Немо”. Все эти вопросы надо решить до переезда. Очень надеюсь, что и Вы приедете в Севастополь.

Теперь о другом. Демченко сообщил по прямому проводу Шуберскому о том, что всеми одесскими организациями единогласно признано желательным образование южнорусского правительства на территории Украины, т.е. на той территории, которая под этим названием была вырезана из тела России немцами, а что Армия с ее Особым Совещанием пусть будет правительством всероссийским. Теперь мы узнали, что это ложь, в чем я лично и не сомневался, зная, что Вы в Одессе. Мы узнали, что подобный проект, сочиненный Демченко и Маргулиесом, был единогласно провален в Совете Объединения России, а в других организациях даже не обсуждался²⁴. Но Вы не представляете себе то впечатление разорвавшейся бомбы, какое произвело здесь сообщение Демченки, в котором он вдобавок еще проектировал, что это одесское южнорусское правительство для территории бывшей Скоропадии (можно было сказать Эйхгорнии)²⁵ будет состоять при иностранном командовании. Отсюда и все следующие недоразумения. Я считал бы чрезвычайно полезным и важным, если бы можно было говорить с Вами два раза в неделю по прямому проводу в определенные дни и часы.

Пока все. Не имеете ли что сообщить?

9 января по аппарату из Одессы. У аппарата Шульгин.

Отвечаю по поводу “Азбуки”. Готов вновь встать [во] главе “Азбуки” под условием: мой заместитель [—] Василий Александрович и отношения [с] Национальным Центром по старому. Переход Штаба [в] Севастополь считаю необходимым [,] Екатеринодарскому отделу [—] перейти туда же. Особый отдел выделить [,] передав его полковнику Лампе. Издательский отдел по окончании брошюр закрыть. Гуння переводит в Одессу. Мое распоряжение [—] если ему удобно. Считаю необходимым учредить [в] Одессе новый отдел под моим личным руководством. Он будет центральным. Здесь сейчас “Иже”, “Око”, “Пупсик” [,] ожидается “Аз”. Во главе Киева [—] “Фита”. Бюро Национального Центра готово помочь Одесскому отделу, надеюсь найдутся средства и для Севастопольского. Теперь о Демченко. Все конечно вздор, никакого Южнорусского правительства не допущу пока я здесь, наоборот [—] идея Областных Генерал-Губернаторств начинает прививаться и получит научную разработку в национальной комиссии, где будут работать проф. Беремович [Билимович], Парфирьев, Шульгин. Отвечаю на вопрос о переговорах. Генерал Драгомиров телеграфировал мне, что каждый вторник, четверг, субботу [в] десять часов утра [к] прямому проводу будет подходить [в] Екатеринодаре полк. [овник] Чайковский²⁶ для разговора со мной или моим уполномоченным. Было бы удобно, если б Вы заменили Чайковского [,] когда найдете нужным. [В] этих случа-

ях предупреждайте меня служебной запиской. Кончаю. Необходимо уступить провод. Позвольте пожелать всего хорошего, привет всем. Шульгин.

№ 5. Переписка о положении “Азбуки” и ее сотрудников в составе Вооруженных Сил на Юге России.

Начальник
Организации “Азбука”
7 Мая 1919 г.
№ 261
г. Екатеринодар,
Графская, 29

Дежурному Генералу Штаба
Главного командующего
Вооруженными Силами
на Юге России²⁷

5-го сентября 1918 г. я ходатайствовал перед Генералом Драгомировым о зачислении в Добровольческую Армию всех чинов Организации согласно особого списка.

23-го Октября 1918 г. от Начальника Общей части Военно-Морского Отдела было получено сношение за № 53, в котором указывалось, что члены “Азбуки”, на основании ходатайства моего, зачислены в *резерв* Армии без содержания. Вслед за тем были от Начальника того же Отдела удостоверения для каждого члена “Азбуки” о зачислении его в *резерв*.

В рапортах Ваших от 31-го Октября 1918 г. за № 6388 и 1-го Декабря 1918 г. за № 9294 на имя Председателя Особого Совещания указано, что на основании согласия Главного командующего, члены “Азбуки” зачислены в *ряды* Армии, согласно списка, приложенного ко второму Вашему рапорту.

Полагая, что в сношение Н-ка Общей части Военно-Морского Отдела вкралась ошибка и что все лица, работающие в Организации “Азбука”, подлежат зачислению *не в резерв, а в ряды* Д. [добровольческой] А. [рмии] (согласно приказа Главного командующего, в резерв зачисляются лишь штаб-офицеры), прошу Вашего распоряжения о выдаче всем членам Организации “Азбука”, в возможно срочном порядке, соответствующих удостоверений.

Кроме того, на основании рапорта Вашего за № 9294, в коем, между прочим, указывается, что о зачислении лиц, не вошедших в первоначальный список, надлежит входить каждый раз с особым

ходатайством, прошу о зачислении в ряды *Добровольческой Армии* членов “Азбуки”, поименованных в прилагаемом при сем списке. Часть из них была пропущена в первоначальном списке, часть же начала работать в Организации в последнее время.

*Приложение: список*²⁸.

Начальник Организации “Азбука”,
Член Особого Совещания

В.Шульгин

Об. [ер]—Офицер для делопроизводства
прапорщик *Кояндер*

* * *

*Начальник
Организации “Азбука”*

10 Июня 1919 года.

№ 371

г. Екатеринодар.

*Его Превосходительству
Господину Председателю Особого
Совещания при Главнокомандующем
Вооруженными Силами на Юге России*²⁹

В связи с перенесением центра “Азбуки” из Одессы в Екатеринодар для Организации возникает целый ряд затруднений, препятствующих правильной постановке дела информации о Советской России.

Прежде всего затруднения возникают при попытке легализовать пребывание сотрудников “Азбуки” в Екатеринодаре. Не являясь учреждением официальным, “Азбука” лишена права удостоверять личность своих работников и всякий раз вынуждена обращаться с таковой просьбой то в одно, то в другое учреждение, и следовательно все дело зависит от их усмотрения.

Раньше, когда здесь находилось лишь Отделение “Азбуки”, по составу своему крайне немногочисленное, обращения о выдаче тех или иных документов были сравнительно редки. Но в настоящее время, когда вся служба связи Организации находится в Екатеринодаре, таковые просьбы сильно обременяют делопроизводство выдающих документы учреждений.

Помимо затруднений в смысле легализации своих сотрудников, Организация чрезвычайно заинтересована и в соблюдении полной конспирации своей службы связи. При постоянных обращениях в другие учреждения достигнуть этого почти невозможно. Жизнь же и опыт Организации показывают, что больший процент

причин гибели политических курьеров падает как раз на пренебрежение условиями конспирации. Благодаря последнему, целый ряд курьеров Организации пришлось задержать отправкою, чем, несомненно, нарушается регулярность связи с Совдепией.

Кроме вышесказанных соображений, необходимо отметить еще то, что “Азбука”, стесняясь в настоящее время в средствах, заинтересована также в предоставлении ей права выдачи литер на бесплатный проезд командированных ею лиц.

Принимая во внимание вышеизложенное и ссылаясь на пример Одессы, где Генерал-квартирмейстером Штаба Д. [обровольческой] А. [рмии] “Азбуке” разрешено было пользоваться своими бланком и печатью, прошу *Ваше превосходительство* не отказать уведомить меня, возможно ли удовлетворение настоящего моего ходатайства о признании Организации “Азбука” учреждением, пользующимся правом иметь свой бланк, печать и право выдачи литер.

В случае, если со стороны *Вашего Превосходительства* препятствий к удовлетворению изложенного выше ходатайства не встречается, прошу не отказать в утверждении и представлении на подпись *Главного командующего* прилагаемый при сем проект приказа.

Приложения: 1) Оттиски бланка и печати, коими пользовалась “Азбука” в Одессе. 2) Проект нового бланка и печати Организации “Азбука” и 3) Проект приказа *Главного командующего* Вооруженными Силами на Юге России.

Начальник Организации “Азбука”

В. Шульгин

Резолюция рукою А.С.Лукомского:

“Главн. [окомандующий] не согласился. 12 VI.”

* * *

Начальник

Организации “Азбука”

10 июля 1919 г.

№ 370

г. Екатеринодар

Его Превосходительству

Председателю Особого Совецания при

Главного командующем Вооруженными

Силами на Юге России³⁰

Принимая во внимание, что деятельность сотрудников Организации “Азбука”, в значительной части своей являющихся офи-

церами, протекает в условиях исключительной опасности, и что самоотверженная преданность их долгу перед Родиной в настоящее время, из соображений конспирации, не может быть достойным образом отмечена, я обратился к Вашему Высокопревосходительству с личным об этом докладом и просил разрешения вести особые на каждого из членов Организации “Азбука” секретные записки, с занесением туда всех сведений о деятельности их в Организации, причем каждая записка, как и всякий отдельный, вновь заносимый за подписью Начальника Организации, конкретный случай, докладывалась лично Вам и удостоверяться бы Вашей подписью и печатью.

Дабы записки эти могли служить в будущем доказательством службы членов “Азбуки” в рядах Добровольческой Армии и вместе с тем основанием для повышения в чинах и ходатайств о награждении наиболее отличившихся, Ваше Высокопревосходительство выразили готовность, путем проставления подписи своей и приложения печати, придать этим запискам характер документов официальных, при этом указав, что в интересах той же конспирации, хранение таких послужных записок должно быть возложено на Начальника Организации.

На основании вышеизложенного, имею честь препроводить для подписи и приложения печати послужную записку на члена Организации “Азбука” Ротмистра *В.С. Чихачева*.

Начальник Организации
В.Шульгин.

Резолюция рукою А.С.Лукомского: *“Нет, я так подписывать не могу, ибо подписывающий удостоверяет правильность подписываемого, что я сделать никак не могу. Цель же достигается тем, если Вы будете списки прошнуровывать, скреплять и затем направлять в Общій отдел воен. [ного] мин. [истерства], где они и должны храниться секретным порядком, как и все списки на офицеров. Г. [енерал]—Л. [ейтенант] Лукомский. 12/VI 19”.*

* * *

Объяснительная записка к смете Организации “Азбука”
на Июнь, Июль и Август 1919 г.³¹

На докладе Председателя Особого Совещания от 25-го Апреля с.г. за № 2619 Главнокомандующий положил следующую резолюцию: “Считаю совершенно невозможным для Екатеринодарского центра, где есть разведка, контрразведка, пропаганда и прочее осведомление, такой огромный расход. *Деникин*”.

В связи с вышеприведенной резолюцией, а также указаниями, полученными Начальником “Азбуки” от ген. [ерала] *А.М. Драгомирова*, представляется новая смета, вызванная переработкой плана деятельности “Азбуки”.

Смысл резолюции Главнокомандующего состоит в том, что Екатеринодар, под которым, очевидно, надо подразумевать губернии и области, занятые Добровольческой Армией, достаточно обслужен разными учреждениями. Та же мысль была высказана и ген. [ералом] *А.М. Драгомировым* в беседе с Начальником “Азбуки”, причем Его Высокопревосходительством было указано, что наоборот мало обслужены местности, незанятые Д. [обровольческой] А. [рмией], и, в частности, Совдепия. К тому же выводу приводит рассмотрение прилагаемой при сем картограммы “Отдела Пропаганды” от 1-го Мая с.г. за № 8, так как с первого взгляда ясно, что из Совдепии, равно как и из других местностей бывшей Российской Империи, сведений не получаётся.

В связи с этим Начальником “Азбуки” решено деятельность этой последней направить на освещение политической жизни, а попутно добывание сведений, которые могут быть полезными Командованию Добровольческой Армии в местностях, до сих пор еще не занятых.

При этом первоначальное внимание должно быть сосредоточено на областях, соприкасающихся или имеющих тяготение к Югу России. Области, относительно которых можно предполагать, что они в ближайшее время войдут в сферу влияния Адм. [ирала] *Колчака* пока остаются без освещения.

В [о] исполнение вышеизложенного плана намечено устройство осведомительных пунктов трех разрядов:

I. Осведомительные пункты несомненного значения и вполне развитые.

II. Осведомительные пункты такого же значения, но не могущие быть в ближайшее время развернуты для полной работы.

III. Осведомительные пункты, как первоначальные ячейки, причем в зависимости от обстоятельств, они могут быть или развиты, или закрыты, если окажутся неудачными или ненужными.

На осведомительные пункты первого разряда предположено ассигнование по 50.000 рублей на каждый, второго разряда — по 25.000 руб. и третьего — по 5.000 руб. в месяц.

Из пунктов первого разряда, т.е. вполне развитых, *Москва* не потребует ассигнования, ибо имеет свои средства. Вторым же вполне развитым пунктом можно считать только *Киев*, который и потребует ассигнование в 50.000 руб.

Пунктами второго разряда намечены *Харьков*, *Воронеж* и *Саратов*, которые потребуют ассигнования в 75.000 руб на все три пункта.

При этом предполагается, что эти 3 пункта, т.е. Харьков, Воронеж и Саратов при наступлении армий ген. [ерала] *Деникина*

или Адмирала Колчака будут отступать вместе с большевиками в направлении на Москву, так чтобы всегда находиться среди большевиков, предостаяя “Освагу” и др. [угим] учреждениям освещать места, уже занятые Д. [обровольческой] А. [рмией] .

Пункты третьего разряда, как бы пробные, предположено иметь в *Одессе, Кишиневе, Львове, Холме, Варшаве и Вильнюсе*. Общая сумма, потребная на содержание всех этих пунктов — 30.000 руб. в месяц.

Кроме расхода на содержание Осведомительных пунктов существенной статьёй является расход по содержанию курьеров, на которых предположено ассигнование в 68.000 руб. в месяц.

Эта крупная сумма объясняется тем, что путешествие курьеров в настоящее время обходится чрезвычайно дорого, как вследствие общего вздорожания жизни, так и вследствие того, что приходится действовать взятками. Так путешествие курьера, который на этих днях прибыл из Киева, и, пробившись через несколько фронтов, сделал час путешествия на лошадях, обошлось в 4.200 рублей, причем 2.000 с лишним стоило получить необходимые для выезда документы из Киевской Чрезвычайки³².

Дальнейший расход вызывается необходимостью иметь при Ставке Главнокомандующего хорошо поставленный приемный аппарат, технически оборудованный, на что потребуются ассигнование 15.000 руб. в месяц.

Предыдущая деятельность “Азбуки” показала, что Начальнику “Азбуки” необходимо иметь в своем распоряжении известную сумму на расходы совершенно секретные и известные только ему одному, а также на непредвиденные посылки, иногда очень важного свойства.

В общем испрашивается 250.000 руб. в месяц.

* * *

“Веди” от “Зело”. 5 ноября 1919 г. г. Таганрог³³.

“Слово” выехал 2-го числа на Харьковскую конференцию³⁴ и предложил мне на время его отсутствия заместить его в Ростовском отделении. Приняв дела, я несколько удивился тому количеству важных и ценных документов, которое здесь успело скопиться неиспользованным. С этим курьером посылаю Вам лишь случайную часть малосущественного материала, так как “Слово” распорядился, чтобы без его ведома и без доклада ему ничего не отправлять. Приходится ждать его возвращения. Беглую информацию, которая вряд ли Вас может интересовать, посылаю на имя 747.

Те шаги, которые я здесь предпринял относительно зачисления и производства чинов “Азбуки”, привели к следующему. [На-

чальником] Наградного отдела категорически заявлено, что пока не утверждены штаты “Азбуки”, т.е. пока “Азбука” есть частное предприятие, то о производствах не может быть и речи, ибо в стаж засчитывается только *служба в армии*. Внимательно выслушав все, что ему можно было сказать об “Азбуке”, он весьма обстоятельно разъяснил, что нужно “Азбуке” сделать для того, чтобы сотрудники ее получили то, что по создавшемуся у него убеждению им полагается. Прежде всего нужно, чтобы Главнокомандующий утвердил штаты, причем несущественно, как эти штаты будут составлены и будут ли они показывать действительное состояние “Азбуки”. Утверждение же их Главнокомандующим необходимо, так как только таким путем частная организация может стать войсковым учреждением. Однако для дела производства и наград необходимо в штатах сохранить за Начальником Организации права Командира Корпуса, за его Помощником [—] права Начальника Дивизии и за Начальниками Отделений [—] права Командира полка. Тогда представление пишется Начальником Отделения и с заключениями Помощника и Начальника Организации передается Начальнику Военного Управления. Штаты по прилагаемому проекту составлены при участии того же Н-ка наградного отделения, заверившего, что он поможет составить и наградные листы и что награды чинам “Азбуки” пойдут тогда с особой скоростью. Моя покорнейшая к Вам просьба [:] прилагаемый проект штата подписать, внося в него те изменения, которые найдете нужным, но, приняв во внимание приведенные выше соображения, прислать его возможно скорее сюда на мое имя.

Кроме того, вместе с проектом штатов должен быть представлен Главнокомандующему и Ваш особый доклад, в котором должна быть изложена история “Азбуки”, ее работа за время ее существования, потери и что испрашивается ныне. Проект такого доклада при сем прилагаю. Он должен быть составлен именно по такой форме, хотя в его содержании Вы, вероятно, найдете многое, что изменить и дополнить. Однако резолютивную часть и то, что “испрашивается” следует оставить без изменения, так как она составлена по указанию того же Н-ка наградного отделения. Этот Ваш доклад Вами подписанный я также покорнейше прошу прислать сюда на мое имя³⁵. Здесь я сумею дать ему ход и добиться тех или иных результатов. Во всяком случае я решил не уезжать отсюда пока не выполню этой взятой на себя задачи.

Не откажите приказать направить сюда ко мне также засвидетельствованные копии послужных списков или кратких записок о службе тех чинов “Азбуки”, документов коих здесь не имеется. [...]

Здесь, т.е. в Таганроге, скопилось некоторое количество азбучных чинов, которые по распоряжению “Слова” должны быть отправлены к Вам в Киев или вообще уволены. [...] Я им объяснил их судьбу, но что я мог им посулить в Киеве [?]]. Здесь эти люди пухнут от голода, ни у кого нет ни гроша. Я порекомендовал куда-нибудь устроиться, но здесь это еще труднее, чем в Киеве. На

дорогу каждому я могу дать не более 400 р., а у некоторых есть семьи. Лучший выход [—] это их уволить, давши им рекомендации, но нужно им дать хоть какие-нибудь гроши пока они не устроятся — ликвидационные.

Еще раз покорнейше прошу не отказать, изменив и подписав прилагаемые проекты штатов и доклада, потому что скоро и мне самому может быть трудно здесь сидеть.

* * *

Докладная записка Н.А.Кояндера В.В.Шульгину 21 ноября 1919 г.³⁶

Начальнику Организации.

1) Из достоверных источников узнал, что в одном из недавних заседаний Особого Совещания рассматривалась смета по Киевской области, представленная ген. [ералом] Драгомировым. Смета утверждена. Когда было постатейное рассмотрение и остановились на параграфе по расходу на “Азбуку”, то ген. [ерал] Лукомский заявил, что Главнокомандующий к испрашиваемому ассигнованию (по 350 тыс. на первые два месяца и 700 на третий) на “Азбуку” относится совершенно отрицательно, причем разрешил отпустить кредит лишь на потребности Киевской области.

О дальнейшем ничего узнать не удалось.

2) В виду угрозы нарушения нормальных сношений с центром организации, по поручению В.А.Степанова, прошу не отказать выслать средства на содержание Отделения при Ставке авансом на три месяца. Месяц подходит к концу и Отделению угрожает остаться без всяких средств к существованию.

3) В связи с утвержденной Вами сметой ежемесячных расходов Отделения при Ставке, доношу, что пять тысяч предусмотренных на содержание связи с центром Отделение за Ноябрь не получило. Этот вопрос затрагивается в отдельном письме В.А.Степанова.

4) Во всех учреждениях, как военных, так и в гражданских, объявлено, что к Рождеству будет выдано денежное пособие в размере месячного содержания. В виду поднятия этого вопроса сотрудниками Отделения при Ставке, прошу указания.

5) Приехавшие из Киева члены Организации передавали, что центр “Азбуки” получил какой-то легальный титул, пользуется печатью, литерами и т.д. Отделение при Ставке, руководствуясь резолюцией ген. [ерала] Лукомского, коей было отказано “Азбуке” в печати и т.д., просит официального уведомления по сему предмету. И буде Центр Организации имеет право на печать, бланк и литеру — выслать образцы таковых годные для Отделения при Ставке. По этому образцу Отделение закажет и для себя.

б) Перечень документов, информации и писем, следующих с пор. [учиком] Бенаром, прилагается. [...]

13) Принимая во внимание, что единственной сносно работающей машинкой является машинка Одесского отделения, тогда как машинки Отделения при Ставке (системы "Ундервуд" и другая) нуждаются в ремонте, а средств на него нет, В.А.Степанов распорядился, имея в виду, что одна исправная машинка, данная им, у Центра имеется, машинку Одесского отделения оставить в Ростове.

Н.Кояндер

№ 6. Сведения о личном составе "Азбуки".

Сводный список сотрудников организации "Азбука"³⁷

Андриевский Юрий Михайлович, с 1 августа 1918 г., штабс-капитан (капитан), курьер, квартирмейстер Организации.

Афанасьев, сотрудник в Таганроге.

Балюк Константин Александрович, с 16 июня 1918 г., поручик (капитан); сотрудник издательства "Россия".

Барцевич Владимир Петрович ("Фита"), Генерального Штаба полковник; начальник Киевского отделения.

Барцевич, прапорщик; курьер.

Бахтин, полковник; сотрудник в Таганроге.

Бенар Борис Николаевич, с 15 апреля 1918 г., артиллерии подпоручик; курьер.

Бенар Владимир Николаевич ("Паша"), с 15 апреля 1918 г., вольноопределяющийся; заведующий фотометрическим отделом.

Березовский Глеб Иванович, с 1 августа 1918 г., подпоручик (поручик); курьер.

Бутович, поручик; помощник заведующего фотометрическим отделом.

Вакар Николай Платонович ("Зело"), с 1 апреля 1918 г., артиллерии подпоручик (поручик); сотрудник осведомительного отдла, информатор отделения "Азбуки" при Ставке Главнокомандующего.

Васильева Вера Евгеньевна ("Принцесса"), секретарь отделения при Ставке.

Вейсбах Сергей Владимирович, с 15 июля 1918 г., подполковник (полковник); казначей в Киеве.

Вейсбах Мария Викентьевна, с 1 сентября 1918 г.

Виридарский Петр Максимович ("Паж"), с 1 декабря 1917 г., инженерных войск штабс-капитан; начальник особого отдела.

Гашенко Сергей Григорьевич, с 1 апреля 1918 г., унтер-офицер; курьер.

Гельмбольдт, прапорщик; сотрудник осведомительного отдела в Киеве.

Грибовский Роман Ильич, с 20 августа 1918 г., полковник; курьер, помощник и.о. дежурного генерала.

Грабовский, с 15 июня 1918 г., штабс-ротмистр; курьер.

Гуниа Александр Михайлович, с 1 сентября 1918 г., штабс-капитан; казначей отделения при Ставке.

Давыдов, подпоручик (поручик); комендант отделения при Ставке.

Демидов Игорь Платонович ("Буки", "Покой"); член Правления Национального Центра; сотрудник в Киеве.

Дмитриев Павел Феофанович, с 11 июня 1919 г., полковник; курьер.

Домбровский Борис Витальевич, с 1 февраля 1919 г., доброволец; курьер.

Драмбо Виктор Иосифович, поручик; курьер.

Ергин Алексей Павлович, с 15 июня 1918 г., артиллерии подпоручик; курьер.

Ермаков Владимир Максимович, с 15 октября 1918 г., доброволей; курьер.

Ершов Владимир Ионович, с 20 сентября 1918 г., подпоручик (поручик); сотрудник в Одессе.

Ефимовский Евгений Амвросиевич, с 1 мая 1918 г., прапорщик; курьер.

Захощ Марианн, с 20 декабря 1918 г., прапорщик; разведчик в Киеве.

Зеленский Александр Львович, полковник; курьер, и.о. дежурного генерала.

Зернов, поручик; сотрудник Одесского отделения.

Ивков Николай Дмитриевич, с 1 апреля 1918 г., лейб-гвардии Саперного батальона полковник; курьер.

Измайлович, поручик; курьер.

Иозефи Владимир Иосифович; сотрудник в Киеве, Екатеринодаре, Одессе.

Карамышев Владимир Дмитриевич ("Иже"), с 15 июня 1918 г., артиллерии полковник; начальник Одесского отделения.

Карамышева Ольга Алексеевна, с 15 августа 1918 г.

Каховский, поручик; курьер, адъютант и.о. дежурного генерала.

Кожевников Александр Васильевич ("Корешок"), поручик; курьер, дежурный офицер.

Козловский Владимир Николаевич, с февраля 1919 г., поручик; сотрудник Киевского отделения.

Косминский, штабс-ротмистр; сотрудник осведомительного отдела в Киеве.

Колюбакина Мария Алексеевна, с 24 августа 1918 г.; машинистка отделения при Ставке.

Кох А.А., сотрудник отделения при Ставке.

Кояндер Николай Андреевич ("Како"), с 1 декабря 1917 г., инженерных войск прапорщик (подпоручик); помощник начальника информационного отдела.

Куцевалов Бонифатий Семенович, с 15 июня 1918 г., капитан; курьер отдела связи в Киеве.

Лазаревский Владимир Александрович; сотрудник в Киеве.

Лампе фон Алексей Александрович ("Люди"), с 1 апреля 1918 г., Генерального Штаба подполковник (полковник); помощник Начальника Организации.

Лопуховский Александр Яковлевич, с 1 декабря 1917 г., прапорщик; помощник начальника информационного отдела.

Лопуховская Мария Максимовна, с 1 октября 1918 г.; машинистка отделения при Ставке.

Масленников Григорий Георгиевич ("Немо"), с 1 декабря 1917 г., Черноморского флота лейтенант; начальник информационного отдела, помощник начальника отделения при Ставке.

Малаховский Мечислав Клементьевич, с 1 августа 1918 г., прапорщик (поручик); сотрудник в Киеве.

Мелюков Ерменгельд Леонидович, с 1 апреля 1918 г., прапорщик (подпоручик, поручик); курьер отдела связи в Киеве.

Миронов Алексей Васильевич, с 1 апреля 1918 г., поручик (штабс-капитан); курьер отдела связи в Киеве.

Михайлов, с 1 августа 1918 г., прапорщик; курьер отдела связи в Киеве.

Назимов Сергей Владимирович, с 1 августа 1918 г., артиллерии поручик; сотрудник в Киеве.

Налобин Николай Николаевич, с 1 сентября 1918 г., Курляндского Уланского полка ротмистр; дежурный офицер.

Неотти Е.А., курьер.

Никитенко Г.Н. ("Рука"), старший лейтенант; курьер.

Николасский, прапорщик; сотрудник осведомительного отдела в Киеве.

Никольский Сергей Александрович, с 1 сентября 1918 г., прапорщик; разведчик в Киеве.

Опитц Александр Робертович, с 10 августа 1918 г., капитан; начальник эвакуационного отдела в Киеве.

Пантелеев Василий Николаевич, с 1 августа 1918 г., корнет; сотрудник осведомительного отдела в Киеве.

Петровский Леонид Степанович, с 17 января 1919 г., генерал-майор; курьер.

Покровский Сергей Ипполитович, с 15 апреля 1919 г., курьер.

Поливин А.А., курьер.

Поплавский, вольноопределяющийся; сотрудник в Таганроге.

Прохоров Алексей, с 15 сентября 1918 г., подпоручик; разведчик в Киеве.

Пудкевич Борис Ефимович, с 15 июня 1918 г., артиллерии штабс-капитан; курьер.

Раабен фон Надежда Сергеевна, с 1 января 1919 г.

Разумовская Зинаида Ивановна, с 15 августа 1918 г.

Розмаинская Татьяна Афанасьевна, сотрудник отделения при Ставке.

Рославлев-Михайлов М.С., сотрудник в Таганроге.

Руднев, поручик; сотрудник в Таганроге.

Рындич Дмитрий Иванович, с 1 апреля 1918 г., унтер-офицер; курьер.

Савенко Анатолий Иванович ("Аз"), член Совета Государственного Объединения России; сотрудник в Киеве и Одессе.

Самохвалов Петр Титыч ("Око"), с 1 апреля 1918 г., Отдельного корпуса жандармов подполковник (полковник); помощник Начальника Организации.

Самохвалова София Петровна, со 2 января 1919 г.

Серкаль ("Добро"), сотрудник в Одессе.

Сливинская Мария Андреевна.

Соколовский Константин Александрович, с 21 декабря 1918 г., капитан; курьер.

Степанов Василий Александрович ("Слово"), член Особого совещания при Главнокомандующем и Правления Национального Центра; заместитель Начальника Организации, начальник Отделения при Ставке.

Степанов Александр Васильевич, с 1 апреля 1919 г.; курьер.

Судаков Роман, с 20 декабря 1918 г., подполковник; разведчик в Киеве.

Сущинский Владимир Владимирович, с 22 марта 1919 г., полковник; сотрудник в Одессе.

Тимофеев Сергей, с 15 декабря 1918 г., подпоручик; разведчик в Киеве.

Ткаченко Александр Павлович, с 1 мая 1919 г., прапорщик; старший отдела связи в Киеве.

Тобис, полковник; курьер отдела связи в Киеве.

Трушталеvский ("Финн"), поручик (штабс-капитан); начальник канцелярии отделения при Ставке.

Тычинский Алексей Игнатъевич, с 1 августа 1918 г., поручик; курьер отдела связи в Киеве.

Устинов Константин Петрович, с 18 января 1919 г., поручик; сотрудник в Одессе.

Фабр, поручик; сотрудник осведомительного отдела в Киеве, переводчик.

Фиалковский Юрий Евгеньевич, с 15 апреля 1918 г., подпоручик; сотрудник осведомительного отдела в Киеве.

Харузин Михаил Александрович, поручик; сотрудник Константинопольского отделения.

Хомякова Мария Николаевна, с 1 января 1919 г.

Цыба Яков Никифорович, с 1 июля 1918 г., инженерных войск полковник; сотрудник в Киеве.

Червен-Водали Александр Александрович, член Правления Национального Центра; заведующий хозяйственной и финансовой частью.

Чихачев Даниил Сергеевич, старший лейтенант, сотрудник в Киеве.

Чихачев Владимир Сергеевич, с 1 января 1919 г., ротмистр; курьер.

Шварц Георгий Вячеславович, с 17 января 1919 г., юнкер; курьер.

Шевченко Николай Михайлович, с 1 декабря 1917 г., поручик; комендант отделения при Ставке.

Шевченко Александр Михайлович, с 1 сентября 1918 г., унтер-офицер; рассыльный отделения при Ставке.

Шевченко Михаил Георгиевич, с 15 ноября 1918 г., унтер-офицер; рассыльный отделения при Ставке.

Шульгин Василид Васильевич; сотрудник в Киеве.

Шульгин Василий Витальевич ("Веди"), с 1 декабря 1917 г., член Особого совещания; Начальник Организации.

Шульгин Вениамин Васильевич, с 1 января 1919 г.; курьер.

Шульгина Екатерина Григорьевна, с 15 августа 1918 г.

Шульц, прапорщик; сотрудник в Таганроге.

Щелгачев Всеволод Иванович, с 1 июня 1918 г., поручик (штабс-капитан), обер-офицер для делопроизводства, комендант.

Щербович-Вечор Николай Ольгердович ("Ухо"), с 17 декабря 1918 г., подполковник (полковник); курьер.

Яфимович Петр Владимирович, с 8 декабря 1918 г., полковник; курьер.

* * *

Докладная записка В.В.Шульгина А.М.Драгомирову³⁸.

29 Октября 1918 г.
г. Екатеринодар

*Его Высокопревосходительству
Генералу Драгомирову.*

27-го Октября, закончив дела по эвакуации из Киева в Добровольческую Армию авиационных парков и мастерских, прибыл в Екатеринодар Полковник Баранов, работавший в контакте с "Азбукой" в г. Киеве.

Полковник Баранов, бывший с Сентября месяца прошлого года помощником авиадарма при Ставке, весною этого за свой страх и риск предпринял создание авиации при Добровольческой Армии. Для этого Полковник Баранов съездил в Совдепию, отыскал там своего офицера Капитана Александровича, снабдил его деньгами и, уговоривши его поступить на службу к большевикам, поручил ему перелететь с аппаратом в Добровольческую Армию, что Капитан Александрович, и исполнил, положив этим начало авиации Добровольческой Армии.

Вслед за тем Полковник Баранов, договорившись предварительно с Донским Правительством, сам поступил на Украинскую службу и, подобрав группу верных офицеров, начал планомерную эвакуацию Киевских авиационных парков и мастерских. В разное время, рискуя не только своим положением, но и личной безопасностью, Полковник Баранов переправил на Дон и в Добровольческую Армию свыше 70 летательных аппаратов, из коих 32 попали в Добровольческую Армию, причем надо сказать, что только медлительность Полковника Курцевича, который с большим опозданием прислал приемщиков в Таганрог, Добровольческая Армия не получила еще 9 аппаратов, предназначенных для нее. Кроме 32-х аппаратов Полковник Баранов привел в Добровольческую Армию 37 вагонов-мастерских с бомбами, запасными частями и прочим авиационным имуществом, оцениваемым в несколько десятков миллионов рублей.

Полковник Баранов пользуется среди офицеров-летчиков исключительно высоким авторитетом и уважением, как прекрасный организатор и боевой офицер, имеющий Георгиевское Оружие³⁹.

Начальник Организации "Азбука"

В.Шульгин.

* * *

Удостоверение, выданное Р. Д. Мергину⁴⁰.

Удостоверение

Дано сие Полковнику Родиону Давыдовичу *Мергину* в том, что он в Ноябре месяце 1917 г., состоя в то время слушателем Академии Генерального Штаба, в чине капитана, вступил в Военную Организацию Петроградского Отдела Национального Центра, в задачи которой входила всемерная борьба с советской властью⁴¹.

В этих целях организации Н.Ц. готовили вооруженные восстания против большевиков, всеми средствами способствовали росту Добровольческой Армии, занимаясь переправкой офицеров на Дон. В целях разведки члены организации ставились на ответственные посты в советских, имели свои контрразведывательные органы и т.д.

С первого момента вступления своего в Военную Организацию, капитан *Мергин* занял пост Начальника контрразведывательного отделения при Штабе Организации, во главе которого в то время находился Генерального Штаба полковник Борис Петрович *Поляков*.

1-го Апреля 1918 года капитан *Мергин* выехал на Кавказ, где, согласно поручения Н-ка Штаба Организации, имел специальные поручения.

В бытность свою членом Военной Организации Петроградского Отдела Национального Центра (с Ноября 1917 г. по 1 Апреля 1918 г.) капитан *Мергин* отличался неутомимой энергией, внимательным и серьезным отношением к возложенным на него обязанностям и не раз, с опасностью для жизни, выполнял данные ему поручения.

В качестве Н. [ачальни]–ка Разведывательного Отделения кап. [итан] *Мергин* обнаружил выдающиеся способности. Под его непосредственным руководством была организована крепкая и надежная сеть осведомителей, доставляющих чрезвычайно обширный и ценный для того времени материал.

Будчи идеально честным, исполнительным и преданным своему долгу офицером, капитан (ныне Полковник) *Мергин* оставил после себя на редкость доброе воспоминание.

Все вышеизложенное почитаю своим нравственным долгом засвидетельствовать.

Член Особого Совещания при Ставке Главнокомандующего
вооруженными силами на юге России

В. Степанов

21 Апреля 1919 г.
г. Екатеринодар. Графская, 29.

¹ См.: Бортневский В.Г. Источники о деятельности белогвардейских судебно-следственных органов Севера в фондах ЦГАОР СССР и ЦГАСА // Археография и источниковедение Европейского Севера. Ч.1. Вологда. 1989; Красный и белый террор гражданской войны // Сквозь бури гражданской войны. "Круглый стол" историков. Архангельск. 1990; Источники о контрреволюционных армиях и правительственных учреждениях Поволжья и Урала периода гражданской войны в фонде Политической канцелярии особого совещания // Историография социалистического строительства в Поволжье и на Урале. Уфа. 1990; Обмен секретной информацией между Колчаком и Деникиным в конце 1918 — первой половине 1919 гг. // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества. Новосибирск. 1990; "Наши агенты от милиционера до наркома..." (Воспоминания белого контрразведчика Николая Сигиды) // Родина. 1990. № 10; А.А.Борман. Москва—1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1. Л. 1991; Из документов белогвардейской контрразведки 1919 г. (Отчет о деятельности Харьковского Разведывательного центра) // Там же; Из документов белогвардейской контрразведки (Секретная сводка о работе Харьковского Освага) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 2. Санкт-Петербург. 1991; Bortnevski V.G. White terror and White administration (The Denikin period) // The Russian Review. 1993. № 3.

² Peter I. Kenez, *Civil War in South Russia, 1919—1920*. Berkeley. 1977. P. 68, 71. Книга Питера Кинеза — до сих пор единственная публикация, в которой дается краткий общий обзор деятельности "Азбуки" на основе ряда архивных документов (pp.65—71).

³ Государственный Архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР). Ф. 439 (Управление делами Особого Совещания); ф. 446 (Политическая канцелярия особого Совещания); ф. 440 (Отдел пропаганды Особого совещания); ф. 5829 (А.С.Лукомский); ф. 5827 (А.И.Деникин); Общество ревнителей Российской истории (Париж). Коллекция Национального Центра; P.N.Vrangel Collection, boxes 30, 31, 32, 33, 35, 41, 42, 43, 45, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University; S.V.Panina Collection, boxes 10, Bakhmeteff Archives, Columbia University; A.I.Denikin Collection, boxes 2, 9, 10, Bakhmeteff Archives; K.R.Krovopuskov Collection, boxes 1, 2, 3, Bakhmeteff Archives.

⁴ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 25, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, USA. Документ представляет собой машинопись с рукописными вставками В.В.Шульгина.

⁵ Генерал-от-кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров (1868—1956) в данное время был помощником Главнокомандующего Добровольческой Армии и заместителем председателя Особого Совещания при Верховном Руководителе Добровольческой армии. После смерти Верховного Руководителя генерала М.В.Алексеева А.М.Драгомиров стал председателем Особого Совещания при Главнокомандующем Добровольческой Армией (затем — Вооруженных Сил на Юге России). Он официально занимал эту должность вплоть до 12 сентября 1919 г., когда был назначен главноначальствующим и командующим войсками Киевской области.

⁶ Генерал-от-инфантерии Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) тайно прибыл в Новочеркасск из Петрограда 2 ноября 1917 г. с целью организации вооруженной борьбы с большевизмом. Он предполагал использовать "здоровые силы"

Юго-Востока России, в частности — опереться на недавно провозглашенный Юго-Восточный Союз и прежде всего на входившую в него Донскую область во главе с Войсковым атаманом генералом-от-кавалерии Алексеем Максимовичем Каледичем (1861—1918) и товарищем атамана, председателем Донского правительства Митрофаном Петровичем Богаевским (1883—1918). Издание шульгинского “Киевлянина”, разумеется, не могло иметь место в условиях вынужденной необходимости идти на временный компромисс с центробежными силами просоциалистического толка в Донском Войсковом Круге и паритетном Донском правительстве. Впрочем, надежды на жизнеспособность Юго-Восточного Союза не увенчались успехом (см.: Дневники, записи, письма ген. Алексева и воспоминания об отце В.М.Алексеевой-Борель / Публ. Н.Рутыча // Грани. № 125. 1982. С. 184—220).

⁷ Опечатка в тексте: большевики заняли Киев после упорных трехдневных боев не 26 декабря, а 26 января 1918 г. Вступление их в город сопровождалось массовыми арестами представителей “имущих классов”, расстрелом нескольких тысяч офицеров, глумлением над православным духовенством.

⁸ Киев был занят немецкими войсками 1 марта 1918 г. А 10 марта вышел последний (вплоть до сентября 1919 г.) номер газеты “Киевлянин”. “Мы — ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор пока идет война. Есть положения, в которых нельзя не погибнуть, нет положений, из которых нельзя выйти с честью”, — писал в передовой статье этого номера В.В.Шульгин.

⁹ Подчеркнута рукописная вставка В.В.Шульгина.

¹⁰ Через несколько дней после захвата власти большевиками в Москве была создана антибольшевистская организация под названием “Девятка”, куда вошли по три представителя от кадетской партии, торгово-промышленных организаций и совещания общественных деятелей. Были установлены тесные связи с организацией генерала М.В.Алексеева в Новочеркасске. По мере укрепления большевистской власти “Девятка”, расширяясь за счет прежде всего деятелей правого толка, была преобразована в Правый Центр. После заключения Брестского мира в Правом Центре резко усилились расхождения по вопросу об ориентации: союзнической, германской или “политики свободных рук”. Раскол Правого Центра был организационно закреплён выделением из его состава Национального Центра во главе с кадетами Н.И.Астровым, П.И.Новгородцевым, П.Б.Струве, М.М.Федоровым, А.А.Червен-Водали, Н.Н.Щепкиным и др. (Астров Н.И. “Московские организации”, S. V. Panina Collection, box 10, Bakhtmeteff Archives, Columbia University, New York, USA).

¹¹ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 14. Текст машинописный. Доклад был подготовлен Н.П.Вакаром (“Зело”). Положительного решения по нему принято не было.

¹² Так в письме В.В.Шульгину от 28 августа 1918 г. генерал М.В.Алексеев сообщал о доставке из Киева курьерами “Азбуки” братьями Барцевичами 1 миллиона 336 тысяч рублей (P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 15).

¹³ Генерального Штаба генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский (1868—1939) был помощником Главнокомандующего Добровольческой Армией (затем — Вооруженных сил на Юге России) и начальником Военного управления при Главнокомандующем. В сентябре 1919 г. он был назначен председателем Особого Совещания.

¹⁴ Генерального Штаба генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский

(1877—1920) занимал должность начальника штаба Добровольческой Армии (затем — Вооруженных Сил на Юге России). Уже после своей отставки, 5 апреля 1920 г., он был убит в Константинополе бывшим сотрудником “Азбуки” поручиком М.А.Харузиным.

¹⁵ P. N. Vrangl Collection, box 33, folder 18. Текст машинописный. Автор письма — Василий Александрович Степанов (1872—1920), бывший член III и IV Государственных Дум, управляющий министерством торговли и промышленности Временного правительства, член ЦК кадетской партии и Правления Национального Центра. Он входил в состав Особого Совещания в качестве начальника управления государственного контроля и был ближайшим сотрудником и заместителем В.В.Шульгина по организации “Азбука” (псевдоним “Слово”). Адресат — Анатолий Иванович Савенко, бывший член Государственной Думы от Киевской губернии. Он был председателем Клуба русских националистов в Киеве, входил в состав Совета государственного объединения России, а также возглавлявшегося В.В.Шульгиным Южнорусского Национального Центра.

¹⁶ Александр Александрович Червен-Водали входил в ЦК кадетской партии и Правления Национального Центра. В апреле 1919 г. он вместе с другим членом Правления, Н.В.Волковым, был направлен в Сибирь к адмиралу А.В.Колчаку. Входил в состав колчаковского Совета Министров, был последним его председателем. Арестован и расстрелян большевиками 10(23) июля 1920 г.

¹⁷ Речь идет о существенных изменениях Российского герба при Временном правительстве. Любопытно, что воинские части и гражданские учреждения территории, находившейся под управлением Главнокомандующего Добровольческой Армии и Вооруженных Сил на Юге России, использовали печати со старым, имперским, изображением Российского герба.

¹⁸ “Левицкий” — по-видимому, В.М.Левитский, член Киевского комитета кадетской партии. Евгений Амвросиевич Ефимовский, один из курьеров “Азбуки”, также входил в состав Киевского комитета, а ранее был председателем Московской студенческой кадетской партии. Он выступал в печати с резкой критикой германской ориентации П.Н.Милокова и киевских кадет, занимавших некоторые ответственные должности в гетманской администрации, в том числе и на правительственном уровне. Е.А.Ефимовский был также председателем организованного по инициативе В.В.Шульгина общества “Русь”, товарищем председателя этого общества была супруга В.В.Шульгина Екатерина Григорьевна (см.: Долгоруков П.Д. Великая разлука. Мадрид. 1964. С. 116—119; K. R. Krovopuskov Collection, box 2, Vakhmeteff Archives\7

¹⁹ P. N. Vrangl Collection, box 33, folder 12. Официальная часть письма — машинопись с рукописными вставками и правками В.В.Шульгина, дополнение к ней (о гибели сына В.В.Шульгина Василида) — рукопись.

²⁰ В описываемое время проводились подготовительные мероприятия по предполагаемому переезду Ставки и правительственных учреждений с территории Кубанского края в Севастополь. Вскоре, однако, переезд был отложен, а затем и вовсе отменен. В Екатеринодаре денкинскому высшему командованию и администрации пришлось пробить еще почти полгода до переезда в Ростов и Таганрог (“Жизнь”. Ростов-на-Дону. 1919. 2, 27 июля).

²¹ Генерального Штаба полковник (впоследствии — генерал-майор) Алексей Александрович фон Лампе (1885—1967) был одним из ближайших помощников

В.В.Шульгина по “Азбуке” (псевдоним “Люди”), некоторое время исполнял обязанности начальника организации.

²² В этот день гетман “Украинской Державы”, генерал-лейтенант Российской императорской армии Павел Петрович Скоропадский (1873—1945) сложил свои полномочия и вместе с немцами оставил Киев, в город ворвались отряды петлюровских войск. Малочисленные, наскоро сколоченные, русские офицерские дружины (куда входили также юнкера, кадеты, студенты, гимназисты) около двух недель героически задерживали противника на подступах к Киеву, тщетно ожидая помощи Антанты. В одну из таких дружин входил и сын В.В.Шульгина — Василий.

²³ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 39. Текст машинописный, часть послания В.В.Шульгина сохранилась также в рукописном варианте.

²⁴ Этот случай был лишь одним из многих в длинной цепи разногласий по вопросу о конструкции Южнорусской власти между представителями различных политических организаций и объединений (см.: Бортневский В.Г. Проекты создания Директории на Юге России осенью 1918 — весной 1919 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1992. Вып. 1).

²⁵ Имеется в виду территории Украины, находившаяся под номинальной властью гетмана Скоропадского и фактической — германского оккупационного командования во главе с фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном (1848—1918). Последний был убит 17 (30) июля 1918 г. в Киеве левым эсером Б.Д.Донским.

²⁶ Генерального Штаба полковник Димитрий Леонтиевич Чайковский (1882—1954) занимал должность начальника Политической канцелярии Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России.

²⁷ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 8. Машинопись с собственноручными подписями В.В.Шульгина и Н.А.Кояндера. На первой странице документа имеется также плохо сохранившаяся карандашная резолюция адресата, Генерального Штаба генерал-майора Сергея Михайловича Трухачева (1879—1942), о необходимости затребования соответствующих документов. Положительного решения по данному вопросу принято не было.

²⁸ Список этот состоял из 16 человек, вступивших в организацию “Азбука” в конце 1918 — начале 1919 гг.

²⁹ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 8. Машинопись с собственноручной подписью В.В.Шульгина и резолюцией А.С.Лукомского. Генерал А.С.Лукомский в то время исполнял обязанности председателя Особого совещания из-за отъезда генерала А.М.Драгомирова в Париж.

³⁰ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 8. Машинопись с собственноручной подписью В.В.Шульгина и резолюцией генерала А.С.Лукомского.

³¹ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 38. Текст документа машинописный с рукописными вставками Н.А.Кояндера. Им же нарисована и прилагаемая схема отделов и пунктов “Азбуки”. К докладу была приложена и краткая историческая справка, в которой отмечалось, что “Азбука” за все время своей деятельности получила от командования всего 120 550 рублей, предназначенные на три последние месяца.

³² В соответствии со сметой оплате подлежала работа 17 курьеров, 15 из которых постоянно курсировали между Екатеринодаром и Москвой, Киевом, Харьковом, Воронежем, Саратовом, Одессой и Кишиневом.

³³ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 33. Машинопись. Документ публикуется с незначительными сокращениями технического характера, обозначенными отточием.

³⁴ Харьковская конференция Партии народной свободы проходила с 3 по 6 ноября 1919 г. Как сообщала газета "Великая Россия", "совещание отвергло посягательства справа и слева на государственную программу и национально-демократические принципы возрождения России", рекомендовала шире и активнее привлекать к местному управлению общественные силы (Великая Россия. 1919. 12 ноября).

³⁵ См. документ № 2, опубликованный выше. В соответствии с прилагавшимся проектом штатов Особая осведомительная организация подчинялась Главнокомандующему через начальника Военного управления, который по отношению к ней пользовался правами командующего неотдельной армией. Начальнику организации с правами командира корпуса подчинялись начальник "главного отделения" (отделения при Ставке) с правами начальника дивизии, начальник канцелярии и начальники местных отделений с правами командира полка, заведующий фотометрической частью и начальники канцелярий местных отделений (права командира батальона), заведующий архивом и помощник заведующего фотометрической частью (права командиров рот). Курьеры подразделялись на штаб- и обер-офицеров для поручений с правами командиров батальонов и рот соответственно. Число курьеров определялось в 9 человек для главного отделения и по 8 — для местных, причем начальники отделений могли усиливать или сокращать личный состав по мере необходимости (P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 20).

³⁶ (P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 14. Машинопись с собственноручной подписью Н.А.Кояндера. Документ публикуется с незначительными сокращениями технического характера, обозначенными отточием.

³⁷ Публикуемый список ни в коей мере не претендует на полный и исчерпывающий характер. Он составлен на основе анализа прямой и косвенной информации из различных источников. Список включает 110 лиц работавших в "Азбуке" как на протяжении всей ее деятельности, так и короткое время. Удалось расшифровать 20 из использовавшихся сотрудниками псевдонимов. На большинство из них имеются сведения о времени вступления в организацию и чине (или чинах в случае последующих изменений). Указанные в списке должности большинства сотрудников не всегда охватывают, разумеется, весь период их службы, а относятся к определенному отрезку времени. Основные источники: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University — P.N.Vrangel Collection, boxes 30, 31, 32, 33, 35, 41, 42, 43, 45; Bakhmeteff Archives, Columbia University — A.I.Denikin Collection, boxes 2, 9, 10; S.V.Panina Collection, box 10; K.R.Krovopuskov Collection, boxes 1, 2, 3; Общество ревнителей русской истории (Париж), коллекция Национального Центра; Личный архив Р.Г.Краснюкова (Санкт-Петербург) — "Воспоминания В.В.Шульгина 1917—1919 гг., стенографическая запись".

³⁸ P.N.Vrangel Collection, box 33, folder 11. Машинопись.

³⁹ Вячеслав Григорьевич Баранов окончил в 1908 г. Николаевское училище, а затем Офицерскую воздухоплавательную школу. Первую мировую войну он начал в составе 1-го гвардейского авиационного отряда, 5 декабря 1914 г. был награжден золотым Георгиевским оружием. Впоследствии был помощником командира 1-го авиационного дивизиона, командующим 7-м авиационным дивизионом. Во время гражданской войны В.Г.Баранов командовал Донской авиацией,

был произведен в генерал-майоры. Покинул Россию в ноябре 1920 г. с Крымской эвакуацией. Проживая во Франции был председателем Союза русских летчиков. Умер в Лондоне 21 июня 1964 г. (Русская мысль. 1964. 23 июня).

⁴⁰ Данная аттестация была официально затребована Р.Д.Мергиным, намеревавшимся продолжать службу по Астраханскому казачьему войску. Следственная комиссия, разбиравшая дела офицеров, находившихся хотябы некоторое время на советской территории, обратила внимание на определенные неясности в его послужном списке.

⁴¹ Речь, разумеется, идет не о Национальном, а о Правом Центре, из коего первый организационно выделился лишь к лету 1918 г. (см. прим. 7).

Н.В.Устрялов

1919—й год. Из прошлого*

Подготовка текста и комментарии *А.В.Смолина*

Предисловие

В дополнение к отрывочным записям из дневника 1919 года, здесь в точности воспроизведенным, привожу несколько более или менее случайных и отрывочных мемуарных заметок, сделанных мною уже в Харбине. Они относятся к тому же периоду Омска и Иркутска. Размещаю их хронологически не в порядке написания, а, по возможности, в порядке описываемых событий, отмечая, однако, и время их написания.

Общим эпиграфом к ним мог бы служить известный Вергилиев стих:

Infandum, regina, jubes
renovare dolorem!***

1. Первые впечатления

Припоминаю свои первые впечатления. Встреча с Ключниковым¹, очень радостная, конечно. Первая краткая беседа о положении, прерываемая всевозможными вводными мотивами.

Первым делом я спросил его о том, что меня особенно волновало: не есть ли колчаковский Омск чистая реакция, отрыжка старого? Искренни ли заявления Колчака?

— О да, несомненно. Дурной реакции тут Вы не увидите. И Колчак, и правительство вполне сознают, что о возврате прежнего строя не может быть и речи.

— Что из себя представляет правительство? Прочно ли оно?

— Совет Министров — люди почти сплошь молодые и энергичные. “Имен”, правда, нет. Но работать могут. Общее положение посредственное. Вот только что на днях подавили попытку рабочего восстания...²

Ключников тогда доживал в Омске уже последние дни. Будучи вынужден уйти в отставку якобы по проискам Сукина³, он получил от правительства субсидию на поездку в Париж с научными целями — в связи с предстоявшей Версальской конференцией⁴. Был очень доволен и рвался в Европу.

* Продолжение. Начало см.: Русское прошлое. 1991. Кн.2.

** “Невыразимую скорбь обновить велишь ты, царица!” (Вергилий. Энеида, II, 3).

Я был приглашен в Омск на должность юрисконсульта Управления делами Совета Министров, и Ключников взялся привести меня к месту службы. Познакомил меня со старшим юрисконсультом К.П. Харитоновым, сыном бывшего государственного контролера, вполне приятным человеком. Однако дело сразу показалось мне чрезвычайно скучным и чуждым. Мелкое юридическое кропотливость, весьма нужное, важное для государства, но органически мне несвойственное как “никакому” юристу. Правда, изредка попадались дела, представлявшие собою крупный политический интерес, но по большей части приходилось потеть над форменной вермишелью. За краткий период моего пребывания в юрисконсультском отделе мне довелось познакомиться с двумя интересными проектами: проектом положения о Верховном Уполномоченном на Дальнем Востоке и проектом закона о “государственной охране”. Но к “юридической шлифовке” даже и таких законов вкуса я не почувствовал...

В первый же день “представился” управляющему делами правительства проф. Г.Г. Тельбергу”, телеграммою коего и был вызван из Перми.

Обстановка оказалась более... торжественной, чем я почему-то предполагал. Пришел в приемную, где сидел секретарь управляющего, пожилой господин обывательски-чиновничьего обличья, проникнутый глубокой почтительностью ко всему совершающемуся. Тут же вертелся молоденький и смазливенький офицер, личный адъютант того же управдела.

— Будьте же любезны подождать. Управляющий сейчас еще занят.

Сажу на диване, жду. Входит какой-то человек в длинном черном старомодном сюртуке с несколько украинскими усами и с лицом, не страдающим избытком одухотворенности. Садится. Оказывается, тоже к Тельбергу. Беседует с секретарем, и тот усиливает на всей своей фигуре выражение почтительности.

Разговариваем, и скоро выясняется, что это — новый министр исповеданий проф. Прокошев, прибывший из Томска. И манера говорить, и содержание его фраз не выдают в нем ни даровитого министра, ни талантливое профессора.

Невольно припоминаю слова Ключникова о молодых и способных министрах...

Но вот офицер шаркает:

— Управляющий Вас просит...

Вхожу. Большой кабинет. Большой письменный стол с телефоном. Узнаю за столом проф. Тальберга, которого лет десять тому назад встречал несколько раз в Московском университете, где он был приват-доцентом по истории русского права. Показалось, что теперь он несколько пополнил и стал почему-то ниже ростом...

Сдержанно-любезное приветствие. “Вы из Перми? Ну, как

там?..”. Быстрый переход к делу: что значит быть юрисконсульт-ом Управления делами. Круг обязанностей и прав. Все это тоном официальным, едва-едва не начальственным.

Вошел маленький, коренастый, брюнетистый господин — без доклада. “Мой помощник Тарас Васильевич Бутов. Можете по делам службы к нему обращаться”. Потом был вызван Харитонов, и ему при мне было поручено (чтобы не сказать “приказано”) вести “нового сослуживца” в курс дела. Аудиенция кончилась, про-длившись достаточно небольшое количество минут.

Она оставила в моей душе смешанное чувство. С одной стороны, чисто деловая обстановка в известной мере нравилась (“не тер-ряют даром время”), но, с другой стороны, неприятно поражала официальная сухость, я бы сказал, несколько напыщенная и на-игранная. Что-то старомодное ощущалось во всем облике Управ-ления. Как-то хотелось бы найти в Омске “новую Россию”. Не улавливалось, каков должен был бы быть ее лик. Но чувствова-лось, что тут в первых подмеченных штрихах омского “быта” бы-ло что-то “не то”...

“Нет ни монументального величия прошлой России, ни рево-люционной подвижности и новизны”. Словно какая-то “поддел-ка” — не то под первое, не то под вторую...

Вместе с тем росло определенное недружелюбие к “службе”. В самом деле — “ужели я стану бюрократом?”. Самая мысль о еже-дневном хождении в “присутствие”, о соприкосновении с чинов-ной иерархией, о пытении над проблемой мобилизации лошадей в таком-то уезде начинала меня пугать. Невеселость настроения усугублялась сознанием чрезвычайной безотрадности квартир-ных перспектив. Найти комнату в Омске было в то время почти немислимо: разве лишь исключительное счастье или могущест-веннейшие связи... “Начальство” же в этом вопросе соблюдало леденящий нейтралитет...

Вечером долго беседовали с Ключниковым (я остановился у него) на основные, волнующие темы. Я рассказывал ему о жизни в Советской России, о московских общих знакомых, он говорил о своей одиссее Ярославль—Казань—Уфа—Омск, о сибирском дви-жении, Директории³, Колчаке... Как и раньше, наши политиче-ские настроения оказывались родственными, близкими взаимно.

Я не мог удержаться, чтобы не высказывать своего впечатле-ния, меня мучившего, но непреодолимого:

— Конечно, дай Бог победы Колчаку, и я хочу верить, что по-беда будет. Но знаете, все-таки, несмотря ни на что, — насколько ярче, интереснее лицо Москвы, чем здешнее... Все-таки пафос истории — там...

Ключников понял сразу. Было видно, что сам он об этом думал неоднократно:

— Несомненно... Но так и должно быть... Всему свое место... Конечно, там ярче, эффектнее... Но мы сознательно должны при-общиться сюда, хотя здесь и не центр истории... Мы должны при-

нести в жертву себя, в известном смысле... Но при этом мы обязаны чувствовать историческую перспективу. Нужно осмыслить здешнее движение. Разумеется, ему нечего состязаться с Москвою по яркости (возьмите хотя бы внешнюю политику Москвы!), но оно принесет пользу стране. Оно благоразумнее. Необходимо только, чтобы оно не сходило с почвы революции, вводило революцию в границы. Эта наша задача...

— Да, я тоже так думаю. Только вот это, Белое движение сможет утвердить завоевания большевизма для истории... Сам большевизм для этого недостаточен... Чтобы консолидировать французскую революцию, нужен был Наполеон...

— Заметьте, что благоразумие всегда кажется более тусклым, нежели дерзновение. Но истинное благоразумие должно понимать смысл дерзновения. Победа нашего движения утвердит революцию...

— Да, но вдруг... А что если не будет победы?.. А вдруг победят о н и?.. Что тогда? Умирать вместе со старым миром?..

— Ну, нет... Если победят они, значит, они нужны России, значит, история пойдет через них... Во всяком случае мы должны быть с Россией... Что же — встретимся с большевиками!..

Эта мучительная, жуткая мысль, неоднократно стучавшаяся мне в голову, но которой я не смею переть ни разума, ни чувства, была формулирована Ключниковым со всею ясностью и решительностью. Видно было, что он уже достаточно ею овладел.

Мне было страшно этого вывода и в то же время несказанно радостно, что в своих настроениях и думах я не одинок...

С тех пор сознательно и бессознательно я возвращался к этой проблеме, изыскивая исход в случае их победы... Как нейтрализовать их яд, приняв их силу?.. Как сделать возможным служение России при их торжестве? Как примирить верность известным заветам "старого мира" с приятием новой (большевистской) России?.. Можно ли, не изменяя себе, "встретиться с большевиками"?..

В день отъезда Ключникова вспоминаю озадачившую меня за чайную беседу с его племянником Матвеем Беловым, офицером, молодым экспансивным парнем. Он горячо жаловался на свою долю, ругательски ругал правительство и самого Колчака, кричал, что за такое нищенское жалованье только дураки могут жертвовать жизнью, что следует просто переходить к красным и т.п. Ключников смущенно помалкивал. Этого Матвея Белова я впоследствии встретил в Чите — яростным поклонником атамана Семенова.

Таковы были первые омские впечатления.

(Октябрь 1921).

2. Среди кадет.

Припоминаю свое первое выступление на собрании кадетских комитетов в Омске с докладом о Советской России по личным впечатлениям, тогда еще вполне свежим. Отчет об этом докладе был напечатан в “Сибирской речи” вопреки моему заявлению, что доклад не предназначается для печати. На днях я перечел этот отчет в старом номере местных “Новостей жизни”, где он, как оказывается, был целиком перепечатан. И оживились невольно воспоминания о тех днях, и захотелось их записать.

Вскоре после приезда моего в Омск Ключников меня познакомил с председателем “восточного отдела центрального комитета” к.-д. партии А.К.Клафтоном⁷ и секретарем комитета В.А.Кудрявцевым⁸. Клафтон просил меня поделиться с кадетами своими советскими впечатлениями, и 13 февраля доклад состоялся.

Кадетская публика произвела на меня посредственное впечатление: типичный провинциальный комитет, да и то не из особенно удачных. Жардецкого не было. Выдавался интеллигентностью и умением держать себя лишь председательствовавший Клафтон, вдумчивый и, несомненно, яркий партийный деятель, хотя тоже не столичного масштаба, — во всяком случае, не “всероссийского”. Благородный, умный либерал предреволюционной эпохи, “старый земец”, лишенный, однако, узкоинтеллигентских шор и предрассудков. Честный до щепетильности, до мелочности, до болезненности мнительный, более подходящий для оппозиции царскому режиму, чем для борьбы современных дней. Но достаточно умный, чтобы сознавать свои слабые стороны и понимать запросы нынешнего момента. Недаром потом, когда мы (Русское Бюро печати) начали издавать большую политическую газету, он не написал в ней ни единой строчки, хотя был журналистом и в свое время даже редактором: он чувствовал, что масштабы событий превышают его возможности, его данные как идеолога и публициста, а помириться со вторыми ролями он не хотел. И предпочитал молчать. Зато как организатор нашего Бюро печати, не связанного формально с правительством и свободного от бюрократизма и опеки, он проявил огромную энергию, размах и трудоспособность. Тут он оказался вполне на месте.

Итак, возвращаясь к своему докладу. Не предполагая, что он попадет в прессу, я решил нарисовать вполне объективную картину жизни России и дать непредвзятый анализ большевистской политики. С первых же дней мне пришлось встретиться в Омске с чрезвычайно наивным и устарелым представлением о сущности большевизма и с весьма ошибочными, оптимистическими ожиданиями его скорого падения под влиянием восстания изнутри. Я решил попытаться развенчать эти иллюзии в партийной, по крайней мере, среде. Особенно странно было, после германской революции и аннулирования Московю Брестского мира, слышать старую добрую версию о большевиках как “немецких шпионах”. Нам, только что расставшимся с большевистской Россией, было

прямо—таки дико узнать, что эта идейная дребедень еще имеет цену в белом лагере. Дико и досадно, ибо для успешной борьбы с противником нужно прежде всего узнать его подлинную сущность, его действительно сильные и действительно слабые стороны. И прежде всего нужно было сказать об этом без всяких прикрас и подходов своим политическим друзьям.

Правда, в “Сибирской речи” общий тон доклада был смягчен и сделан “удобным” для большой публики. Но основные мысли были переданы верно. Потом редактор газеты А.И.Булдеев говорил мне, что сам “ретушировал” некоторые места отчета, дабы не получилось впечатления “чрезмерно восхваления большевиков”. Я ему был благодарен за это ретуширование, хотя оно и не везде было удачно. В публичной лекции я сам говорил бы иначе, хотя сказал бы, конечно, то же самое.

Начал я с критики методов наблюдения. При оценке состояния России нельзя исходить только из непосредственных личных впечатлений, конечно, крайне тяжелых, кошмарных: голод, забитость, террор. Но необходимо расширить поле наблюдений, продумывать наблюдаемые факты.

Все предсказания о близком конце большевизма не оправдываются. Нужна величайшая осторожность в подобных прогнозах. Нужно понять, почему большевики держатся и как они могут пасть.

Затем изложил я сущность большевистско—германских отношений. Германофильство большевиков обуславливалось необходимостью игры на мире. После же Бреста положение изменилось, и Москва даже стала, как известно, заигрывать с державами Согласия. Но это заигрывание кончилось неудачей, ибо союзники могли пойти навстречу Советам лишь в случае возобновления последними войны с Германией, на что большевики пойти ни в коем случае не хотели. Не из “германофильства”, конечно, а по соображениям внутренней политики. Дружба Ленина с Германией была не более как браком по расчету, и этот расчет оправдался для Москвы фактом германской революции.

“Нужно заметить, — говорит докладчик (цитирую по “Сибирской речи”. — Н.У.), — что в Ленине одновременно с беспредельным фанатизмом уживается трезвый, реальный ум...”

Далее давалась общая характеристика советского режима и состояния населения. “Настроение у всех угнетенное, подавленное. Все пропитаны ненавистью и злобой к большевикам. Большевики — противники упрямые и фанатические. Их власть ни в коем случае нельзя сравнить с романтической властью Керенского. И мы, мне кажется, во многом должны поучиться у них в смысле решительности и настойчивости”.

Описывал террор во всем его ужасе. Предостерегал от доверия к вестям о взаимной борьбе между большевиками. “Не так давно циркулировали слухи о состоявшемся будто бы аресте Ленина Троцким. Все это, конечно, вздор. Я полагаю, что и впредь ожи-

дать этого трудно. Между Лениным и Троцким процветают самые дружеские отношения. Троцкий на всех митингах в своих речах отдает предпочтение Ленину”.

Мне было необходимо доказать, что расчеты на “внутренний взрыв” ошибочны и что Белое движение должно рассчитывать только на себя самого.

Страна покорена и покорна. “Все ненавидят, но все боятся проявить эту ненависть... Всеми овладело какое-то мирное омертвление и отупение... Докладчик рассказывает о проекте 10-миллиардной контрибуции на крестьян. Каждому двору приходилось бы заплатить тысяч до трех. Докладчик разговаривал с крестьянами:

— Заплатите?

— Что ж делать, как-нибудь заплатим...

И вот такая покорность, добытая террором, охватила всех”. То же и в Красной Армии. Передавал слова красноармейца о наказаниях и дисциплине:

— Бывало, при царском режиме, ну, там посадят под арест... А теперь — расстрел... Да, оно, конечно, и правильно, потому многие заслуживают этого. С нашим братом ведь трудно справиться.

Затем рассказывал об интеллигенции. Упомянул об актерах, примирившихся с Луначарским (это произвело большое впечатление)⁹, а затем сформулировал вывод:

— Нужно сконцентрировать все силы и нанести удар извне, отсюда. Там все ждут освобождения извне. Будем надеяться только на себя, на Белое движение и на Белую армию.

После доклада задавали вопросы. Помню, определенно почувствовал известное психическое различие между человеком, только что выбравшимся из Красной России, и людьми, акклиматизировавшимися в белой. Многим заметно не понравилось “уважительное” отношение к большевикам. Казалось странным отрицание их “шпионского” существа, когда на этот счет “есть документы”. Кудрявцев говорил, что, “по его сведениям”, крестьянские восстания охватили всю страну, и что мой прогноз в этом отношении является чересчур пессимистическим. Больше всего, повторы, произвел почему-то впечатление рассказ о чествовании Луначарского московскими артистами во главе с Южиным¹⁰ и Ермоловой¹¹.

Конечно, выдерживая свое обобщение в этом объективном и даже “благоприятном” по адресу большевиков тоне, я абсолютно не таил в себе каких-либо “примиренческих” планов. Необходимость всемерной помощи Колчаку в его борьбе не вызвала тогда во мне никакого сомнения. Кошмарность жизни в России была настолько самоочевидна и разрушительная работа большевиков столь бесспорна, что серьезное противобольшевистское движение, уже имевшее за собою всю Сибирь, не могло не приветствоваться самым решительным образом. И только нужно было, чтобы оно осознало всю грандиозность своей задачи, всю силу врага и не

обольщалось бы ожиданием помощи с той стороны, откуда она не могла прийти. (Январь 1922 г.).

Потом пришлось мне теснее и непосредственнее войти в жизнь кадетского комитета. Но первое впечатление оказалось в общем верным. Наиболее колоритной фигурой был, несомненно, Жардецкий¹², с которым я познакомился, и довольно близко, уже потом. Он издавал газету “Сибирская речь”. Я поместил в ней несколько статей — до появления нашего “Русского дела”. Тон газеты, впрочем, во многом мне не нравился: в нем отражалась импульсивность Жардецкого.

Кадетская среда, какова бы она ни была, оказывалась политической основой колчаковской власти. Хотя омские министры не входили в кадетский комитет, по существу они были кадетами; кадетскими были и правительственная идеология, и правительственная программа. Правда, этого не признавали — власть должна быть “надпартийной”, но это было так. И Новгородцев¹³ был прав, квалифицируя нашу гражданскую войну как “войну большевиков с кадетами”.

Перед самым переворотом 18 ноября состоялась в Омске кадетская конференция, где по докладу В.Н.Пепеляева¹⁴ была принята, в сущности, “переворотческая” резолюция.

“В уфимском совещании¹⁵, — признавала партия, — государственные силы допустили ошибку, пойдя на компромисс с негосударственными и антигосударственными элементами”. Это был открытый выпад против Директории, доживавшей тогда свои последние дни.

И дальше: — “Партия находит, что власть должна освободить страну от тумана неосуществимых лозунгов, которые в наших условиях являются фикциями, самообманом и обманом. Партия не признает государственно-правового характера за съездом членов Учредительного Собрания и самый созыв Учредительного Собрания данного состава считает вредным и недопустимым”. Пепеляев проводил резкую разграничительную черту между Директорией, с одной стороны, и Советом Министров — с другой. Тактическая цель этого разграничения ясна: в кругах Совета Министров зрел колчаковский переворот. “Принимая во внимание, — говорилось в резолюции Пепеляева, — наличность обстоятельств, предопределяющих до некоторой степени преемственную связь между Советом Министров и Сибирским правительством, подающую надежду на принятие государственно мудрых решений, партия считает необходимым оказать Совету Министров поддержку”.

Совершенно очевидно, что Пепеляев и Жардецкий были в курсе готовящихся событий. 16 ноября Пепеляев прочел свой доклад, 18-го произошел переворот, ликвидировавший Директорию. Кадетская партия стала, как это и признал публично Клафтон на следующей ее конференции, “партией государственного переворота”.

Однако, не следует думать, что если правительственная среда

в Омске была кадетской, то и политическое влияние кадетского комитета было велико. Ничего подобного. Напротив. Наш комитет был в сфере практической политики весьма мало влиятелен, да он и не добивался влияния. Мы помнили директиву последней московской конференции о “взлете над партийной позицией” и не претендовали ни на какое водительство. Да оно было бы и не под силу Восточному комитету. Партия, став фактически правительственной, отдала власти своих наиболее сильных людей, вошедших, однако, в правительство диктатуры персонально, а не по уполномочию комитета. Пепеляев, Тельберг, Ключников, Третьяков¹⁶, Червен-Водали¹⁷ и многие другие деятели правительства были кадетами. А кто не был кадетом, тот оказывался по существу кадетоидом. Но ничего подобного “партийному правительству” при всемогущем ЦК в Омске, разумеется, не было. Министры-кадеты были и принципиально, и фактически абсолютно независимы от Комитета. Восточный комитет¹⁸ вел себя в достаточной степени тихо и безбидно (иначе и не мог себя вести), не командуя министрами, а, напротив, посильно им помогая. Ряд его членов так или иначе был связан с правительственным аппаратом. Но ни о какой “неписаной субординации” или “двух линий” (правительственной и партийной) в Омске не было и речи.

Становясь властью, кадетизм прятал свое знамя. Пожалуй, было в этом нечто для него трагическое... и симптоматичное. Прощает ли история такие акты, такие жесты? Мы не задумывались тогда об этом. А теперь, в сущности, поздно и думать...

P.S. Привожу в заключение резолюцию майской конференции кадетской партии подкладам тактическому (Клафтон) и международно-политическому (моему). Эти резолюции хорошо отображают наши тогдашние политические установки.

Резолютивные тезисы по тактическому докладу

1. Партия народной свободы и ныне, в полосу глубоких потрясений, переживаемых Россией, непоколебимо тверда в своих основных стремлениях видеть Россию великой, сильной демократией с государственной организацией, воплощающей начало участия всего народа в деле государственном, со всеми признаками правового государства, с политикой, одухотворенной принципами социальной справедливости, в духе своем общенародной, укрепляющей в народе привычки свободы, сочетанной с глубокой укорененною дисциплиною права.

2. Конференция считает необходимым провести в общественном сознании резкую и ясную отграничительную черту между потребностями исключительного переходного времени, диктующими суровые военные и полувойенные меры, и необходимыми учреждениями и нормальными методами управления после воссоединения и умиротворения России. Для помянутых военных и полувойенных исключительных учреждений должны быть установле-

ны законом точные пределы ведомства, власти, равно как и формы и обряды действия.

3. Должно быть проведено тщательное согласование органов власти гражданской с органами власти военной, причем необходимо, во-первых, точное разграничение функций обеих групп исполнительной власти, во-вторых, в области распоряжений административного характера признание преимущественного значения власти гражданской.

4. Будущий образ правления должен быть установлен согласно воле всероссийского Национального Собрания с учредительными функциями.

5. В настоящее время конференция настаивает на временных исключительных мероприятиях государственной власти, которые по существу соответствуют совершенно исключительным обстоятельствам политической жизни и положения государства, внутреннего и внешнего.

6. Конференция полагает, что существующий порядок отправления верховной власти должен быть формально разъяснен в смысле принадлежущего Верховному Правителю права назначения и увольнения министров.

7. Не считая в настоящий момент целесообразным создание в системе нашей государственной власти какого-либо нового учреждения, безразлично — будет ли оно законодательным, законосовещательным или законоподготовительным, конференция считает возможным, в интересах более тесного общения правительства с общественностью, образование особого совета при Верховном Правителе, путем его указа, из лиц, им назначенных.

8. В местностях, освобождаемых от большевиков, власть не может строиться по принципам нормального времени, равно как невозможно восстановление деятельности переходных революционных самоуправлений. Земские и городские управы, впредь до новых выборов, должны быть назначаемы правительством из общественных деятелей. Администрации должно быть предоставлено законом право роспуска городских дум и земских собраний и назначение новых городских и земских выборов.

9. Провозглашая необходимость исключительных полномочий военной и гражданской власти во время гражданской войны, конференция признает необходимым усилить ответственность за произвольные и противозаконные действия исполнителей. Конференция призывает их к сознанию великой ответственности перед родиной и законом и особенно к заботливой охране прав и собственности населения, помня, что война ведется на территории родной страны.

10. Конференция считает насущным урегулирование вопроса о государственных чиновниках и подчеркивает необходимость улучшения материального обеспечения чиновников и рабочих (этот пункт передается в изложении, а не в подлинной редакции. — Н.У.).

11. Конференция считает необходимым поднятие производительности сил сельского хозяйства и промышленности — на основе свободной торговли, поскольку она не чужда спекуляции (то же. — *Н.У.*).

12. Конференция отмечает важность вопроса об обеспечении продовольствием и деньгами освобождаемых от большевиков местностей (то же. — *Н.У.*).

13. Конференция полагает, что партия народной свободы должна стремиться быть связующим российские национальные государственно мыслящие силы центром в отношении элементов, как налево, так и направо от партии н [ародной] с [вободы] стоящих.

14. Партия борется за верховенство русской культуры как государственно связующего великого исторического начала.

15. Принимая во внимание, что одной из основных создающих сил русской культуры является православие, конференция считает обязательной бережную заботливость русского государства о православной церкви, исконной и верной хранительнице исторического бытия и духовного лика России. Вместе с тем, в согласии с началами религиозной свободы и церковной автономии, конференция признает за государством обязанность обеспечения правового положения всех разрешенных законом религиозных вероисповеданий на территории России.

Резолюция по международно-политическому докладу

Третья восточная конференция партии народной свободы констатирует правильность традиционной позиции партии в области международной политики. Лишь при тесном единении с коалицией союзных и дружественных держав, возглавляемых передовыми западными демократиями, возможно доведение до конца дела возрождения великой и единой России. Партия считает, что правительство адмирала Колчака, крепкое мощью своего нравственного авторитета и своей армии, объединяющее собою все элементы подлинной демократии страны и определенно заявившее о своей международной лояльности, силою вещей является перд лицом русского народа и всего мира правомочным правительством России.

Партия полагает, что после сокращения германизма главным активным врагом человечества является большевизм. До его окончательного уничтожения не может быть действительного и прочного мира на земле. Настоятельная задача всех народов — сплотиться в борьбе за право и культуру против сил анархии и деспотизма, стремящихся овладеть миром под знаком социальной революции. В этом отношении борьба возродившейся русской армии против большевистской власти становится фактором мирового значения и смысла и делом не только русского народа, но и всего культурного человечества.

Первая резолюция — по тактическому докладу — была написана Жардецким. Бросался в глаза характерный для Жардецкого

витиеватый ее язык. Помню, я довольно тщательно ее выправлял, но не столько по существу, сколько стилистически, именно освобождая ее от тяжелой витиеватости. Она детально обсуждалась в бюро Комитета. Конечно, занимался ею и Клафтон — ведь она увенчивала его доклад.

Международно-политическую резолюцию написал я, приспособившись к тактическим заданиям момента. По решению Комитета согласовал ее с Сукиным. Он вполне ее одобрил и только просил включить одну вставку — вводное предложение “возглавляемых передовыми западными демократиями”, что я и сделал.

Нельзя сказать, чтобы конференция была импозантной. Из провинции почти никто не приехал, хотя приглашения аккуратно послали всем, кому полагалось. Были омцы; проф. Мокринский, живший тогда временно в Омске, представлял томский комитет. Кажется, был кто-то от Красноярска. Ни Иркутск, ни Чита, ни Дальний Восток не были представлены вовсе. Скорее, это был “расширенный пленум” Восточного отдела, нежели заправская конференция.

Меньше всего выглядела она тогда громким “политическим событием” — даже в омских масштабах. И все же резолюция ее — характерный памятник эпохи, аутентичский документ “идеи” русского Белого движения 1919 года.

(Февраль 1924 г.).

3. В. Н. Пепеляев

Вспомнился образ несчастного В. Н. Пепеляева. Ясно, ясно представляется его большая, широкая фигура а la Пьер Безухов, его открытые жесты, приятные интонации его голоса...

Еще в Перми прочел, что он назначен директором департамента полиции — один из наиболее “одиозных” постов. Помню, как это назначение заранее привлекало симпатии к Омску — если, мол, таким людям (кадет! член Думы!) поручается полиция и если такие люди идут на такие места — значит, уж действительно “возрождение”! Ибо что может быть лучше того порядка, при котором даже полицией правят кадеты!!

Впервые увидел его в одной из нижних комнат Министерства внутренних дел. Обсуждался законопроект о “государственной охране”. Главный вопрос — об отношении начальников этой охраны на местах к управляющим губерниями. Проект исходил из принципа известной самостоятельности новых жандармов. Помню, рядом с Пепеляевым сидел какой-то типичный жандармский должковник старого времени, прочившийся, как выяснилось, на пост руководителя нарождавшегося механизма. В своих замечаниях он и ссылался постоянно на свой прежний опыт: он действительно занимал какой-то видный пост в охранке...

Таким образом, было ясно, что новый директор департамента

— человек “без предрассудков”. Поверив в необходимость диктатуры, он не боялся выводов. Он бесстрашно шел до логического конца.

...Как грустно, что для осуществления новой диктатуры во имя демократии приходилось обращаться к аппарату и, главное, людям старого режима. Таков был рок: строили Наполеона, а строился разжиженный царизм...

Затем припоминаю дни борьбы В[иктора] Н[иколаевича] с министром внутренних дел Гаттенбергером¹⁹ и его товарищем Грациановым. Эта борьба обсуждалась и в кадетском комитете, и в блоке. Сочувствие было на стороне Пепеляева. На фронте шли победы, диктатура словно оправдывала себя, а в Грацианове видели запоздалую отрыжку керенщины и времен Директории. Помимо этого, от обоих руководителей министерства слишком отдавало “провинциализмом”, а тогда был разгар “всероссийской идеологии”. И вот Пепеляев превратился в министра внутренних дел.

Несколько раз приходилось встречаться с ним в “совещании по делам печати” и бывать у него в его большом кабинете. Всегда он произвел впечатление исключительно честного, горячо убежденного человека. Но, признаться, он ни разу не заставил оценить себя как человека, сколько-нибудь выдающегося в смысле государственном. Нет, он казался человеком умным, но вполне рядным. Это нужно признать.

Во время неудач, поздним летом, он очень увлекся крестовым движением. “Нам нужно пронять народ, нужно быть понятным народу... Меня предостерегают, советуют не связывать себя с этим движением, ибо оно как будто бы может оказаться черносоленным, — но я не боюсь слов... Я знаю, что если мы останемся чуждыми народу — мы пропали”... В связи с этим своим настроением он выражал некоторую неудовлетворенность деятельностью нашего Бюро печати: “У вас там русским духом не пахнет что-то”.

Он всячески помогал организации крестоносцев, влиял в этом же направлении на Колчака. Вообще его влияние к тому времени очень возросло. Левые и оппозиция (кооператоры, Белоруссов²⁰) его ругали за реакционность, но объективно он становился душой омской власти.

Уже давно, еще в начале наших неудач и даже весной, всеми была признана полная неудовлетворительность П.В.Вологодского²¹ и его роли премьера или, как почему-то называли, “шляпы” омского правительства. Его безграничное добродушие, проявившееся в эпоху Сибирского правительства, чересчур мало годилось для главы “всероссийской” власти. Кажется, и сам он готов был сознать свою “усталость” и не слишком держался за власть.

Однако ему никак не могли найти преемника, и только в силу этого отрицательного обстоятельства он оставался премьером вплоть до самого Иркутска.

Но тут уж пришла пора “реконструкции”, и уход председателя разумелся сам собою. Нужно было найти и преемника.

Силою вещей выдвинулся Пепеляев. Правда, предлагали еще Третьякова, но его недолюбливал Колчак; и, помимо того, для Сибири он был человеком “новым”, между тем как теперь, после падения Омска, нужно было “сибирское имя”. Затем, ввиду того что новый кабинет имел задачей “сломить засилие военных”, премьером желательно было бы получить человека, авторитетного в военной среде.

Этим требованиям, казалось, удовлетворял Пепеляев. Сибиряк, член Государственной думы от Томской губернии, он должен был быть известен местному населению, а его связь в братом, ген. Анатолием Пепеляевым²², обеспечивала ему влияние на военные круги. Так говорили. Помимо этого, он имел административный опыт и был знаком хорошо с правительственным механизмом.

Но была и некоторая трудность с его кандидатурой. Новое правительство по плану сфер должно было быть непременно “либеральным”, а он не без основания стяжал себе славу столпа колчаковской диктатуры, наиболее чуждого каким-либо компромиссам налево. Конечно, его назначение не могло не быть истолковано оппозицией в смысле, самом нежелательном для правительства.

Помню, как Червен-Водали сначала восставал против кандидатуры Пепеляева, явно предпочитая ей третьяковскую. Суетился в том же направлении и Волков²³. Что касается меня, то, вполне понимая полную неувязку Пепеляева с “демократическим курсом”, я готов был выбрать скорее Пепеляева, чем демократический курс.

Однако через два-три дня выяснилось, что кандидатура Пепеляева окончательно прошла и что он одушевлен самыми демократическими намерениями. Червен-Водали вполне примирился с ним после длительной беседы и предложения занять пост управляющего Министерством внутренних дел. Сам этот выбор свидетельствовал, насколько “сдвинулся” со своей позиции В.Н. Пепеляев.

Я видел его в Иркутске перед своим отъездом в Читу. От имени кадетского комитета мне было поручено принести ему поздравления и заверения во всемерной поддержке. Он произвел тогда на меня после длительной беседы и предложения занять пост управляющего Министерством внутренних дел. Сам этот выбор свидетельствовал, насколько “сдвинулся” со своей позиции В.Н. Пепеляев.

Я видел его в Иркутске перед своим отъездом в Читу. От имени кадетского комитета мне было поручено принести ему поздравления и заверения во всемерной поддержке. Он произвел тогда на меня после длительной беседы и предложения занять пост управляющего Министерством внутренних дел. Сам этот выбор свидетельствовал, насколько “сдвинулся” со своей позиции В.Н. Пепеляев.

В Экономическом совещании Кроль²⁵ подчеркнул эту вооду-

шевленную искренность нового премьеры: “Я охотно верю, что он будет теперь разрушать реакционные методы управления с таким же рвением, с каким он их насаждал”...

Он уехал в Ставку, обещая вернуться через 8 дней и привезти с собою Верховного Правителя, которого необходимо было вырвать из атмосферы генеральских настроений. В Ставке он, кажется, горячо отстаивал свою новую программу, победил ген. Сахарова,²⁶ спорил с Колчаком, мирился,— но в Иркутск он приехал уже не премьером, а пленником чехов, а затем революционной власти... А 7 февраля в 5 часов утра он был расстрелян вместе с Адмиралом. Говорят, ему очень не хотелось умирать, и в последние часы даже присутствие духа ему изменило...

(Апрель 1920 г.).

4. Русское Бюро печати

Решил припомнить историю организации “Русского Бюро печати” в Омске. На мне вообще лежит не исполненный еще долг рассказать подробно о “сибирском Осаге”. Правда, его не травят пока столь ожесточенно, как денкинский, но отдельные выпады уже приходится встречать. За смертью Клафтона разобрать их основательность, объективно изложив его историю, надлежит не кому иному, как мне. Болдырев ведь тоже погиб²⁷, да он и не был в курсе дела.

Сейчас попробую припомнить по порядку события моей жизни, относящиеся к тому времени и связанные с возникновением Бюро печати.

В Омск приехал я 3 февраля на должность юрисконсульта Управления делами Совета Министров. Но уже 8 февраля Тельберг, узнав о моей причастности к миру “печатного дела”, предложил мне перейти на пост управляющего Отделом печати при том же Управлении делами:

— Это Вам будет и по службе повышение. Сейчас Вы — в должности пятого класса, а предлагаемый мною Вам пост — четвертого (Тельберг был органически склонен придавать “классам” большое значение). А Отдел печати нужно поставить, наконец, как следует. Нынешний заведующий не годится, я уже давно решил его сменить — он чужд элементарной политической грамотности... Вот возьмите, например, сегодня — и он с возмущением протянул мне “Правительственный вестник” — РТА пропускает телеграмму о том, что канадские рабочие союзы требуют эвакуации из Сибири канадских войск! У человека ни малейшего чутья! Как отразится эта телеграмма у нас в Омске?!.. Нет, это дальше нетерпимо!

Хотя степень бездарности и политической безграмотности бедного управляющего Отделом не вполне выяснилась для меня из приведенного примера, но перспектива променять скучную служ-

бу в юрисконсультстве на живую и привычную работу мне не могла не показаться привлекательной. Я попросил день-два на размышление, заявив, что принципиально не имею возражений против предлагаемого перехода. Нужно лишь посоветоваться с ближайшими политическими друзьями.

Тельберг тогда поспешил спросить, к какому политическому течению я примыкаю, и видно было, что этот вопрос представляется ему весьма существенным. Узнав о моей принадлежности к кадетской партии, он был вполне удовлетворен. Чувствовалось, что это как раз то, что нужно.

Вскоре я узнал некоторые дополнительные объяснения косых взглядов свыше на Отдел печати: г. Манкевич, стоявший во главе его, был эсером, равно как и помощник его, известный поэт Вяткин, тоже придерживался ориентации, неблагоприятной по эсерству. Впрочем, нельзя не прибавить, что ведение дела в отделе заслуживало критики не столько с политической, сколько с технической точки зрения. Но, конечно, в душе Манкевич вряд ли особенно симпатизировал колчаковскому правительству, хотя внешне оставался ему лоялен до конца. Эсером в то время он был уже, несомненно, “липовым”...

О предложении Тельберга я сообщил Ключникову, который в то время был еще в Омске, и он мне посоветовал побеседовать по этому поводу с Клафтоном, ибо последний как раз замышляет организовать большое информационно-агитационное предприятие, но только не правительственное, а общественное. Чтобы избежать параллелизма работ, нужно договориться. Побеседовать с Клафтоном необходимо вдобавок и потому, что он состоит председателем “восточного отдела Центрального Комитета” кадетской партии.

С первых же слов Клафтон стал убеждать меня предпочесть работе в “бюрократическом” Отделе печати участие в “независимой” и “общественной” организации, которая намечается помимо правительственной инициативы. Несравненно легче и успешнее пойдет дело, если его не будет стеснять “табель о рангах” и казенная формалистика. Само правительство заинтересовано в наиболее целесообразной постановке агитационного и информационного аппарата, а такая постановка возможна лишь тогда, когда на нем не будет официального, казенного штампа. В политическом отношении намечающаяся организация будет всецело стоять на точке зрения всемерного признания и всесторонней поддержки Верховного Правителя и предполагает установить тесный контакт с правительством. Но прямого, служебного подчинения быть не должно — оно губельно для живого дела.

— Мы должны остаться, — горячо доказывал Клафтон, — свободными и независимыми общественными деятелями и не превращаться в правительственных чиновников. Только тогда наш голос будет иметь вес и только тогда мы сможем создать действительно жизненное и актуальное дело...

На вопрос о средствах я получил ответ, что таковые обеспечивает Военно-промышленный комитет, при коем и будет состоять предполагаемая организация. Постановка же дела, его идейное содержание всецело определяются руководителями организаций, которым в этой области предоставляется полнейшая самостоятельность и гарантируется абсолютное невмешательство...

Беседа с Клафтоном заставила меня задуматься. Будучи под влиянием уроков революции и впечатлений Советской России, я все не мог привыкнуть к тому противопоставлению “правительства” и “общества”, которым широко оперировал мой собеседник. Такое противопоставление невольно казалось устаревшей старорежимной отрыжкой. И правительство, и общество стояли перед единой непререкаемой задачей победы над большевизмом, “правительство” было выдвинуто “обществом”, правительство воистину было нашим правительством — зачем же какие-то кивки и ограничения? “Службы” у этого правительства я насколько не боялся, и в этом отношении термин “чиновник” меня ничуть не шокировал.

Но с точки зрения чисто технической и деловой действительно возникали сомнения. Я уже имел случай убедиться в наличии “классовых” (не в марксистском, а в бюрократическом смысле) предрассудков у “чинов” Управления делами, начиная с управляющего. Что, если прав Клафтон и начнутся всевозможные иерархические давления, бюрократические стеснения, и в самое живое и в то же время насущнейшее делобудет внесен мертвящий формализм канцелярщины? Тут необходима почти безграничная свобода инициативы, соединенная с исключительной гибкостью и подвижностью технического аппарата, тут не уместиться в рамки, заранее фиксированные “поштатам”, и, наконец, тут необходима политическая самостоятельность руководителей, руководящихся в деталях работы не приказами, а своим собственным политическим сознанием и принимающих на себя ответственность за ход дела...

Взвесив все эти соображения и приняв в расчет, что “общественное” Бюро печати уже более или менее близко к осуществлению (на что, по крайней мере, твердо надеялся Клафтон), и притом в очень широком масштабе, я решил отказаться от предложения Тельберга, рассказав ему вполне откровенно о создавшемся положении вещей. Тем более что, по словам Клафтона, Тельберг уже осведомлен о планах Впрома* и не имеет основания относиться к ним отрицательно. Кстати сказать, выяснилось, что еще до моего приезда Тельберг предлагал пост управляющего

* Военно-промышленный комитет.

Отделом печати Клафтону, но тот отказался по соображениям, изложенным выше.

Итак, убежденный доводами Клафтона, я сообщил Тельбергу, что решил воздержаться от перехода в Отдел печати. Выяснилось, что он действительно осведомлен о проектирующемся общественном Бюро печати и вполне сочувствует этому проекту. Из разговора вытекало даже, что желательна более серьезная реформа информационного аппарата Омска: раз возникнет солидная общественная организация, политически близкая правительству, стоит ли параллельно ей содержать официально-правительственный Отдел печати? Не лучше ли передать ей и телеграфное агентство РТА, и бюро иностранной информации, входящие в этот Отдел? Необходимо усилить и развить пропаганду правительственной идеологии, “нужно здесь брать пример с большевиков” (сколько тысяч раз приходилось тогда слышать эту справедливую фразу!), и правительство охотно окажет всяческое содействие солидной и авторитетной организации, преследующей эту цель, буде такая организация возникнет. Этот вопрос нужно срочно двинуть вперед.

Видно было, что Тельберг вполне серьезно сознает все огромное значение информационно-агитационной деятельности в гражданской войне и вполне искренно хочет ее наладить. У меня вообще создалось впечатление, что с ним можно работать. Своими настроениями я поделился с Клафтоном, и с тех пор работа по созданию Бюро пошла более энергично. Но все же предстояло еще преодолеть достаточно препятствий. Проект уже перерос возможность Впрома, и дальнейшие разговоры мы вели непосредственно с правительством, главным образом в лице Тельберга.

Таким образом, от участия в правительственном Отделе печати я устранился, обещав рекомендовать вместо себя какого-либо подходящего для этого человека. В юрисконсультской части мне назвали на сей предмет некоего С.П.Руднева, бывшего судебного деятеля, кажется, Симбирской губернии, а затем члена Церковного Собора и общественного деятеля, не чуждого прессе²⁸. Я отправился в Министерство юстиции, где он служил, и, разыскав его, сообщил о своих видах на него. Он пошел навстречу, и мне оставалось лишь явиться вместе с ним к Тельбергу, что мы и сделали...

Впоследствии с этим Сергеем Петровичем Рудневым мне доводилось неоднократно встречаться, и нельзя не признаться, что трудно было найти человека, менее подходящего, чем он, к тому посту, на который я его рекомендовал. Человек, правда, отменно почтенный, он, однако, являл собою тип классического “паникера” из дальних беженцев, всегда наполненного всевозможными обывательскими слухами, вечно напуганного и готового “бежать дальше”, безнадежно обремененного какими-то мелкими заботами и думающего исключительно о спасении живота своего... Это, впрочем, не помешало ему — а может быть, и помогло — оказаться через пару лет “министром” Приморского правительства у

братьев Меркуловых во Владивостоке, куда он весьма заблаговременно поспешил скрыться из Омска... Вспоминаю, между прочим, как беспощадно издевался над его нравом покойный Д. В. Болдырев, с которым он жил в Омске в одном доме... Назначение его в Отдел печати почему-то так и не состоялось, ко благу и его самого, и Отдела печати.

О своей беседе с Тельбергом я, конечно, немедленно сообщил Клафтону, и мы спешно разработали схему организации. Должно быть учреждено акционерное общество, в котором в качестве пайщиков примут участие Вонпром, Союз маслодельных артелей и правительство через заранее определенных лиц. Будет выбрано Правление, на которое ляжет обязанность ведения всей хозяйственной, материальной стороны дела. Правление же приглашает директора-распорядителя Бюро печати, который ведает всей "редакционной" частью, т.е. идейной стороною дела. В определении характера и облика организации он вполне автономен, и Правление не имеет права давать ему на этот счет какие-либо директивы; оно должно ему доверять. Таким образом, достигалась независимость организации от прямого давления правительства и от пресловутой "табели о рангах". Таким образом, общественные деятели, возглавляющие Бюро, получили возможность оставаться общест вен н ы м и деятелями, свободными в своем отношении к правительству и поддерживаемыми его не "по должности", а за совесть. Сохранялась и весьма ценная для нас возможность критики правительства, даже известного политического расхождения с ним (в Иркутске эта возможность стала до некоторой степени действительностью). Вместе с тем правительство мы имели перед собою как цель — оно не заслонило от нас ведомственной иерархией, что неизбежно произошло бы, если бы мы были правительственным учреждением, подчиненным управделу и его помощникам. Все это представлялось нам чрезвычайно важным для актуальности предстоящих работ и их успеха.

Схема наша и тогда, и после, когда она осуществилась, встречала много возражений, из коих наиболее часто повторялось следующее.

Позвольте, говорили нам, если материальные средства, на которые существует ваша организация, исходят прямо или косвенно от правительства (Вонпром и маслоделы ведь тоже живут казенными субсидиями), то о какой же "независимости" своей можете вы говорить? Вы становитесь фактическими слугами власти, только с фиговым листком "общественности", никого не могушим обмануть. Группы и органы прессы, оппозиционные правительству, высказывали эти утверждения в грубой форме, с обычной терминологией — "услужующие", "рептилии" и т.п. Аналогичное суждение не постеснялся высказать постфактум даже и один из членов омского правительства, г. Гинс, в своей книге "Сибирь, союзники и Колчак", изданной в 20 году в Харбине. Именно, он с осуждением отнесся к тем людям, которые, мол, получая деньги от правительства, в то же время не хотели стать просто чиновниками, а

предпочитали выступать в качестве “независимых общественных деятелей”...

В этих замечаниях и выпадах было много демагогии и достаточно недомыслия. Они основаны на каком-то рабьем, вульгарном представлении о государственной власти и свойствах казенных денег. Они слишком элементарно оценивают формы политических связей и политической жизни в государстве. Вместе с тем они игнорируют самую природу агитационно-информационного дела, а также и ту обстановку, которая тогда создавалась в Омске.

Я совершенно не могу понять, почему общественный деятель, руководящий организацией, полезной государству и материально поддерживаемый государственной властью, должен непременно “терять свое лицо” и переставать быть общественным деятелем. Почему он или должен превратиться в чиновника такого-то класса, или становится “рептилией”, лакеем, должествующим лишь дено и ночью “славить своего госопдина”? Мне кажется, что и “господином”—то такого общественного деятеля нужно считать отнюдь не правительство, “дающее ему (?) деньги”, а родину, нуждающуюся в его труде. Когда в эпоху войны общественные организации вроде земского и городского союзов в широком масштабе развивали свою деятельность, то разве только мракобесы протестовали против известной независимости и общественного характера этих организаций, “действующих на казенные деньги”. А.К.Клафтон, старый земец, немало поработавший на войне, особенно любил эту аналогию...

По своей идеологии мы были не только лояльны власти Верховного Правителя — в нас жил “пафос” этой власти, которым тогда горели все кадеты, за весьма немногими исключениями. Мы верили в “белую мечту”, мы хотели в нее верить и готовы были всеми силами содействовать ее победе. Конечно, правительство могло нас считать своими друзьями, вернее, друзьями своего дела, и мы менее всего скрывали нашу политическую веру. Но из всего этого, разумеется, ни в какой мере не вытекало, что мы обязаны с восхищением относиться ко всякому шагу Омского правительства и лишиться себя права выявления с в о е й точки зрения на тот или иной вопрос политической действительности. Превратись мы в официальных агентов власти, в государственных чиновников, — мы, естественно, принуждены были бы убить в себе политических деятелей. Это следовало бы сделать, если б от этого выиграло дело агитации и пропаганды “омской идеи”. Но было много оснований (даже и чисто технических) полагать, что оно от этого не выиграет, а проигрывает, и жертва наша пропадет даром.

Иначе говоря, изъятие информационно-агитационного аппарата из сферы непосредственного ведения правительственных органов и передача его в руки, дру ж е с т в е н н ы е правительству, представлялись актами, выгодными самому правительству, полезными для его дела. Чтобы развить в надлежащих размерах информацию и пропаганду, благоприятную белой идее, необходима была солидная и авторитетная организация, каковой, конечно, не

мог быть Отдел печати в недрах Управления делами... Логически представлялся еще один выход — создание специального Министерства пропаганды во главе с авторитетным политическим деятелем (этот выход выбрал Деникин своим “Освагом”), но и он не был лишен известных неудобств, чересчур связывая пропаганду официальным правительственным содержанием и чересчур связывая правительство содержанием каждого агитационного листа, каждой газеты, носящей штампель министерства пропаганды...

Особенно много возражений создание правительственного органа “осважного” типа встречало со стороны тех, кто знал обстановку деятельности омского Совета Министров. Постоянные внутренние трения, отсутствие единства, нередко чисто личная взаимная борьба министров, интриги и придирки — все это не сулило спокойной и плодотворной работы столь хрупкому и перманентно “обнаженному” аппарату, как информационно-агитационное Бюро. То, что большевики преодолевали непреклонною силой партийной дисциплины, у нас грозило погубить дело. И для того, чтобы его наладить, тем настоятельнее представлялась необходимость поручить его группе общественных деятелей, технически к тому подготовленной и вместе с тем сплоченной единством политического мирозерцания, близкого идеологии правительства.

Я несколько не сомневаюсь и сейчас, что если бы в Омске не было организовано Русское Бюро печати и правительство сохранило его функции у своих органов, не удалось бы развить и десятой части той энергии, которая была развита нашим Бюро... , увы, столь безрезультатно! Но вопрос о результате должен обсуждаться, конечно, уже в иной плоскости и в иной постановке.

Здесь же я считаю нужным сказать, что за все время существования Русского Бюро печати правительство относилось к нему вполне корректно. Нам была предоставлена действительная свобода политической пропаганды и информационной работы, никакого давления со стороны правительства мы не испытывали. Конечно, мы с ним поддерживали постоянный контакт, но это требовалось интересами дела. Особенно тесен был этот политический контакт в области иностранной информации, что вполне естественно, ибо мы менее всего хотели действовать вразрез с внешней политикой Омского правительства. Общие информационные телеграммы, отправляемые нами ежедневно нашим заграничным отделам, всегда предварительно просматривались министром иностранных дел. Но было все же несколько случаев, когда мы послали информацию даже вопреки мнению министра, зачеркнувшего соответствующие телеграммы. Помнится, это касалось каких-то печальных известий, о которых Сукин предпочитал умолчать, а мы и без того неоднократно подучали от наших заграничных агентов — особенно от Тырковой²⁹ И Ростовцева³⁰ из Лондона — упреки в “официальном оптимиз-

ме” наших сведений, опровергаемом информацией из других источников...

Деловой контакт с Мининделом, с другой стороны, отнюдь не препятствовал нам как политическим деятелям высказываться совершенно свободно в прессе потому или иному вопросу внешней политики. Ошибочно или нет, но в своих статьях я неизменно проводил русскую великодержавную точку зрения, совпадая в этом отношении во взглядах с екатеринодарским Национальным Центром³¹ и расходясь с парижским “политическим совещанием”³². Кадетский комитет также вполне усвоил эту точку зрения и, несомненно, способствовал ее торжеству во всей политике Верховного Правительства.

В нас подчас хотели видеть германофилов — и совершенно напрасно. Нелепо было бы тогда провозглашать германскую ориентацию — в дни Версаля и максимальной нашей связи с союзниками! Но в то же время в своей публицистике я считал необходимым брать достойный тон и в отношении союзников, учитывая, во-первых, вероятность взаимного разлада среди них и, во-вторых, явное раздражение против них со стороны всех наших “белых” элементов. Конечно, от этого бесконечно далеко до “германской ориентации”, и поэтому, когда г. Гинсу зачем-то понадобилось обличить меня в ней, ему пришлось допустить грубейшую текстуральную передержку при цитировании одной из моих омских статей. Впрочем, по существу этой проблемы следовало бы высказаться в моих “мемуарах” отдельно и подробнее...

Наш контакт с правительством по всей линии наших работ поддерживался через Тараса Васильевича Бутова, помощника управдела и представителя правительства в Бюро (он был членом правления “акционерного общества” и принимал участие в заседаниях руководящего органа Бюро печати, происходивших еженедельно). Он оказался вполне толковым молодым человеком, с которым мы легко сработались. Правда, он был подчас не прочь напустить на себя важную осанку “настоящего правительственного деятеля”, за что ядовито был прозван “грудным сановником” (Жардецкий в “Сибирской речи”), но... кто ж из смертных без греха, да еще столь невинного? В сфере технической он нам постоянно оказывал весьма ценное содействие, а в отношении политическом никогда и не пытался навязать Бюро какую-либо задачу, расходящуюся с нашими политическими убеждениями. Осенью Бюро печати приступило к изданию большой ежедневной газеты “Русское дело” под моей фактической редакцией (и номинальной — Д.В. Болдырева). Некоторые ее тенденции были не совсем по вкусу тогдашнему управделу Г.К. Гинсу. По-видимому, Бутов получил инструкции (а может быть, и сам чувствовал душевную потребность) навести нас на путь истинный. И вот, помню, в один прекрасный день он остался у нас после официального заседания и с крайней осторожностью и деликатностью, начав издаля, отметил некоторые, по его мнению, не совсем верно взятые мотивы политической идеологии “Русского дела”: главным

образом, ему не нравилось чересчур резко отрицательное его отношение к областничеству. Сами по себе его замечания заслуживали внимания, мы поспорили, и... на этом дело кончилось. “Русское дело” продолжало вести свою линию, а Тараса Васильевича мы стали с тех пор в шутку между собою называть “Великим инспириатором”...

И лишь однажды мне пришлось иметь довольно неприятный, хотя и краткий, разговор о нашем Бюро с министром Третьяковым. Это было в Иркутске, уже на закате. Вовсю шла пресловутая “реконструкция” власти, эта *facies hippocratica** белого движения. Третьяков являлся одной из центральных фигур “нового курса”, а мы, правоверные колчаковцы, относились к нему нескрываяемо кисло. Мы слишком ясно видели, что “административная революция”, воспеваемая новыми птицами, на деле ведет к чрезвычайному ускорению... эсеровской революции в ее большевистской сущности. И откуда мы отстаивали белые позиции, мы не могли содействовать их успешнейшему разрушению белыми же руками, и притом какому близорукому, наивному разрушению!..

Мы вели с Третьяковым беседу на общеполитические темы в присутствии кого-то третьего — если не изменяет память, покойного А.А.Червен-Водала. Это было в “Модерне”, в номере С.Н.Третьякова. Наметились известные разногласия. Под конец разговор зашел о Бюро печати, о характере и направлении его деятельности, о газете “Русское дело”. Весь “омский период” был под опалой у наших высоких гостей с Юга, и я почувствовал у моего собеседника словно желание “взять новый курс” и по отношению к нашей организации. Дав мне это понять и встретив упорное непонимание с моей стороны, он определенно, наконец, заявил, что правительство вправе требовать от нас приспособления к его новому курсу: “Да, но мы хотим вас контролировать!” — возразил он на какую-то мою реплику.

Тогда я немедленно ему напомнил условия нашей работы в Бюро печати, заметив, что правительство имеет фактическую возможность в любой момент пресечь его деятельность, вернув в свое лоно телеграфное агентство и пресс-бюро. Но если оно желает иметь дело с нынешними руководителями организации, то всякую мысль о “прямом воздействии”, о политическом контроле следует оставить. Мы, разумеется, не собираемся подрывать престижа правительства, но в нашей газете будем писать то, что нам велит долг по отношению к самим себе и к той политической идеологии, которую мы исповедуем. Мы уверены, что тем самым не только не наносим ущерба национальному делу, которому служит и правительство, но способствуем его успеху. В непосредственном

* “Гиппократово лицо”, т.е. лицо, отмеченное печатью смерти (лат.).

же служебном подчинении у правительства мы не считаем себя состоящими. Мы не чиновники, а общественные деятели.

В беседу, принимавшую щекошливый колорит, вмешался А.А.Червен-Водали, и вопрос был исчерпан. Слова о “политическом контроле” не получили никакого жизненного продолжения, и в Иркутске наши отношения к правительству покоились на тех же основаниях, что и в Омске. Скептический тон по отношению к “демократическому сдвигу” нового кабинета я выдерживал до конца. События оправдали этот скептицизм...

Однако возвращаюсь к изложению истории возникновения нашего Бюро.

Схема организации была представлена нами Тельбергу. Он отнесся к ней одобрительно и обещал дать ход делу. Но этот “ход” обещал быть достаточно длинным, ибо необходимо было соответствующую ассигновку провести через Совет Министров, а значит, и убедить его в необходимости ликвидировать правительственный Отдел печати в его основных функциях. Затем предстояло создать акционерное общество, созвать “общее собрание акционеров” для выборов правления, формально пригласить Клафтона на пост директора-распорядителя Бюро печати, подыскать помещение и т.д. На все это требовалось время. А время не ждало.

Тельберг вновь обратился ко мне с просьбой заняться организацией отдела пропаганды и, ссылаясь на срочность этой задачи, предложил немедленно перейти из юрисконсультской части на пост директора “Пресс-бюро” при Отделе печати. “Когда проектируемое Общество окончательно организуется, — говорил он, — Вы вместе с Вашим Пресс-бюро войдете в него, безболезненно утратив непосредственную связь с государственной службою. Но нам необходимо спешить. Пока Ваша организация еще не работает, попробуйте наладить хоть правительственное Пресс-бюро”.

Я не считал себя вправе отказываться от этого вполне резонного предложения и в двадцатых числах февраля перешел на службу в Отдел печати при Управлении делами Верховного Правителя и Совета Министров. Управляющим Отделом печати оставался Манкевич, превратившийся, таким образом, в мое “начальство”. Но по всем более или менее существенным вопросам Тельберг просил обращаться, минуя Манкевича, непосредственно к нему самому.

Отдел печати в то время состоял из пяти отделений, причем пятое — Пресс-бюро — существовало еще только на бумаге, и моей задачей было воплотить его в жизнь. Остальные четыре уже функционировали. Это были: 1) “Правительственный вестник” под редакцией самарского журналиста кадета В.А.Кудрявцева; 2) “Бюро обзоров”, обязанность коего заключалась в реферировании сибирской (а по мере возможности и большевистской) прессы для членов правительства и высших чиновников, во главе с Г.А.Вяткиным; 3) Российское Телеграфное Агентство (РТА) под руководством только что передо мною назначенного С.Б.Свер-

женского, совсем еще молодого, но способного человека, профессорского стипендиата Петербургского университета и ярого кадета, молившегося на Милюкова; 4) Бюро иностранной информации, задача которого состояла в осведомлении заграничные белой Сибири и в осведомлении правительства о настроениях заграничных общественных кругов и прессы; заведовать этим отделом был приглашен некий Л.В. Арнольд, знакомый с английским языком, способный и бойкий молодой человек, тип бульварного журналиста, прекрасно выведенный в лице его однофамильца Антошки Арнольдова гр. Алексеем Толстым в “Хождении по мукам”.

Что касается Пресс-бюро, то его функции должны были заключаться в изготовлении агитационной литературы всех сортов и в снабжении ею населения и, главное, фронта, а также в питании полезными статьями дружественной правительству прессы на территории всей Сибири (так наз. “циркулярные статьи”). Обе задачи — первостепенной важности (особенно первая), и между тем к их осуществлению даже не приступали, хотя власть существует уже четвертый месяц! Большевики забрасывают наши окопы своей литературой, сибирская деревня коснеет в полной тьме, а наше Пресс-бюро живет только во образе “штатов”, да и по штатам обслуживать его полагается всего-навсего семи или восьми человеками!..

Первые впечатления мои были безотрадны. Вопиющее отсутствие технических средств, даже пишущих машинок, не говоря уже о бумаге для “миллионов листовок, брошюр, плакатов”, отсутствие персонала, погружающее меня в какое-то жуткое одиночество посреди океана стоящих передо мною задач, отсутствие помещения, заставляющее меня ютиться в углу кабинета Манкевича, абсолютная непроторенность путей работы и незнакомство с “смежными” учреждениями, долженствующими принимать от нас литературу и распространять ее (да и есть ли таковые?), — все это не способствовало чрезмерному оптимизму. Но что ж поделаешь, — значит, нужно налаживать дело с самого начала! “Нужно начинать с азав”.

Принялся за дело. По рекомендации (правда, очень осторожной) Тельберга нашел себе помощника, некоего П.А. Деминова, носившегося с проектами “разложения советского тыла” и обещавшего молниеносную победу над красными, как только его план будет осуществлен. Хотя это обстоятельство не говорило в его пользу, обличая в нем “человека с пунктиком”, своего рода Кулигина, “своим умом” решившего основные вопросы государственной жизни и полного неисчерпаемого самомнения, — все же решил воспользоваться его горячим желанием работать в области пропаганды и привлек в Пресс-бюро. Через несколько дней достал и канцеляриста в лице худосочного и смиренного студента, просившего службу. Манкевич уступил нам машинистку с машинкой — и работа началась.

Составил план издания ряда популярных маленьких брошюр по типу московских серий Маковского, с которым мне при-

шлось работать в начале революции. Затем обошел всех людей, способных писать, и рассовал им темы, каждому по специальности и по вкусу. Написал несколько воззваний для фронта и циркулярную статью “Провокация”, трактующую чешский вопрос и предостерегающую общество и прессу от проявления враждебного отношения к чехам, ибо, мол, всякое обострение взаимных разногласий внутри белого лагеря на руку только большевикам. Статья имела чисто тактический характер и преследовала цель предотвратить развитие антагонизма между “колчаковски мыслящими” русскими кругами и чехами, с нескрываемым недружелюбием относившимся в массе своей к перевороту 18 ноября. Но они нам были нужны, и наше национальное самолюбие приходилось прятать в карман — до более счастливых времен!..

Одновременно с этой статьей мы разослали статью В. Я. Язвицкого по международной политике. Обе статьи были напечатаны более чем в двадцати газетах различных городов Сибири, и это доказывало, что потребность в “подкреплениях” из центра определенно ощущается на местах. Но в центре дело было поставлено еще столь кустарно, что мне приходилось не только писать и добывать статьи, но и заклеивать их в конверты... Впрочем, этот примитив существовал лишь несколько дней...

Вопрос с воззваниями обстоял значительно сложнее. Тут прежде всего требовалась бумага, а достать ее было не так-то легко. При содействии Тельберга удалось три или четыре листовки отпечатать в достаточном количестве экземпляров в типографии военно-промышленного комитета и на его бумаге. Но дальше дело затормозилось. Я обратился к Манкевичу, но тот оказался бессилён оказать срочную помощь. Соответствующий технический аппарат отсутствовал. Запасами бумаги Отдел печати не обладал. А между тем время все шло и шло.

Соприкоснувшись ближе с делом, я воочию, непосредственно увидел всю огромность задач, которые в этой сфере стояли перед омской государственностью, и всю ничтожность сделанного. Мало написать толковые листовки, брошюрки, объясняющие цели правительства, мотивы его борьбы с большевиками (“За что мы боремся?”), его отношение к народу, мало их написать: нужно их напечатать. Но и этого мало: нужно их доставить на места, своевременно и по принадлежности; плохо, если воззвание к “доблестным героям” с восклицаниями: “Вы взяли Пермь, Уфу и неудержимой лавиной катитесь к Волге” — доходит по адресу тогда, когда и Пермь, и Уфа давно в прошлом и герои “катятся” к Тоболу; равным образом плохо, когда воззвания, предназначенные фронту, едут в глубокий тыл; а срочно направленные в деревню с призывом не противиться той или иной повинности попадают на передовые позиции... Но недостаточно еще и доставить литературу на места: нужно распространить ее среди масс. Но и этого мало: необходимо сопровождать ее разъяснениями, сделать ее более доступной, облегчить восприятие ее содержания солдатом и мужиком. Само собой разумеется, что для всего этого требуется огром-

ный и вместе с тем живой, подвижной аппарат. Ничего подобного не было в Омске и в зачатке. Нечего было и думать о создании такого аппарата в недрах официального отдела печати. Он был рассчитан на самые скромные масштабы и на самую кустарную “агитацию”.

Между тем наверху прекрасно сознавали всю насущную необходимость широкой пропаганды антибольшевизма. Отовсюду сыпались жалобы на полную неосведомленность населения о программе и самом облике правительства. Солдаты, по общим отзывам, постоянно признавались, что не знают, за что они “проливают кровь”. Деревня, взбудораженная революцией и не принятая коротким большевизмом, не хотела нести никаких жертв и в высшей степени враждебно относилась к мобилизациям, а следовательно, и к гражданской войне. При этих условиях максимальное развитие пропаганды представлялось правительственным и общественным омским кругам первейшей обязанностью, чуть ли не папачей. Скорее преувеличивали, чем недооценивали значение “слова” в тогдашней обстановке, ожидая от него чудес. Но опять-таки сознание это пришло с опозданием, проблема всевозможных “информаций”, “агитаций”, “просветительных курсов” становилась модной лишь к весне. Более трех месяцев, повторяю, было потеряно бесплодно. А что значил тогда срок в три месяца!..

Следует, впрочем, отметить, что на фронте при крупных воинских частях уже к тому времени действовали “осведомительные” организации, выпускавшие воззвания, телеграфную информацию, подчас газетки. Но, во-первых, все это имелось в размерах достаточно скудных, а во-вторых, представляла определенную опасность бессистемность политических ориентаций, проводившихся в этих секретных литературных ячейках, вкрапленных в армию и руководимых военными людьми. Господствовала чрезвычайная пестрота мнений в агитационной литературе армейских “осведов” — от правозсеровских до погромно-монархических тонов. Вторые были, несомненно, не менее опасны и вредны, чем первые. Во всяком случае, остро требовалось ввести известное единообразие в эту разладицу, дать общие лозунги, общую платформу.

В Омске, правда, имелось военное учреждение, на котором, по-видимому, и лежала в известной мере эта задача, — Особая канцелярия Верховного Главнокомандующего, так называемый Осканверх, под руководством талантливого литератора капитана Зубова. Но и это учреждение застыло в эмбриональном состоянии и пробавлялось эпизодическими выпусками каких-то жалких ленточек, все только обещая “развернуться”. Польза от него была трудноуловима.

Наиболее энергично действовал осведомительный отдел в Екатеринбурге при штабе генерала Гайды³⁵. С его руководителем мне довелось познакомиться в Омске. Это был не кто иной, как знаменитый впоследствии капитан Калашников³⁴, один из организаторов гайдовского восстания во Владивостоке и победитель

при Иркутске в восьмидневном уличном сражении, решившем окончательно участь Омского правительства и колчаковского движения. Один из тех эсеров, которые позже своих друзей перешли в революционную оппозицию к Омску и пытались некоторое время продолжать борьбу с большевизмом под чуждым им флагом адмирала Колчака.

Придя как-то раз на службу, я застал в кабинете незнакомого офицера средних лет, оживленно беседующего с Манкевичем и Вяткиным. Из разговора явствовало, что он только что прибыл с фронта и на днях уезжает обратно. Рассказывал о работе осведомительного отдела в Екатеринбурге. Когда меня с ним познакомили, он обнаружил удовольствие, что встретил меня, и любезно выразил желание побеседовать со мною о нашем общем деле. Я как раз в те дни собирался съездить в Екатеринбург вместе с будущим председателем правления нашего акционерного общества Н.С.Лопухиным — посмотреть типографию, которую мы проектировали приобрести, — и мы условились с Калашниковым выехать вместе или, во всяком случае, встретиться в Екатеринбурге.

Но на другой день выяснилось, что отъезд из Омска мне приходится отменить, и, чтобы предупредить об этом Калашникова (мне самому хотелось побеседовать с ним), я отправился на вокзал вместе с Лопухиным, котрый уезжал один.

Мой капитан был мною отыскан в одном из купе среди весело закусывавшей офицерской компании. Быть может, это обстоятельство способствовало чрезвычайной искренности и словоохотливости его во время нашей недолгой беседы в вагонном коридорчике. Об этой беседе я лирически вспомнил, между прочим, в одном из последних номеров “Русского дела” в Иркутске, когда мой собеседник, уже превратившийся во “врага”, во главе “народно-революционной армии” обстреливал нас, “приспешников тирана”, пулеметами и грозными приказами...

— Поверьте, — говорил он, волнуясь и спеша, — я отдаю все свои силы своей работе... Мы понимаем, что прежде всего нужно покончить с большевизмом... Нечего скрывать, мы, конечно, были противниками ноябрьского переворота, но раз он уже удался, так тому и быть... мы готовы его принять как факт. Сейчас я с мои друзья вполне лояльны Сибирскому правительству, готовы с ним вместе бороться против большевиков... Но если бы Вы знали, как трудно теперь становится работать! Демократические декларации правительства — одно, а на деле совсем другое. Поднимает голову самая настоящая реакция. Познакомьтесь с прокламациями, которые выпускаются в некоторых частях: опять старое жидовство, опять погромный стиль. Нельзя же так... А когда соблюдаешь меру, начинают тебя травить со всех сторон... Уже готовится поход на нас: “эсеровское гнездо”. А какие мы сейчас эсеры? От всякой партийности мы отказались, но не можем же мы перестать быть демократами. Победить большевиков можно теперь только через народ и во имя демократии...

И он выражал надежду, что нарождающемуся Пресс-бюро удастся найти верный политический тон и оказать воздействие на черносотенцев фронта. “Нужно их обуздать авторитетным давлением из центра”. Иначе никакая работа в духе разумного демократизма станет невозможной.

По существу мне нечего было ему возражать. В своей критике отдельных партизан и выскочек черносотенства в армии он был прав. В изложении своей политической позиции он проявлял разумную умеренность и трезвый реализм, редкий для эсера. Он казался вполне искренним и производил благоприятное впечатление. Мы расстались самым дружественным образом... чтобы через несколько месяцев оказаться “врагами” — на разных берегах политики и Ангары...

Дни шли в лихорадочной деятельности. Насколько возможно, налаживалась работа Пресс-бюро, и в то же время продолжались усиленные приготовления к осуществлению нашего большого информационно-агитационного предприятия. Сведения о нем уже проникли в общество и в печать, начались, как всегда, толки и кривотолки, причем справа, среди военных, начали кричать о “происках эсеровской компании, опять поднимающей голову”, а слева обличали “попытку кадетизации общественного мнения”. Последнее было до известной степени верно, но вместе с тем и вполне естественно, раз силою вещей именно кадеты оказывались в авангарде Белого движения, раз только на них могло опереться правительство, положила руку на сердце. Конечно, никакого умысла тут ни со стороны правительства, ни с нашей не было. Найдись беспартийная или даже умеренно-социалистическая группа общественных деятелей, готовая искренно помочь власти в ее задачах, я уверен, что власть пошла бы ей навстречу, если бы, конечно, была убеждена в ее лояльности. Однако такой группы не находилось, если не считать за такую г. Гана-Гутмана, еще зимою обращавшегося к правительству с предложением “надлежащим образом поставить дело информации”. Но это имя не без основания показалось власти недостаточно солидным и не вполне гарантирующим надежность информации, несмотря на свойственную г. Гану “легкость в мыслях необыкновенную”, а может быть, именно вследствие ее... С другой стороны, и наша группа вовсе не была и а р о ч и т о кадетской, при выборе сотрудников даже и на ответственные посты мы отнюдь не руководствовались партийными соображениями и весьма радовались, если удавалось найти дельного и надежного работника по политическим воззрениям “левее кадетов”. Но “головка” была действительно кадетской, и аннулировать это обстоятельство мы не чувствовали себя в силах, хотя и старались его не афишировать: недаром, когда Бюро реши-

ло под моей редакцией издавать большую политическую газету, то, “чтобы не приклеивать к ней партийного ярлыка”, просило Д.В.Болдырева дать ей свою редакторскую подпись, — *sancta simlicitas!*..*. Но тогда все это и впрямь казалось важным, существенным...

Если для “революционной демократии” мы представлялись реакционерами, то для настоящих “людей старого режима”, военных и штатских, мы были опасными потрясателями основ. Один из видных генералов, узнав о решении Совета Министров передать в наше ведение аппарат бывших официальных информационных учреждений, как сообщали очевидцы, топал ногами и кричал, что “эсеры и вообще демократы берут правительство тихой сапой”. А крайние правые политические деятели хотя и не путали кадетов с эсерами, что было вполне простительно Его превосходительству, но в ненависти к нам значительно опережали и его. На этой почве однажды произошел довольно курьезный казус.

Как-то раз в середине мая перед заседанием кадетского комитета в комнату заседания случайно забрел известный в Омске казанский зубр кн. Крапоткин, маленький родственник своего великого однофамильца (кадетские заседания происходили обычно в обширном здании Совета съездов торговли и промышленности, к коему кн. Крапоткин имел какое-то отношение), и вступил в беседу с собирающимися членами комитета, среди которых уже находился Клафтон. Речь зашла о Бюро печати, тогда только что приступавшем к деятельности. “Помилуйте, — пожал плечами кн. Крапоткин, обращаясь к Клафтону, которого он не знал в лицо, — что же путного может выйти из предприятия, во главе которого стоят такие господа, как Клафтон и ему подобные инородцы?!..”. Я вошел в комнату как раз в ту неловкую минуту, когда собрание смущенно переваривало пикантный эффект этой реплики. Клафтон, со своей стороны, поспешил отрекомендоваться кн. Крапоткину, и тот принялся бормотать нечто на тему, что он это высказывал не свой личный взгляд, а только “передавал то, что говорят в городе”...

Как и следовало ожидать, при осуществлении нашего плана приходилось встречать уйму трудностей и препятствий. На Клафтона, человека до крайности чуткого и до мнительности щепетильного, эти трудности и препятствия производили неизменно удручающее впечатление. У него постоянно готовы были опуститься руки, он энергично выражал желание “уйти”, но всякий раз ближайшим друзьям удавалось заставить его преодолевать себя. За нас был главный фактор — желание правительства в лице Тельберга идет навстречу, и в интересах дела мы должны были

* Святая простота (лат.)

довести наши усилия до конца. Но время тянулось, и в течение трех месяцев реальная, практическая работа все еще не могла начаться. В самом деле, уже 12 февраля я беседовал с Тельбергом о нашем проекте и в основном мы уже договорились, а в середине мая мы еще как следует не наладили работы, ожидая утверждения Верховным Правителем постановления Совета Министров о передаче в наше ведение правительственных телеграфного агентства и Пресс-бюро. И все эти три месяца нужно было выслушивать с разных сторон всевозможнейшие возражения, вежливо разъяснять азбучные истины многим авторитетным лицам (вроде министра внутренних дел Гаттенбергера), могущим так или иначе повлиять на течение дела, заботиться о подготовке персонала, подыскании помещения и в то же время выдерживать нападки политически враждебных групп, а то и лично заинтересованных людей. Все эти шероховатости и препятствия я никогда не принимал так близко к сердцу, как Клафтон, сознавая их неизбежность, но минутами они надоедали и мне. Недаром 10 мая в моем дневнике записано: “Подчас охватывает искреннейшее желание плюнуть на все это, бросить и уехать в Пермь на вакации. В конце концов скучно, досадно... Словно каждый здесь точит зубы на всех и все на каждого. Так делается национальное дело”... Но подобные минуты раздражения, когда все представлялось в преувеличенно мрачном свете, благополучно проходили, и оставалось лишь сознание объективных трудностей, без которых наивно было бы надеяться наладить такое большое и громоздкое дело.

Нужно было привлекать способных сотрудников всякой квалификации, от руководителей отделов до рядовых агитаторов и журналистов-техников. В первую очередь я решил выписать из Перми Дм [итрия] Вас [ильевича] Болдырева³³, с которым мы более или менее близко успели познакомиться за четыре месяца жизни в Перми. Достаточно было нескольких бесед с этим замечательным человеком, чтобы его оценить. Он весь искрился талантом, прямо-таки “переливавшим в нем через край”. Во всем он был оригинален и исключителен, и хотя чуть ли не с каждым утверждением его хотелось спорить, все же все, что он говорил, неизменно казалось интересным, блестящим, глубоким. И главное, за всем этим чувствовалось дыхание подлинной убежденности, живой веры. Помимо того, он уже успел проявить себя первоклассным стилистом, и его статья “Большевизм в Церкви”, напечатанная в одном из последних номеров “Русской мысли”, свидетельствовала, что он вполне у себя дома и в сфере политической публицистики. Правда, он не был политиком в узком смысле этого слова, но в эпоху всеобщего политического призыва его выдающиеся способности должны были быть мобилизованы для целей патриотической борьбы. Он сам не мог не понимать этого, и он понимал.

По общему стилю своего мирозерцания он, разумеется, был вне наших привычных политических категорий. Но если все же необходимо его в этом отношении охарактеризовать, то я назвал

бы его философской реакции. В нем, несомненно, были задатки “русского Жозефа де Мэстра”, и если бы судьба, оторвав его от чистой философии, продлила дни его земного бытия, Россия имела бы в его лице нового Леонтьева, только еще более блестящего и углубленного, более фанатичного и вместе с тем более образованного — и вдобавок вобравшего в себя весь опыт наших изумительных дней...

Теперь, “в исторической перспективе”, нетрудно убедиться, что были две опасные стороны вовлечения Д.В.Болдырева в активную политику Омска. Во-первых, его умонастроение явственно не совпадало с официальной идеологией белого движения, будучи значительно “правее” ее, а он не умел скрывать своего умонастроения и был органически неспособен к компромиссам, столь неизбежным в политике. Будучи незаурядным человеком, слишком яркой фигурой, чтобы не выдвинуться на авансцену политической жизни, он мог, при своей оригинальной ориентации, принести не только пользу, но и вред. И нельзя отрицать, что в последние дни Омска эта возможность в известной мере осуществилась: ведь это в значительной мере он внушил Адмиралу несчастную идею “защиты Омска во что бы то ни стало”, благодаря чему был смещен Дитерихс³⁶, настаивавший на своевременном, планомерном отступлении, и военное поражение превратилось в жестокую военную катастрофу.

Во-вторых, приобщение Дм[итрия] Вас[ильевича] к практической политике, которой по существу своему он был глубоко чужд, отрывало его от непосредственного его призвания и, главное, ставило под прямые удары нашей эпохи эту исключительную жизнь, столь нужную России в ином плане. Это было слишком неэкономное и нецелесообразное расходование ценностей нашего национального духа, своего рода духовное расточительство...

Но, разумеется, все такие соображения мыслимы лишь постфактум, “в исторической перспективе”. И против них легко выдвинуть один бесспорный фактический аргумент: Болдырев не был бы Болдыревым, если бы в те роковые дни не окунулся со всем энтузиазмом своим, всем своим моральным и физическим существом в трагическую эпопею борьбы русского духа с самим собой. И он погиб в этой странной борьбе, как рыцарь чести, и унес с собой в могилу прекрасные откровения мысли и слова, которыми был призван обогатить Россию и русскую культуру. Царство ему небесное!..

Чтобы охарактеризовать стиль его политического мышления, приведу один случай, запечатлевшийся в моей памяти.

Как-то в Бюро, уже в дни военных неудач, мы осуждали какой-то указ или приказ Колчака. Мероприятие, проводимое этим указом, обосновывалось, как обычно, ссылками на благо народа, волю народа, а может быть, даже и на грядущее “Национальное Учредительное собрание”. Когда речь зашла об этой мотивировке

и об отношении ее к принципу диктатуры, кто-то из нас отметил, что и диктатор должен иметь известную “опору” в народе, строить свою власть если и не на “общественном сговоре”, то на “общественном признании”, по модной тогда кадетской формуле. А следовательно, и ссылки на народ, на общественное мнение, даже, если хотите, на грядущее (а когда и как — там видно будет) Учредительное собрание не лишены осмысленного значения и основания.

Дм[итрию] Вас[ильевичу] эти рассуждения решительно не нравились. Сначала он лишь молчал и лукаво морщился, но скоро не выдержал и прорвался:

— Нет, так нельзя, так ничего не выйдет! Разве так должен говорить диктатор?!.. Это все та же немощная революционная канитель...

И вдруг, загораясь логикой собственной мысли, закончил с необычным подъемом:

— Вот язык диктатора: “Пусть будет так, потому что я хочу этого. А я хочу этого потому, что так мне велит Бог”. Вот как должен говорить Колчак!

Это было прекрасно сказано и было вполне уместно в устах русского Мэстра. Но могли ли мы, политики белого Омска, сдвинутого и изнутри, и извне, всерьез обсуждать эту формулу? Не было ли бы только *ridicule**, если бы мы подхватили ее, а Колчак усвоил и, став в позицию *a la Louis Quatorze***, бросил ее по радио всему миру с захолустных берегов Иртыша...

Но ведь “вера двинет горою”... Такую веру нес собою Дмитрий Васильевич из “мира идей”, мира “реально сущего, но никогда не бывающего”, в сумрачный и пестрый мир явлений, в зыбкую и условную сферу относительного... Да, он нес собою великую веру. Увы, и она не сдвинула горы...

Сначала он приехал в Омск раннею весной на пост “вице-директора” Пресс-бюро (Деминов “по штатам” занимал должность “редактора”). Но, согласно своему обещанию в Перми, где он состоял секретарем совета профессоров, он должен был после окончательного решения о переезде в Омск вернуться для передачи должности и вообще для “устройства личных дел” в Пермь. В Омске он тогда пробыл, должно быть, недели две. Я знакомил его со службой, просил написать какую-либо “циркулярную статью”, познакомил с Клафтоном, старался ввести в курс наших планов по части “грандиозной информационно-пропагандистской сети”,

* Смешно, забавно (фр.).

** Как Людовик XIV (фр.).

посвящал в тайны высокой политики и т.д. Но ко всему этому он относился с нескрываемым равнодушием, видно было, что наш деловой порыв отнюдь не заражает его. Подчас он даже не прочь был добродушно посмеяться над нашими увлечениями и не без основания острил, что Омск на него производит впечатление сумасшедшего дома: он населен маньяками, одержимыми каждый своею *idée-fixe**. Каждый уверен, что именно о н, единственный, обладает секретом верного спасения России, “и если только его послушают, то...”.

Меня, естественно, огорчала холодность Дм[итрия] Вас[ильевича] к нашему “секрету”... Но прошло немного времени, и он все же не избежал прилипчивой омской болезни, заразившись ею, да еще в наиболее обостренной форме. И он обрел свой “секрет”, столь соответствовавший его душевному складу, весь ушел в него и добился, что его “послушали”... Так возникло “крестовое движение”³⁷.

Кроме Болдырева, я решил вызвать из Перми Вс.Н.Иванова^{37а} и Л.А.Зандера, ассистентов университета, из коих первый уже успел проявить себя на почве журналистики рядом недурных статей в пермских газетах и вообще “подавал надежды”, а второй, весьма трудолюбивый, интеллигентный и вдобавок прекрасно знающий языки молодой человек, казался мне крайне полезным для отдела иностранной информации. Оба они впоследствии принимали участие в Бюро печати — Иванов в Омске, а Зандер во Владивостоке.

Так мало-помалу воплощался в жизнь план белой информации и пропаганды на территории колчаковского движения**.

(Июль 1922 г.).

* * *

Я упоминал, что готовность правительства пойти навстречу организации Русского Бюро печати встретила критическое отношение в различных кругах. Интересен отклик омской газеты “Заря”, отражавшей настроения кооперативных и отчасти областнических, полу- или, вернее, четверть-оппозиционных Колчаку элементов.

В середине мая газета напечатала статью, решительно осуждавшую намерение правительства “отказаться добровольно от прямого руководства общественным мнением путем ясного и точного осведомления русского и заграничного общества о положении дел в России и о направлении своей внутренней и внешней

* Идея-фикс (фр.).

** На этом записка обрывается. Мне так и не удалось к ней вернуться до лета 1934 г., когда я добавил к ней нижеследующую заметку (У.).

политики”. Газета констатировала, что “ориентация Временного Сибирского правительства, желающего быть признанным как Всероссийское правительство, на случайные «беженские» круги торгово-промышленного класса и их политических выразителей, «азиатские кадетские круги», не может считаться государственно-разумной и исторически целесообразной ориентацией, так как эта односторонняя ориентация только будоражит без нужды общественное мнение в тылу и дает в руки большевиков лишнее оружие для борьбы с Великой сибирской армией, отстаивающей своей кровью право несчастной России занять подобающее ей место в ряду великих европейских держав”.

Я отчетливо вспоминаю, с каким нескрываемым удовольствием включил Г.В.Вяткин эту статью в свой очередной “обзор печати” для представителей правительства. Очевидно, тут играли роль и некоторые личные интересы людей Манкевича. Но была и принципиальная оппозиция.

Мы не отказывались привлекать в аппарат Бюро самые разнообразные элементы. Но, конечно, идеология наша была не сибирской, а всероссийской. Тут мы не могли уступать. Но ведь и сама личность Колчака была символом меньше всего областническим, меньше всего лишь сибирским! Отдавая должное “крепким сибирским корням”, Омск не мог себе не ставить всероссийских задач; они навязывались ему сами, логикой всероссийской революции. С этой точки зрения беженский элемент был отнюдь не “случаен” в Сибири — он выражал собою и суть событий, и их трагедию.

Что касается упрека правительству в узкой ориентировке на буржуазию и на кадетов, то в нем был бы резон, будь иные круги более восприимчивы к белой идее Омска. Колчак не отталкивал от себя никого и был готов “ориентироваться” на самые широкие демократические круги. Беда в том, что эти последние понимали политическую ситуацию во многом иначе, чем он. Впрочем, например, кооператоры-маслоделы входили в омский блок, и их лидер Балакшин был очень близок к правительственным кругам.

Нужно войти в положение бедного правительства: слева его бранят за связь с азиатскими кадетами; а эти последние, в свою очередь, кое у кого из военных выглядят чуть ни эсерами. Как же свести единого генерально-офицерскую среду с демократическими эсеридами? Ведь необъятного объять не может даже власть!

Не случайным был распад Директории. На суженной, но зато и концентрированной базе белая диктатура попыталась разрешить не разрешенную коалицией задачу. Сорвалось! На то были большие и сложные причины.

(Лето 1934 г.).

Прилагаю случайно сохранившийся у меня краткий отчет о деятельности нашего Бюро. Он относится к сентябрю 1919 года. В

Иркутске я замещал Клафтона, застрявшего в пути с поездом Верховного Правителя.

Краткий отчет о деятельности Русского Бюро печати

Общая часть

Русское Общество печатного дела образовалось 2 мая 1919 года и в первом же общем собрании акционеров избрало Правление и учредило должность директора–распорядителя, каковым был избран А.К.Клафтон.

С первых же дней жизни Общества Правление было озабочено приобретением необходимых технических средств, которые могли бы обеспечить спокойную, непрерывную работу Общества. С этой целью были приобретены две типографии: одна в Екатеринбургe у господина Агушевича за сумму 950 000 рублей, другая в Омске у Военно–промышленного комитета за сумму 570 000 рублей, и было закуплено совместно с особой канцелярией Штаба Верховного Главнокомандующего пополам десять вагонов бумаги и типографская краска на Дальнем Востоке.

24 мая было сконструировано предусмотренное инструкцией директору–распорядителю Редакционное бюро, которое вошло в Правление с представлением об объединении всех учреждений Общества под общим наименованием Русское Бюро печати и о присвоении телеграфному агентству наименования Русское Телеграфное Агентство (РТА).

30 мая это представление было утверждено правлением и с 1 июня по соглашению с Правительством правительственное Телеграфное агентство, Бюро иностранной информации и Пресс–бюро перешли в ведение Русского Бюро печати.

Вначале Русское Бюро печати состояло из трех отделов: 1) Бюро иностранной информации, которое осведомляло через свои заграничные агентства о событиях на территориях российского правительства и получало сведения от своих агентов из–за границы о жизни в иностранных государствах, 2) Русского Телеграфного Агентства, которое оповещало население освобожденной России о важнейших событиях правительственной жизни внутри и вне России, и, наконец, 3) Пресс–бюро, которое занималось изданием брошюр, листовок и прокламаций и распространением среди газет освобожденной России циркулярных статей по самым различным вопросам.

В ближайшее же время обнаружилась необходимость организовать особый аппарат, приспособленный для распространения агитационной литературы среди населения и на фронтах, и 11 июля Редакционное бюро по докладу Б.А.Завалишина постановило организовать при Пресс–бюро экспедиционный подотдел: а) для распространения агитационной литературы, б) для организации иных форм агитации, помимо печати, и в) для наблюдения за результатами на местах агитационной деятельности Русского Бюро печати.

Через полтора месяца работы вполне определилась невозможность сосредоточить в одном подотделе дело устной пропаганды с распространением агитационной литературы, и Редакционное Бюро 25 июля постановило: выделить дело устной пропаганды в особый агитационный отдел.

В самом начале деятельности Русское Бюро печати занялось изготовлением плакатов и рисунков, для каковой цели приходилось обращаться с заказами к отдельным художникам.

Ввиду того что работе этой необходимо было придать более постоянный и систематический характер, а также и в видах понижения стоимости отдельных плакатов Редакционное бюро постановило: организовать особый художественный подотдел, каковой и был окончательно сформирован 20 августа в составе Пресс-бюро.

В зависимости от развития деятельности Русского Бюро печати в области внутренней информации перед Редакционным Бюро встал вопрос об объединении внутренней информации в лице особого помощника директора-распорядителя, как это ранее было сделано по отношению к информации иностранной.

Одновременно с дифференцированием работы центрального органа Русского Бюро печати шла организация периферии.

В первую очередь был поставлен вопрос об открытии Владивостокского отдела Русского Бюро печати с теми же основными тремя отделами, т.е. Пресс-бюро, Иностранным и Телеграфным Агентствами. После продолжительных поисков и переговоров было найдено лицо из дальневосточных общественных деятелей, которое согласилось стать во главе Владивостокского отдела. Таковой 11 августа открыл свои действия.

Необходимость наиболее полно поставленной информации населения побудила Русское Бюро печати приступить к организации местных отделений в Красноярске, Новониколаевске и Иркутске. Организация этих отделений еще не закончена.

Препятствиями к этому служат: 1) отсутствие помещений, 2) отсутствие типографии и бумаги, 3) изъятие приглашенных работников последней мобилизацией.

Наиболее организованно отделение в Новониколаевске, и в распоряжении Бюро имеется краткий отчет о деятельности этого отделения, при сем прилагаемый.

С первого сентября организация Русского Бюро вылилась в следующую схему.

Во главе Русского бюро печати стоит Александр Константинович Клафтон.

Его ближайшими помощниками являются: по Отделу иностранной информации Николай Васильевич Устрялов;

по отделу внутренней информации Дмитрий Васильевич Болдырев.

Внутренняя информация состоит из самостоятельных отделов:

1) издательского, или Пресс-бюро, во главе с В.Н.Ивановым, с

художественным подотделом (Н.Н.Андреев), 2) экспедиционного во главе с Б.А.Завалишиным и 3) агитационного во главе с А.Г.Солевым.

Директором Отдела иностранной информации до 1 августа состоял Л.В.Арнольдов, а ныне Г.В.Гейнц.

Особое положение занимает Русское Телеграфное Агентство как учреждение, конденсирующее в своей работе всю телеграфную информацию, внутреннюю и иностранную; оно непосредственно подчинено директору-распорядителю.

Директором РТА состоит С.Б.Сверженский.

5. Омские будни

Омское правительство терзалось многими противоречиями, вытекавшими из объективных свойств обстановки. Особенно разительным было противоречие между внутренней логикой режима и теми требованиями, которые к нему предъявляли внешнеполитические его интересы.

Внутри — все вопияло о диктатуре. Вовне — нужно было выглядеть благопристойнейшей демократией. Иначе говоря, больной с сорокаградусной температурой принуждался взять одр свой и играть в футбол и гольф.

Внутри страны жизненные тенденции самосохранения в условиях гражданской войны и неизжитых революционных настроений населения диктовали решительную концентрацию власти и фактическую милитаризацию управления. А для того, чтобы заручиться поддержкой союзников, необходимой белому правительству, как воздух, требовался маскарад под нормальный правовой демократический режим. Желательна была также демократизация с о ц и а л и с т и ч е с к и х связей правительства!

Дело в том, что против Колчака в Европе и в Америке велась усиленная пропаганда высланными членами Директории и их средою. Керенский носился с лозунгом “ни Ленин, ни Колчак”. Общественное мнение демократий, и без того не понимавшее смысла вмешательства в русский сумбур, черпало из этой пропаганды дополнительные аргументы: нельзя поддерживать реакцию в России! Поэтому те западные государственные деятели, которые по разным соображениям склонялись к поддержке наших белых армий, должны были у себя дома рядить русскую белую власть в честный демократический костюм. Конструкция ясна: борьба русской демократии против большевистского деспотизма. Не нужно забывать, что Европа тогда как раз переживала золотой миг демократического торжества, головокружение от мира и Вильсона.

Уже в первые дни пребывания своего в Омске узнал я об этой любопытной ситуации от Ключникова. В душе сразу же поднялся

досадливый патриотический протест против иноземного давления. Но давать ему воли было нельзя.

Встречаясь с Сукиным, каждый раз ощущал вплотную всю унижительную тяжесть этого противоречия. Вся иностранная информация нашего Бюро печати была нарочито пропитана елеяным ультра-демократическим духом. Недаром в такой моде были тогда у нас Бурцев³⁸, Савинков³⁹, Алексинский⁴⁰: социалисты, противомонархические революционеры — за Колчака! И нужно ли добавлять, что, кроме елея, в наших телеграммах имелась также известная доза стилизации...

Помню, после кадетского съезда в Омске написал я в “Сибирской речи” статью, где, между прочим, высказал мысль, что “кадеты стали партией правительственной по преимуществу”. Конечно, это было так на самом деле: правительственная среда и у Колчака, и у Деникина была именно “кадетской”. Но какое острое недовольство вызвало утверждение это у Сукина! Оно показалось ему вредной бестактностью, о чем он откровенно заявил в беседе с нашим Арнольдовым. Кадеты были в его глазах, прикованных к загранице, подозрительным по реакционности элементом! Зато с какой нежностью приветствовал он каждого перебежчика от социалистов, каждого захудалого кооператора. И просил немедленно телеграфировать о нем в Париж. И по-своему он был прав.

Приходилось считаться и с “тамошними” настроениями, но, кроме этого, под боком были чехи; нужно было ладить и с ними, тоже “демократами”, вдобавок недовольными с самого начала Колчаком. Моей первой статьей, циркулярно разосланной сибирской прессе нашим Пресс-бюро, была статья “Провокация” — как раз о чехах. Тельберг специально просил ее написать, в противовес античешским настроениям и античешской пропаганде. Однако сам Адмирал не сумел установить хороших отношений ни с чехами, ни с Жаненом⁴¹. Возможно, впрочем, что эта задача была объективно невыполнима. После окончания войны с Германией чехи неудержимо стремились домой и меньше всего хотели жертвовать жизнью в русской неразберихе...

В омской “общественности” шли споры чехофилов с японофилами. Японцами бредили более правые элементы. Помню дискуссии на эту тему в блоке. Промышленники обвиняли Сукина в неспособности и нежелании наладить отношения с Токио и чуть ли не в государственной измене. Сукин слыл и был американофилом. Действительно, он полагал, что *a la longue** Россия должна ориентироваться на дружбу с САСШ, сулящую нам огромные выгоды. Но не в этом дело. Надежды на “японские дивизии”, вдохновляв-

* В конце концов (фр.).

шие омских буржуев, были элементарно невежественны и наивны с начала до конца: заманить японцев западней Байкала для противосоветской войны не смог бы, вероятно, и русский Бисмарк⁴². И если третьестепенные японские агенты нередко подкармливали подобные надежды, то это была обычная японская система дезориентации и сеянья сумбура. Когда Омском был поставлен вопрос об усилении японской помощи конкретно, Токио отклонил нашу просьбу (продвинуть охранные войска на запад от Байкала). Японцы усердно вгоняли клин между западом и востоком Сибири. В Забайкалье Семенов, саботируя Омск, делал это с их благословения, а то и по прямой их инспирации. Меньше всего японская политика руководилась целью воссоздания сильной России.

Кричали порой в самозабвении:

— Ну, что же, пусть берут наш Сахалин, что ли, Камчатку! Только бы помогли. За помощь надо платить!

Впрочем, другие уверяли, что Япония поможет и без Владивостока, просто “ради дружбы с будущей Россией”, нужно только ее умело попросить. Махровой, безнадежнейшей обывательщиной несло от всех этих рассуждений тогдашних омских японофилов. Если Колчак и Сукин — худо ли, хорошо ли — блюли достоинство родины и вели политику, заслуживающую именование государственной, то в ропоте доморощенных сибирских зубров уже явственно просвечивал тогда грядущий декаданс нашего восточного антибольшевизма, приведший его к убогому позору поражения (Манчжурия).

Помню, как-то в летнюю лунную ночь, белую и очаровательную до боли, возвращаясь после блока домой по пустынным омским улицам с Н.П. Двинаренко, известным сибирским пароходчиком, долго выслушивал я его взволнованные “японофильские” причитанья, его гневные жалобы, его фантастические международно-политические домыслы. Он ругал Сукина, кричал, что с японцами можно договориться в два счета... а вокруг заливались на разные голоса бесчисленные собаки, косили низенькие домики слепыми разноцветными ставнями, и с Иртыша несло ночной прохладой. И доселе живо вспоминаю терпкое чувство безысходности, тоски, отчаяния, меня тогда охватившее.

“Боже, как грустна наша Россия!”

* * *

Отношение к нам наших союзников? Когда белые армии продвигались вперед, все было отлично. В апреле и союзные представители, чехи проявляли максимальную предупредительность к Адмиралу. ЧТА (Чехословацкое Телеграфное Агентство) сообщает 26 апреля: “Настроение в нашей армии очень воинственное против большевиков”. 23 апреля Жанен передает Колчаку следующую полученную им телеграмму Клемансо: “Благоволите передать адмиралу Колчаку мои поздравления по случаю блестящих побед, одержанных его войсками на фронте Восточной России. Я

не сомневаюсь, что сибирская армия под руководством своих выдающихся вождей, поддерживаемая храбростью и выносливостью, которые она недавно проявила, осуществит ту цель освобождения России, которую мы себе поставили”⁴³.

Одновременно ген. Нокс⁴⁴ передал Верховному Правителю приветственную телеграмму военного министра Англии: “Благоволите передать адмиралу Колчаку мои искреннейшие поздравления, а также британского военного министерства по случаю успешного наступления против большевиков”⁴⁵.

28 апреля телеграфировал французский министр иностранных дел Пишон⁴⁶. Союзники спешили проявить симпатию.

Их мотивы совершенно понятны. Поскольку появилась перспектива окончательной победы Колчака, нужно было вступить с ним в дружбу. Державы были заинтересованы в России и желали ее видеть на своей стороне. Франция, в частности, не могла допустить германофильства со стороны русского правительства. Колчак усиливался, становился “фактором” — внимание к Колчаку! Естественный императив реальной политики.

Колчак отвечал на приветствия неизменным подчеркиванием демократических своих стремлений и союзнической своей ориентации. Вот, например, выдержка из его ответа Пишону:

“В настоящее время мы ведем борьбу, опираясь на всю силу национального чувства, которое пробудилось в русском народе, что единственно способно возродить Россию. Оказываемая нам нравственная и материальная помощь Франции ободряет наши усилия и в то же время закрепляет узы, соединяющие Россию одновременно со всеми демократиями Западной Европы. Это единение тем более необходимо, что развалины и раны, оставленные большевизмом в нашей некогда столь цветущей стране, не позволяют России забыть, что большевизм нашел себе поддержку и материальные средства в Германии. Мы думаем, что враги свободных и демократических народов еще не окончательно сокращены. Поэтому русское правительство уверено в будущем родины и, поддержанное крепнущим народным сознанием, с непреклонной энергией продолжает борьбу против насильников. Закончив освобождение страны, оно сможет созвать Учредительное собрание, как свободное выражение державной воли русского народа”.

Успехи колчаковской армии выдвинули вопрос о возможности признания омского правительства союзниками. 3 июня Колчаку было вручено сообщение пяти держав, подписанное Вильсоном⁴⁷, Клемансо, Ллойд Джорджем⁴⁸, Орландо⁴⁹ и Сайондзи⁵⁰. Сообщение это (от 26 мая) не имело прямого и формального отношения к теме признания, но заключало в себе заявление держав о дружественном отношении к русскому народу, обещание помочь правительству Колчака утвердиться в качестве всероссийского и тут же — откровенный зондаж касательно принципов политики Колчака. Союзники выдвигали ряд пожеланий в области внутренней и внешней политики: цели правительства должны быть демокра-

тичны, и Россия должна признать авторитет Лиги Наций в проблеме молодых окраинных государств, образовавшихся на территории бывшей Российской Империи.

Сазонов⁵¹ хотел ответить в Париже от имени правительства (он был колчаковским министром иностранных дел), но Омск внес ряд поправок в парижский текст. Сукин утверждал, что омская редакция была по своему тону более тверда и независима, нежели сазоновская. Различие тона чувствовалось в трактовке вопроса обокраинных государствах. Сазонов, как и все парижское совещание, считал нужным, учитывая настроения европейских центров, словесно идти навстречу их сепаратистским и автономистским пожеланиям. Омск же в таких случаях упрямо ссылался на Учредительное собрание. Даже относительно Финляндии Колчак не шел на уступку и, выражая готовность признать наличное финляндское правительство, оговаривался, что “окончательное решение вопроса о Финляндии принадлежит Учредительному собранию”. Может быть, тут была некоторая тактическая ошибка (хотя не следует ее преувеличивать). Но зато тем цельнее и ярче запечатлеется в истории подлинный облик белой мечты...

Отчетливо припоминаю кадетские настроения тех дней. Мы беспокоились, не снижен ли национально-великодержавный стиль в ответе Омска союзникам! Мы подозревали в союзной ноте брест-литовские мотивы расчленения России, хотя и под женевским демократическим соусом. От имени бюро кадетского комитета я составил резолюцию, выражающую желание видеть наш ответ опубликованным, и передал ее Сукину с просьбой доложить о ней Верховному Правителю. В беседе Сукин и рассказал мне о парижском и омском текстах. Через несколько дней наша ответная нота была опубликована. Она и впрямь была составлена весьма достойно. Кстати: Сукина много и часто ругали с разных сторон — должен признаться, что он производил на меня впечатление умного, по-хорошему интеллигентного и твердо знающего свою “линию” человека. Правда, встречался я с ним не часто и только в рамках короткого, чисто делового общения...

23 июня Колчак получил из Парижа телеграмму от бывшего французского высокого комиссара в Омске Реньо⁵²: “Прошу Ваше Высокопревосходительство принять лучшие пожелания по поводу большого дипломатического успеха, Вами достигнутого”. Аналогичную телеграмму получил и Сукин.

Помню радостное возбуждение по этому поводу в Министерстве иностранных дел. Сукин еще не знал, в чем дело, и с нетерпением ожидал разгадки. Вскоре выяснилось, что успех заключается в любезном тоне ответа союзников на ноту Колчака и в их решении оказывать дальнейшую помощь правительству Верховного Правителя, основные положения программы которого “находятся в соответствии с их предположениями”. Решение было зафиксировано в опубликованной ноте. Это все же не было признание. Очевидно, начавшиеся неудачи на фронте заставили союз-

ников проявить в этом деле надлежащую осторожность. Признание было сорвано переменой военного счастья.

По мере углубления наших неудач менялось и отношение к нам иностранцев. Столицы переставали нами интересоваться, как отвергается импресарио от провалившегося дебютанта, и Жанен и чехи дали волю своему недружелюбию и лично к Колчаку, и к его правительству. Слабых презирают, неудачников не щадят. Мотивы раздражения и недовольства найти нетрудно. Побежденный всегда виноват, а виноватых бьют. Тяжко и болезненно переживалась душою омская катастрофа, и горька была чаша унижений, сужденных Колчаку и колчаковцам. Да, конечно, психологически это оказалось несравненной канвой для мажорного рисунка национал-большевистской идеологии...

Иностранцы добивали подбитый большевиками Омск: захватом сибирского пути, поддержкой эсеров, открытой дискредитацией русской власти. Разумеется, будь у нас успех, и Жанен, и чехи держали бы себя совсем иначе. Дело не в диктатуре и не в демократии, а в исходе военной борьбы. Этот исход был продиктован внутренним соотношением русских сил. Быть может (хотя сомнительно и это), реальная и активная, жертвенная помощь чехов на фронте весной или даже летом 19 года изменила бы положение в пользу Колчака. Но стоит ли судить и рядить о невозможном? Какой смысл был чехам, после поражения Германии, распада Австрии и воскресения их собственной родины, подставлять головы красным пулям в глухой, чуждой, сумбурной русской Сибири? И могли ли союзники этого требовать от чехов?..

В заключение — по поводу разговоров о “германской ориентации” колчаковского окружения. Никакой германской ориентации в Омске по существу не было, да и не могло быть. Смешно было в 19 году “ориентироваться” на разгромленную Германию, да еще из Сибири. Но всякий жест самостоятельности некоторые союзные представители были готовы считать признаком германофильства. Колчак не хотел ползать на брюхе перед Жаненом, и этого было достаточно, чтобы последний записал Адмирала чуть ли не в боши. Упрекали в германофильстве “Русское дело” — совершенно зря. Единственным основанием для этих обвинений была моя статья “Немецкая ориентация” (она называлась “Германская ориентация”, но метранпаж переделал ее на “немецкую”, чтобы втиснуть заглавие в одну строчку). Замысел этой статьи, долженствовавшей занять место в двух-трех номерах газеты, заключался в попытке изобразить в исторической перспективе известный наш ориентационный спор 1918 года, затем обрисовать положение 1919 года и, в заключение, провести мысль, что дружественное отношение к нам союзников способно лишить почвы русское германофильство и что, следовательно, международно-политическая устремленность новой России определяется в значительной мере отношением к ней держав. Однако я успел написать только первую статью — вступление и краткое изложение спора 18 года. Статья заканчивалась фразой: “Мы переходим к но-

вому фазису в истории наших ориентаций”, что означало не что иное, как “продолжение следует”. Но продолжения не последовало — перегруженный делами, заботами, очередными темами, я так и не успел его написать; тут же началась эвакуация Омска. И у настороженных, подозрительных душ создалось впечатление, что самая постановка темы германской ориентации свидетельствует о германофильстве. Г.К.Гинс впоследствии процитировал приведенную выше фразу, снабдив ее самовольной вставкой лишнего слова: “М ы, р у с с к и е, переходим к новому фазису в истории наших ориентаций”. Получилось, что, мол, м ы т е п е р ь д о л ж н ы м е н я т ь о р и е н т а ц и ю, поворачиваться лицом к Германии — мысль, которая и мне, и моей статье была вовсе чужда. Мой грех заключался в том, что я не кончил начатой статьи и дал, быть может, повод к некоторой неясности. И в том еще, что я не считал нужным смазывать серьезные политические проблемы.

Необходимо добавить, что в других своих статьях (“Международная перегруппировка”, “В «Правительственном вестнике»”, “Наша международная ориентация” — циркулярная статья Пресс-бюро в ряде газет), а также в своем докладе на майской кадетской конференции я достаточно обстоятельно изложил свою международно-политическую позицию, несомненно, характерную для Омска. Эта позиция проста. Мы ориентируемся на Россию. Мы хотим сохранить свои союзные связи. Поскольку союзники способствуют воссозданию России — мы с ними. Мы никогда не забудем их помощи нам, друзья познаются в беде. Но если союзники в своей политике стали бы на точку зрения расчленения России в той или иной форме — нам с ними не по пути.

Такова была, конечно, и точка зрения Колчака. “Практического” германофильства в Омске не было и быть не могло — что нам тогда способна была реально дать Германия? Но нельзя было от нас требовать сплошных славословий Антанте и заведомого, принципиального отказа от использования в будущем всех международных возможностей, попутных русскому делу. Наша будущая ориентация зависела прежде всего от самих союзников. И поскольку колчаковская публицистика обладала сознанием национального достоинства, она не могла и не должна была превращаться лишь в хор нищих, сонм бедных родственников, не смеющих пикнуть самостоятельного слова без униженного засматривания в уста господ союзных комиссаров. Мы этого не делали. И доселе не вижу оснований в этом раскаиваться. Лучше уж единая и самостоятельная красная Россия, нежели расчлененная и поработанная белая.

“Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности”, — заявил Колчак в первом своем воззвании. “Излишне говорить, — читаем в официальном сообщении от 24 января, переданном иностранным корреспондентам и дипломатическим представителям, — что и ныне, после событий 18 ноября, правительство, возглавляемое Верховным Правителем, не имеет в своем составе реакционных элементов и не одиноко. Оно поддержало

все теми же государственными элементами, умеренно-социалистическими, кооперативными, демократическими, буржуазными и военными, которые все с самого начала шли за Сибирских правительством”.

Не может быть ни малейшего сомнения: Колчак не был реакционером. Не было реакционно и его правительство. Повторяю, это была приблизительно кадетская среда. “Будущая Россия” мыслилась демократическим государством — республикой или парламентарной монархией с надлежащим социальным законодательством. Меньше всего думали о реставрации. Нетрудно было бы подтвердить это утверждение многочисленными цитатами, отнюдь не лицемерными.

Правда, подчасо здесь, то там высывались ослиные уши реакционеров дурного тона: антисемитская листовка, царский гимн в кабаке. Но они не были презентативны для белого Омска. Нашей излюбленной формулой была “диктатура во имя демократии”. И еще: “правовое государство на основах национального демократизма”.

Солдаты белых армий распевали на старый знакомый мотив:

...Идем мы на врага

За матушку Россию, за новые права...

Среди военных, конечно, попадались отдельные крикуны монархического пошиба. Но нельзя сказать, чтобы офицерская масса Омска была активно монархической. Нельзя было этого сказать даже и о штабных верхах. Как-то раз, когда в органе военных кругов “Русская армия” проскочили монархически окрашенные статьи семеновца Сырбаярского, я воспользовался нашим очередным совместным заседанием с Осведверхом под председательством генкварма генерала Рябикова, чтобы указать на вредность таких статей. Помню, как поспешно и горячо возмутился генерал промахом редактора газеты, в сильных выражениях высказал полное свое понимание тактической недопустимости монархической пропаганды, извинялся, благодарил меня и обещал немедленно отдать соответствующее распоряжение. Печатание одиозных статей прекратилось.

Запечатлелись в памяти два досадных случая антисемитских выпадов в нашем бюро. В Омске, еще ранним летом, наш агитотдел выпустил плакат, изображавший Ленина и Троцкого в коронах. Плакат был сам по себе неплох, но художник поместил на нем вместо пятиконечной советской звезды шестиконечную еврейскую, что, разумеется, придало ему специфический душок дурного тона. Раввины в некоторых городах резонно протестовали против этого плаката, демократические элементы — тоже; неделал он нам достаточно хлопот. Между тем должен категорически засвидетельствовать, что тут не было и тени злого умысла со стороны руководителей Бюро. Был недосмотр, зевок, пусть очень достойный порицания. И Клафтон, и я просто просмотрели форму звезды и спохватились только тогда, когда уже было поздно. Что

касается меня, то, к стыду своему, я тогда даже и не разобрался толком в облике еврейской эмблемы. Не ручаюсь за художника: он оправдывался своим незнакомством с обликом советской звезды...

Другой раз, в Иркутске, в декабре, просматривая ночью уже готовый номер “Нашей газеты”, я нашел в нем рисунок с антисемитским налетцем. Немедленно призвал редактора газеты Перемиловского и резко указал ему на недопустимость подобных рисунков. Он вспыхнул, стал отстаивать свое “право редактора”, потом заявил, что подает в отставку, и после этой сцены я, скрепя сердце, примирился с выпуском номера, задерживать который было неудобно и технически. Этот инцидент оставил осадок досады на душе, и на другой день я очень сожалел о своей мягкости и податливости.

Оба эти случая запечатлелись в памяти. Конечно, из этого не следует, что больше не было в тогдашней белой прессе черносотенных юдофобских выпадов. Нельзя также отрицать и проявления бытового антисемитизма на фронте. Но руководящие круги боролись с этим злом и не были в нем повинны.

Нет, ни среда, ни идеология Омска не были реакционны. Но Омск не мог включить в свою систему эсеров. Это было невозможно после переворота 18 ноября. Разумеется, он бы их включил, признай они этот переворот. Но, за единичными исключениями, они его не признавали.

Я готов утверждать, что диктатура была с л и ш к о м м я г к а по отношению к эсеровским элементам. Следовало проявлять больше разумной мягкости к деревням и активнее одергивать отряды особого назначения. Но ошибочно было оставлять на свободе заведомых эсеров, и не только оставлять на свободе, но и позволять им хозяйничать в земствах и городах. Ошибочно было выпускать за границу свергнутых членов Директории; больше того, мне кажется, что лично с Авксентьевым, при умном подходе, удалось бы даже и договориться. Вот здесь особенно полезно было учиться у большевиков! Правда, присутствие чехов и вот эта злополучная зависимость от “великих демократий” препятствовали применять как следует хлыст диктатуры. Он применялся из рук вон плохо, неумело, головотяпски. Глупо было пороть мужиков и одновременно миндальничать с господами Алексеевскими и Ходукиными. Эсеровские земства революционировали деревню, и карательные отряды лишь подливали масла в огонь.

Да, конечно, с точки зрения эсеров Колчак и демократия — элементы несовместимые. В этом отношении любопытна переписка “Отечественных ведомостей” Белоруссова с левой новониколаевской газетой “Р.С.” (“Революционная Сибирь”? — у меня сохранились только инициалы (в феврале — марте 1919 года)).

В статье своей “Правые большевики” Белоруссов доказывал, что для противодействия реакции необходимо включиться в омскую государственность. “Поддержите Верховного Правителя и

его правительство, — убеждал он демократическую общественность. — Станьте сами деятельным фактором воссоздания родины, заставьте таким образом считаться с собою как с творческим положительным элементом общественности, а не как с притаившимся элементом разложения. И таким образом войдите в неоформленный, но реально существующий совет Правителя, каким является общественное мнение страны, за вычетом большевиков слева и справа и их пособников и попустителей. Иначе говоря, войдите в блок, который образуется в Омске и который вскоре распространится на всю Россию и явится беспримерным по значению и силе политическим фактором. Блок всех государственно и национально мыслящих элементов и организаций страны, имеющий целью дать политике Верховного Правителя всю ту силу, которой обладает организованное мнение народа”.

На этот призыв левые отвечали с холодной ясностью вражды. “Мы можем заверить «Отечественные ведомости», — писала Р.С., — что демократия не только лишь станет, по любезному приглашению газеты, «дейтельным фактором воссоздания родины», но что она давно принимает самые энергичные меры к этому. Но все дело в том, что насчет метода и формы «воссоздания родины» она мыслит иначе, чем «Отечественные ведомости». И уже во всяком случае не демократии войти в какой-то самозванный омский «блок», в котором фальсифицировано общественное мнение страны, который идет по пути реставрации... Избави, боже, нас от таких друзей, а от врагов демократия сама сумеет отделаться”.

Не менее ясно высказывалось также иркутское “Наше дело” (в начале февраля): “Единственно правильным для демократии путем является путь самостоятельной политики, самостоятельной борьбы на два фронта: и с правым большевизмом, и с левым большевизмом”. И газета подвергает критике афоризм «враг моего врага — мне друг», который «соблазняет кое-кого из демократов». Следовательно, не всякий враг большевизма — друг эсеровско-меньшевистской общественности. Словом, все то же: “ни Ленин, ни Колчак”. Практически по условиям обстановки это, конечно, означало: Ленин.

(В разное время: 1922, 1924, 1934).

6. Полковник Котомин

Вспоминаю полковника Котомина, перешедшего фронт и бывшего в Омск. Это был интересный, интеллигентный и чрезвычайно располагающий к себе человек. Он бежал от красных и ожидал найти у белых надлежащую атмосферу для борьбы. Он прочел в Омске лекцию о большевизме. К сожалению, я на ней не был. Но слышать о ней довелось немало.

Было радикальное различие между “коренными” белыми и теми, кто успел подышать настоящим советским воздухом и сознательно взглянуть на окружающее. Последние не могли, при всей

своей враждебности к большевикам, закрывать глаза на сильные их стороны. Можно сказать, что так или иначе прошли они школу политграмоты и потому трезвее и глубже оценивали положение. А в “исконном” белом царстве продолжала держаться глупая и наивная, несносная версия: большевики — разбойники и немецкие шпионы, уголовная накипь, и все тут.

Был у нас в Бюро печати такой офицер — Завалишин. Он приехал в Сибирь из Америки, носился с пышными планами грандиозной агитации на американский манер, строчил по этому поводу доклады, толкался в разные двери; его адресовали к нам, и он у нас прижился. О большевизме имел он представление именно походячей, банальной наслышке: большевики—бандиты. Это был, в сущности, неплохой, но недалекий человек, и таких, как он, водилось тогда очень много. Именно такие характеризовали собою средний уровень белой среды.

Так вот этот Завалишин отправился на публичную лекцию Котомина и на другой день возмущенно у нас рассказывал, что лектор — форменный большевик и что он, Завалишин, это и крикнул ему громко в лицо, вызвав скандал на лекции.

— Помилуйте, — негодовал наш капитан, — он Ленина и Троцкого называет не иначе, как “идеалистами”. Нечего сказать, хороши идеалисты! Послушаешь его — пропадает всякая охота драться с большевиками. Удивляюсь, как выпускают таких господчиков читать лекции.

Недоразумение было очевидно. Котомин пытался внушить аудитории, что к большевикам нельзя относиться как к мошенникам только и немецким шпионам. Он предостерегал против недооценки врага. Большевистские вожди — убежденные люди, и тем хуже: нужно считаться с ними как с серьезными противниками. Замени он симпатичное слово “идеалисты” более подходящим в данной обстановке словом “фанатики”, — может быть, отпал бы повод возмущения белой улицы. Но до чего характерен сам по себе весь этот инцидент!

Когда я попытался было разъяснить Завалишину всю нсудачливость его выкрика на лекции, из этого, разумеется, ничего не вышло. Он продолжал себя считать безоговорочно правым, кипятился и скоро стал даже и ко мне относиться не без подозрительности. Логика его рассуждений исчерпывалась риторическим вопросом: если большевики не разбойники и не мерзавцы, то зачем же тогда с ними воевать?

Бедняге Котомину после его выступления пришлось немало помучиться. Там и здесь стали на него коситься. А главное, велико было общее его разочарование в белой атмосфере, которую он романтизировал на красном берегу. Вскоре уехал он на фронт, там зарылся сыпняком и умер.

Помню, я раз долго беседовал с ним, и он произвел на меня прекрасное впечатление.

При таких настроениях наших офицеров вполне объяснима

была их неистовая ненависть к тем их коллегам, которые остались по другую сторону фронта и служили в Красной Армии. Наперекор здравому смыслу и элементарному политическому расчету попадавшие к нам в плен военспецы беспощадно расстреливались. Их трактовали как изменников и предателей. Солдаты — другое дело: они бессознательные. Но офицеры приравнивались к комиссарам. Рассуждали, что, мол, на войне как на войне: красные не щадят наших офицеров, мы должны отвечать тем же.

Было нелегко бороться с этими нелепыми и вреднейшими настроениями, чрезвычайно усиливавшими врага. Наверху, наконец, обратили внимание на этот вопрос. 28 мая за подписью Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака был издан специальный приказ к офицерам и солдатам Красной Армии. В приподнятых, даже, можно сказать, несколько напыщенных выражениях красные офицеры и солдаты приглашались безбоязненно переходить на нашу сторону. “К вам, — говорилось в приказе, — русское офицерство и солдаты, попавшим, по несчастью, в район, где царствуют несбыточные мечты, обращаюсь я, к вам, у кого жены, дети, матери, невесты и все близкие, изголодавшиеся, своими страданиями заставили вступить в ряды тех, которые подняли меч против своего же брата. Родина ждет конца братоубийственной гражданской войны, ждет для того, чтобы, вновь окрепнув, дать спокойствие и благополучие своему народу. Как некогда Вера и Любовь пришли с Востока, идет волна возрождения России из холодной Сибири, где царит не произвол, а закон. Пусть всякий, у кого бьется русское сердце, идет к нам без страха, так как не наказание ждет его, а братское объятие и привет. Я отдал приказ своей армии всех добровольно переходящих к нам офицеров и солдат Красной Армии принимать с радостью как несчастных братьев. Все добровольно перешедшие офицеры и солдаты будут восстановлены в своих правах и не будут подвергаться никаким взысканиям, а, наоборот, им будет оказана всякая помощь. Адмирал Колчак”.

Прокламация эта, как видно из ее содержания, касалась только тех офицеров и солдат Красной Армии, которые переходили к нам добровольно. Вопрос о пленных ею не затрагивался. И жестокая практика, соответствующая психологии господ Завалишинных, продолжала торжествовать безвозбранно.

(Январь 1924 г.).

7. Омская пыль

Читая разные мемуары омской эпохи, я неизменно убеждаюсь, сколько наивным и, в сущности, далеким от омской атмосферы человеком я тогда был! Вся ежедневная “практическая политика” руководящих сфер оставалась мне не только чужда, но даже в значительной ее части и неведома. Долетали, правда, обрывки слухов, пересудов и сплетен, но всегда воспринимались они са-

мым дальним краем уха: мол, пустяки, пыль, маленькие недостатки механизма. Жужжанье песьих мух.

И занимал лишь “большой рисунок” движения, его, как теперь говорят, “историософия”, логика белой идеи. Я не принимал участия ни в каких “комбинациях” тогдашнего двора, был совершенно вне персональных интриг и дрязг, не водил никаких личных знакомств с носителями власти и пребывал всецело в замкнутой сфере политической идеологии.

С легкой руки Ленина меня нередко именуют “колчаковским министром”⁵³. Между тем я не только не был министром, но не дышал почти и воздухом министерств. Только в Иркутске, перед концом, пришлось несколько ближе подойти к источнику власти. . . когда он уже явно иссякал и когда власть превращалась в свою противоположность. Подойти, но без какого-либо прямого практического влияния на политический курс (как раз в Иркутске я не сочувствовал “обновленному” правительственному курсу).

Впрочем, не стилизую ли я? И в Омске доводилось встречаться с Тельбергом, с Сукиным, один раз беседовал с самим Колчаком. От Т. В. Бутова выслушивал время от времени правительственную “инспирацию”. Да, это так. Такое общение было. Но оно лишь подтверждает отчужденность мою от “борьбы кулис”.

Но, быть может, был я просто “бутербродным редактором”, казенным пером, и только? Бывают же такие.

Если угодно, я именно ставил себе задачу стать “пером” белой диктатуры. Совершенно сознательно, в здравом уме и твердой памяти, но только. . . меньше всего ради “бутербродов”, которые мог, право же, иметь в достаточном количестве на любых путях и которые поэтому меня мало интересовали.

Да, я хотел стать публицистом национальной диктатуры. И больше всего претила мне тогда всякая “оппозиция”. Такова была тогдашняя атмосфера: “пересмотр идеологии” совершался как раз в направлении борьбы с “оппозицией как мировоззрением”.

Национальная диктатура получила воплощение в достойном образе Колчака. Казалось, должны смолкнуть всякие шепоты, всякие интриги, общий долг — сплотиться вокруг диктатора. А все, кто ему мешает, должны быть устранены: диктатура не шутит.

Вот психологический фон моих омских писаний. Отсюда понятна и органическая моя отчужденность от всех мелких тайн тогдашнего омского двора. Власть создана — ее нужно блюсти, укреплять, а не расшатывать; достаточно наказаны мы за оппозиционную чесотку. Пора взяться за ум.

Во многом был я наивен; вернее, основным пороком политического моего мышления была его абстрактность. Априорно установив, что миссия Колчака — стать русским Наполеоном, и решив, что в качестве такового он заслуживает всецелой, всемерной, безоговорочной поддержки, естественно пришел я к выводу, что задача — в укреплении престижа наличной власти и в борьбе со вся-

кими подкопами против нее, откуда бы они ни исходили. И я не хотел слушать нареканий на Вологодского, на Лебедева⁵⁴, на Михайлова⁵⁵, поскольку диктатор считает этих людей подходящими своими помощниками. Трагедия заключалась в том, что люди эти оказались и впрямь неудачными, что диктатор в отличие от Наполеона не обладал даром подбора способных сотрудников и что диктатор вообще был совсем не Наполеоном русской революции.

Пожалуй, я это даже понимал; и в листке дневника, набросанном непосредственно после беседы в домике у Иртыша, даже записал нечто, свидетельствующее о таком понимании. Но твердо усвоил я также максимум, что “в опасном месте лошадей не перепрягают”, и тем с большим рвением проповедовал идею диктатуры и диктатора. Не будучи по характеру своему ни организатором, ни политиком—практиком, способным к этому “грязному ремеслу” н а д е л е (в теории готов его осмыслить), я и инстинктивно, и сознательно сторонился шумливой, неприглядно—честолюбивой толчей вокруг государственного аппарата.

Конечно, в Бюро печати порою судачили на модные темы омского домашнего политиканства. Бывало, Клафтон придет после обеда, омоченного тремя—четырьмя рюмками водки, и начинает рассказывать. Тут же Коробов⁵⁶, у которого свои источники информации. Клафтон на дружеской ноге с близким адмиралу Самойловым. Коробов где—то встречается с Лебедевым, с Хорошиным⁵⁷, казачьим генералом. Я пассивно слушаю. Нередко не без отвращения. А то и уйду, махнув рукой. Рассказы обычно грустные, безотрадные. Лейтмотив: нет людей, измалодушествовались людишки. И все грызутся.

Меньше всего склонен был броситься в гущу этих интриг и склок. Верно, люди власти были зачастую плохи. Но беда в том, что критики были не лучше... А в громадном большинстве случаев — хуже. Многие из них прямо лоснились недоброкачественностью, авантюризмом. И убожеством.

Из мемуаров Будберга⁵⁸, всем недовольного, — и нередко по справедливости, ибо мало чем можно было быть довольным, — в очень мрачном свете рисуется роль Лебедева, ставочного вундеркинда, наштаверха*. Не могу судить об этом — не только потому, что никогда Лебедева не видал в глаза, но и потому, что не имею отношения к военному делу. Может быть, Будберг и прав. Хотя вот Деникин и Врангель — не чета несмышленишу в сухопутной войне Колчаку, а результатом не смогли похвалиться и они. Но весьма возможно, что наша Ставка наделала массу глупостей. Однако виноваты ли в этом, скажем, кадеты, которых тот же Будберг походя обливает презрением? Уместно ли было кадетскому коми-

* Начальник штаба Верховного Главнокомандующего.

тету или блоку вмешиваться в дела военного командования и разбираться в персональных назначениях? Думаю, абсолютно неуместно.

И нам оставалось держать лишь “общий курс” — на диктатуру, на Колчака и его мудрость. Увы, мы в ней про себя сомневались, и по мере развития событий все глубже и мучительнее. Но смены ему не видели, да ее и объективно не было; он был последней ставкой воинствующего антибольшевизма. И я доселе не слишком жалею о своей наивности по части практической омской “политики” вокруг Колчака и его министров.

Перечитывая теперь тогдашние мои статьи, я не имею поводов упрекать их в чем-либо, кроме, конечно, одного: основной их ошибки, основной — тяжелой ошибки моей тех лет — ставки на Белое движение. Не хватило зоркости и мужества сразу же войти в революцию, сразу понять, что единственный правильный путь — не вне ее, а с ней и в ней. В интимных дневниковых записях об этом догадывался (см. дневник мой 1919 года), но соответствующий “оргвывод” довелось, как известно, сделать уже лишь в Харбине.

(Декабрь 1934 г.).

8. Катастрофа

Проблема эвакуации Омска. Нельзя было ее разрешить хуже, чем ее разрешили. Бестолковщина, сумбур. Трагические шатания военного руководства. Трагическая близорукость и тоже разноречивость политического. Катастрофа военная и политическая.

Омская власть не могла найти выхода из объективно данного противоречия. С одной стороны, было ясно, что конец Омска есть крушение его “всероссийской” концепции. С другой — по данным военной обстановки, его оборона оказывалась делом почти безнадежным. Отсюда — колебания, в последние недели разрешившиеся тезисом “героической защиты во что бы то ни стало”.

Припоминая свою беседу с И.И.Сукиным на этот счет. В сентябре, еще в период временного улучшения на фронте, в дни стояния на Тоболе. “Омска сдавать нельзя, — веско рассуждал мининдел. — Совершенно очевидно, что в международно мнении мы окончательно погибнем, если падет Омск. Все тогда будет конечно”.

Он был в значительной мере прав. Конечно, Восточный фронт Белого движения должен был утратить ведущую роль после крушения Омска. Нельзя было преуменьшать всей тяжести потери “столицы”. Следовало также помнить, что отход от Западной Сибири неминуемо затруднит продовольственное снабжение армии.

Но ведь факты бывают сильнее нас. Да, разумеется, Омск следует защищать. Однако если это невозможно, или, скажем, почти невозможно с военной точки зрения? Что же тогда делать?

Надо было так или иначе подготовить отступление, обеспечить известный порядок. В этом отношении план Дитерихса был вполне разумен. В случае неудачи на Тоболе — организованно отвести армию на линию Оби. По известной формуле Ленина, “потеряв пространство, выиграть время”.

Все-таки это давало надежду на передышку. Широки сибирские пространства и люты морозы. Можно было продержаться еще зиму. Это имело смысл, поскольку Восточный фронт не был единственным. Поскольку дела Деникина в то время шли хорошо. Пусть “мы” даже и “погибнем в международном мнении” — если Деникин устоит, еще не все потеряно.

В Омске живо обсуждались эти темы. Тогда-то, между прочим, сблизился с Колчаком Д.В.Болдырев, фанатик героизма и сам герой, пламенно защищавший идею обороны Омска до последнего солдата. “Нужна воля, воля и еще раз воля! — восклицал он. — Д о л ж н ы победить: вот психология бойца. Именно уверенность в успехе создает успех. Моральный фактор — прежде всего. И дело власти — приказ и пример. Нужно мобилизовать дух и беспощадно громить колебание. Да и практически ясно: деться нам все равно некуда — без Омска заведомо конец. Все силы — на защиту Омска! Либо победа, либо смерть!”.

В этой азартной проповеди, увлекшей Верховного Правителя, была эмоциональная логика... своеобразный вид логики. Тогда я решительно разошелся в этом вопросе с Д [митрием] В [асильевичем]. Героизм прекрасен, но подлинный героизм не слеп. В наличных условиях риск не оправдан. Покуда цел Деникин, наше поражение лучше полной катастрофы. Шансы обороны Омска после отхода с Тобола были ничтожны, и не следовало топить Дитерихса в эти трагические дни.

Помню, обреченность витала в воздухе, и бодрые слова звучали несносным официальным лицемерием. Кампания 1919 года была проиграна Омском, оставался единственный шанс белой борьбы: Екатеринбург. И параллельно ему в Сибири: отступление к Новониколаевску и создание “плацдарма” — в надежде на кампанию 20-го года. Положение большевиков было тоже не слишком безоблачным.

Своевременное организованное отступление парализовало бы силы внутренней сибирской революции. Можно было предотвратить эсеровские восстания в Иркутске и Красноярске, также на Дальнем Востоке, — или, по крайней мере, справиться с ними. Катастрофа была бы избегнута, во всяком случае, отсрочена. На это нужно и можно было ставить ставку, и именно в этом духе информировать общество.

На деле вышло иное. Колчак не пошел по одному из двух возможных путей, а спутал их оба. Сначала был принят разумный план Дитерихса, а потом в последний момент, когда оборона Омска стала уже абсолютно невозможной, вдруг решили защищать его “во что бы то ни стало”. Дитерихс ушел. Всплыл генерал Са-

харов, сразу же декретировавший невероятную путаницу в движении войск, в транспорте. Когда мы, Бюро печати, ехали на восток, по пути встречались воинские эшелоны, повернутые внезапно на 180 градусов — на запад, на фронт! Это было за неделю, за полторы до падения Омска. Затем снова было предписано отступить. Но уже слишком поздно. Хаос и сумбур царили кругом. Все смешалось, и вскоре сотни застывших эшелонов попали в руки большевиков. Достались им вместе с территорией и громадные склады военного снабжения; красноармейцы нарядились в знаменитые английские мундиры, и советские юмористы прозвали Колчака “великим интендантом Красной Армии”...

Теперь, в свете истории, приходишь к заключению, что вся эта нелепица имела объективный смысл, что была в ней некая жесткая мудрость. Песня Деникина оказывалась тоже спетой, и чем скорее заканчивалась гражданская война, тем было лучше для страны.

(Февраль 1924 г.).

9. В Иркутске

...Стучат колеса, покачивается, скрипит наша теплушка, едем... Железная печь, неугасимая; горит вовсю — нестерпимая жара, перестаешь кормить ее — холод, ветер изо всех щелей. Ночные дежурства. Нары. Тесновато...

Вокруг — бесконечные сибирские пространства. Сначала — дни степи, голой, ровной, скучной, как доска, белой, холодной, с ветром, выдувающим всякий уют, злым, омским... Потом дни тайги, скупые пейзажи, лески, чащи, белые фронты берез, ель, сосна. Скучно. “Неприятно и бедно в тебе”. Но — родное, даже и здесь родное...

И мнится мне: судьбы игрушка,

Летит в безвестные края,

Скрипя — Великая Теплушка,

Россия, родина моя...

Едем — Русское Бюро печати — с поездом канцелярии Совета Министров. Болдырев заклинал остаться в Омске, напрячь все силы — и победить. Сам остался со своими крестоносцами. Остался и Клафтон, поедет в поезде Верховного Правителя. А мы вот едем сейчас. Тут же вагон Экономического Сопровожения, омского “без пяти минут парламента”. Хожу туда играть в винт и спорить с Кролем о демократии и оппозиции. Тихо тянется время. Да это отчасти и хорошо: утомила лихорадка борьбы, хочется одуматься, прийти в себя. По приезде предстоит опять налаживать “Русское дело”, воздвигать идеологический фронт. “Создавать благоприятную идейную атмосферу”. Нелегкая задача!..

Позади — Омск, заливаемый красным наступлением. Впереди — угрюмый, заведомо недружелюбный Иркутск, пристанище

эсеровской фронды. Дальше, далеко за Байкалом, — семеновская Чита с дивизией желтых гостей. Кругом — очаги смелеющей партизанщины таежной вольницы, озлобленной, крепко следящей за железной ниточкой пути. В сущности, лишь эту ниточкой, охраняемой чехами, исчерпывается сейчас наша государственность, территория белой мечты. Да и ее, эту ниточку, то здесь, то там пережут, и летят поезда под откос. “Откос” — модное слово в теплушках: спустят или уцелеем?

Уцелели.

В Иркутск приехали 18 ноября, после двух недель пути. На вокзале встречены были свежими телеграммами чешского агентства:

— Омск пал.

Печальная годовщина. Ровно год тому назад, 18 ноября 18 года, Колчак стал Верховным Правителем на развалинах Директории. И вот уже — *finis** Омска.

Конечно, нам ясен был смысл этой весты. Конец восточного движения как активного противобольшевистского фактора. Конец Колчака как центра белой России. Конечно, Омск был не “географическим” только пунктом. Худо ли, хорошо ли, но там действительно удалось создать некую атмосферу белой столицы.

В Иркутске было совсем иное. Мы сразу почувствовали там себя чужаками. Никаких корней. От губернатора до парикмахера и от начальника милиции до солдата — все было не только нам чуждо, но даже враждебно.

Враждебная общественность. Враждебны город и земство. Двусмысленна позиция губернатора Яковлева, не утратившего своих эсеровских связей⁵⁹. Ненадежен гарнизон. Явно враждебна уличная толпа.

Недружелюбен университет. Вспоминаю беседу с профессором Доманжо и Агарковым, особенно с последним. Не было бранных слов, которых бы он жалел для заклеяния колчаковцев. Разбойная власть, солдатский сапог, авантюра.

Да, “заранее подготовленных позиций” для отступления Омску создать не удалось. Да и думал ли он об их создании?..

Совет Министров прибыл в новую столицу за день до нас, пергнав нас в пути. Министры были встречены официальной музыкой на вокзале и разместились в огромном “Модерне”, гостинице в центре города. Неприютно было в этих банальных и хмурых хоромах: чувствовалось как-то, что в них витает смерть. Наше Бюро печати после некоторых мытарств очутилось в помещении не то

* Конец (лат.).

кинематографа, не то кабаре под названием “Летучая мышь”. Наверху поселился наш милый фельетонист Зуда и организовал для сотрудников незатейливые обеды вскладчину. Помню, за недостатком стульев и табуреток сидели на кроватях, на поленьях... Назвали это предприятие “Летучей вороной”.

За обедами беседовали и остряли, причем преобладал явственно “висельный юмор”. У всех настроение было ликвидационное. Единодушно обличали бессмыслицу дальнейшей войны. И это — в “штабе” колчаковской идеи, в Бюро печати, считавшемся чуть ли не единственным учреждением, вросшим в режим!

Повсюду находил я отзвуки собственным настроениям, и “национал-большевистская” концепция принимала в сознании уже совершенно конкретные формы. 13 декабря в статье “Цель и средства” пробросил я первый, разумеется, очень осторожный намек на пересмотр позиций гражданской войны. Отчетливо припоминаю, с каким живым сочувствием был воспринят этот намек компанией “Летучей вороны”. Никто в наш успех уже не верил, всем было ясно, что наступил конец.

Всем! Нет, не всем. Политики продолжали суетиться, и правительство не допускало и мысли о мире. Вообще наверху начался настоящий бедлам. Пепеляев и Червен-Водали оказались пленниками глупейшей иллюзии: мир с эсеровской общественностью во имя войны с большевиками. Пепеляев уехал на запад, к армии и Колчаку, чтобы провести и там свою новую ориентацию. Третьяков благоразумно поспешил на восток, а Червен остался в Иркутске, между семеновской Читой и Политическим центром.

Восстание во Владивостоке... Антиколчаковский меморандум чехов... Антирусское выступление Ллойд Джорджа... Безнадежность.

А тут — нелепейшие жесты потерявших равновесие людей. “Предать суду Сукина, Сахарова, Неклютина... Отмежеваться от омской политики... Собрать Земский Собор, законодательный орган...”. Все это было бы смешно, если бы не было трагично.

Наше “Русское дело” неповинно в поддержке этой глупой игры. Но при создавшейся ситуации и наше положение было достаточно... незавидным.

“Национальная государственность” расплзлась по всем швам. Ее губила неумолимая логика революции.

(Январь 1924 г.).

10. Атаманская Чита

Омское правительство, приехав в Иркутск, сразу же вплотную столкнулось с двумя политическими факторами: 1) “левая”, оппозиционная Омску общественность, легальная, полулегальная и нелегальная, и 2) забайкальский центр, т.е. атаман Семенов. Оба эти политические фактора были тесно сплетены с третьим, быть

может, наиболее веским: с иностранцами. В Иркутске пребывали чехи. В Чите расположены были японцы.

Пепеляев принялся создавать “левый” кабинет и носился с мыслью о “примирении с общественностью”, вплоть до эсеров, уже создавших тогда революционный “Политический центр” на предмет свержения правительства. Но в то время не мог он не считаться и с забайкальским фактором: отталкивать Семенова при собственном бессилии было во всяком случае неблагоприятно. Но как же быть, как объять необъятное: эсеров и... атамана?..

Реальные силы правительства в Иркутске были чрезвычайно жидки. Солдаты стоявших под городом у вокзала полков явно смотрели в лес. Город был окружен партизанами. Настроение чехов, подогретое меморандумом Павлу и резкой репликой Колчака, сулило самые зловещие перспективы. Не внушал доверия и сам губернатор Яковлев с отрядом особого назначения. Обывателю надоела война, и он хотел ее конца во что бы то ни стало. Опереться можно было лишь на юнкеров да еще, пожалуй, на некоторую часть гарнизона. При таких условиях допустимо ли было игнорировать Забайкалье?

И если налево велась по-своему “искренняя” игра с эсерами, то одновременно из Читы был вызван Таскин⁶⁰, забайкальский губернатор, близкий Семенову человек и, кстати, старинный приятель самого В.Н.Пепеляева (оба были членами Государственной думы, оба кадеты, оба сибиряки). С ним тоже шли разговоры, и даже был ему предложен пост министра без портфеля.

Разумеется, сам по себе Семенов меньше всего вызывал симпатии. В “атаманщине” особенно густо обнаруживалась муть гражданской войны. Трудно бывало определить, где кончается политика и начинается заурядная, а то и незаурядная уголовщина. Термин “белобандиты” и впрямь подходил к этой среде. Много рассказывали об отвратительных зверствах семеновщины, о масовых избиениях шомполами, о сжигании людей в топках пресловутых броневиков. Отталкивала от Семенова и его слишком уж откровенная связь с японцами, его авантюристская нелояльность к Адмиралу, чуть не приведшая весной к вооруженному столкновению. Помню, Колчак вспоминал об этом в беседе с делегацией блока. “Вы думаете, — говорил он, — легко мне было идти на компромисс в этой истории с Семеновым? Однако же пришлось, ничего не поделаешь...”. И в самом его тоне ясно чувствовалось его отношение к читинскому молодцу: презрение, брезгливость, раздражение, заглушенная злоба.

Да, конечно, авантюрист. Но что же делать? Если весной в Омске в хорошие времена пришлось с ним лукавить, то как же прикажете быть теперь. Совершенно очевидно, что продолжать вооруженную кампанию вне тесной связи с Читой уже нечего и думать. Следовательно, нужно прежде всего приглядеться к читинской обстановке.

И вот, куда наше Бюро печати и газета оседали в предостав-

ленной им “Летучей мыши”, я решил съездить в Читу. Кадеты наши и Червен-Водали не только одобрили эту поездку, но даже меня понукали. Волков в “Модерне” познакомил меня с Таскиным, который должен был в собственном вагоне возвращаться в Читу. Он пригласил меня с собой.

Из Иркутска выехали мы, помнится, 26 или 25 ноября. Двое суток езды усиленно беседовал я с моим спутником, стараясь войти в разум читинских настроений. Таскин пользовался хорошей репутацией; его личная порядочность была вне всяких подозрений. Выглядел он интеллигентом из толковых крепких мужичков с хитрецей, без “интеллигентщины”.

Как и нужно было ожидать, он подверг жесточайшей и весьма язвительной критике омскую политику вообще, и последний, иркутский, ее вариант в особенности. Колчаку он ставил в вину неумелую внешнюю политику прежде всего — особенно антияпонскую установку. Он доказал, что при хорошем отношении к нам японцев, при их реальной помощи большевики были бы уже разбиты. А с японцами договориться было, по его мнению, вполне возможно. Должен признаться, он меня на этот счет все-таки не убедил. И доселе я думаю, что он ошибался: залучить японцев к западу от Байкала было нелегко, вернее, вовсе невозможно.

Что же касалось новых замыслов Пепеляева, то они расценивались им как верх наивности. Метод “широкой коалиции” ему не импонировал. Министры казались оторванными от жизни: “бегают в “Модерне” из номера в номер и воображают, что делают государственное дело!”. Пепеляевское приглашение на беспорточное место им было решительно отвергнуто. “Что ж я им — на затычку понадобился? Нет уж, спасибо, заигрывай со своими эсерами, а я посмотрю из своей Читы. Да навсякий случай комнату тебе у себя приготовлю, как бежать будешь...”. Они на “ты” еще с петербургских времен.

Нет, Пепеляеву следовало сразу же взять иной курс. “Надо было ему прежде всего приехать в Читу и поговорить с Атаманом: так, мол, и так, — какую, мол, роль желает он играть в новой комбинации?”. Как же иначе? Все равно придется к этому прибегнуть, да как бы не было уже поздно!

Из дальнейших бесед выяснилось, что Таскин пошел бы, пожалуй, на пост министра внутренних дел. Но, разумеется, это было абсолютно несовместимо с тем равнением налево, которое собирался предпринять Пепеляев. Впрочем, по словам моего собеседника, он ему обещал после возвращения из Ставки лично съездить в Читу и продолжить разговор.

Говорили мы и о положении в Чите, и о Семенове. Выходило, что контакт с японцами полный, что Атаману обещана еще одна японская дивизия, что внутренняя политика, правда, жестка, но в конце концов по времени рациональна. Гражданское управление пытается умерить пыл военных, и благодаря личным хоро-

шим отношениям его, Таскина, с ген. Афанасьевым многое удастся. “Да вот приедете — сами посмотрите”.

Таскин произвел на меня впечатление человека неглупого, с умом практическим и трезвым, умеющего учитывать обстановку, но всецело втянувшегося в семеновскую ориентацию и больно обиженного на Омск за то, что тот забыл его. Впрочем, некоторые упреки были справедливы. Выяснилось, между прочим, что из всех омских министров наибольшей враждебностью Читы пользуется Гинс.

— Но точно ли так прочно положение Семенова?

— Очень прочно сейчас. Отличные отношения с японцами! Поверьте, большевиков тут не будет. Будем продолжать борьбу сами, песня Колчака спета...

И, хитро подморгнув:

— Ну, а не выйдет, уйду в Монголию баранов пасти! Что ж делать—то будешь...

По пути встретились, на разных станциях, два пресловутых семеновских броневика. Гроза забайкальского населения. Каратели. Тут же, в вагонах, допрашивают, учиняют пытки, порки. Говорят, бывало, что людей бросали в горящую топку. С отвращением всматривался в лица этой публики. Жутью веяло от них: словно уже ничего человеческого в них не осталось. “Душегубы”. Таскин кивнул мне на них, усмехнувшись:

— Смотрите, смотрите. Головорезы... Не приведи Бог попасть в лапы вот к такому, а?.. Ну, что делать: революция!..

Да, революция. Вот и американские солдаты на станциях: их участок охраны. Красавцы, молодец к молодцу; что за отменная порода людей! Предлагают доллары на наши деньги. Вот обращается такой красавец к какому-то пассажиру в военной форме. Тот останавливается, весь вспыхивает враждой и бросает в лицо намеренно четко, громко, резко:

— Я русский офицер, и с п е — к у — л я ц и е й не занимаюсь. Слышали?

Америку тут недолюбливают. Здесь в любви и почете — Япония...

Приехали мы в 10 часов вечера. Переночевал я в вагоне и на другой день начал знакомиться с “общественностью”. Поговорил с кадетами, вечером собрался кадетский комитет, оттуда отправился ночевать к доктору Цейтлину, умному и симпатичному человеку, члену комитета; вспоминаю большую комнату, залу, уставленную цветами, — за ширмой организовали ночлег. Из бесед выяснилось, что при всех недостатках власти с нею все же можно иметь дело, тем более что другого выхода нет. Указывали, что сам Семенов все-таки выше семеновщины и что, в частности, в области внешней политики (Япония, Манчжурия) ему удалось достичь несомненных успехов. На заседании комитета я ставил вопросы об Иркутске, фронте, Колчаке. Резко сказывалась разница

в настроениях иркутского и читинского комитетов: если первый пребывал в состоянии левой полуопозиции даже к Омску, то второй, всецело ориентируясь на Колчака, по обстоятельствам времени считал допустимым и даже целесообразным сотрудничество с атаманом Семеновым. Беседа с читинскими кадетами укрепляла мою “восточную ориентацию”: если стоять на точке зрения антибольшевистской борьбы, то нужно договариваться не с эсерами, а с наличным Забайкальем.

К этому, однако, во избежание недоразумений необходимо добавить, что читинские кадеты отнюдь не страдали излишней симпатией к семеновщине и меньше всего закрывали глаза на ее пороки. Так, я узнал, что во время конфликта атамана с Колчаком партийный комитет публично осудил в резкой форме антипатриотическую позицию Семенова, за что чуть даже не оказался *in cogroge** арестованным. Весьма сдержанным было его отношение и к Таскину, несмотря на большой кадетский стаж последнего: шокировала чрезмерная его близость к атаманскому аппарату, развращенному до мозга костей обстановкой произвола, бесправия и коррупции. Но в наличных условиях омской катастрофы комитет отчетливо сознавал возросшую значимость японо-читинского фактора. Среди членов комитета наблюдались, как это обычно бывает, различные оттенки мнений: одни относились к Семенову терпимее, другие враждебнее. Но, в общем, у меня сложилось впечатление, что все единодушно расценивали поворот Верховного Правительства лицом к Семенову как более или менее горькую необходимость.

На следующий день был у генерала Афанасьева, правой руки Атамана, как говорили, вдохновителя всей читинской политики. Военный юрист.

Мне почудилось что-то арачкеевское в его внешности. Грубые черты и неприятное выражение лица. Встретил меня он сухо, официально, и лишь потом несколько разговорился.

Он не скрывал своего отрицательного отношения к Омскому правительству. Видно было, что общее положение противобольшевистского фронта очень мало занимает его. Его интересы явно ограничивались Забайкальем, спокойствием своего района. Поддерживалось это спокойствие, по собственному его признанию, строгим соблюдением сурового административно-судебного принципа: лучше осудить десять невинных, чем оправдать одного виновного.

Затем он стал излагать мне свой проект организации двух генерал-губернаторств, западного и восточного, с границей по Байкалу. По существу это было не чем иным, как стремлением раз-

* В полном составе (лат.).

делить надвое территорию белого Востока и отгородиться от бедствующей в Западной Сибири колчаковщины. Через некоторое время, когда этот проект стал достоянием гласности, я посвятил ему критическую несочувственную статью в своей газете ("Русское дело" от 23 декабря).

Да, семеновская Чита выглядела эгоисткой, и притом довольно близорукой. С улыбкой снисходительного презрения смотрела она на бьющийся в предсмертной агонии Иркутск, на трагический поезд Буки, заброшенный в степных сибирских пространствах: "Сами, мол, виноваты". И не хотела пошевелиться и пальцем для общего, казалось бы, дела. Печальная картина!

Это тягостное впечатление еще более усилилось, когда, выйдя от Афанасьева, встретился я с одним знакомым офицером, племянником Ключникова, заурядным парнем, служившим в штабе. То, что его патрон говорил с некоторой дипломатической смягченностью, он выпаливал без обиняков:

— Ну, что, поддыхает ваш Колчак? И прекрасно, туда ему и дорога.

— Ой, смотрите, подохнет Колчак — и вам несладко будет. И до вас доберутся.

— Ну, нет, батенька, это уж оставьте. Дальше Байкала красным не бывать. Наш Атаман не чета вашему Колчаку...

Не приходилось после этого дивиться рассказам о поведении Семенова в отношении антибольшевистского сибирского фронта: ни одного человека Колчаку! Некоторых офицеров показательно расстреляли только за то, что они хотели уехать в действующую армию. Однажды произошел заправский бой с эшелоном инженерных войск, желавшим прорваться на запад. Вдогонку ему был отправлен броневик, громивший ослушников артиллерийским огнем. Таковы были семеновцы, таков был стиль восточной "атаманщины". Словно воскрес удельный период нашей истории. И это — под флагом "национального дела", в окружении громких патристических фраз, под лозунгом "единой и неделимой"...

Афанасьев обещал мне устроить встречу с самим Семеновым, но как-то не очень уверенно: "Я извещу Вас дополнительно". В сущности, ситуация была мне довольно ясна и без этой встречи. Однако я думал подождать.

Но вечером я случайно узнал через знакомого пермского юриста Т., служившего по мобилизации в семеновской контрразведке, что там из Иркутска получен приказ следить за мною как за опасным в смысле большевизма человеком! Эта весть настолько удручила и взорвала меня, что я поспешил уехать из Читы, сопровождаемый ставшим для меня очевидным наблюдением шпииков. Стала понятна и задержка свидания с атаманом... Вернувшись, я с возмущением рассказал об этом характерном эпизоде Червен-Водали (министр внутр[енних] дел); но, разумеется, его ведомство было тут совершенно ни при чем — дело шло по линии военных. Я вспомнил, что в двух беседах в высокой военной среде в

Иркутске проявил я излишнюю неосторожную откровенность по части изложения своих прогнозов национал-большевистского характера: мол, в конце концов нечего бояться за Россию, даже если мы будем побеждены, что большевизм станет объединителем страны и т.д.

В Иркутске я сделал в кадетском комитете доклад о своей поездке и напечатал в “Русском деле” небольшой очерк впечатлений Читы. Комитет в своей резолюции (от 7 декабря), наглядно отражавшей противоречивость обстановки, наряду с осуждением политики, приведшей к “милитаризации административного управления”, счел необходимым подчеркнуть, что “благодаря передвижению фронта на восток первостепенное реальное значение приобретают основные факторы восточносибирской политической жизни; точный учет этих факторов в их политическом и военном отношениях должен явиться одной из насущных забот нового правительства”.

Вскоре никчемная безнадежность “левого” правительственного курса обнаружилась воочию: началось эсеровское восстание, сначала в Черемхове, чтобы затем переброситься и в Иркутск. 23 декабря приказом Колчака “командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-майор атаман Семенов” назначался главнокомандующим войск Забайкальского, Приамурского и Иркутского военных округов “на правах главнокомандующего армиями с подчинением ему командующих войсками названных округов”. Таким образом, силою необходимости агонизирующая омская власть была повернута лицом к Семенову.

Были высланы в Иркутск семеновские войска. Вслед за ними двинулись и японцы. Жанену и чехам удалось парализовать эту акцию. Впрочем, она была и сама по себе достаточно слабой.

Помню аэроплан повстанцев, летавший над городом и сбрасывавший воззвания, сочувственно подхватываемые улицей. Помню панораму боя на левом берегу Ангары, схватку семеновского броневика “Беспощадный” с толпами повстанцев, — смотрели на нее с городского берега, у здания университета. Помню... свою статью “В грозный час”, хотя и не испытываю ни малейшего удовольствия, вспоминая ее; потом, в Харбине, мне часто кололи ею в глаза бывшие мои соратники. Эта краткая статья (26 декабря), продиктованная начавшимся вооруженным восстанием в городе, содержала в себе три приветствия: адмиралу Колчаку и его правительству, атаману Семенову в связи с его новым высоким назначением и, — “нашим друзьям и союзникам японцам”.

Было мало радости “приветствовать” забайкальского атамана. Было как-то даже неловко перед самим собой. Но политика гражданской войны знает свою логику. Нужно было дойти до последнего вывода и упереться — в абсурд. На другой день я доказывал в очередной статье, заглушая этой логикой собственную растерянность, что, мол:

“Да, можно оставаться демократом и приветствовать атамана

Семенова. Это парадокс, но разве нынешняя действительность не состоит из парадоксов?.. Когда вы, с одной стороны, имеете революцию, превратившуюся в якобинское самовластие, революцию, руководимую гениальными маньяками и обещающую праздновать еще долго свой безумный пир, когда, с другой стороны, вы путем горького опыта убеждаетесь, что противостоять этой революции можно лишь ее же средствами, вы принуждаетесь произвести выбор. И во имя на родо прав ст ва вы должны выбрать второе”.

Носеменовские войска в Иркутске демонстрировали и военное свое бессилие. Пышные приказы Атамана обернулись отвратительной и жалкой буффонадой. Не помогли и “наши друзья японцы”. Это был еще один урок: последний крутой политико-идеологический поворот превратился в необходимость, в неизбежность, в долг и — факт.

(Записано в августе 1920 года,
проредактировано осенью 1926 г.).

10. Еще о Чите

Занятный отрывок обо мне — в мемуарной статье бывшего читинского журналиста Житенева “Перед концом Читы” в сегодняшнем номере “Русского слова”:

“Припоминается мне Н.В.Устрялов, два раза приезжавший в Читу из Иркутска. В первый раз с особой миссией к атаману Семенову за поддержкой перебравшемуся в Иркутск колчаковскому правительству, а второй раз в качестве беженца в японском вагоне.

В последний приезд он был настроен довольно мрачно, был молчалив и сосредоточен. Для меня по крайней мере не оставалось никакого сомнения, что в нем произошел душевный перелом и что он уже не кадет. Но в то время он не определился еще и для самого себя. Как мне потом рассказывал доктор А.Л.Цейтлин, приютивший Устрялова в своей квартире, будущий сменовеховец всю ночь прошагал по комнате, не сомкнув глаз. По-видимому, то был кризис, разрешившийся новой устряловской идеологией, и в ту бессонную ночь родился тот Устрялов, какого мы знаем уже десять лет”.

Отрывок прелестен наивностью. Но вот насчет бессонной ночи. Ночевал ли я у Цейтлина в свой второй приезд? Ведь тогда мы жили в вагоне и в чужом приюте надобности не имели. Но возможно, что раз переночевал — после ужина, которым как-то там меня накормили Цейтлин, Малых и некто третий (сейчас не упомню). Но вряд ли ту ночь я не сомкнул глаз: ничего экстраординарного, во всяком случае, она для меня не представляла. И “душевный перелом” был делом меньше всего одной ночи (я описал его в

статье “Иркутск — Харбин”, в юбилейном номере “Новостей жизни”, 1927 г.).

Скорее, действительно бессонной была одна из ночей первого моего приезда. После визита к Тихомировым, где я узнал о телеграмме иркутской контрразведки с предписанием следить за мной как за опасным по большевизму лицом. Помню, состояние было отвратительное: и бешенство, и презрение, и опасение элементарного гнусного скандала. Как сейчас помню и филера, сопровождавшего меня по морозу: бритый молодой человек провизорского типа. Сначала сидел против меня в кафе. Потом совершенно неожиданно встретил его на темной улице окраины, когда разыскивал Тихомировых. Ничего не подозревая, обратился к нему вплотную с вопросом об улице и номере дома. Заметил, что он сильно смутился. Ответил, что не знает. И я узнал его и еще подумал: “Бывают же совпадения, только что сидели рядом в кафе, в центре города”. У Тихомировых все разъяснилось. И ради предосторожности тут же передал им бывшие со мною два листка дневника, накануне написанные под свежим впечатлением читинских встреч. И просил их сжечь. Потом жалел их: любопытно было бы их сохранить.

Вернувшись домой, ночь спал плохо. Раздумывал: откуда бы? Единственное предположение: удружил генерал Скосырев, семье которого в Иркутске, почему-то разоткровенничавшись, я как-то изложил национал-большевистскую схему, тогда в основном уже сложившуюся в голове моей. Либо генерал Артемьев, с которым тоже “делился сомнениями”. Тогда-то, вероятно, “всю ночь и прошагал по комнате”...

Но возможно, что нечто подобное было и в другой приезд. Настроен тогда я был действительно достаточно мрачно. Но насчет второго рождения в одну бессонную ночь — наивный миф, конечно...

(1 июля 1930 года).

12. Эпилог

Вспоминается жизнь в Иркутске после переворота 5 января 20 года. Нужно записать, пока еще свежи события в голове.

Четвертого числа лег спать под впечатлением, что делегации нашего правительства удастся договориться с Политическим центром на условиях нашей эвакуации на восток. Было известно, что положение безнадежно и что Червен-Водали пойдет на самые крайние уступки. Вечером, часов в 8, был в последний раз в “Модерне”. Большинство обитателей его уже выехало. С Коробовым, Сверженским и, кажется, Бутовым мы прошли к Гинсу, как управляющему делами Правительства. Коробов, в качестве председателя нашего правления, просил принять экстренные меры для расчета с Русским Бюро печати. Нужны были деньги для ликвидации работы в Иркутске и предполагаемого возобновления ее на

Востоке. Правительство же было должно нам что-то около пяти миллионов, кажется.

Гинса застали мы весьма взволнованным. Видно было, что ему не до нас, а главным образом — до себя. Встретил он нас крайне сухо, заявил, что сейчас ничего сделать не может, что даже и разговаривать по этому делу не хочет и “просит уважать его неприступные часы”....

На душе было тяжело, в воздухе висела томительная, гнетущая безнадежность.

Последнее впечатление от “Модерна”: “В коридоре у лестницы стоит взволнованная группа офицеров и обсуждает дальнейшие действия. Куда деваться, как спастись? Правительство словно их покинуло, министры исчезли, каждую минуту можно ожидать занятия города революционерами. Некоторые собираются идти пешком к Байкалу.

Я ушел домой, а эта группа еще шумела и волновалась. На лестнице уже нет охраны, пулемет стоит сиротливо и никчемно: уже никто теперь не станет его беспокоить ради защиты опустевшей резиденции Российского правительства.

Власть умирала чадно, тускло, ни в какой мере и ни с какой стороны не величественно...

На другой день утром уже было известно, что город — во власти частей повстанческой армии.

Отправился на Большую улицу, чтобы узнать толком об всем: думалось, что на вокзале заключено соглашение, на основании которого революционеры заняли Иркутск. Хотелось знать, каковы же “наши права” по этому соглашению.

Выйдя на Большую улицу, с угла Троицкой увидел у “Модерна” большую толпу. Среди нее ярко выделялась конная воинская часть. На улицах центра было весьма оживленно.

Обойдя “Модерн”, вышел на Большую с другой стороны. Около Бюро печати встретил Коробова. Редакция “Нашего дела” вывесила последнюю информацию: “Ночные события”. Город взят силой, хотя и без сопротивления, переговоры с правительством не привели ни к чему и были прерваны представителями Политического центра, к которому теперь и перешла власть. Сообщалось также, что арестован Гинс (это оказалось неверным).

Перекинулся парю грустных слов с Коробовым. Он возмущался столь бездарным финалом, нелепостью всей этой переговорной канители, против коей он так возражал в беседах с Червеном. Мне же эти подробности были как-то безразличны: происходило нечто гораздо более важное, чем падение иркутского кабинета или Иркутска — наступал перелом всей истории русской революции, завершался период вооруженной борьбы с большевизмом — и не все ли равно, удалось ли нам эвакуироваться на восток, или нет?.. В Читу я уже не верил. Терялась надежда и на Юг. Старая идеология окончательно уходила из ума и из души...

Но что же, однако, дальше? Остро вставал персональный вопрос, и решение его, очевидно, не терпело отлагательств. Надо было принимать какие-либо меры к “устройству судьбы”...

Кажется, у Зуды за обедом встретили С.А.Школьник, проявившую ко мне чрезвычайное участие, за что всегда буду ей благодарен. Предложила свое содействие в деле моего перехода в неизвестность. У нее были почему-то какие-то связи с армянским представителем при Колчаке Замоевым, и через него она рассчитывала меня устроить. Отправились в гостиницу, где помещался Замоев и над которой по этому случаю развеялся армянский флаг, С.А. поговорила с кем следует, после чего пригласили весьма вежливо и меня. Дело устроивалось. Мне можно было поселиться (временно, конечно) у председателя комитета иркутской армянской колонии Сергея Ивановича... фамилию забыл. Квартира его как местожительство иностранного подданного (!!) была вне всякой опасности. Никто не мог в нее ворваться и держать себя так, как можно было себя держать лишь в обществе русских людей и на русской территории.

На извозчике переехал вместе с Сергеем Ивановичем к нему на квартиру. Предоставили крайне любезно мне комнату, вообще проявили гостеприимство самое кавказское...

Но на душе было тяжело. И сейчас сердце ноет, когда вспоминаешь о тех днях. И все-таки унизительно (особенно мне, всегда так третировавшему все “карликовые народцы”!), и тоска крушения “белой мечты”, для меня уже тогда бесспорного, и тягучая, темная неизвестность ближайшего будущего, завтрашнего дня... Грустно было, безотрадно — давящий камень на душе...

Много думал, обдумывал... Переписал статью, написанную еще до переворота, 4-го вечером: “лебединая песнь” нашего “Русского дела”, так и не появившаяся на его страницах. Оценка крушения колчаковского движения и прогноз, с нею связанный. Первый ясный намек на “примиренчество”. Черновик этой статьи я потом увез в Харбин и превратил его в интервью, напечатанное вскоре после моего приезда в “Вестнике Маньчжурии” и перепечатанное впоследствии в сборнике “В борьбе за Россию”. Беловик же передал Н.Н.Горчакову, редактировавшему кадетскую газету “Свободный край”, вместе с соответствующим письмом в редакцию — для напечатания. Однако этот добрый провинциальный человек, конечно, ничего не понял в статье, возмущился ею и колебался печатать. А через несколько дней, когда обозначилась возможность моего отъезда, я сам просил ее не печатать, решив выступить ее тезисами уже на востоке — в обстановке, не позволяющей никому упрекнуть меня в “приспособлении” к победителям (впрочем, я, разумеется, прекрасно предвидел, что такие упреки будут бросаться, несмотря ни на что).

На улицы, особенно центральные, выходить не рекомендовалось. Разве что по вечерам...

Первые два дня [я] еще поглядывался в Бюро печати, даже в

кофейне на Большой улице. Но потом стали отовсюду приходиться вести, что мне угрожает арест: особенно возбудила ненависть позиция “Русского дела” эпохи уличной борьбы — “семеновская ориентация” и т.д. Не только власти причисляли меня к людям одиозным, но, как удалось узнать, и рабочие нашего Бюро порешили почему-то задержать меня при первом удобном случае. Надо было, таким образом, принимать меры предосторожности. Прекратил ходить в Бюро, даже к Зуде, жившему наверху, остарелся заглядывать. На улицах центра показываться избегал, а когда показывался — прятался старательно в воротник...

Домой заходить было явно опасно. А так хотелось... Так тяжело не иметь с в о е г о угла! 7-го, на первый день праздника, все-таки пришел. Стояла мягкая, ласковая погода, очень теплая. Наташа, несмотря ни на что, приготовила рождественский стол, еще давно, еще в хорошие времена с любовью обдуманый, Гусь, булочки, шоколад...

Пришел сытый, ибо завтракал плотно у Сергея Ивановича. Наташа ждала... Так трогательно все это было, хотелось плакать... Съел кусочек чего-то через силу, чтобы похоже было на настоящий праздник. Тревожно, грустно... Переоделся, написал, чтобы сохранилась память, страничку дневника. Не сиделось. Каждый звонок — ожидание. Какой уж тут праздник!.. Ушли.

В газетах — ругня по адресу Бюро печати и еще чаще — по моему лично. “Парад народно-революционной армии”. Марсельса, красные флаги, распущенные, нелепые физиономии революционной весны... Сил нет, до чего противно.

Везде довольны. Омского правительства никто, решительно никто из иркутян не жалеет. Какой-то жалкий, неблагоприятный и недостойный конец...

Гуляем по тихим, боковым улицам — теперь только там чувствуем себя д о м а. Обсуждаем перспективы, возможности. Не может же долго длиться нынешняя отяжка. Что же делать, где выход?..

Дни сидения в армянском бесте шли, и надо было на что-нибудь решаться, надо было что-нибудь предпринимать. Хозяева продолжали оказывать самое трогательное радушие (“нам каждый гость дается Богом”), но нельзя же пользоваться им без конца! Вместе с тем не особенно приятно было убеждаться, что и они, как огромное большинство иркутян, искренно рады падению черносотенного омского правительства и победе Политического Центра. Определенно признавали они, что по своим политическим убеждениям примыкают к партии с.-р. ... При этом, конечно, были прежде всего яркими, даже чересчур экспансивными патриотами, не сомневались в воскресении Армении и в ее силе, ругали грузин и явно враждебно относились к России, “угнставшей” их страну. Вечером собирались подчас гости, пели армянские песни, пили за Родину и за скорое возвращение туда, говорили радостные речи на армянском и на русском языке... Тяжело, Боже, как тяжело и

горько приходилось в эти минуты и часы! Как мучительно сознавать себя “без родины”, еще вчера великой и мощной, а сегодня поверженной в прах... С досадой и завистью вслушиваясь в ликование людей, предвкушающих счастье возвращение на возрожденную Родину, я не мог не чувствовать, что мое присутствие еще резче подчеркивает полноту, эстетическую цельность их торжества: публицист “Великой России” в качестве беглеца, просящего и получающего убежище от граждан свободной Армении... Впрочем, большинство их, вероятно, и не знало, кто я такой.

Но в долгие часы одиночества злые надежды копошились в душе и боль за Россию вытесняла из нее чувство живой благодарности к этим людям за их радушие, спасающее от темного будущего, — и мысль выстукивала торжествующие пророчества: “Подождите, еще посмотрим, и если нет трехцветного флага над вашей Эриванью, то скоро, скоро взовьется красный, но тоже русский, русский, русский!..”.

Как-то в очень осторожной, соболезнующей форме я не удержался, чтобы не высказать эту мысль одному из членов миссии — он с полным сознанием собственной силы отнесся к ней как к абсолютному нонсенсу. И в самом деле, Армения уже располагает прекрасной армией (“куда грузинам против нас!”), воодушевлена единством национальной воли и верую в свое демократическое правительство, а вдобавок — и тут особенно почувствовалась мощь молодого народа — вдобавок за него симпатии великих держав!.. “Нет, большевики нам не страшны!..”. Я, конечно, не стал возражать и изобразил на лице полное удовлетворение.

Но еще и еще считаю долгом подчеркнуть, что гостеприимство, которое я встретил у этих не знавших меня и политически не имевших основания сочувствовать мне людей, никогда не может быть забыто, и с тех пор некое теплое чувство к армянам уже неистребимо будет жить в душе...

Но до чего парадоксально было мое положение в этом гостеприимном доме, свидетельствует следующее *qui pro quo**. Раз днем пришел в гости к хозяевам некий красивый, статный старик кавказского типа. Сидел в гостиной, беседовал. Я понял из разговора, что он только совсем недавно приехал в Иркутск, и не совсем обычным порядком. Рассказывал об “отряде”, о превратностях, его постигавших в скитаниях, о доблести начальника, не только невероятно храброго, но и исключительно доброго человека. Мало-помалу я догадывался о страшной правде. Передо мною был помощник и ближайший сподвижник партизанского вождя Каландарашвили, грозного бандита, одно имя которого наводило ужас на омских людей⁶¹. Он прибыл в Иркутск, его отряд стоит

* Недоразумение (лат.).

под Иркутском, ибо Политический Центр опасается впускать в город лихих удалцов красной тайги. Идут переговоры, причем “он с этими господами особенно церемониться не будет”. Партизаны, очевидно, не могут понять, зачем в Иркутске хозяйничают какие-то эсеры...

По мере развития разговора, в который я поневоле втягиваюсь из непреодолимого любопытства, выясняется облик знаменитого партизанского вождя. Выходит, что это тип благородного разбойника, грозы для богатых и сильных, но покровителя бедных и слабых. “Крестьян мы не трогаем, и они нас любят... Много их примыкало к нам из ненависти к колчаковцам...”. Нормы строгой этики царят в отряде, и популярность главаря непререкаема. “Без пощады относимся мы только к колчаковцам... ну, это ясно само собой”...

Конечно, это было ясно само собой, и тем пикантнее становилась беседа... Но зато тем ясней становилось и то, что особенно настойчиво и длительно пользоваться радушием гостеприимных хозяев было бы не только неудобно, но и не совсем благоразумно...

Было ясно, что оставаться в Иркутске более чем рискованно. Правда, большевики тогда казались всем нам значительно более мягкими, чем они были вначале и... чем они оказались в действительности. Царила уверенность, что успокоенные масштабами своей победы, они окажутся в общем милостивыми. Но все же я не сомневался, что, попади я к ним в Иркутске, особых радостей ждать от них было бы трудно: борьба с Семеновым была в полном разгаре, а в Иркутске слишком на памяти у всех оставались мои “просеменовские” статьи и боевые номера “Русского дела” последних дней. Слишком уж ненавистно было мое имя всем социалистам и антиколчаковцам.

Следовательно, нужно уезжать. Но как и куда? Естественнее всего — на восток, где сохранялась белая территория и еще держался белый фронт. Однако восток меня не прельщал. Идеология гражданской войны к тому времени окончательно стала чуждой, даже враждебной моему сознанию. Процесс разочарования в “белой мечте” закончился вместе с падением Омского правительства и выяснившейся неизбежностью крушения и денкинского фронта. “Национал-большевистская” концепция, зревшая и в моем сердце, и в уме моем в течение всего омского периода (если не всей революции с разгона Учредительного собрания и разгрома анархистов), созрела всецело и вполне. Белое движение поражением Колчака и Деникина явно обречалось на бесплодие, и принимать в нем дальнейшее участие для меня психологически было уже невозможно. В сущности, и в Иркутске уже мое участие в нем обуславливалось не силою убеждения в его целесообразности и правоте, а лишь сознанием своего долга перед ним, своей связанности с ним. Бросить дело в Иркутске, когда правительство напрягало последние силы, чтобы спасти положение, а несчастный Колчак, затерянный в сибирских пространствах, тщетно порывался пробиться к правительству — отойти от дела в этот момент пред-

ставлялось, конечно, невыносимым. И с полным отчаянием в душе, прекрасно понимая, что происходит ликвидация русской Вандеи, я все же до последней минуты оставался в белых рядах, и при этом на наиболее одиозном посту. Лишь в частных беседах позволял себе близким людям говорить начистоту. Но для Омского правительства — этого нельзя было отрицать — выход оставался только один: погибнуть. Рекомендовать “примиренческий” путь тогда было тактически бесполезно и этически недопустимо. Такой рецепт оказался бы не только грубым предательством по отношению к сопротивлявшемуся еще Деникину, но и явно был бы воспринят как преступление и правительственными кругами. Произошел бы скандал, получился бы типичный “удар в спину” на радость эсерам, и со всех сторон сочли бы такое выступление за простую трусость: все мы ведь тогда жили на вулкане. Морально-психологически изменять политическую тактику мне как “идеологу Омска” было неуместно. Лишь по приезду в Иркутск Верховного Правителя я мечтал подать ему докладную записку с изложением “новой тактики”. Его манифест о прекращении борьбы и подчинении Советскому правительству как национальной русской власти, победившей в гражданской войне, произвел бы, нужнодумать, большой эффект. Разумеется, он должен был бы быть согласован с другими белыми правительствами... Само собою понятно, что я не мог рассчитывать на практический успех моей воображаемой докладной записки. Кроме неприятных последствий для меня лично, она ничего собою не принесла бы. Однако для меня столь ясной и убедительной казалась тогда примиренческая концепция, что я, вероятно, привел бы свое намерение в исполнение и записку подал бы... В газете же, перед публикацией “на открытой сцене”, продолжал, цепляясь за каждый маломальский разумный аргумент, отстаивать борьбу всероссийского масштаба (с акцентом “на соломинку” — Деникина) и власть адмирала Колчака...

Это было естественно и необходимо до 5 января. Но теперь — что мне делать на востоке? Омское правительство пало. Семенов провалился в Иркутске наипозорнейшим образом, не справившись с кучкою рабочих и бандой дезорганизованных солдат. Остатки сибирской армии (да и остались ли эти остатки?) стремительно и беспорядочно бегут назад, потеряв всякую сопротивляемость. На Деникина надежда плоха. Так что же делать? Провозгласить во Владивостоке новый лозунг — признание Советской власти? Легко было предвидеть результат такого “поворота на 180 градусов”. Разрыв с друзьями, непонимание, нападки. Ехидные вопросы: “Почему же не остался на советской территории?”...

Да, лучше остаться. Но как? Прямо пойти к Политическому Центру или к большевикам, которые неизбежно сменят его в ближайшем будущем, и “принести повинную”? — Бррр... унижаться, и разве верят таким перерождениям на фоне “стенки” или тюремной решетки? Нет, лучше уж попытаться пока скрыться,

чтобы вынырнуть потом, когда острый момент пройдет, и уже в другом месте, не в Сибири...

Надо попробовать пробраться на Запад. Но увы, нет чужого паспорта, необходимого для этой операции, да и конспиратор я больно плохой... Но планы все же строю, даже беседую с армянами о возможности добыть подложный паспорт. Можно доехать до Черемхова, или до Зимы, там пожить немножко, а когда откроется путь дальше — тронуться дальше, в Москву... Там, авось, как-нибудь обойдется. но паспорта все нет да нет. А сведущие люди сомневаются в благополучном окончании замышляемого предприятия. Конкретно — оно на мертвой точке.

Зато насчет востока намечаются реальные возможности. Большое участие принимает Коробов, категорически заявляющий, что мне нужно поскорее уехать из Иркутска. И не только заявляющий, но и заботящийся об осуществлении этого плана. Кудрявцев, тесно знакомый с японцами, уже знает, что в первую голову нужно выхлопотать два билета мне, потом Коробовым. Сам же ехать определенно не хочет: тоже не верит в восток и остро стремится домой; глубоко уверен при этом, что никаким репрессиям не подвергнется, хотя в тсчнис всего колчаковского периода был редактором “Правительственного вестника” и писал великое множество самых воинственных статей — недаром острили про него, что он “пишет обеими руками и обеими ногами” и что наименее удачные его статьи плохи, очевидно, потому, что они “писаны левой ногой”... Его спокойствие укреплялось и тем обстоятельством, что Политический Центр его не разыскивал и, “по точным сведениям”, преследовать не собирался. Помимо того, в кармане его лежало удостоверение японской миссии на имя “с о б. к о р р е с п о н д е н т а Кудрявцева” или что-то в этом роде, и он почти готов был считать себя “экстерриториальным”... Бедняга и в самом деле остался в Иркутске, вскоре по приходе большевиков был арестован, затем отправлен на запад и по дороге умер от сыпного тифа...

Ему непосредственно я обязан жизнью: сам тогда я, несомненно, не стал бы хлопотать перед японцами о билетах в их вагоне на восток. Но когда он добыл эти билеты и они очутились в моих руках, раздумывать уже не приходилось. В смысле личной безопасности восток представлялся, конечно, территорией наиболее благоприятной. Что касается политической деятельности, то я твердо решил уклониться от сотрудничества с Семеновым и в с л у ч а е д е й с т в и т е л ь н о г о к р у ш е н и я Д е н и к и н а открыто выступить с провозглашением новой политической концепции, опирающейся на теорию, как тогда говорили, “внутреннего изживания большевизма”.

Целью моего путешествия являлся Владивосток, где действовало большое и недурно оборудованное отделение нашего Бюро печати. В Чите останавливаться не было смысла. Ориентироваться в общем политическом положении было несравненно удобнее именно во Владивостоке.

Утром 10-го зашла к армянам моя жена и сказала, что все готово, билеты есть и надо ехать. Коробовы же остаются, так как Кудрявцев достал билеты на четырех человек, а их трое; поедут с одним из следующих японских эшелонов. Мне это весьма не понравилось, ибо перспектива материальных задач Русского Бюро печати, равно как самостоятельного устройства собственного материального положения, не могла казаться привлекательною. Пошел проститься к Коробову и выяснить вопрос. Шел, как водится, нахлобучил шапку на лицо, чтобы нельзя было узнать. По дороге встретил Сосонкина, поговорил. Он определенно советовал не ехать — “у Слюдянки фронт, бой”...

У Коробова застал Журавлева, потом пришел Свержинский. Все категорически советовали уезжать и даже удивлялись моим колебаниям. Простился. Вернулся к армянам, никого дома не было; написал благодарственное письмо Сергею Ивановичу и попросил его, когда откроется связь с Россией, послать в Калугу телеграмму: “Живы, здоровы”. Потом пошел к пристани — был уже третий час. По пути зашел на Троицкую к нашей квартире. Увидел Наташу, грузившуюся на два извозчика. Подошел, поехали. Пристань японского парохода, перетаскиваем вещи, замерзают ноги, переодеваю валенки вместо штиблет и калош, подходит пароход, грузимся с трудом, тесно, давка, бесконечные японцы с бесконечными тюками. Наконец погрузились. Русский солдат явно большевистского стиля ругается, хочет выгнать с парохода всех штатских русских и вместо них посадить солдат, которым нужно переправиться на тот берег. Отчаянно ругает иностранцев, в частности, японцев, и, конечно, русских буржуев: “Связались с иностранцами, подождите вот, дайте только им убраться, всех. кого нужно, побросаем в Ангару”. Японцы держатся пассивно. Переплыли, пароход из-за льда не может пристать непосредственно к берегу, перекинуты доски, разгрузка тормозится. Темнеет, совсем темно. Опять с мучениями перетаскиваем вещи, причем теряются штиблеты с калошами, грузимся на подводку с какими-то вокзалу. Показываю спутнику, японскому офицеру, записку майора Мике относительно места в японском вагоне, тот читает и делает знак следовать за ним. Пошли туда-сюда, к вагонам, к японскому коменданту, в результате выяснил свой вагон. Вошел. Первое купе — сидят японки, затем русские незнакомые. Открыл дверь в следующее отделение, и тут сразу увидел уже знакомые лица. Гинсбез усов. Вологодский, дальше Гаттенбергер. Гинс опечалился, убедившись, что его сразу можно узнать, несмотря на отсутствие усов, и сообщил, что майор Мике уже осведомлялся обо мне. Пошел к Наташе, которая с вещами оставалась у входа на вокзал. Нанял за двести целковых какого-то мужика, стали перетаскивать в вагон. Трудно было, далеко, устал. Все-таки в конце концов перетаскили.

Погрузились в вагон, кое-как устроились: жена внизу на продольном месте вдоль окна, я наверху над Вологодским, против

Гинса. Но тут же пришлось убедиться, что настроение у всех отвратительное, близкое к паническому. “Говорят, перед отходом поезда они будут обходить вагоны, осматривать паспорта”. — “Кто они?”. — “Да эти господа... Эсеры...” — “Ну, а разве японцы позволяют?” — “Кто ж их знает!”. Зашел Мике, бросились к нему, спрашивают. Отвечает: “Будем просить, чтобы не входили”... Как прикажете понять? Ну, а если станут настаивать? Волнение, страхи. Гинс просит его называть не Георгием Константиновичем, а как-то еще — согласно фальшивому паспорту, который держит в кармане наготове... Генерал все подчеркивает свое польское подданство, несколько дней тому назад приобретенное. Батюшка (из крестовых проповедников) тоже заметно волнуется, матушка, разумеется, еще больше: все надоедает японцам вопросами и смотрит скорбными глазами...

Я прилег, немного задремал. Устал физически, перемучился нравственно, ощущалось сердцебиение, также одышка. Через полчаса (приблизительно) опять проснулся, хотелось пить. Японец в одном из соседних купе играл на какой-то своеобразной дудочке — заунывные, однообразные, тягучие звуки... Странное, дикое впечатление производила эта музыка на фоне окружающего волнения и собственных сумбурных переживаний...

Встал, пошел к японцам взять кипяточку, попить. Только слез, — почувствовал, что закужилась голова. “Ничего, — думаю, — попью, пройдет”. Налил стакан, — кажется, было что-то вроде жидкого кофе, пошел обратно к себе. Но голова кружилась все сильнее и сильнее. Добрался до своего купе, хотел присесть на лавку, но там не было места. Сказал, что у меня очень кружится голова, что хочу прилечь. Жена, лежавшая на лавке, стала медленно подниматься. Я хотел сесть на пол, потом подумал, что это со стороны произведет странное впечатление, собрал силы, встал во весь рост и сразу упал, потеряв сознание... Услышал где-то вдали, глухо, испуганный голос жены, какой-то шум — точно это давно было и далеко... Меня укладывали на лавку, дули, а потом теплой кофейной водой прыскали в лицо. Немного пришел в себя, ощутил, что в груди словно что-то разорвалось, и что-то теплое, жидкое разливается там... Подумал, что конец — “разрыв сердца!”, собрал все силы, помню, хотел что-то сказать, но не мог. Однако скоро стало лучше, лучше, приходил в себя. Дали валерьянки, кажется, какого-то вина. Симпатичный японский капитан все время хлопотал, спрашивал, как себя чувствую, нет ли жара и т.д.

После этого инцидента ушел наверх спать... Все стояли, хотя говорили, что к ночи тронемся. Стояли и весь следующий день. Разумеется, не выходили из вагона, сидели тише воды. Слухи о проверке паспортов не прекращались. Опять ночь, опять легли — на том же самом месте. Ночью просыпаюсь от шума: оказывается, русские пассажиры соседнего купе спешно переходят к нам по распоряжению японцев. Первое, что бросилось мне в глаза после пробуждения, — занавес, который занавешивал наши четыре лавки

от прохода. Спросонья громко спросил: “Что это, — зачем занавеска?”... Гинсбыстрым шепотом: “Молчите, это японцы нас прячут; ждут контроля”... Японцы чего-то волновались, громко разговаривали, поминутно выходили из вагона... Новый слух: толпа рабочих требует нашей выдачи, хочет ворваться в вагон, японцы не пускают, и их часовой даже выстрелил и прострелили руку рабочему... Разумеется, все это не способствовало хорошему сну...

Так прошла ночь. Слухи оказались преувеличенными. Выяснилось, как будто, что никакой толпы не собиралось, но в вагон наш посадили нового русского проводника, и японцы прячут нас от него, — оттого и перевели в наше отделение русских, находящихся ближе к тому выходу. А выстрел был нечаянный, и случайно раненный русский рабочий (не стремящийся никуда ворваться) получил от японцев “на лечение” вполне удовлетворившую его сумму денег. По крайней мере, такова японская версия... А закрывали они нас своими занавесками на всякий случай — вдруг если бы и в самом деле началась проверка. Сказали бы: “Там наши спят, японцы”... Очень любезно и мило с их стороны...

Утром 12 января вдруг поезд двинулся. У всех, разумеется, — вздох облегчения. Вот голубая Ангара, покрытая быстро плывущим льдинами, вот живописный Иркутск, розовеющий от ранних солнечных лучей на голубом фоне неба... Хорошо, приятно!.. Вот “звездочка”, где несколько дней тому назад столкнулся революционный паровоз с семеновской платформой; — еще остались следы катастрофы. Дальше, дальше, — скрылся Иркутск, едем, едем на спасительный Восток, к лучам восходящего солнца...

Байкал. Уже замерз почти везде, стал белою равниной. Слюдянка, Мысовая. На Мысовой арестованный, разоруженный чехами семеновский броневик, отступивший от Иркутска. Какая-то дамочка, с колоссальной шляпкой, сильно раскрашенная, входит в наш вагон и просит японцев взять в Читку ее и ее мужа, арестованного чехами на броневике... “Я — сестра милосердия, мой муж — семеновский офицер”... Невольно мелькает мысль: “Весело же господа семеновцы совершали свой поход в Иркутск”... Мы еще не знали тогда о зверской расправе этих веселых господ с иркутскими заложниками...

Дальше, дальше, Верхнеудинск — семеновское царство.

В качестве проводника вагона у нас в конце концов очутился какой-то мелкий военный чиновник, страстно желавший убежать от большевиков, но совершенно не знакомый с устройством и функционированием вагонного отопления. Потом, кроме того, оказалось, что он — большой любитель поспать по ночам, каковое его свойство находилось в глубоком разладе с его новой импровизированной должностью. В результате трубы отопления лопнули, и нам приходилось переживать муки жестокого холода — особенно дня два, перед Читой, где мы были переведены в новый вагон.

В Верхнеудинске встретили несколько знакомых офицеров, покинувших Иркутск пешком накануне сдачи, и от них узнали,

между прочим, об убийстве семеновцами на пароходе “Байкал” (если не ошибаюсь) тридцати заложников-эсеров, арестованных в последние дни Иркутским правительством. Вопреки категорическому распоряжению Червен-Водали, они были захвачены и уведены с собою семеновцами, а на пароходе зверски замучены и брошены в воду. Главным палачом их называли полковника Сипайло, с особым удовольствием дробившего их черепа деревянными колотушками. Среди погибших находились видные сибирские эсеры Павел Михайлов, Борис Марков и др., которых было бы нетрудно обменять на омских министров, попавших в руки Политического центра. О преступном и отвратительном поступке семеновских героев, удиравших из-под Иркутска, говорили повсюду с ненавистью, презрением и содроганием. Бесконечные эшелоны чехов, со своей стороны, живо обсуждали этот казус, характеризующий “белую мечту”...

Кстати, насчет чехов. В то время между ними и японцами отношения дошли до такой степени обостренности, что можно было даже с минуты на минуту ожидать вооруженного столкновения. Чехи открыто ориентировались на Политический центр, японцы же не могли допустить распространения повстанческой волны к востоку от Байкала, где уже начиналась зона их оккупации. Между тем эсеровские агенты в чешских эшелонах проникали на восток, и положение в западном Забайкалье становилось определенно тревожным. Можно было каждый момент ожидать переворота на всех пунктах железнодорожной линии до Читы при содействии или “дружественном нейтралитете” чехов. Однако японцы зорко наблюдали за развитием событий, принимая меры к недопущению смены русской власти.

В дни нашего путешествия взаимная враждебность между “интервентами” дошла до высшей точки. Японские офицеры нашего вагона нервничали, возбужденно беседовали между собой, причем мы улавливали из этих бесед лишь два часто повторяющиеся слова: “чехи” (чехи) и “Семенов”. Но благодаря любезности наших хозяев и мы не оставались без информации. Время от времени один из японских офицеров, по большей части молодой капитан генерального штаба, вообще поддерживавший с нами дружеские отношения, призывал переводчика и сообщал нам последние сведения. Прекрасно помню один вечер, когда он откровенно предупредил, что через одну или две станции может произойти бой с чешским эшелонем. В течение двух или трех дней столкновение ожидалось с часа — не в одном, так в другом пункте. В каком-то районе (не то Мысовой, не то Верхнеудинска) японская артиллерия даже выезжала на позиции. Но в конечном счете все обошлось мирно. В Верхнеудинске уже происшедший бескровно “переворот” был столь же бескровно аннулирован воздействием японцев. В Чите, не без основания опасавшейся событий, чешские эшелоны пропускались без остановки на станции, причем в момент их проезда вокзал наполнялся семеновцами, вооруженными до зубов...

Из бесед с японским капитаном мне хотелось выяснить настроение японских “военных кругов”, которое, конечно, он не мог в какой-то мере не отражать. Это был на редкость симпатичный и вполне интеллигентный японец, европейски образованный, знавший немецкий и английский языки и немножко русский, которому усиленно учился. По-видимому, очень интересовался политикой, — по крайней мере, охотно поддерживал беседу на политические темы.

Скоро с несомненностью выяснилось, что он — ярый германофил и англофоб. О Германии неизменно отзывался с нежностью как о великой стране, с которой всем и, в частности, Японии следует брать пример. Высказывал уверенность в грядущем осуществлении тройственного японо-русско-германского союза, непобедимого и диктующего свою волю миру. Особенно же оживлялся, когда разговор заходил об успехах большевистской пропаганды в английской Азии, главным образом, в Индии. Видно было, что всякий удар по Англии — высшее удовольствие для него. Нам оставалось лишь шутя ему заметить, что если Япония будет так относиться ко всем своим союзникам, то ее дружбы придется, пожалуй, опасаться значительно более, нежели вражды...

Что касается русских пассажиров, то их состав оказался достаточно неинтересным. Некий батюшка с матушкой и дочкой, некий тусклый прокурор — забитый муж сварливой жены, болтливый генерал Соболевский, всем надоедавший изложением своих чувств к молодой жене, недавно им приобретенной и ожидающей его в Чите (не проехала ли в Иркутск — вот будет история, если разъедемся!), скучный, сухой, неприятно молчаливый Гинс и, наконец, сам Петр Васильевич Вологодский с женой, дочкой и бесконечными тюками багажа — милейший, добрейший и честнейший, но, боже, до чего мало соответствующий представлению о политическом деятеле и тем более главе правительства! Только что пережитая трагедия крушения власти, которую он так долго возглавлял, крах движения, с которым он так тесно был связан, — все это словно прошло мимо него. Заботливо пересчитывал он свои тюки, спал, пил чай, обедал с чувством, толком, расстановкой и часами играл в дурачки со своей шумливой, незатейливой супругой и шестилетней дочкой... Невольно казалось, что это был словно горький символ омской государственности. Горький символ — и в то же время злая насмешка!..

Ехал еще с нами бывший министр внутренних дел этой государственности А.Н.Гаттенбергер. Тоже честный, добрый человек, хотя и до крайности ограниченный. Больше всего беспокоился он о какой-то материальной обиде, которая причинена ему Советом Министров в Иркутске, и о средствах эту обиду ликвидировать...

Меня искренно удивляло, как мало задеты эти люди страшной катастрофой, постигшей дело, которое не могли же они считать чужим. И я невольно сравнивал их с общественными деятелями той обычной формации, с которой мне до того времени постоянно приходилось встречаться. Взять хотя бы того же А.А.Червен-Во-

дали, В.Н.Пепеляева, десятки других. Они же и в у т своей общественной деятельностью, они вкладываю душу в нее, для них она — главное в жизни. Отрешиться от нее — просто свыше их сил, и ее-неудача — им рана в сердце.

Здесь же — какое-то поражающее, холодное равнодушие... Словно это не политические деятели, а какие-то ч и н о в н и к и о т п о л и т и к и, уволенные за штат за упразднением должности...

В вагоне нашем почти не велось политических разговоров, а разве может человек не говорить о том, что целиком заполняет его душу и его ум?.. А если эти разговоры и заводились, то текли неизменно вяло, поверхностно, банально.

Особенно странно это было для меня, ибо именно в те дни кризис политического сознания переживался мною чрезвычайно остро. Рушилась привычная идеология, нужно было искать каких-то новых путей, нужно было оценить весь смысл свершившихся событий, а тут приходилось слушать либо общие места, ставшие нестерпимыми, либо... “неземную польку” мадам Вологодской и игру в дурачки ее почтенного, достойного супруга...

В Чите пробыли мы четыре дня. Жили в вагоне, на полдороге между “Читою первой” и “второй”. Японцы переменили нам вагон — вместо старого, холодного, дали теплый, “микст” второго-третьего класса.

Разумеется, ежедневно бывал в городе, беседовал с разными людьми. В кадетском комитете делал доклад об Иркутске. Вынес убеждение, что большинство комитета разделяет мою точку зрения на ненужность дальнейшей вооруженной борьбы с большевиками. Особенно поддерживал меня какой-то казачий офицер (тоже член комитета). Потом, спустя месяца полтора, мы с ним встретились в Харбине, и он сообщил, что говорил о моем докладе Семенову, что тот весьма заинтересовался, хотел видеть меня, но я уже уехал...

Трижды был у Таскина. Настроение у него было приподнятое, он тогда только что вступил в должность “премьера” (официально — “помощник Главнокомандующего по гражданской части”), “налаживал аппарат”, верил или старался казаться верящим в успех борьбы. “Создадим боеспособную армию”... Я не скрывал своего скептицизма. Из беседы выяснилось, что он прежде всего и главным образом надеется на японцев: “Скоро еще пришло бы сюда дивизию — конечно, если бы этого не было, разве пошел бы я на все это предприятие?”... Говорил, что будет насаждаться законность, что созовут даже скоро представительный орган... Утверждал, что во всем Забайкалье и на всем дальнем Востоке — спокойствие и готовность подчиниться Чите... А это был канун владивостокского переворота!.. Предлагал остаться, принять участие в работе. Конечно, я отказался сразу... Потом кому-то он не без презрения меня называл “испуганным интеллигентом”. Впрочем, и сам он как умный человек не мог не понимать всей шатко-

сти положения. “Попробуем — а там видно будет... последняя попытка...”. Ждал лихорадочно Волкова, хотел приобщить его [к] новому “аппарату”... Угасание... Тяжкое впечатление произвела после Иркутска Чита.

(Февраль—апрель 1920

г.,

март 1922 г.)

13. Белые либералы

В начале июня С.Н.Третьяков был назначен министром торговли и промышленности Омского правительства. Тогда же он выехал из Парижа в Омск. Почти одновременно с ним появились также А.А.Червен-Водали, П.А.Бурышкин⁶² и Н.К.Волков. Их прислал в Сибирь Национальный Центр.

Мы смотрели на них почтительным взором провинциалов. Вот, мол, приехал “первый сорт”. Присматривались — внимательно и дружелюбно.

Мне пришлось довольно близко сойтись с Червен-Водали и Волковым, людьми достойными и симпатичными. Оба они были кадетами, те двое — беспартийными кадетоидами. Бурышкина я помнил еще по университету; он состоял одно время в кадетской студенческой фракции, но покинул ее после какой-то ссоры. Он производил тогда неприятное впечатление какою-то чванливостью, надменностью дурного тона, всем своим “бабьим” каким-то обликом и манерою себя держать.

Вскоре обнаружилось, что “первый сорт ничуть не хуже третьего”. Ничего мало мальски значительного приезжие гости собою в Омск не внесли. Так себе, середнячки, неглупые посредственности, политики-любители, зауряд-министры той невзыскательной, хотя в то же время и весьма взыскательной эпохи. Помню, Волков, милый человек, нам не без сознания превосходства разъяснял организацию власти у Деникина, противопоставляя ее омской. Мы слушали и покачивали головами от уважения и сочувствия. Он привез нам кое-какие южные документы и декларации, по большей части благоухавшие знакомым стилем П.И.Новгородцева; так и слышался в них несравненный его баритон...

Диктатура — капризная вещь. Она нуждается в успехе как никакой другой режим. Ее опора — истина, что победителей не судят. Но зато не менее внятна ей и другая истина: горе побежденным!

Военные неудачи губельно отражались на всей территории белой власти. Повсюду оживилась оппозиция, усилился ропот недовольных. Зашевелились заговорщики. Загудела “легальная общественность”. И, с другой стороны, аппарат самой диктатуры, достаточно недоброкачественный, ожесточался, зверел еще лютее. Обнажались, заострялись противоречия движения.

“Общественность” по мере неудач на фронте “левела”. Эти настроения очень четко отражала приезжая четверка. Вовне это зачастую отражалось в персональных недовольствах того-то тем-то и тем-то (помню, Червен-Водали возмущался, что им, приезжим, “не дают ходу” и что он, в частности, “не на то приехал”). Но помимо личных мотивов были и общие. Мысль середняка, естественно, лилась по банальному руслу. В новых условиях повторялись старые “февральские” мечты. Теперь ясно, что исторически это был, так сказать, “второй удар”, добивший организм старорежимной России.

Везде заговорили о необходимости общественного контроля и демократизации власти. Непрерывно бубнил об этом несносный Л.А.Кроль. Туда же, только с более мягким туше, тянули и наши екатеринодарцы. В блоке общественных организаций об этом пекся А.С.Белоруссов.

В этих настроениях была своя правда и своя ложь. Конечно, Беларуссов, один из первых заговоривший в Москве 1918 года о пресмотре идеологии традиционного радикализма и в 1919 году “приявший” Колчака, — конечно, он не мог быть непосредственно заподозрен в зловредной керенщине. И все же... да, все же, неся в себе правду этих настроений, он недооценивал близкой к ним лжи и коренившейся в них опасности.

П р а в д а Беларуссова и его единомышленников была прекрасно выражена в одной из статей их екатеринбургской газеты “Отечественные ведомости” в начале июня. Касаясь наших неудач на фронте и призывая общество сохранять “полное равновесие духа”, газета в то же время писала:

“Как много в наш практически действующий государственный аппарат проникло людей, не понимающих духа времени, не обладающих никаким чутьем, не умеющих или не могущим считаться со всею сложностью современной политической и психологической обстановки! Эти люди практически извращают и затемняют цели Верховного Правителя, разрушают те выгоды основного контраста, который дает нам такое превосходство над слабеющим уже, уже издыхающим нашим врагом... Борясь с большевиками, опираясь в этой борьбе на единственно возможную опору, на сознание населения, нельзя ни на одну минуту забывать о зависимости всего дела от этой опоры. Только дикое легкомыслие людей, не вынесших ничего из грозного опыта прожитых лет, не слышащих, не понимающих той страшной силы, которая называется “духом времени”, может рассчитывать на какие-то сокрушающие эффекты капризного персонального произвола, совсестывающего усмотрения. Только грубое невежество может пренебрегать условиями новой пореволюционной массовой психологии и смешивать национальный порыв к государственности и порядку с простым возвратом к “доброму старому времени” с его культом кулака и презрением к “человеческой пыли”. Нет, человеческой пыли больше нет, а это новая социальная среда, с иными против прежнего настроениями, с иным отношением к себе самой и к то-

му, что непосредственно ее касается. Эти особенности новой социальной среды и новой психологии проявляются всюду; они везде, в общественных образованиях и в бесформенной массе, в армии и в гражданском населении, в домах и на площадях. И как только из той среды идет вся живая сила, одевающая в плоть и кровь дело воссоздания России, то всякий, оперирующий в этой среде, должен считаться с нею в каждом своем шаге и в каждом своем действии".

Да, умные строки. И уместны — в атмосфере того времени. Но все же, к сожалению, еще недостаточные.

Их беда в том, что им недостает конкретности. Они допускают двоякое толкование: 1) в духе позднейшего фашизма и 2) в духе идей формальной демократии. Сам Белоруссов и его окружение, чувствуя изъяны второго толкования, были все же к нему ближе, чем к первому. Популярная "общественная" мысль, разумеется, тоже, но только еще с более опасным акцентом. Так, например, декларация иркутского общественного блока от середины июня после общих фраз и заявления лояльности заканчивалась характерной тирадой:

"Иркутский блок готов всемерно облегчить работу правительства в уверенности, что правительство будет стоять на страже законности и опираться на демократические и прогрессивные государственно мыслящие элементы, что правительство примет меры к скорейшему созыву представительного законодательного органа и доведет страну до Национального Собрания" (разрядка моя. — У.).

Представительно-законодательный орган. Вот о чем скрипели блоки и куда практически вела установка Белоруссова. Между тем какую пользу мог принести такой орган при тогдашних настроениях и тогдашнем человеческом материале? Никакой. Он был способен создать лишь дополнительные затруднения. Неизбежно нашли бы в нем выражение эсеровские тенденции. Пошла бы раскачка, осада власти. Коготок увяз — всей птичке пропасть.

Бесспорно, нужно оздоровить аппарат диктатуры. И больше того: нужно сделать самую диктатуру народной. Ясно, что ставилась тогда перед нами проблема современного фашизма. Именно "фашистскую" концепцию следовало противопоставить демократам, Кролю, Белоруссову. Помню, тогда я ошупью брел как раз в этом направлении. Совершенно отчетливо сознавал я бесплодие формально-демократической игры в "общественность", в учредилки и в парламентаризм. Сознал необходимость цезаристской, бонапартистской политики и все белое движение воспринимал в свете этой исторической аналогии. Но формулировать со всею ясностью положительную конкретную программу политики, а также нащупать надлежащий политический стиль я тоже не мог. Требовалась "массовость", а куда мне было до нее, с моим академизмом, противоречивой слож-

ностью, кудрявым языком моей публицистики, малым политическим опытом. Мы, омские кадеты, отстаивали диктатуру, всемерно отмежевываясь от ее реакционного истолкования, и в этом отношении не были чужды духу пореволюционного времени. Но у нас не хватило разума, прозорливости, таланта, влияния наполнить диктатуру Колчака той ударной социальной демагогией и вместе с тем той народной, реально-крестьянской начинкой, которые одни могли, быть может, ее спасти. И Белоруссов, и кадеты — мы танцевали около той же печки, хотя и с разных сторон. Но как следует эту печку затопить не хватило у нас пороха. Конечно, были на то объективно-исторические основания. Та же песенка пелась и у Деникина.

Танцуя у печки, мы спорили друг с другом. Помню, как-то летом приходит старик Белоруссов в наше Бюро:

— Мне нужно с Вами серьезно и интимно поговорить.

— Пожалуйста, Алексей Станиславович, с удовольствием, к Вашим услугам.

Мы отправились в какую-то крошечную боковую комнату, уселись за стол, и он начал:

— Ну что же, положение отчаянное. Нужно что-то делать. Правитель явно неудачен, его правительство бездарно. Послушайте, как отзываются о Колчаке союзники. Жанен разводит руками: везде отвратительно, некуда пойти, идешь на самый верх, *mais la on trouve une femme hysterique**... Методы управления — большевистские, правительственный аппарат никуда не годен; повсюду произвол и беззаконие. Население раздражено, в деревню страшно сунуться, мы на вулкане. Ясно, что если так будет продолжаться и дальше, все пойдет прахом...

Бедняга волновался, его мучила одышка — вестница близкой смерти, молодые глаза блестели, от всей фигуры его веяло искренностью и благородством; лично он был мне очень симпатичен.

Но политические его предложения были неясны.

— Да, положение трудное. Но что же Вы предлагаете, чтобы его выправить?

— Прежде всего проявить силу общественного мнения.

И он стал излагать свои соображения, но уже с меньшей горячностью, чувствуя мой скептицизм, мою оппозицию. По существу программа сводилась к сокращению власти военных, внедрению законности, оживлению общественных организаций и в конечном счете — к ограничению диктатуры. С этим я не мог согласиться: я не верил в нашу “общественность”, горестный опыт керенщины был еще болезненно свеж в памяти, методы большевизма в рево-

* Но там находится одна истерическая женщина... (фр.).

люционную эпоху мне скорей импонировали, чем претили. Если идет гражданская война, как же обойтись без военных? Военным становится все гражданское, ибо весь тыл становится фронтом. Этого не избежать, иначе придется кончать войну. Правда, и мы, кадеты, выносили резолюции против злоупотреблений военно-административного режима и за разграничение функций “обеих групп исполнительной власти”. Но нельзя преувеличивать реальную значимость подобных резолюций. Нельзя было не понимать и того, что “гражданская” полиция в делах управления в силу все тех же пороков людского состава оказывается ничуть не лучше военных молодцов. Да, аппарат плох. Да, нужно оздоровить политику нашу. Ну, что же, пусть “общественность” для этого идет в правительственный аппарат, наконец, пусть “гражданские” становятся “военными”. Но вы ничего не спасете, собрав в Омске квази-парламент и спрятав хлыст диктатуры.

У старика как будто таилась еще одна мысль. Едва ли оформленная в собственном его сознании. Мысль — о личности диктатора.

Колчак “не удавался”. Но... нельзя ли, в таком случае, в придачу к официальному диктатору найти реального, подходящего? И сошелся ли клином свет на Колчаке? Есть еще генерал Гайда; почему не дают ему ходу? А.С. знал Гайду по Екатеринбург, любил его и верил в него горячо.

— Он при мне сказал, ударив кулаком по столу: “Я спасу Россию”. И спасет, я верю. Помяните мое слово.

Однако я оставался холоден к этой апологии, и мой собеседник завял. Совместить Гайду с Колчаком было невозможно: честолюбивый генерал стремился быть первым, да и Колчак не способен был превратиться в ширмы. Но раз так — было практически бесполезно ориентироваться на Гайду, осложняя войну с красными дополнительной войной среди белых. Да и нерусское происхождение Гайды было бы немалым препятствием в его карьере. Не вдохновляли и эсеровские его связи. Наконец, мало зная этого человека, я не имел оснований верить в него, как верил А.С. Теперь, в исторической перспективе, я склонен, пожалуй, признать, что Гайда, при всем его авантюризме, а может быть, именно благодаря ему, был бы более подходящей фигурой для диктатора, чем несчастный Адмирал. Возможно, что при нем иначе держали бы себя и чехи, сыгравшие столь убийственную для белой власти роль.

Наша беседа с А.С. кончилась ничем. Он ушел явно разочарованный и недовольный. После этого свидания он круто переменял свое отношение ко мне. Вскоре на одном из заседаний блока дал он волю своему чувству.

Спорили все о том же. Роковая ниточка фронта угрожающе перемещалась вправо, и оживлялись поиски рецептов спасения. Общественность требовала представительства, произносила либеральные слова, рассуждала о персональных переменах в Совете

Министров, бранила Сукина за то, что плохо помогают союзники. Кадетская делегация в блоке стояла в стороне от всех этих шумов.

Помню, в перерыве заседания спор продолжался. А.С. горячился и атаковал меня. Я говорил о необходимости сильной и волевой власти. Вдруг его прорвал.

— Да, да, сильная власть! Да, и я за нее! Вот, например, если бы я сейчас стал властью, я бы прежде всего повесил Вас!..

Потом Жардецкий забавно комментировал эту сцену на собраниях нашего кадетского комитета.

Кстати, об этих летних заседаниях блока. После пересудов общего характера вопрос свелся к обсуждению личности премьера. Говорилось о необходимости убрать Вологодского и заменить его кооператором Балакшиным, председателем блока, главою союза маслодельных артелей. Мелькнула также кандидатура Белорусова, но быстро растаяла. Чувствовалось, что кто-то за кулисами дергает ниточки. Утверждали, что у каждого министра была стайка своих ручных “общественных деятелей”...

Больше всего шумела казачья группа во главе с неким Шендрекowym. На заседания ходили представители всех войск. Поддерживали резолюцию против Вологодского и настаивали на Балакшине. Однако при голосовании (когда нам, противникам перемен, удалось собрать довольно значительное меньшинство) они вдруг заявили, что пока воздерживаются от решения и окончательно выскажутся в следующий раз: им нужно еще сговориться в своей среде. В Омск на эти дни приехал Иванов-Ринов⁶³.

На следующий же раз они, к общему удивлению, вдруг заявили, что вмешиваться в вопросы персональных кандидатур, да и вообще в большую политику — не их казачье дело, и от голосования столь горячо защищавшихся ими требований они воздерживаются. Кандидатура Балакшина также померкла, не успев разгореться. Доселе не знаю, было ли бы лучше с Балакшиным. Вероятно, было бы то же самое.

Да, мы бились в тупиках. Спору нет, диктатура Колчака была очень плоха, но заменить ее общественной весной со всею присущей ей слякотью было делом безнадежным. Мы, кадеты, все носились с мыслью оздоровить диктатуру изнутри, но сами, в сущности, не знали, как это сделать. Разумеется, мы были против административных безобразий, деревенских пороков, произвола, “мексиканских нравов” и т.д., но не смогли противопоставить яркость и красочность политики белой. Наши “демагоги”, вроде Вас.Иванова⁶⁴ и отчасти Жардецкого, впадали в дурную реакционность и выезжали лишь на демагогии на ц и о н а л ь н о й, а н е с о ц и а л ь н о й, которая требовалась в первую очередь. Словом, до фазисма мы не додумались тогда, не доросли.

Правительство понимало, что нужно “задабривать” армию, крестьянство. Верховный Правитель подчеркивал, что “возврата

к старому земельному строю быть не может”. Совет Министров еще в марте издал закон о предоставлении участникам гражданской войны преимуществ и льгот в отношении земельного и хозяйственного устройства. Но этого было, конечно, мало. Нужны были ударные, показательные, бьющие в глаза и в головы меры по завоеванию крестьянства. Нечего было жалеть на эти меры золотого запаса — не только жестов и слов. Мужики зажимали подати — следовало с треском и шумом их сложить, а не выколачивать их шомполами. Деревня беспокоилась о земле — нужно было не жалеть обещаний и громких манифестов на этот счет. Однако ни сибирского, ни донского Муссолини у нас не оказалось. Вероятно, не случайно. И сибирская деревня в гражданской войне почти сплошь сочувствовала красным.

Помню, Тельберг весной говорил мне: “Напишите воззвание, где были бы надлежащие л о з у н г и; дело Пресс-бюро составлять такие возвания”. Нужно придумать лозунги! Да, лозунгов не доставало. И Пресс-бюро было бессильно этой беде помочь.

“Бонапартизм” не удавался. Вместо реально-демократического пути (“диктатура — учреждение республиканское” — заявил Колчак в первом своем интервью) “общественная” среда постоянно и упорно возвращалась к формально-демократическим рецептам. Диктатор должен иметь какую-то опору. Отсюда назойливо носилась в воздухе идея некоего “органа”, призванного создать благоприятную атмосферу. Припоминаю еще апрельские, предсъездовские заседания кадетского комитета, где как раз Жардецкий, неистовый бард Колчака, развивал свой проект подобного органа; сказывалась жажда социального кислорода. Однако этот проект встретил разнообразные возражения. Возражали и сторонники последовательной диктатуры, и люди, тронутые демократизмом. Создание в наличной системе государственной власти наряду с Верховным Правителем и Советом Министров какого-то третьего, ублюдочного органа не могло вести ни к действительной демократизации власти, ни к ее упрочению. Так проект Жардецкого тогда и зачах, не получив ходу. Резолюция комитета от 30 апреля по этому вопросу гласила:

“Партия народной свободы в настоящий момент не считает целесообразным создание в системе нашей государственной власти какого-либо нового учреждения, безразлично, будет ли оно законодательным, законосовещательным или законоподготовительным. В интересах более тесного общения правительства с общественностью партия считает возможным образование особого совета при Верховном Правителе, путем его указа, из лиц, им назначенных”. Это были похороны по... затрудняюсь сказать какому разряду.

Однако идея органа продолжала маячить на горизонтах омской государственности. Был еще анонимный проект, переданный Тельбергом в юрисконсультскую часть Совета Министров. Однако последняя представила столь неодобрительный отзыв и столь

удачно аргументировала свое неодобрение, что проект бесследно исчез.

И все же чаяния сторонников органа нашли себе некоторое осуществление в создании так называемого “Государственного Экономического Совещания”. По мере ухудшения политической обстановки это совещание, ставшее средоточием “либералов”, все определеннее вторгалось в сферу чисто политическую. Такова логика подобных учреждений, такова наша интеллигентская психология и, главное, таково было горькое положение власти, не умевшей властвовать, блуждавшей между логикой насилия и логикой права.

В сентябре же, в дни светлого промежутка на фронте, довольно неожиданно была опубликована грамота Верховного Правителя о созыве Государственного Земского Совещания из “умудренных жизнью людей земли”. Одновременно в рескрипте Вологодскому, которому поручалось выработать проект положения нового органа, указывалось, что Совещание должно состоять “по преимуществу из представителей крестьянства и казачества” и быть учреждением законосовещательным, с правом запросов министрам и с правом выражения пожеланий о необходимости законодательных и административных мероприятий.

Из этого проекта ничего не вышло. Скоро положение на фронте резко ухудшилось, началась эвакуация Омска, и всем было уже не до предпарламента. В Иркутске напоследок шли толки о преобразовании законосовещательного органа в законодательный. Но там, разумеется, могло из этих толков выйти лишь еще меньше...

Вот тогда-то, в осенние месяцы заката, и нашли себя наши южные гости, с которых я начал эту импровизированную заметку. Волков стал вице-председателем Экономического Совещания (председателем был управдел Совета Министров) и охотно ушел в его дела. Бурышкин оказался вскоре министром финансов, сменив не прижившегося фон Гойера. А в Иркутске Третьяков и Червен-Водали превратились, за отъездом Пепеляева к Адмиралу, в руководителей омской политики. Была провозглашена в ноябре весна... фальшивая, нелепая, убогая. “В деле управления военной властью да подчинится власти гражданской”. Ау этой гражданской власти, у Третьякова и Бурышкина, уже тряслись все поджилки, и они только и думали о том, как бы унести из этой трясины собственные ноги. Третьяков воспользовался первым предложением, чтобы уехать из Иркутска в Читу: строя глазами налево, он не забывал и атамана Семенова, к сожалению, естественного союзника или попутчика. А задержавшийся по оплошности в Иркутске Бурышкин впал очень скоро в такой постыднейший транс персональной паники, что мне и доселе трудно вспоминать об этом человеке без чувства моральной тошноты.

Червен-Водали лично держал себя вполне мужественно. Но политически он вел ту же бессмысленную игру. Часами просижи-

вал он с эсерами, обсуждая вопрос о “реконструкции власти”. Он говорил, что с земцами ему легче договариваться, чем с семеновцами... бедный, бедный, наивный фантазер!

Я не скрывал тогда своего несочувствия новым правительственным веяниям. Я отлично понимал, что они означают не реконструкцию, а начало конца. В статье своей “На перевале” в “Русском деле” от 12 декабря решился я откровенно высказать это. Анализируя идею парламентской власти, приходил я к выводу, что “отказ от диктаториальной формы правления ныне есть неизбежно лишь мост к большевизму, и только сознание полной безнадёжности положения могло бы оправдать подобный отказ”.

Сложно было тогда мое положение, и еще сложнее — состояние духа. Неудобно было в такой момент расходиться с правительством и как бы срывать его курс — да еще в органе, всеми считавшемся правительственным официозом. С другой стороны, было не под силу публично защищать этот курс, нелепость которого казалась мне очевидной и который в корне противоречил всей моей публицистике омского периода! Нельзя было, конечно, и “уйти” в этот критический момент.

И еще. В сознании моем к тому времени погасла всякая вера в гражданскую войну и уже отчетливо слагалась (если не сложилась) национал-большевистская “сменовеховская” схема. Однако нельзя же было ею руководствоваться в практической политике, в пылу последней трагической борьбы, покуда еще держался белый Иркутск и существовала власть Колчака. Нужно было “доставать”. Нужно было руководствоваться соображениями, имманентными “белой идее”.

В частных разговорах с Червен-Водали и др. я и развивал соответствующие соображения. “Если Вы хотите капитулировать перед большевиками и кончать войну, — говорил я, — демократизируйте власть, братайтесь с эсерами и т.д. Что же, здесь есть логика — но только ясно усвойте ее. Это — логика капитуляции. Я сам не верю уже в наш белый путь и считаю, что история пойдет иначе, через большевиков. Но если Вы еще хотите сопротивляться, бросьте соглашательство и не разрушайте диктатуру, а крепите ее; и погибайте в открытом бою”. Их ошибка, их паразитное ослепление заключалась в том, что они мечтали демократизацией усилить власть и, созвав парламент, продолжать антибольшевистскую борьбу.

“Я рад бы ошибиться, — так заканчивалась статья “На перевале”, — рад бы воскликнуть “верую, Господи, помоги моему неверию!”. Но что же делать, когда не только нет этой веры, но есть противоположная уверенность, основанная на изучении революционных эпох, на живом опыте наших дней, — уверенность, что до окончания революционного периода и тем более гражданской войны переход к нормальным формам демократической государственности невозможен, немислим, а попытка к такому переходу

есть не более чем *facies hippocratica*, предсмертная судорога принимающей ее политической группы?..”.

Позиция “Русского дела” не могла не задеть за живое вершителей нового курса, и у меня была по этому поводу кислотатая беседа сначала с Третьяковым, а потом также с Червеном и с Волковым. “Вы срываете линию правительства”, — журили они меня и взывали к политической дисциплине в переживаемый рефшительный момент. Можно было понять их, но гибельность курса, как, впрочем, и полная безнадежность общего положения продолжали оставаться для меня очевидными.

Конечно, это была гиппократова маска, смертная судорога белой мечты.

**(Записано летом 1923,
проредактировано
осенью 1934 года).**

Комментарии

¹ *Ключников Юрий Васильевич* (1886—1938) — профессор Московского университета, специалист по международному праву, кадет, консультант и товарищ министра Уфимской директории, управляющий Министерством иностранных дел Всероссийского правительства адмирала А.В.Колчака. В 1919 г. уехал за границу, входил в парижский комитет кадетской партии. Активно участвовал в издании сборника “Смена вех” и газеты “Накануне”. В 1922 г. эксперт советской делегации на Генуэзской конференции. В 1923 г. возвратился в Советскую Россию. Занимался научно-педагогической работой.

² 23 ноября 1918 г. нелегальная конференция большевистских организаций в Томске приняла решение о подготовке общесибирского восстания против Колчака. Колчаковская контрразведка сумела узнать о подготовке восстания. 21 февраля 1918 г. в Омске начались облавы и аресты. В связи с этим штаб повстанцев отменил выступление, но директива в ряд районов пришла с опозданием. В ночь на 22 декабря рабочие омского предместья Куломзино и часть рабочих города начали боевые действия, но к утру 22 декабря стало ясно, что восстание обречено. Погибло более тысячи человек.

³ *Сукин Иван Иванович* (1890?) — секретарь Русской миссии в Вашингтоне (1917), начальник дипломатической канцелярии при Ставке Верховного Главнокомандующего, управляющий делами Министерства иностранных дел в Омске (1919). Эмигрант.

⁴ *Парижская мирная конференция* (с 16 января 1919 по 21 января 1920 г. с перерывами) созвана державами-победительницами в первой мировой войне для выработки и подписания мирного договора. Правительство Колчака добивалось допуска своей делегации на конференцию. В Париже было образовано Русское политическое совещание, одна из функций которого состояла в защите русских интересов перед союзниками. В одной из комиссий Совещания работал и Ключников.

⁵ *Тельберг Г.Г.* (1881) — юрист, профессор Томского университета, управ-

ляющий делами Совета Министров, министр юстиции, заместитель Председателя Совета Министров, член Совета Верховного Правительства ("Звездная палата").

⁶ *Уфимская Директория* ("Временное всероссийское правительство") создана Уфимским государственным совещанием 23 сентября 1918 г. В нее вошли: Н.Д.Авксентьев (председатель), В.Г.Болдырев, В.М.Зензинов, В.А.Виноградов, В.В.Сапожников, замененный затем П.В.Вологодским. 10 октября Уфимская Директория переехала в Омск. Просуществовала до омского переворота адмирала Колчака 18 ноября 1918 г.

⁷ *Клофтон Александр Константинович* (1871—1920) — самарский кадет, член Восточного ЦК кадетской партии, затем его председатель. Расстрелян по приговору Ревтрибунала в 1920 г. в Омске.

⁸ *Кудрявцев В.А.* — член Восточного отдела ЦК кадетской партии, редактор газеты "Правительственный вестник".

⁹ *Луначарский Анатолий Васильевич* (партийный псевдоним Воинов) (1875—1933) — член РСДРП с 1895 г. С октября 1917 по 1929 г. — народный комиссар просвещения.

¹⁰ *Южин (Сумбатов) Александр Иванович* (1857—1927) — актер. Учился на юридическом факультете Петербургского университета (1877—1881). На профессиональной сцене с 1876 г. С 1882 г. в Малом театре в Москве, с 1909 г. управляющий труппой, с 1918 г. председатель Совета, с 1923 г. директор.

¹¹ *Ермолова Мария Николаевна* (1853—1928) — актриса. С 1871 в труппе Малого театра, на сцене до 1921 г.

¹² *Жардецкий В.А.* — в 1915—1916 гг. помощник петроградского адвоката, члена ЦК кадетской партии Н.В.Тесленко, в 1917 г. председатель Омского отдела партии кадетов, 1—2 ноября 1917 г. руководил мятежом юнкеров в Омске; осенью 1918 г. играл руководящую роль в омском национальном блоке; 9 ноября 1918 г. избран товарищем председателя Военного отдела ЦК партии кадетов.

¹³ *Новгородцев Павел Иванович* (1866—1924) — профессор истории философии, права Московского университета, депутат I Государственной думы, член ЦК кадетской партии, один из авторов философско-публицистического сборника "Из глубины" (1918). Один из руководителей, создателей весной 1918 г. антибольшевистской организации Правый центр, поддерживал идею союза с Германией, вошел в руководство Национального центра. В октябре 1918 г. уехал из Москвы к Деникину.

¹⁴ *Пепеляев Виктор Николаевич* (1884—1920) — сын ветеринарного врача. Окончил университет. Преподавал историю в гимназии г. Бийска. Депутат IV Государственной думы от Томской губ., кадет. Комиссар Временного правительства в Кронштадте, доброволец в 8-м Сибирском мортирном дивизионе. Весной 1918 г. член московского отделения Национального центра, по его поручению в августе 1918 г. выехал в Сибирь. 9 ноября 1918 г. избран председателем ЦК Восточного отдела кадетской партии. Участник подготовки колчаковского переворота в Омске. Вышел из кадетской партии и занял пост директора департамента милиции и государственной охраны, товарищ министра внутренних дел (4 марта 1919 г.), министр внутренних дел (18 июня 1918 г.), председатель Совета Министров (22 ноября 1919 г.). Арестован 15 января 1920 г. на станции "Иннокентьевская" (около Иркутска) и передан Политцентру, а затем Иркутскому ВРК. Расстрелян 7 февраля 1920 г. вместе с А.В.Колчаком.

¹⁵ *Уфимское государственное совещание* проходило 8—23 сентября 1918 г. в Уфе с целью образования единой власти. В нем участвовало 170 человек, из них 100 — эсеры. Они представляли Комуш (Самара), “Временное сибирское правительство” (Омск), “Временное областное правительство Урала” (Екатеринбург), Уральское, Оренбургское, Сибирское, Иркутское, Енисейское, Семиреченское и Астраханское казачьи войска, автономные правительства Туркестана, национальные правительства тюрко-татар внутренней России и Сибири, башкирского правительства (Башкурдистан), правительства Алаш-Орды, “Союза возрождения”, “Союза земств и городов”, Сибирской области думы и др. На совещании численно преобладали мелкобуржуазные группы во главе с делегатами Комуша. Однако верх удалось взять правым группам. Результатом работ совещания стало создание Временного Всероссийского правительства — Уфимской Директории.

¹⁶ *Третьяков Сергей Николаевич* (1882—1944). Из купеческой семьи. Внук одного из братьев — основателей Третьяковской галереи. Во время первой мировой войны член Центрального военно-промышленного комитета. С 25 сентября (8 октября) 1917 г. председатель экономического совета и Главного экономического комитета Временного правительства. С декабря 1919 г. заместитель председателя Совета Министров и министров торговли Всероссийского правительства под председательством В.Н.Пепеляева. В эмиграции стал агентом НКВД.

¹⁷ *Червен-Водали А.А.* — член кадетской партии с 1905 г., нотариус из Твери, переехал в Москву; член Торгово-промышленного союза. В 1918 г. входил в Правый и Национальный центры. Из Москвы уехал к Деникину; в марте 1919 г. по поручению Национального центра отправился в Сибирь для усиления местных кадетов. 28 декабря 1919 г. возглавил образованную вместо колчаковского правительства “Троекторию”, куда входили: А.А.Червен-Водали — министр-председатель, генерал М.В.Ханжин — военный министр и А.Ларионов — министр путей сообщения. Арестован советскими войсками, 23 июля 1920 г. расстрелян по приговору суда.

¹⁸ *Восточный отдел ЦК партии народной свободы* организован 9 ноября 1919 г. Состоял из членов ЦК партии, находившихся в Сибири и уполномоченных от губернских комитетов. Председатель — В.Н.Пепеляев, товарищи председателя — В.А.Жардецкий и А.К.Клафтон, секретарь — А.С.Соловейчик. Печатный орган — газета “Сибирская речь”.

¹⁹ *Гаттенбергер А.Н.* — министр внутренних дел при Директории и Колчаке, весной 1919 г. заменил В.Н.Пепеляева, кадет; входил в Совет Верховного Правителя “Звездная палата”.

²⁰ *Белоруссов* (псевдоним публициста Алексея Станиславовича Белзцкого, встречается написание: А.С.Белевский) (1859—1919) — сотрудник “Русских ведомостей”, кадет, член Национального центра, в Сибири издавал газету “Отечественные ведомости” (Уфа, Екатеринбург), председатель комиссии колчаковского правительства по выборам в Учредительное собрание.

²¹ *Вологодский Петр Васильевич* (1863—1928) — сын томского священника. Окончил Петербургский университет, юрист, присяжный поверенный в Иркутске и Томске. С января 1918 г. занимал пост министра иностранных дел в правительстве П.Я.Дербера. 23 июня 1918 г. становится председателем и министром иностранных дел Временного Сибирского правительства в Томске. В сентябре вошел в Уфимскую Директорию, возглавил ее Совет Министров. Административный совет Директории способствовал перевороту Колчака. До 23 ноября 1919 г. Воло-

годский возглавлял омское правительство. Входил в Совет Верховного Правителя “Звездная палата”.

²² *Пепеляев Анатолий Николаевич* (1891—1938). Окончил Павловское военное училище (1910). В первую мировую войну получил чин полковника. В 1918 г. командовал корпусом (генерал-майор). Во второй половине 1919 г. назначен командующим I Сибирской армией. В его армии ношение погон не вводилось, она имела репутацию демократической. Пепеляев неоднократно высказывал свое мнение Колчаку о необходимости созыва Зеского собора. В декабре 1919 г. в Томске, Новониколаевске и Красноярске предпринял антиколчаковские выступления. В 1921 г. эмигрировал в Харбин. В 1922 г. участвовал в якутском мятеже. В 1923 г. сложил оружие. Приговорен к расстрелу. Однако ВЦИК заменил смертную казнь десятилетним заключением.

²³ *Волков Н.К.* — член ЦК кадетов, один из руководителей Национального центра. В марте 1919 г. по его поручению выехал в Сибирь, где включился в работу Восточного отдела ЦК партии.

²⁴ *Семенов Григорий Михайлович* (1890—1946) — казачий есаул Забайкальского казачьего войска. В 1917—1920 гг. возглавил казачьи отряды. Окончил Оренбургское военное училище (1911). Участник первой мировой войны. С июля 1917 г. комиссар Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих частей. В ноябре — декабре 1917 г. поднял мятеж против Советской власти, потерпел неудачу, бежал в Маньчжурию. Благодаря мятежу Чехословацкого корпуса утвердился в Забайкалье. Временное Сибирское правительство назначило его командиром отдельного корпуса со штабом в Чите. Между Всероссийским правительством и Семеновым происходили постоянные трения. Однако Колчак вынужден был с ним примириться и назначить командующим Читинским военным округом. В начале 1919 г. при поддержке японцев объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. После разгрома Колчака власть на Дальнем Востоке перешла к Семенову. В сентябре 1921 г. эмигрировал.

²⁵ *Кроль Л.А.* (?—1931) — член ЦК кадетов, уральский инженер и предприниматель. В 1918 г. послан в Самару от Союза возрождения России. По поручению ЦК установил контакты с губернскими комитетами партии для координации действий. С августа по ноябрь 1918 г. входил во Временное областное правительство Урала в Екатеринбурге: заместитель председателя правительства и министр финансов. Эмигрант.

²⁶ *Сахаров Константин Вячеславович* (1881—?) — окончил академию Генерального штаба в 1908 г. Участник первой мировой войны, полковник. В 1918 г. произведен в генерал-лейтенанты. Командовал армией и колчаковским Восточным фронтом. В связи с военными неудачами в декабре 1919 г. арестован братьями А.Н. и В.Н. Пепеляевыми и заменен генералом В.О. Каппелем. Служил у атамана Г.М. Семенова, но из-за соперничества с генералом А.Н. Пепеляевым вынужден был уйти. Эмигрировал в Германию.

²⁷ *Болдырев Дмитрий Васильевич.* Подробнее см. № 35.

²⁸ *Руднев Сергей Петрович* — бывший судебный деятель Симбирской губ., член Церковного собора, в 1921—1922 гг. министр в правительстве братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых во Владивостоке.

²⁹ *Тыркова (Вильямс) Ариадна Владимировна* (1869—1962) — писательница, автор политических статей, член ЦК партии кадетов (1906—1917). Весной 1918 г. она и ее второй муж Г. Вильямс переехали в Лондон, где вели агитацию в

пользу интервенции. В начале 1919 г. вошла в “Комитет освобождения России”. С лета 1919 г. Тыркова — снова в России, у Деникина; возглавляла отдел пропаганды на иностранные государства. Умерла в эмиграции.

³⁰ *Ростовцев Михаил Иванович* (1870—1952) — археолог, историк, профессор Петербургского университета, кадет. В 1919 г. в Лондоне совместно с П.Н.Милоковым, П.Б.Струве, А.В.Тырковой, Г.Вильямсом образовали Комитет освобождения России, главная цель которого состояла в ведении пропаганды с целью склонить общественное мнение к необходимости борьбы с большевизмом как мировым злом.

³¹ *Национальный центр* — организация, созданная в мае — июне 1918 г., в задачу которой входило объединение всех антибольшевистских сил, борющихся за воссоздание “единой, неделимой России”. В ноябре 1918 г. правление Национального центра переехало в Екатеринодар. Отделения организации имелись во многих крупных городах страны. Московское отделение Национального центра возглавлял кадет Н.Н.Щепкин. В августе — сентябре 1919 г. раскрыта органами ВЧК.

³² *Русское политическое совещание* образовано в Париже 24 декабря 1918 г. при активном содействии бывших русских дипломатов за рубежом. Официально оно создавалось для того, чтобы представлять Россию на Парижской мирной конференции. Основатели Совещания хотели поставить его над правительствами Колчака и Деникина и сосредоточить в своих руках управление антибольшевистскими силами. Совещание носило временный характер и должно было прекратить существование с созданием постоянного представительства. Реализовать свои замыслы ему не удалось, так как Колчак в Омске и Деникин в Екатеринодаре отнеслись подозрительно к этому органу. В июле 1919 г. распущено.

³³ *Гайда Радола* (Рудольф Гейдель) (1892—1948) — в первую мировую войну унтер-офицер австро-венгерской армии, перешел на сторону черноморских войск, затем бежал в Россию. Командир полка Чехословацкого армейского корпуса (весна 1918), командир 2-й Чехословацкой дивизии, генерал-майор (сентябрь 1918 г.), командир Екатеринбургской группы (октябрь 1918 г.), генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией (январь 1919 г.). В июле 1919 г. за провал наступления отрешен от командования и вычеркнут из списков русской армии. 17—20 ноября 1919 г. поднял антиколчаковское восстание во Владивостоке, но потерпел поражение, выслан в Чехословакию.

³⁴ *Калашиников* — штабс-капитан, эсер, начальник осведомительного отдела в штабе Сибирской армии генерала Гайды, в январе 1920 г. командующий “Народно-революционной армией” в Иркутске, подчиненной Политцентру.

³⁵ *Болдырев Дмитрий Васильевич* (1885—1920) — из семьи военного, окончил Петербургский университет, последователь Н.О.Лосского, вместе с А.В.Карташевым и Н.О.Лосским основал в 1917 г. в Петрограде “Братство св. Софии”. Доцент Пермского университета по кафедре философии. В 1919 г. в Омске выступил с идеей борьбы святого креста с коммунизмом, для чего христианство должно взять винтовку в руки. Выступал с проповедями в Алтайском, Барнаульском, Бийском, Новониколаевском уездах. Благодаря его усилиям были сформированы на национально-религиозной основе дружины св. Креста и Зеленого знамени Пророка, на фронт послано около 6000 человек. Попав в плен к большевикам, умер от сыпного тифа в Иркутской тюремной больнице.

³⁶ *Дитерихс Михаил Константинович* (1874—1937). Из семьи офицера,

окончил Академию Генштаба (1900). Участник первой мировой войны, генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего (с сентября 1917 г.), начальник штаба Ставки (3/16 ноября). Бежал на Украину. Начальник штаба Чехословацкого корпуса. С января 1919 г. на службе у Колчака. В июле 1919 г. командующий Сибирской армией. По поручению Колчака вел расследование расстрела царской семьи в Екатеринбурге. Командующий Восточным фронтом (июль—ноябрь 1919 г.) и одновременно военный министр (с августа 1918 г.) Омского правительства. В июне 1922 г. “единоличный правитель и воевода земской рати” в Южном Приморье. С октября 1922 г. эмигрант. Умер в Шанхае.

³⁷ В сентябре 1919 г. в Омске на национально-религиозной почве была создана первая добровольческая дружина св. Креста (см. примеч. 35).

^{37а} *Иванов Всеволод Никанорович* (1888—1971) — журналист, сотрудник Русского бюро печати в Омске в 1919 г., впоследствии эмигрант. Впечатления о русской революции и гражданской войне нашли отражения в книге “Огни в Тумане”. Харбин, 1932; советское издание М., 1991.

³⁸ *Бурцев Владимир Львович* (1862—1942) — публицист, издатель. Боролся с русской политической полицией, разоблачая ее агентов. С сентября 1917 г. издавал газету “Общее дело” в Петрограде, а затем на Юге России, позднее в Париже на русском и французском языках. Возглавлял информационное агентство “Унион”.

³⁹ *Савинков Борис Викторович* (1879—1925) — в 1919 г. входил в Русское политическое совещание в Париже. Его кандидатура была одобрена Омским правительством.

⁴⁰ *Алексинский Григорий Алексеевич* (р.1879) — социал-демократ, депутат II Государственной думы, в эмиграции с 1918 г.

⁴¹ *Генерал Жанен М.* — глава Французской военной миссии в Сибири.

⁴² *Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен*, князь (1815—1898). Рейхсканцлер Германской империи (1871—1890).

⁴³ *Клемансо Жорж* (1841—1929) — французский политический и государственный деятель. С ноября 1917 по январь 1920 г. Председатель Совета Министров и военный министр.

⁴⁴ *Нокс Альфред Вильям Фортескью* (1870—1964) — британский военный атташе в России, генерал. Во время гражданской войны глава Английской военной миссии при Верховном Правителе России адмирале Колчаке.

⁴⁵ *Черчилль Уинстон* (1874—1965) — политический и государственный деятель Англии. В 1919—1922 гг. был военным министром и министром авиации в коалиционном правительстве Д. Ллойд Джорджа.

⁴⁶ *Пишон Стефан Жан Мари* (1857—1933) — в 1906—1911, 1913—1914, 1917—1920 министр иностранных дел Франции.

⁴⁷ *Вильсон Томас Вудро* (1856—1924) — в 1913—1921 гг. президент США.

⁴⁸ *Ллойд Джордж Дэвид* (1863—1945) — в 1916—1922 гг. премьер-министр Великобритании.

⁴⁹ *Орландо Витторио Эмануэле* (1860—1952) — председатель кабинета министров Италии (октябрь 1917 — июнь 1919 гг.); глава итальянской делегации на Парижской мирной конференции (1919—1920).

⁵⁰ *Сайондзи Киммоти* (1849—1940) — глава японской делегации на Парижской мирной конференции (1919—1920).

⁵¹ *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860—1927) — министр иностранных дел России (1910—1916). В 1918 г. начальник управления иностранных дел в Особом совещании при главкоме Вооруженными Силами Юга России генерале А.И.Деникине, с января 1919 г. министр иностранных дел Всероссийского правительства адмирала Колчака. Член Русского Политического совещания в Париже.

⁵² *Реньо Поль* (1878—1966) — французский высокий комиссар в Омске, депутат французского парламента (1919).

⁵³ В Политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду партии, с которым выступил В.И.Ленин, об Устрялове говорилось: “Кажется, он был министром при Колчаке” (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.93).

⁵⁴ *Лебедев Дмитрий Антонович* (1883—1921). Из семьи офицера. Окончил Академию Генштаба (1911). Участвовал в первой мировой войне. Член Главного комитета Союза офицеров армии и флота (1917), участник корниловского движения, затем в Добровольческой армии (конец 1917 г.). В 1918 г. направлен Деникиным личным представителем к Колчаку, генерал-майор (1918). В мае — августе 1919 г. начальник штаба и военный министр Колчака, затем уехал на Дальний Восток, где был убит.

⁵⁵ *Михайлов Иван Адрианович* (1890—1946) — сын члена организации “Земля и воля” Адриана Михайлова. Родился в Сибири. Окончил Петербургский университет, экономист, приват-доцент. После Февральской революции служил в Министерстве финансов, ближайший сотрудник министра А.И.Шингарева. В 1918 г. во Временном Сибирском и в Омском правительствах занимал посты министра финансов. Один из инициаторов омского переворота 18 ноября 1918 г. Член Совета Верховного Правителя “Звездной палаты”. Получил кличку “Ванька Каин” за причастность к политическим убийствам. После поражения белых бежал в Харбин, служил в правлении Восточно-Китайской железной дороги. Похоронен в Москве вместе с Семеновым.

⁵⁶ *Коробов А.И.* — кадет, вместе с Л.А.Кролем и А.П.Мельгуновым подписал в Уфе в 1918 г. “Акт об образовании Всероссийской верховной власти”.

⁵⁷ *Хорошихин Борис Иванович* — генерал-майор, товарищ военного министра Всероссийского Временного правительства (Директории), впоследствии правительства Колчака, по казачьей части.

⁵⁸ *Будберг Алексей Павлович* (р.1869) — барон, генерал-лейтенант (с 8 марта 1916 г.), командир XIV армейского корпуса (с 22 апреля 1917 г.). После Октябрьского переворота некоторое время состоял на советской службе. В начале 1918 г. выехал в Харбин, оттуда в Японию, затем возвратился в Харбин. В апреле 1919 г. переехал в Омск, где занимал должности начальника снабжения, а затем управляющего военным министерством. В октябре 1919 г. выехал в Маньчжурию. Автор “Дневника”.

⁵⁹ *Яковлев Р.Д.* — иркутский губернатор при Директории и Колчаке.

⁶⁰ *Таскин С.А.* — комиссар Временного правительства в Забайкалье, кадет. В апреле 1918 г. входил во Временное правительство Забайкальской области атамана Семенова. В июле 1918 г. министр земледелия и государственного имущества в правительстве генерала Д.Л.Хорвата на Дальнем Востоке. В 1919 г. управ-

ляющий гражданской частью Забайкальской области у атамана Семенова, помощник Главнокомандующего по гражданской части.

⁶¹ *Каландарашвили Нестор Александрович* (1874—1922) — один из руководителей партизанского движения в Сибири. Эсер, затем анархист-коммунист. Осенью 1919 г. создал отряд, действовавший против колчаковцев в Иркутской губ., затем против семеновцев в Забайкалье. Награжден орденом Красного Знамени (1921). Погиб в бою под Якутском 6 марта 1922 г.

⁶² *Бурышкин Павел Афанасьевич* (1887—1955). Окончил Катковский лицей, юридический факультет Московского университета, московский Коммерческий институт, кадет. Гласный Московской городской думы, с марта 1917 г. товарищ городского головы. 25 октября 1917 г. один из организаторов Комитета общественного спасения в Москве. Весной 1918 г. вошел в антибольшевистские организации Правый центр, Национальный центр. Летом 1918 г. переехал в Екатеринодар к Деникину. Весной 1918 г. переехал в Омск. В ноябре 1919 г. стал министром финансов в правительстве В.Н.Пепеляева. Эмигрант. Служил юрисконсультом в Московском купеческом банке, преподавал в русском Коммерческом институте в Париже, принимал участие в работе Российского финансового и торгово-промышленного союза. Автор мемуаров "Москва купеческая".

⁶³ *Иванов-Ринов В.А.* (р.1880 г.) — полковник царской службы, начальник уезда в Туркестане, помощник военного губернатора. После Октября 1917 г. участник ряда подпольных офицерских организаций. Военный министр во Временном Сибирском правительстве, атаман Сибирского казачьего войска.

⁶⁴ *Иванов Василий Федорович* — из крестьянско-купеческой семьи, окончил Казанский университет, адвокат.

В.А.Поссе

Нэп и голод*

Подготовка текста *Н.А.Поссе* и *В.Ю.Черняева*.
Комментарий *В.Ю.Черняева*.

1. В голодных местах

Зима 1921—22 гг. ознаменовалась переходом к новой экономической политике и свирепым голодом в Поволжье¹. О необходимости перейти к новой экономической политике я в своих лекциях говорил еще в 1920 г., и основные положения ее я мог только приветствовать. Но я понимал, что новая экономическая политика может восстановить наше хозяйство только при устойчивой денежной валюте.

Первым шагом к твердой валюте я считал введение страхования дензнаков от падения через сберкассы, сеть которых, по моему мнению, необходимо было восстановить возможно скорее. Я написал об этом небольшую статью и послал в “Известия ВЦИК”. Статья эта с некоторыми сокращениями была напечатана 14 января 1922 г. под названием “От бумажного к золотому рублю”.

“Доказывать в настоящее время необходимость приостановить падение наших бумажных денег и подготовить восстановление золотой валюты, — писал я, — это все равно что ломиться в открытую дверь. Но не для всех эта дверь раскрыта достаточно широко; не все, например, понимают причинную связь между непрерывным и заранее предрешенным падением денег в течение ближайших месяцев и самыми отвратительными формами спекулятивной наживы, с одной стороны, и самой безумной расточительностью — с другой.

Следовало бы серьезно поставить вопрос, нельзя ли изыскать средства для того, чтобы предрешить не безудержное падение курса советских денег, а приостановку этого падения или даже повышение. Следует эти средства искать, а не измышлять. Как-никак, а, обращаясь к новой экономической политике, мы должны безбоязненно сказать: «В новизне твоей старина нам слышится». В старине приходится прежде всего поискать и средства для оздоровления нашего денежного обращения.

Деноминация денежных знаков является мерой, не достигающей цели. Действительным и оздоравливающим средством для нашего денежного обращения было бы восстановление сети государственных сберегательных касс (при почтовых отделениях и железнодорожных станциях). Приток денежных знаков, и приток

* Начало воспоминаний см.: Поссе В.А. 1) От Февраля до Бреста // Русское прошлое. 1991. Кн.1. С. 173—251; 2) В годы Гражданской войны // Там же. Кн.2. С. 200—282.

огромный, в сберегательные кассы был бы обеспечен, если бы денежные знаки принимались по расчету на золотую валюту с гарантией, что при востребовании внесенных сумм обратно они будут исчисляться по тому же курсу, по какому были приняты; так, например, если кто-нибудь внес бы в настоящее время миллион советскими деньгами и потребовал бы их обратно через шесть месяцев, курс советских денег был бы, скажем, на 20 процентов ниже, то сберегательная касса должна была бы вернуть ему не миллион, а миллион двести тысяч.

Никакого убытка от такой гарантии государство не понесло бы, так как соответственно с приливом в сберегательные кассы старых бумажных денег государство могло бы сократить печатание новых денег и тем самым приостановить падение курса рубля. Это было бы первым шагом не к бесполезной (в лучшем случае) деноминации, а к очень полезной девальвации.

Во всяком случае восстановление сети государственных сберегательных касс с указанной выше гарантией подняло бы доверие к финансовой политике Советской власти как внутри страны, так и за границей, а главное — нанесло бы чувствительный удар спекуляции и расточительности².

На эту статью обратили внимание некоторые члены ЦИКА и Совнаркома, и мое предложение было проведено в жизнь, правда, с очень большим опозданием.

До этого времени я не сотрудничал в советской печати, если не считать небольшой заметки об организации трудовых дружин, помещенной в “Правду” в 1919 г. Свои указания на необходимость тех или других мероприятий я делал в своих публичных лекциях, и мои мысли нередко подхватывались присутствующими не лекциях партийными и беспартийными рабочими.

Писалиногда докладные записки. Так, например, в конце 1919 г. Президиуму VII съезда Советов РСФСР мною была послана докладная записка о необходимости отмены смертной казни. О судьбе ее я ничего не знаю; на съезде, во всяком случае, она оглашена не была. В феврале 1920 г. смертная казнь, как известно, была отменена³, но, разумеется, эта отмена ни в какой связи с моей докладной запиской не состояла. Но те, кто знал, как упорно я боролся за отмену смертной казни, поздравляли меня с победой. Помню, Николай Леонидович Мещеряков⁴, в то время соредактор “Правды”, сказал мне:

— Вас сегодня можно поздравить. Видите, при первой же возможности мы отказались от смертной казни. Напишите статью в “Правду” о значении этой отмены. Мы охотно ее напечатаем.

Но я не стал ничего писать, так как боялся, так как смертная казнь будет восстановлена. Мои опасения нашли подтверждение в беседе с Басовым-Верхоянцевым⁵, которого я встретил тотчас после разговора с Мещеряковым. Басов был уверен, что борьба с контрреволюцией далеко еще не закончена, а эта борьба немислима без смертной казни, так что коммунистам придется еще долго мириться с необходимостью расстрела. Басов, как известно, оказался прав.

Считая необходимым для успешного строительства социализма установление революционной законности, которая, по моему

мнению, от обыкновенной законности должна отличаться большим беспристрастием и большей строгостью, и в то же время во время своих скитаний наталкиваясь на проявления самого дикого произвола и самодурства некоторых местных властей, я написал докладную записку Ленину, в которой указывал на необходимость особых народных уполномоченных, выбираемых трудовым населением данной местности закрытым голосованием и совершенно независимых от местных советских и партийных органов. К этим уполномоченным мог бы в известные часы ежедневно обращаться каждый гражданин с жалобой на незаконные действия власти. Народные уполномоченные имели бы право, со своей стороны, посещать все места заключения, в том числе и подвалы ГПУ, и требовать доказательств законности ареста тех или других граждан.

Я предлагал называть этих уполномоченных квесторами⁶. Название, сознаюсь, неудачное, но для старого революционера более приемлемое, чем название прокурора. Институт прокуроров по предложению Крыленко⁷ был введен через полгода после моей докладной записки Ленину, но вряд ли введение этого института стоит в какой-нибудь причинной связи с моим предложением⁸.

Докладную записку о квесторах я лично передал Н.К.Крупской, она обещала передать ее Владимиру Ильичу. Мне неизвестно, как он отнесся к моему предложению. Возможно, что он даже не прочел моей записки, так как она была мною подана незадолго перед его вторичным тяжелым заболеванием⁹.

В конце марта или в начале апреля 1922 г. мною через П.Г.Смидовича¹⁰ была подана в Президиум ВЦИКа докладная записка о выпуске золотых облигаций и одновременном аннулировании советских дензнаков. Золотые облигации, по моему проекту, обеспечивались золотом и другими ценностями, причем ежегодно на одну двадцать пятую выпускаемых облигаций ставились бы штемпели, дающие право на обмен их на золотую монету. Через 25 лет устанавливалось бы золотое обращение, т.е. свободный обмен золотых облигаций, соответствующих кредитным билетам, на золото.

Недели через две после подачи этой записки я получил от Президиума ЦИКа известие, что она передана наркомфину тов. Сокольникову¹¹, к которому мне и надлежит обратиться. Но я к тов. Сокольникову не обращался, так как полагал, что если в моих финансовых проектах о восстановлении сети сберкасс, о страховании дензнаков от падения и, наконец, о введении золотых облигаций есть что-нибудь ценное, то сам Сокольников должен пригласить меня к себе и привлечь к работе.

Приблизительно через год после подачи мною записки о золотых облигациях появились бумажные червонцы¹², которые были предлагаемыми мною золотыми облигациями, с той только разницей, что я устанавливал сроки обмена облигаций на золотую мо-

нету, а начало размена червонцев откладывается до опубликования особого правительственного акта.

Сочувствуя основным положениям новой экономической политики, я очень отрицательно относился к допущению различных видов роскоши, азарта и к разрешению продажи виноградных вин, за которым, как я опасался, последует разрешение продажи пива, а наконец — и водки. Новая экономическая политика в первые месяцы называлась сокращенно «нэпо», и уже впоследствии было отброшено излишнее «о». К наростам нэпо вначале отрицательно относились и многие коммунисты, особенно молодежь. В конце 1921 г. я получил от одного из них письмо, в котором он жаловался на разочарование, охватившее как его самого, так и многих других молодых коммунистов в связи с отрицательными проявлениями нэпо.

Воспользовавшись этим письмом, я написал статью «Нэпо и юные коммунисты». Она была помещена в «Известиях» 22 января 1922 г. Вот что писал я:

«Получил письмо от одного юного коммуниста, в течение 4-х лет бодро и самоотверженно борového за осуществление коммунистического идеала. Не унывал он под белогвардейскими пулями, не унывал он в голоде, холоде, болезнях, до сыпняка включительно. А теперь ослаб, опустился... Пишет, что пропала вера в близость светлого будущего и душу охватил «кошмар разочарования».

«Разочарование — ужасная вещь, — пишет юный коммунист. — Оно съедает даже здорового человека, а меня тем более, с моей болезнью сердца и начинающимся туберкулезом». Он вспоминает своего брата, сражавшегося в течение 2-х лет на красном фронте и недавно застрелившегося, как раз в тот момент, когда жизнь для него, казалось, становилась более легкой, более спокойной... «Я начинаю думать, — пишет юный коммунист, — что Лева 13 застрелился от этого кошмара разочарования».

Разочарованных между нашей лучшей молодежью, без колебаний отдавшей все свои силы для укрепления завоеваний Октябрьской революции, теперь, видимо, много. От бесед с ними становилось как-то жутко. Винят они нэпо (новую экономическую политику), которую так приветствуют некоторые из белогвардейских эмигрантов.

Юным коммунистам вместо «нэпо» слышится «не то» — не то, что они ожидали, не то, за что они боролись. Юные коммунисты, конечно, ошибаются: на то они и юны, чтобы ошибаться, но в их ошибке меньше «фальши», чем в иной правоте. Они ошибаются, смешивая сущность «нэпо» со злокачественными наростами на ней; но зло наростов они чувствуют гораздо сильнее нас, стариков. И нам необходимо серьезно задуматься над «кошмаром разочарования» молодежи.

Сущность новой экономической политики в использовании личной заинтересованности крестьянина и рабочего результатами своего труда для поднятия производительности в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности. Из этой общей формулы можно вывести и замену разверстки налогом, и коллективное снабжение фабрик и заводов, и поощрение производительной кооперации, и свободную торговлю, и укрепление курса бумажного рубля. Но из этой формулы отнюдь не вытекает покровительство столичному пиру во время деревенской чумы, не вытекает установление довоенных директорских окладов наря-

ду с нищенской оплатой труда низших служащих и рабочих, слияние кооперации со спекуляцией и продажа кооперативами дорогих и крепких заграничных вин, открытие «кооперативных» ресторанов для спекулянтов и взяточников, забота о хороших буфетах и хорошей прислуге при номерных банях, не вытекает все то, что одну часть молодежи доводит до «кошмара разочарования», а других, как указывает заведующий московским уголовным розыском, толкает на кошмарные преступления для участия в пиршестве людоедов.

Истинные людоеды — не те несчастные, которые, обезумев от голода, грызут в Поволжье трупы детей, а те, которые в роскошных ресторанах, с бокалами шампанского, поздравляют друг друга с Новым годом, с новой наживой, с новыми хищениями, с новым развратом. Много говорили о примазавшихся к коммунистической партии, о тех, которых Ленин с обычной своей откровенностью называл карьеристами, проходимцами и просто «сволочью». Потребовалась генеральная чистка партии. Теперь нужна чистка не партии, а нечто несравненно более важное — чистка нэпо, чистка новой экономической политики. Мы надеемся, что ЦК партии начнет чистку с того, что хорошенько одернет нашу городскую потребительскую кооперацию.

Чистка нэпо необходима из уважения к личности тех, которые принесли свою молодую жизнь на алтарь революции, чистка нэпо необходима, чтобы освободить от «кошмара разочарования» тех, которым, как мы надеемся, суждено дожить до осуществления идеалов коммунизма с его свободой, радостью и красотой*.

На эту статью откликнулись письмами в редакцию и мне лично старые и молодые партийцы¹⁴. По-видимому, особенно пришлась она по душе коммунистам, работавшим в армии. Недаром ее перепечатала красноармейская газета, издававшаяся на Карельском фронте.

Еще более сочувственных откликов вызвала моя статья «Трактор и лопата». В ней я указывал, что для поднятия сельского хозяйства необходимы, конечно, тракторы, и чем больше их будет, тем лучше, но пока их очень мало, а потому не следует пренебрегать и простой лопатой. Я рассказывал о тех баснословных урожаях, которых добивался Сережа Попов¹⁵ с лопатой, указывал и на опыты одного из самых верных друзей «Жизни для всех», старушки Александры Константиновны Хлебниковой, которая в Вятке на своем огородесоздала грядковую культуру ржи и много лет снабжала крестьян окрестных деревень отборными семенами, на редкость крупными и увесистыми, говорил о необходимости постановки опытов грядкового земледелия в более широком масштабе.

Я указывал, что при тогдашней безлошадности и недостатке хороших хлебных семян широкое применение ручного земледелия может помочь восстановлению нашего сельского хозяйства. Но на первый план я выдвигал воспитательное значение ручного земледелия. Я думал, что лучшей физкультурой для подростков обоего пола и даже для детей является легкая работа на земле, не требующая почти никаких затрат и дающая большое удовлетворение своими очевидными полезными результатами. «В год голода, — писал я — вся городская молодежь должна отказаться от танцев, футболов и боксов, а взяться за лопату и с такой любовью

ухаживать за каждым брошенным в землю зерном, чтобы оно породило не десятки, а, как это бывает у Попова и Хлебниковой, сотни здоровых и крепких детей”.

У меня этой статьи не сохранилось, и поэтому я не могу передать той бодрости и того увлечения, с которым я ее писал. Вероятно, именно они побудили товарища Подвойского¹⁶ издать мою статью отдельной листовкой для распространения среди допризывников.

Мне в то время казалось, что ужасающий голод Поволжья требует героических мер борьбы и приостановки того, что Лассаль¹⁷ называл “развлечением пустоголовых”. Я написал для “Известий” статью, в которой предлагал, чтобы все честные граждане Москвы хотя бы на одни сутки проголодали, хотя бы на одну неделю отказались от всяких увеселений, от всяких излишеств, и образовавшиеся таким образом сбережения отправили бы в голодающие местности. День голода по симпатии всего трудящегося населения Советских Республик должен был, по моему мнению, сыграть хорошую агитационную роль в глазах мирового пролетариата.

Статью эту редакция “Известий” не нашла возможным напечатать. Не прошла и моя статья о продаже за границу художественных сокровищ наших музеев для получения необходимых средств для быстрой ликвидации голода, а также для приобретения сельскохозяйственных машин, рабочего скота и производства мелиоративных работ, предупреждающих возможность нового неурожая. “Пролетариат, — писал я, — легко примирится с отсутствием не только драгоценных старинных ваз, но и подлинных картин Рафаэля, Рубенса, Рембрандта и других великих мастеров, но он не может мириться со смертью от голода многих тысяч крестьянских детей”¹⁸.

В начале апреля я поехал в голодающие местности с поручением от ЦК ПОМГОЛА¹⁹ выяснить, следует ли продолжать эвакуацию детей из голодающих местностей или нет. Поехал я во врачебно-питательном поезде или так называемом “пите”, который вез несколько вагонов продуктов и оборудование для устройства питательного пункта на границе Самарской и Уфимской губерний. Начальником нашего “пита” был член Союза Разума и Совесть. Кроме меня, в том же поезде “на голод” поехали Г.С.Прозоров, тоже, кстати сказать, член нашего Союза, и товарищ его, молодой красный командир, член РКП (б).

Попасть в “пит” нам было легко, но сдвинуть его с запасных путей товарной станции Николаевской железной дороги²⁰ было очень трудно. Начальнику поезда не удавалось это в течение целого месяца. Железнодорожное начальство к “питам” относилось почему-то очень недоброжелательно и не давало локомотивов. “Пит” стоял, продукты портились, служебный персонал (начальник, лекпом, сестры милосердия и т.д.) от безделья и скуки стави-

ли в вагоне-столовой пьесы Чехова, а голодающие голодали — на то они и голодающие, чтобы голодать.

Не знаю, сколько бы еще времени стоял “пит”, если бы у Прозорова кроме партийного билета не было очень вкусных конфет и печений, у его товарища — военной решительности, а у меня, кроме мандата ПОМГОЛа, — авторитетного имени моего брата, обучившего математике несколько поколений путейцев²¹. Нам потребовалось не более трех дней, чтобы сдвинуть с места поезд, но, сдвинувшись, он начал застревать на станциях на сутки и больше. “На конфетах” ехать было нельзя. Хорошо можно было ехать “на спирту”, но спирту у нас не было, чему не хотели верить железнодорожники и агенты охраны внутреннего порядка. Продукты продолжали портиться. На одной из остановок пришлось выбросить несколько тысяч пудов сгнившего картофеля. В рассол тронувшейся солонины лекпом хотел всыпать сулемы, но я ему отсоветовал.

В Инзе Прозоров и его товарищ пересели в обыкновенный поезд, опасаясь, что в “пите” они попадут не на голод, а на урожай. Я дотащился с “питом” до Сызрани.

С голодным бытом я столкнулся уже в Рузаевке²². Проходя по путям к вокзалу, я натолкнулся на почти обнаженный труп юноши. Тело уродливо изогнуто. Открытый рот заостренного лица набит липкой грязью. Желтая кожа кажется прилипшей прямо к скелету. Невдалеке солидно шагает железнодорожный милиционер. Подхожу к нему и говорю:

— На третьем пути лежит труп. Обратите внимание.

— Где, где? — оживился милиционер. — Покажите, какая такая труба?

— Не труба, а труп... мертвый человек.

— А, человек, — разочарованно сказал милиционер и махнул рукой. — Это нас не касается, их тут много каждый день подбирают.

Первое мая наш поезд простоял на станции Базарной²³. Рабочие близлежащей текстильной фабрики пригласили нас к себе на Первомайский праздник и заставили меня между вторым и третьим действием какой-то пошловатой пьески из жизни революционной интеллигенции произнести речь о Генуэзской конференции²⁴. Голод рабочих совершенно не коснулся: сами они и в особенности дети их выглядели сытыми и здоровыми.

От Базарной до Сызрани железная дорога идет по живописной местности среди отрогов Жигулей. В открытые окна вагонов вместе с живительными лучами солнца льются ароматные волны весеннего воздуха. Взор весело скользит по мягким изгибам синюющих холмов, по нежной зелени распускающихся почек, по черным, жирным, только что вспаханным четырехугольникам полей... На чистеньких станциях краснощекие бабы продают жирное топленое молоко и яйца, улыбающиеся дети предлагают подснежники и фиалки по 25 тысяч за маленький букетик... Одна

девочка, кокетливо изогнувшись, игриво бросает свой букетик в окно тронувшегося поезда. Забываешь о голоде, забываешь, что едешь по голодной Симбирской губернии...

Но вон стоит мальчонка, с голыми, черными от грязи ножонками, тонкими, как спички; заостренное личико умоляюще смотрит в окно вагона, выжидая корочки. Вон священник с маленьким сынишкой, опухшим от голода, пытается торопливо поцеловать руку сестре милосердия, подающей ему ломоть черного хлеба. Много голодных умерло, много убежало, а из оставшихся иные сумели приспособиться, сумели уже оправиться. У приспособившихся сердце очерствело.

— Много у вас в деревне голодающих? — спросили мы у здоровой бабы, продававшей молоко по 600 000 руб. за крынку.

— Да с сотню наберется.

— А остальные сыты?

— Остальные сыты.

— Что же вы, сытые, не поможете голодающим?..

— А зачем помогать? Чтоб самим без хлеба остаться?..

В Сызрани²⁵, когда-то оживленном центре хлебной торговли Поволжья, было тихо и пусто. Сызрань за зиму 1921—22 г. опустела и от бегства жителей, и просто от вымирания. За первые три месяца 1922 г. смертность жителей превысила рождаемость в 7 раз. Вымирал город, вымирал и уезд. В уезде в январе на 647 рождений было 1205 смертей. Рабочий скот почти совершенно исчез, и при весенней пахоте часто можно было видеть, как соху тянет своеобразная тройка: в корню мужик, а на пристяжке — две бабы. Площадь озимых посевов уменьшилась на 42%, площадь яровых — более чем вдвое. Дорогую пшеницу вытеснило дешевое просо. Было бы еще хуже, если бы своевременно не пришла американская кукуруза, спасающая по крайней мере 50% семян, которые иначе были бы съедены.

Вообще американская помощь, несомненно, смягчила свирепость голода. Об этом в голодающих местностях у беспристрастных людей не было двух мнений. Но все же этой помощи было недостаточно, чтобы сразу положить конец голодным смертям и голодным помешательствам.

В начале мая, когда я был в Сызрани, на улицах ежедневно подбирали трупы умерших от голода. Одна сызранская учительница рассказывала мне, что в Страстной четверг²⁶ она воз с человеческими трупами приняла за воз с бараниной, и, желая узнать, не везут ли ее для детских интернатов, подбежала к возу и с ужасом отпрянула.

— Теперь я больше не буду есть мяса, — сказала она.

Иные перестали есть мясо, другие, ошалелые от голода, призрастались к падали. Отупевшие голодные иногда жрали падаль даже тогда, когда могли бы получить кусок хлеба или тарелку щей. Это был своего рода психоз. Сидит женщина и тупо грызет

дохлого котенка, даже не содрал с него шкурки; сидит мужик и так же тупо грызет дохлую, не общипанную курицу. Одну голодную женщину привели в столовую и налили ей щей с мясом, а она требовала помоев, непременно помоев.

Больницы были оборудованы очень хорошо. Много воздуха, свежая, безукоризненная чистота, а главное — много самоотверженного и ласкового ухода. Но в этой “счастливой” обстановке тем ярче вырисовывались ужасные последствия длительного детского голодания. Безучастно, мертво смотрят старческие глаза на расплывшихся, некогда детских лицах. Это чаще всего.

Но вон на одной из кроватей шевелится иссохшая девочка лет 6—7, похожая на оборванного котенка. Подхожу и встречаюсь с безумными, злыми глазенками. Слабыми ручонками она тянется ко мне, цепляется, хочет поцарапать. Это детское безумие на почве голода.

Каких только болезней нет в этих больницах для голодных детей. Самая страшная — это нома. Она развивается вследствие длительного голода и питания суррогатами. Во рту, на языке и около десен появляются небольшие изъязвления. Они быстро разрастаются, внедряясь в слизистую оболочку, а затем и в мускулы. Происходит прободение щеки. Язва растет, съедает щеку, десны, захватывает кости, челюсти. Вываливаются зубы, распадаются кости, и ребенок умирает от общего заражения крови. Случаи выздоровления чрезвычайно редки²⁷.

В детских больницах, как я сказал, обстановка была хорошая. Иное в детских приемниках или эвакуомах. В этих приемниках условия были самые, мягко говоря, антисанитарные. Вследствие недостатка кроватей, матрацев, одеял и просто соломы дети разного возраста лежали по 6 на одной постели, под одним одеялом; трое ногами в одну сторону, трое — в другую. Иногда здоровые дети вместе с больными.

Несколько тысяч детей были эвакуированы из Сызрани в благополучные губернии. В дороге много детей умерло. Из одного поезда, прибывшего на место назначения, вынута было 40 детских трупики. В благополучных местностях юных гостей из голодных губерний встречали не слишком ласково. Так, например, на моей родине, в Боровичах Новгородской губернии, эвакуированных подростков отдавали отдельным крестьянам на прокормление. Крестьяне выхватывали более рослых мальчиков и девочек и превращали их в батраков и нянек.

Часть детей, избегнувших эвакуации и попавших в хорошо оборудованный детский дом, жила трудовой разумной жизнью. Я мог ее близко наблюдать, так как целую неделю прожил в этом доме. Вспоминаю последний вечер перед отъездом из Сызрани. Я провел его на огороде и наблюдал, как черную землю старательно, в поте лица вскапывали и разрыхляли босые мальчики, чисто, но бедно, по-крестьянски одетые.

Через живую изгородь, из только что распутившейся бледно-

зеленой акации, видны были белые фигурки мальчуганов и девочек, тоже босых, но одетых изящно, по-городски, копавшихся около своих грядок, где они садили семена огурцов, арбузов, дынь, подсолнухов. Кругом фруктовые деревья, пышно-белые, в кустах щебетанье птичек и робкое нащелкивание соловья, пробующего голос; с голубого неба мягкие ласкающие лучи заходящего весеннего солнца, обещающего через несколько часов вернуться освеженным, бодрым, радостным. Работали дети двух детских домов — школьники и дошкольники. Со школьниками работала молодая стройная девушка с интеллигентным лицом, к которому очень шел кокетливо повязанный красный шелковый платок. Я счел ее за учительницу или руководительницу, тем более что она очень охотно приняла участие в измерении площади обрабатываемого участка и помогала детям в вычислениях.

— Где вы учились? — спросил я ее.

— Нигде.

— Но как же вы попали в руководительницы детского дома?

— Я не руководительница, я повариха.

Повариха, которая после уборки кухни идет работать на огород совместно с детьми, несмотря на то что страдает довольно серьезной хронической болезнью, такая повариха заслуживает уважения, и оно повышается, когда узнаешь, что она старается не пропускать редких в Сызрани публичных лекций и после работы спешит на делегатское собрание женотдела.

— Вы здешняя? — спросил я ее.

— Нет, я из фабричного городка Егорьевска Рязанской губернии, дочь фабричного, с детства работаю.

В домах, где технически работают сознательные делегатки женотдела, детям лучше, чем в домах, где технически работает прислуга бывших господ.

— Кем бы ты хотел быть, когда вырастешь большой? — спросил я одного из работавших мальчиков, деревенского паренька лет 13—14, с широким открытым лицом, густо покрытым веснушками. Он кротко посмотрел на меня своими добрыми, умными карими глазами и сказал:

— Крестьянин я, по крестьянству и пойду. А то и мастеровым хорошо быть. Люблю столярничать...

Этот мальчуган не только любил, но и умел художественно столярничать. Я видел в детском доме прямо художественно сделанные им модели сельскохозяйственной фермы, пасеки и пр. Превосходно! И никакого другого инструмента, кроме простого перочинного ножа.

В Сызрани мною было создано совещание представителей ОНО (Отдела народного образования), ПОМГОЛа, Здравотдела и школьно-санитарных врачей для выяснения вопроса, следует ли продолжать эвакуацию детей в благополучные местности. Собра-

ние единогласно признало, что эвакуация не достигает цели, о чем и было сообщено ЦК ПОМГОЛа в Москву.

Пробыв более недели в Сызрани, я поехал в Самару²⁸, а наш бедный “пит” все еще стоял на запасных путях. Не знаю, догнал ли его другой “пит”, который вышел из Москвы значительно раньше нас, но, простояв на какой-то станции 19 суток, оказался позади. У него, вероятно, тоже не было спирту.

В Самару приехали на рассвете. Город только что просыпался, умытый дождем и согреваемый мягкими лучами восходящего солнца. Дождь, впрочем, не смыл кучи мусора, в которых копались тощие, облезлые собаки. Собаки первые засвидетельствовали мне, что в Самаре; этой “столице голода”, дело обстояло не так кошмарно плохо, как об этом говорили и писали. Человечину в Самаре, несомненно, продавали на базарах, особенно в виде начинки в пирожках и пельменях, но собак оставили в живых больше, чем достаточно.

Нищих в Самаре было очень много, но вряд ли много больше, чем в “благополучных” Москве, Петрограде и Харькове. Воров и всевозможных жуликов тоже было очень много, но опять-таки вряд ли много больше, чем в Москве, Петрограде и Харькове. Вот по количеству нэпманов Самара, несомненно, отставала от столиц великорусских и украинских. И все же в этой “столице голода” нэп нагло бросался в глаза. Гастрономические и кондитерские магазины торговали недурно, виноторговля — превосходно. В театрах столичные гастролеры делали полные сборы. Сознательные граждане играли в карты, писали стихи и танцевали, танцевали до утра и до упаду. Рабочие работали, грузчики выгружали хлеб и другие продукты, присылаемые из центра и из-за границы. Вид у грузчиков был, как и прежде, гордый, внушительный. Настоящие гранды в лохмотьях. Ругались и по-старому, и по-новому.

— Ишь ты, чего валандаешься... — и дальше трехэтажное, но в первый этаж посажена не традиционная “мать”, а совершенно неожиданная “совесть”.

Один из рабочих, приехавший в Самару из Иванова-Вознесенска, по поводу этого нового ругательства рассказал мне много печальных историй о том, как сытые и бессовестные люди наживаются на голоде.

— Грузчиком, — говорит он, — все это видно, вот и стали совестью ругаться.

— И в “Аре” не все благополучно, но все же спасибо ей, — говорил тот же рабочий. — Вон, посмотрите на этих девиц, их ведь “Ара” приспособила к делу²⁹.

И он указал на отряд молодых, кокетливо одетых девушек в коротких платьях и высоких американских ботинках. Девушки эти под руководством пожилого простолюдина, с метелками в руках, неловко, неумело мели дорожки сквера, где мы беседовали с рабочими. Оказалось, что это — безработные, сокращенные самарские девицы, которых “Ара” мобилизовала для наведения чи-

стоты в загрязненной Самаре. Работали они четыре часа и кроме денег получали по фунту с четвертью хлеба.

Чего только не сделала “Ара” в Поволжье! На ее счет производились даже обследования голодающих местностей, и производились очень толково. В Самаре я много слышал о голоде, но не видел его. Я увидел его, когда попал в уезд, в деревню.

Из Самары я поехал по Волге в Ставрополь–Самарский³⁰, отстоящий от ближайшей железнодорожной станции более чем на 100 верст, и поэтому зимой отрезанный от помощи центра. Один из лучших “самолетовских” пароходов “Спартак”^{30а} легко преодолевающая быстрое течение, шел вверх, мимо Жигулей. Весна была многоводная, и Волга мощно разлилась, захватив в свои объятия целые рощи со свежей, юной, только что распустившейся листвой. Рощи купаются под зелеными шатрами, уходящими в даль мягко–извилистой линией. В солнечных светотенях шатры переливаются, играют всеми оттенками живительного зеленого цвета от почти черного до нежно–желтого. А на воде дрожащим алмазным блеском пролегла полоса расплавленного солнца. Расплавляясь в воде, солнце медленно опускается, обрызгивая синеющую даль горизонта своею нежной кровью.

К Ставрополю “Спартак” подошел уже после заката солнца. Приютил меня у себя первый встречный, оказавшийся подписчиком “Жизни для всех” и “Вестника знания”³¹ и потому моим читателем. Угощал он меня лепешками из какой–то травы, зеленоватыми, склизкими, горьковатыми на вкус. Есть настоящий хлеб в Ставрополе считалось в то время почти неприличным. Про одного когда–то очень богатого ставропольского гражданина мне рассказывали, что он умер от голода на мешке с хорошей мукой.

В Ставрополе я осмотрел почти все детские учреждения. Чем дети меньше, моложе, тем положение их хуже. Дети школьного возраста, бывшие в детском доме или интернате несколько месяцев; выглядели сносно, изредка хорошо. Среди дошкольников было много заморышей, высохших, с зеленоватой кожей. В “Доме ребенка”, где дети в возрасте от года до трех, и особенно в “Доме охраны матери и ребенка”, где дети “грудные”, т.е. до года, почти все они были на пути в мир небытия.

В “Доме охраны матери и ребенка”, находящемся в ведении здраводела, было чисто, светло, внимательный уход, но ни капли молока и никаких суррогатов. Были матери–кормилицы, но груди их были пусты, ибо пусты были и их желудки. Из всех малюток, находившихся в “Доме матери и ребенка” в момент моего посещения, только один, подкинутый накануне, выглядел здоровым.

В доме для дефективных детей я познакомился с 12–летним людоедом Иваном Селяевым из села Михайловского. Селяев по настоянию своей семнадцатилетней сестры зарезал своего двухлетнего “братенка”, который затем был сварен и съеден. Иван Селяев — угрюмый, истощенный мальчуган, глаза тусклые, смотрит

вниз, понуро. Рассказывает однотонно как бы машинально. При вопросах волнуется.

— Что же, тебе не жаль было братенка резать? — спрашиваю я.

— Какое не жалко. Жалко...

Плачет и утирает слезы рукавом рубахи.

— Зачем же ты зарезал?

— Машутка велела. Все, грит, человечину лопают. Чево нам отставать. И бабка с печки кричит: “Режь!”. Я загнул Колюньке голову назад, да по шее и чикнул.

— А потом ел его?

— Ел, да сблевало.

Что-то искреннее, душевное прозвучало в голосе мальчика, когда на вопрос, не обижает ли его руководительница, он живо, с чувством произнес:

— Какое обижает. Она меня жалеет...

Кто знает, не вернула ли эта жалость умной и доброй девушки невинную душу этому наивному людоеду.

Осмотрев детские дома в Ставрополе, я отправился в одно из ближайших сел — Никольское, где, как мне сказали, был детский дом, типичный для голодной деревни. Дорога почти все время шла таинственно гудевшим сосновым бором. Навстречу попадались крестьяне в телегах и пешком. Они приветливо кланялись, принимая меня, как я впоследствии убедился, за американца.

Перед самым Никольским меня нагнал на плохонькой лошадке заведующий усоцвосом, и мы уже вместе отправились в бывший дом священника, превращенный в детский дом. В небольшом помещении было скучено более 100 человек. Руководителей было только двое: заведующая домом, молодая, энергичная, образованная девушка, и ее помощник, юный студент, только что оправившийся от тяжелого тифа. Оба работали безвозмездно, за один паек, и работали без усталости, не считаясь ни с какими часами.

Старшие дети выглядели сносно. Малыши — плохо, хотя получали ту же пищу, но она им иногда не только не шла впрок, а вредила: убивал внезапный переход от голодания к сравнительно обильному питанию. Смертность была очень велика. В последний месяц из 100 человек умерло 16; умирали от истощения и поноса. Во время моей беседы с заведующей домом прибежала из изолятора девочка и сообщила как нечто обыденное, что Петрушка “никак помирает”.

Мы пошли в избу, отведенную под изолятор. В небольшой комнате десятка два больных детей, иные лежали на нарах, другие столпились у русской печи, на которой умирал Петрушка, мальчуган лет семи. Я уловил последнюю искру жизни в меркнущих глазах, ушедших в раздутое, водянистое лицо, я нащупал последние замирающие удары пульса. Через несколько часов бедный

трупик, не омытый, не отпетый, никем не оплаканный, ляжет без гроба в бескрестную могилу.

На детей смерть товарища не произвела никакого впечатления. Привыкли к смерти. Дело обыкновенное.

Я попросил заведующую детским домом показать мне наиболее нуждающиеся семьи. Пошли по селу, когда-то очень богатому. Тихо. Безжизненно. Жутко. Ни людей, ни животных, ни птиц.

Входим в избу. Голод недавно унес хозяина-кормильца. Унес корову, лошадь, кур, но пощадил хозяйку и детишек. Иссохшая, женщина с зеленовато-серым лицом качает люльку, на лавке у стены трое ребятишек — старшей девочке лет десять. Вещей никаких, жильем не пахнет. Высыпаю сухари на стол. Детишки робко берут по сухарю и начинают сосать их, как дорогое лакомство. Даю женщине одну из пожертвованных моими слушателями рубашек. Моментально и женщина, и детишки падают в ноги мне и стоящей рядом заведующей детским домом. Становится тяжело, стыдно.

Идем в другую избу. Сидят в каком-то оцепенении страшно исхудавшая девушка лет 19, с распущенными волосами, и еле живой “землистый” парень лет 17, в грязной белой рубашке. Опять сухари, опять рубашка и опять земной, какой-то отчаянный поклон девушки. А парень только пошевелился, встать не мог.

Третья изба. Так же безучастно сидят две женщины, две вдовы, мать и дочь. Мать иссохшая, дочь опухшая. Даю сухари, благодарят. Даю крупную советскую бумажку. Никакого впечатления. Дочь повертела ее в руках и небрежно бросила на стол. Деньги не радуют. Что на них в деревне купишь? А до города не добраться.

Из Никольского мы направились в самую голодную из окружающих деревень — Барковку-Мордовскую, населенную преимущественно мордвой. В Барковке-Мордовской живет единственный на всю волость и очень популярный медик — “ротный фельдшер” Романовский с 25-летним врачебным стажем. К нему мы прежде всего и направились.

На Романовском стоит остановиться. Мужчина лет 50, крепкий, крупноголовый, с внушительной плешью, в очках, из-за которых смотрят острые глаза. Движения быстрые, решительные. Производит впечатление человека, любящего и умеющего распоряжаться и властвовать. Беседу со мной Романовский сначала все сводил на деревенские непорядки и на то, как он их пресекал.

— Прихожу на кладбище. Могилы должны рыться глубокие, в два аршина, а тут только копнешь лопатой, и вылезает голова или нога. Я сейчас же — акт. Вот потрудитесь познакомиться... Прохожу по деревне. На завалинке бородачи и председатель сельского совета с ними. Сидят, сигарки покручивают и смотрят, как ребятишки трупом играют: за ноги из стороны в сторону таскают. Я на председателя: “Как же ты, такой-сякой, на этакое безобразие

смотришь и не пресекаешь? Разве на то ты поставлен? Арестую! Идем акт писать”. Вот тут акт, потрудитесь познакомиться.

И так далее. Акт за актом. Человек активный и чуткий. Узнав, что акты меня не интересуют, он стал толково рассказывать о заболеваниях на почве голода. По его словам, положение улучшается, главным образом благодаря американской кукурузе и хорошим видам на урожай. Эти “виды” выявили запрятанные запасы.

Я попросил Романовского свести меня в особенно нуждающиеся семьи. Пошли по совершенно пустынной улице. Стали спускаться в одну из наиболее голодных изб. Никто не открыл. Изба уже опустела. Из окна другой избы после долгого стука высунулась голова и так посмотрела, что мне стало невмоготу помогать. В самой деревне, видимо, есть сытые. На тысячу человек наберется десяток пьющих молоко и закусывающих настоящим хлебом. И в деревне, так же, как в городе, сытые не понимают голодных...

В июне, когда я возвращался в Москву, “Царь-голод” уже потерял свою наглую самоуверенность и отступал перед “товарищем Урожаем”. В городах и деревнях, в вагонах и на пароходах при каждой встрече разговор сводился к урожаю. Его так хвалили, что у некоторых осторожных людей являлось даже опасение, как бы он не зазнался.

В Нижнем, в ожидании московского поезда, я гулял по тому месту, где когда-то был ярмарочный городок³². Его в буквальном смысле разворовали. Воровал всякий, кому не лень было. Воровали рамы, двери, снимали крыши, ломали стены и растаскивали кирпич. Уцелел только главный дом, где обосновались какие-то матросы. Вокруг главного дома восстанавливались некоторые лавки и склады для первой советской ярмарки. Возобновление Нижегородской ярмарки при сосредоточении оптовой торговли в руках государства и кооперации казалось мне тогда, кажется и до сих пор, затеей дорогой и ненужной. Гораздо лучше бы те средства, которые поглощает ежегодно ярмарка, направить на развитие промышленности и сельского хозяйства.

Своими впечатлениями от поездки в голодающие местности я поделился в ряде очерков с читателями “Известий”. Из моих очерков полетело крылатое слово “товарищ Урожай” и было гостеприимно принято всюю советскою печатью.

2. Скитания и терзания

Атмосфера нэпа оказалась убийственной для Союзов Разума и Совести³³. Сначала угасли ненадолго ярко вспыхнувшие Союзы петроградский и воронежский, а затем угасли и Союзы киевский и московский. Для московского Союза временем наибольшего подъема было лето 1920 г.

Мне особенно памятен наш трудовой субботник, устроенный в день Вознесения³⁴. Рано утром мы все отправились на один из мо-

сковских вокзалов и предложили свои услуги для бесплатной работы. Железнодорожники нашему появлению были не слишком рады: по их словам, на субботниках обыкновенно больше озорничают, чем работают.

Отшить нас не удалось, так как мы были очень настойчивы и соглашались на любую работу. Мужчинам дали переноску и укладку рельсов на одном из запасных путей, женщинам — очистку путей от мусора, работа очень близкая к очистке уборных и помойных ям. Все принялся за работу с увлечением и, можно сказать, с ожесточением. Я старался не отставать от молодежи и с огромным напряжением, задыхаясь и спотыкаясь, перетаскивал тяжелые рельсы. О том, что мне окулистами под страхом слепоты запрещена всякая напряженная физическая работа, я не думал. Женщины, по большей части интеллигентки, без всякой брезгливости в тучах пыли сгребали и сносили в ямы мусор. Свои летние платья они попортили, но не жалели об этом. Ретиво помогали ребята из того замоскворецкого детского дома, которым руководил член нашего союза С.Ф.Васильев.

Мы проработали восемь часов с небольшим перерывом, во время которого закусили черствым хлебом, выданным нам “по положению”. Работа была выполнена основательно и сверх задания. Железнодорожники, встретившие нас с насмешками, провожали с уважением.

— Если бы все на субботниках так работали, как вы, — говорили они, — то из субботников вышел бы толк.

Поворотным моментом к падению Союза был один осенний вечер, когда собрались на товарищескую беседу в столовой трезвенников и толстовцы. Открыв собрание, я произнес речь о задачах Союза Разума и Совести. Она произвела сильное впечатление на старика-странника, случайно попавшего на наше собрание. Странник просто, но складно и даже с подъемом высказал свое сочувствие всему тому, что я говорил. По его словам, он обошел чуть ли не всю Россию и видел и слышал, что повсюду народ ищет правды, хочет жить по разуму и совести, так, чтобы все было всех, чтобы все трудились, помогали друг другу, чтобы не было ни сирых, ни обиженных, ни голодных.

После странника поднялся толстовец, бывший секретарь Льва Николаевича Толстого Валентин Федорович Булгаков³⁵, и с большою резкостью обрушился лично на меня. По его словам, всякие мои начинания кончаются крахом, потому что у меня нет религиозного сознания. Где нет религиозного сознания, там не может быть ни разума, ни совести, и потому следует сторониться союза, руководимого мною.

После Булгакова поднялся “братец” Иван Николаевич Колосков³⁶ и тоже напал на меня как на безбожника, который хоть и хочет добра, но приносит одно только зло.

Отвечая на эти нападки, я от обороны перешел к нападению и

с увлечением стал наносить удары религиозному лицемерию. Вдруг кто-то тронул меня за плечо, и я услышал резкий голос:

— Гражданин, остановитесь!

Я обернулся и увидел высокого, плотного человека в военной форме. За ним еще несколько военных с револьверными кобурами у пояса. В зале — напряженная тишина. С улицы доносится шум автомобильного мотора.

— Предъявите удостоверение вашей личности!

— На каком основании? Кто вы такой?

Показывает документ ВЧК.

Предъявляю удостоверение ОНО³⁷.

Удовлетворяется и переходит к моему соседу. Проверяет документы человек десяти. Заметно удивляется. Документы солидные: партийные книжки, удостоверения МК партии, штаба 14-й армии и т.д.

— Странно. Произошло какое-то недоразумение. Что у вас за собрание, товарищи?

Я показываю утвержденный Московским Советом “Устав Союза Разума и Совести” и объясняю цель собрания, спрашивая, не желают ли неожиданные гости записаться в наш Союз. Улыбаются.

— Нет, увольте. Извините за беспокойство.

Уходят. Уезжает грузовик, предназначенный для арестованных.

Я продолжаю прерванную речь, но слушают плохо. Волнуются. Многие уходят.

Следующее собрание было обидно малоллюдно. Большинство не пришло. Отсутствовали все партийцы. И.Н.Колосков деликатно дал понять, что нам следует приискать для собраний другое помещение.

Осталась небольшая группа друзей, поддерживающих друг друга морально и материально. Но и она довольно быстро распалась, так как большинство членов ее вынуждены были по разным причинам уехать из Москвы. Летом 1922 г. из Москвы уехал и я. Занятия в детских домах Замоскворечья я сменил на работу разъездного корреспондента “Известий” и свободного разъездного лектора. Были у меня и мандаты, дававшие мне право знакомиться как с постановкой дела в детских учреждениях советских республик, так и с политико-просветительной работой.

Более шести лет скитаюсь по СССР. Прочел много лекций на разные темы в разных аудиториях. Масса наблюдений, впечатлений, переживаний. Сначала усердно корреспондировал в “Известия”, потом пришлось перестать, так как не умел попасть в надлежащий тон. Написал два доклада Наркомпросу и один Главполитпросвету. Написал две большие работы, но не сумел продвинуть их к печатному станку.

Уже через два месяца по возвращении с голода я отправился по заводам и фабрикам. Осматривал и описывал заводы и фабрики в Люберцах, Твери, Сормове, Мотовилихе, Невьянске. Больше всего интересовался бытом рабочих. Со стороны красных директоров, инженеров и вообще фабрично-заводской администрации отношение ко мне как представителю печати было хорошее, внимательное, охотно все показывали и давали обстоятельные пояснения. Но были исключения.

В Екатеринбурге³⁸ мне хотелось, прежде чем осматривать заводы, ориентироваться в тогдашнем состоянии уральской промышленности. Пошел в правление треста "Гормет". В канцелярии мне сказали, что никаких сведений без разрешения председателя правления дать не могут. Направили к председателю. У входа в кабинет председателя сидит "казачок", а на дверях надпись: "Без доклада не входить". Просил доложить. Допустили. За большим письменным столом сидит солидный мужчина средних лет сурового вида. Садиться не приглашает. Сажусь без приглашения и начинаю излагать свою просьбу. Но как только упоминаю, что собираю сведения для опубликования в "Известиях ВЦИК", из председателеских кресел раздается сердитое ворчание:

— Сидели бы лучше в Москве, чем по таким пустякам беспокоить меня. Надо понимать, к кому идешь. Я — председатель треста. Понимаете?! Пред-се-да-тель! А вы ко мне лезете с таким вздором. Порядка не знаете?!

Я пробовал объяснить, что сообщение в советской печати правильных сведений о трестированной промышленности совсем не пустяки, но тут ворчание из председателеских кресел перешло в лай, и я поспешил уйти.

В Уральском промбюро меня, напротив, встретили очень любезно. Член президиума тов. Гулин дал мне мандат для осмотра всех уральских заводов, но он оказался недействительным в глазах красного директора Калатинского медеплавильного завода³⁹. Приехал я на Калатинский завод из Невьянска, завод которого начал работать еще в 1702 г. и считается родоначальником горно-заводской промышленности Урала⁴⁰. В Невьянске мне все показали и растолковали честь честью, дали и заводскую лошадь до Калаты. Калатинскому директору, когда я отрекомендовался как сотрудник "Известий ВЦИК", слышалось, что я член ВЦИКа. и потому он меня принял не только любезно, но прямо подобострастно. Но когда недоразумение выяснилось, лицо его сразу омрачилось.

— Да вы — партийный ли?

— Нет, я — беспартийный.

— В таком случае я не могу вам разрешить осматривать завод.

— Но у меня есть мандат от Промбюро.

— Промбюро мне не указ. Завод могут осматривать только члены партии. Беспартийный может использовать свои наблюдения во вред партии.

— Но разве среди беспартийных нет искренних сторонников советской власти, а среди имеющих партийный билет нет “примазавшихся”?

— Что вы понимаете?! Интеллигенту вроде вас труднее пролезть в партию, чем верблюду через игольное ушко.

Так и не осмотрел я Калатинского завода. В Невьянск возвращался я пешком. Дорога пересекала полотно железной дороги. Девушка, стоявшая у сторожевой будки, шутливо спросила:

— Почему это вы, гражданин, в Калату на заводской лошади ехали, а назад пешком пробираетесь?

— Ехал я, милая, как товарищ, а пешком пробираюсь как гражданин.

Девушка рассмеялась, хотя вряд ли поняла соль моей шутки.

Уральская промышленность в 1922 г. была еще в жалком состоянии. Нижнетагильские заводы⁴¹ совсем не работали, другие работали с дефицитом. Заправили трестов, по свидетельству тов. Белья Куна⁴², работавшего в то время на Урале, устраивали роскошные пикники, а рабочие не получали вовремя зарплату. Правила охраны труда не соблюдались. Между хозяйственниками и профсоюзами шла непрерывная борьба. Слышались жалобы на недостаток квалифицированных рабочих.

— Наша беда, — говорил мне один хозяйственник в Невьянске, — что уж слишком много обученных мастеровых оторвалось от заводской работы и засело в различных советских и партийных управлениях и учреждениях.

Мои корреспонденции о голоде, о заводах, о детских учреждениях, по словам заведующего провинциальным отделом “Известий” тов. Эрда⁴³, “обращали на себя внимание”, вызывали много сочувственных откликов и “опровержений”.

Редакция моим сотрудничеством сначала дорожила, и мне был поднесен сюрприз — назначение меня штатным сотрудником с постоянным жалованием. Но когда я стал описывать темные стороны нэповского быта, мои корреспонденции стали урезываться, откладываться, а затем и просто выбрасываться.

Осенью 1923 г. я послал корреспонденцию из Костромы с ярким описанием пьяного быта лично Ю.М.Стеклову⁴⁴. В приложенном к корреспонденции письме я просил хотя бы через одного из младших секретарей сообщить мне, желательно ли мое дальнейшее сотрудничество или нет. В 1922 г. Стеклов не раз говорил мне, что мои статьи печатаются “с наслаждением”, но теперь он игнорировал мою скромную просьбу. Письмо осталось без ответа. Корреспонденция не была напечатана.

Мое сотрудничество в “Известиях” окончилось. Но я продолжал ездить по СССР в качестве разъездного лектора и волей-неволей сталкивался с темными сторонами нэповского быта. Вслед за виноградными винами появилось пиво, и, как мухоморы после хорошего дождя, выросли многочисленные “красные пивные”. За

пивом пошли разные наливки и настойки, за ними — тридцатиградусная “русская горькая” и, наконец, все увенчала старая знаковая, так долго бывшая в опале сорокаградусная водка.

Статистические данные, проникавшие на страницы советской печати, показывали, как вместе с количественным и качественным развитием торговли спиртными напитками прыгали вверх цифры прогулов и несчастных случаев на фабриках, заводах и железных дорогах, цифры хулиганских выходок, смертей от опоя и т.д., и т.д. Но и помимо статистики рост пьянства бил в глаза тем, кто подобно мне скитался по России и бродил по городам и весям. В 1916 г. я прожил в Архангельске около десяти дней и не видел ни одного пьяного, а в 1925 г. в один вечер, проходя по главной улице от Троицкой гостиницы до городского сада, я наткнулся на 4 пьяных скандала.

Особенно тяжело и скорбно было видеть огромные очереди жаждущих водки около лавок Центроспирта. В Сталинграде одна из лавок Центроспирта была открыта около самой пароходной пристани. И мне пришлось наблюдать, как к этой лавке ринулась толпа пассажиров 3-го и 4-го классов только что прибывшего парохода и столкнулась с толпой местных жителей и грузчиков, уже занявших первые места. Произошла отвратительная свалка, в которой приняли участие и женщины. В стороне стоял старик из бывших купцов с елейно-хищным лицом и злорадствовал:

— Ишь, сволочи! Процъете вы свою дурацкую свободу.

Еще более терзали меня игорные вертепы всех рангов от жалких лото до роскошных казино и клубов. В Ленинграде игорные клубы работали непрерывно круглые сутки, заманивая, развращая и губя советских служащих и рабочих. От одного из этих клубов пострадал жестоко лично я. Один из моих сыновей⁴⁵, славный парень, сначала работавший как батрак на земле, а потом попавший в студенты Электротехнического института, пошел с товарищем во Владимирский клуб⁴⁶ из любопытства, потом тоже из любопытства поставил какую-то мелочь, выиграл, поставил больше — снова выиграл, затем проиграл, ушел, но азартная зараза делала свое дело. Пришел снова — и в конце концов сделался игроком, перестал заниматься, был уволен из института, и я не знаю, что может спасти его.

В том же Ленинграде я знал одного комсомольца, которого игорный вертеп довел до бандитизма. Он принял участие в налете на ювелирный магазин и был при этом тяжело ранен. Читайте судебную хронику, и вы увидите, как во всех процессах растратчиков неизбежно фигурирует игорный дом. Неправда, что в игорных вертепах гибнут преимущественно старые и новые буржуи, нет, там больше гибнет советских работников и фабрично-заводских рабочих.

В столичных игорных вертепах я не бывал, но иногда заходил в провинциальные казино и клубы, и всегда вокруг рулетки и других азартных выдумок толпились пролетарии. Как раз перед тем,

как я взялся за перо, чтобы писать эту печальную главу моей книги, мне бросился в глаза фельетон в местной киевской газете о трагической судьбе токаря Краснознаменного завода Андрея Левчука.

Киевское казино на главной улице, заманивающее посетитель ярким светом и заманчивой рекламой, заманило к себе и Левчука, который и среди товарищей, и у администрации пользовался славой дельного и нужного человека. Заманило и погубило не только его, но и всю семью. Зараженный сам, он заразил азартом и свою жену, но когда он увидел ее за зеленым столом, то его охватила слепая ярость. Разбросав стоящих у стола людей, он бросился к Насте и, широко размахнувшись, ударил ее кулаком по лицу... Раз, другой... В казино вспыхнул переполох. Андрея схватили за руки, отдали ему не проигранные женщиной два червонца и вытолкали черным ходом на улицу. Рабочий, как в беспамятстве, долго бродил по шумной панели, сжимая в руке скомканные кредитки. А потом... потом зашел в соседнюю рулетку, поставил их на красное и проиграл.

Жена к нему больше не вернулась. Истомленные голодом, лишенные верхней одежды, дети перестали ходить в школу. Сердобольные соседи время от времени приносили им пищу. Ставок больше не было. В три месяца Левчук проиграл все: здравый смысл, службу, имущество, самолюбие и семейное счастье. Токарем овладело полное отчаяние. Мысль о собственном самоубийстве и уничтожении детей не давала ему покоя. Андрей пытался раздобыть у заводского охранника револьвер, но ему помешали.

И вот этот измученный скуластый человек, с красными воспаленными глазами, пришел в редакцию нашу. Он присел у стола и вдруг зарыдал громко и жалобно, уткнувшись в свои тяжелые волосатые руки:

— Последняя надежда на вас... Что хотите, то и делайте... Мне все равно, но вот дети... дети — трое их, погибают.

“Не будем толковать, — пишет по этому поводу сотрудник “Киевского пролетария”, — что рулетка и «були» ненавистны всякому культурному человеку. Каждому известно, что эти рассадники азарта гнойными болячками торчат на здоровом теле города”.

Об этом толковать, пожалуй, действительно излишне. Но следовало бы серьезно подумать, почему эти болячки продолжали повсюду торчать, несмотря на то что рабочие повсюду, в том числе и в Киеве, требовали их удаления. Рабочие часто жаловались мне, что на их требования о закрытии пивных, спиртных лавок и азартных клубов власти не обращают внимания.

Мне вспоминается, что еще в 1919 г. один интеллигентный коммунист, с которым я ехал с какого-то митинга, говорил мне:

— Вы напрасно говорили, что партия должна внимательно прислушиваться к каждому требованию рабочей массы. Рабочим мы начинаем не доверять.

При свидании с Лениным я ему об этом рассказал.

— Вот безобразия—то! — сказал возмущенно Ленин. — Что же вы ему ответили?

— Я ответил, что это не беда, что вы начинаете не доверять рабочим, но вот будет беда для вас, когда рабочие перестанут вам доверять.

— Хорошо ответили, — заметил Ленин.

Пьянство и азарт бьют в глаза, но есть бытовые уродства, которые хорошо скрыты, но тем сильнее подтачивают они общественное здоровье. В 1928 г., в течение одного месяца, общественная совесть была возмущена целым рядом изнасилований женщин. В изнасилованиях этих принимали участие видные партийцы, занимавшие ответственные посты председателя губернского суда в Артемовске, старшего следователя в Архангельске, и видные пролетарские поэты в Москве. Но меня еще сильнее взволновало сообщение А.Ландау в “Правде” от 8 апреля 1928 г., что в Сочах партийные советские заправилы, в том числе секретарь райпарткома и председатель райисполкома, в течение двух с половиной лет расхищали советское добро, издевались над революционной законностью, пьянствовали и насиловали женщин:

“Ответственные работники коротали время в самых диких, разнузданных оргиях, нередко заканчивавшихся коллективным изнасилованием женщин. Особенно отличался руководитель партийной организации Зарапов. Комсомолки вызывались ночью на квартиру к секретарю райпарткома для «секретной» работы. Строптивые и неподатливые сотрудницы увольнялись со службы. Сломленные нуждой и вынужденные поэтому безропотно принимать ухаживание, безработные устраивались на службу. Больше того, в некоторых случаях Зарапов обещал своим подневольным наложницам принять их в партию. «Посредником» в любовных делах был заместитель секретаря райкома ВЛКСМ Чернет, «поставлявший» Зарапову комсомолок”⁴⁷.

В Сочах за эти годы перебывали и подолгу жили виднейшие партийные работники из центра, и никто не заметил этих оргий и насилий. Мало того, по словам А.Ландау, “уже после того, как комиссия ЦКК на месте все выяснила, пять ответственных партийных работников (в свое время отдыхавшие в Сочи) подали заявление, в котором (долг платежом красен) берут сочинских хлебосолов под свое покровительство”.

Не заметил чудовищных сочинских безобразий ни один из многочисленных отдыхавших в Сочи сотрудников и корреспондентов столичных газет. Но зато я помню, как один из них призывал грома Советской власти на голову какого-то злополучного провинциального лектора, пожелавшего прочесть в Сочах, быть может, нелепую, но во всяком случае безобидную лекцию “о вреде чая”.

Да, читать лекции, даже самые безобидные, становится все труднее, вместе с тем как развиваются эпидемии абортон, коллективных изнасилований, пьяных оргий, хулиганств и азарта. Это я очень болезненно чувствую на себе. Давно прошло то время, ког-

да для моих лекций не требовалось никаких разрешений, прошло и то время, когда меня мобилизовали для чтения лекций в красноармейских казармах, то время, когда агитпроп ЦК предлагал мне совершить лекционную поездку по Волге, и т.д. Теперь для того, чтобы добиться разрешения на лекцию, требуется масса хлопот, и эти хлопоты не всегда увенчиваются успехом. Курьезных замечаний при обсуждении представляемых мною тезисов приходится слышать очень много, но я предпочитаю пройти их молча^{47а}.

Лекции давали мне большое нравственное удовлетворение. Часто мне казалось, что я попадаю в волны мысли и чувства, идущие от слушателей ко мне, меня поднимающие, меня освежающие. Большую радость испытывал я, когда удавалось овладеть неподготовленной аудиторией и остановить шушуканье, смешки и создать напряженную тишину, в которой шло творчество мысли и чувства. Обыкновенно мне после лекции дружно и горячо аплодировали, но бывали случаи, когда аудитория, творчески прослушавшая лекцию, глубоко взволнованная, не решалась аплодировать.

Лет двадцать тому назад в некоторых городах говорили, что после моих лекций, после “недели Поссе”, походка у жителей меняется: идут быстрее и бодрее. За последние годы мои лекции, наоборот, походку жителей нигде не изменяют; но, несомненно, лица многих слушателей к концу лекции становятся красивее. И это потому, что мне удается оживить образы великих творцов и зажечь их мыслями мысли слушателей. Среди слушателей бывают и такие, которых мои лекции почему-то озлобляют. Их очень немного, но они стараются дать о себе знать ругательными записками.

Помню, в 1923 г. в Царицыне на лекции “Трагедия одиночества”, которую я прочел с большим подъемом, мне были поданы три записки оскорбительного содержания, одна даже с матерным ругательством. Я почувствовал острую боль обиды и не удержался, чтобы не высказать ее. Боль передалась слушателям, и я на другой день получил много сочувственных писем. Среди них были и письма членов ВКП(б). Один партийный коммунист, знавший меня раньше в Москве, был особенно задет за живое моими словами, сказанными под влиянием обиды: “Я ухожу одиноким”. Он просил взять эти слова обратно. “Нет, тысячу раз нет, — писал он, — Вы не одиноки, Вас поняли, и те, у кого хватит воли и сил, многое используют из Ваших лекций для своей жизни. Я лично говорю Вам спасибо за Ваше стремление сказать больше, шире, яснее и за то вдохновение, которое Вы вызвали во мне”.

На фабриках, заводах, приисках и т.д. рабочая масса приходила на первую лекцию недоверчиво настроенная, опасаясь, что я буду говорить или что-нибудь “профессорское”, т.е. непонятное, или агитационное, т.е. давно известное и порядком надоевшее. Недоверие быстро сменялось изумлением, а изумление переходило в живой интерес, воодушевление.

Особенно сильное впечатление мои лекции “Крах семьи”, “Половое рабство” и “Правда о женщинах” производили на работниц и жен рабочих. В Тамбове группа женщин после моих лекций прислала мне длинное, нескладное, но тем не менее интересное и трогательное послание. Начиналось оно с благодарности “глубокоуважаемому и дорогому нашему лучу Владимиру Александровичу” за то, что он “разбудил дремавшие сердца и освободил их от ржавчины и плесени обыденной серой жизни”. Далее следовал рассказ о горькой участи женщин, гибнущих в “когтях бедности”, “выброшенных за борт трудовой жизни”. В дополнение к этим горьким рассказам жалобы на богатых и “у власти стоящих”, которые, состоя в “коренном” браке, имеют по нескольку “пристяжных” жен. И на некоторых коммунистов жаловались тамбовские работницы за то, что они берут в жены нарядных и намалеванных женщин, имевших альфонсов, а над чистыми, целомудренными девушками смеются. В заключение просьба к “золотому лучу товарищу Поссе”, чтобы “чаще приезжал в Тамбов”.

Читая это послание, я лишний раз убедился, как был прав Войтоволский, презрительно окрестивший меня “лектором для швек”⁴⁸. Комсомольцев и комсомолок смущало только то часто, что я беспартийный, но и среди них я нашел много чутких друзей—слушателей.

В 1927 г. в Свердловске орган уральского комсомола “На смену!” напечатал о моих лекциях сочувственную статью и поместил мой портрет, назвав меня “проповедником нового быта”⁴⁹.

В Батуме одна работница—комсомолка писала мне, что шла на мою лекцию с большим предубеждением, так как слышала, что в тифлисской газете меня ругали, но прослушав лекцию, убедилась, что я говорю правду, и эта правда должна вызывать злобу тех, у кого совесть не чиста, а “душа, как грязное болото”. “Горячо жму Вашу руку, — писала она, заканчивая письмо. — Пусть еще долгие годы звучит такая вдохновенная речь, как сегодня. Я — активная и сознательная комсомолка, и я хотела бы, чтобы все коммунисты мыслили так, как вы, беспартийный”.

Свои лекции, освещающие вопросы любви, я хотел издать в виде книги. Издательство для этого нашлось, но со стороны Ленинградского университета встретилось препятствие. Читали мои “Вопросы любви” два цензора. Один дал положительный отзыв, другой — отрицательный. Давший отрицательный отзыв усмотрел в некоторых местах моей работы “идеализм”. Больше всего “идеализма”, судя по отметкам красным карандашом на полях и в тексте, было в больших буквах, которые по недосмотру переписчицы сохранились в словах Бог, Господь, Христос, Троица и т.д. Слова эти попадались и у В.В.Розанова⁵⁰, и у других авторов, которых мне приходилось цитировать. Идеализм был усмотрен и в небольшой цитате из “Очерков сексуальной психологии” З.Фрейда, изданных Госиздатом⁵¹. Фрейд, по мнению цензора, идеалистически объяснял “право первой ночи”.

Но самый страшный “идеализм” оказался в моих собственных словах: “И для половой жизни остается верным основной закон морали: «Не делай другому того, чего ты не желаешь себе». Мужчина, будь верен той, которую ты выбрал спутницей своей жизни, если хочешь, чтобы она была верна тебе. Женщина, будь верна тому, кого ты выбрала спутником своей жизни, если хочешь, чтобы он был верен тебе”.

— Знаете ли, какой вы допустили ляпсус?! — строго сказала мне Быстрова, заведующая Ленгублитом, и указала на злополучный моральный закон.

— Ведь это — Кант! — крикнула она⁵².

Я почувствовал себя совершенно подавленным.

Рукопись была мне возвращена для исправления. Я выбросил все места, опороченные “идеализмом”, но все же разрешение на издание моей книги обещали дать только в том случае, если к ней напишет предисловие какой-нибудь видный член ВКП(б).

Я обратился к А.В. Луначарскому. Он дал принципиальное согласие написать предисловие и взял рукопись для просмотра. Через два дня он мне ее вернул со следующим письмом:

“Дорогой Владимир Александрович. Вашу книгу о половом вопросе я бегло просмотрел. Книга безусловно полезная. Вряд ли в чем-нибудь оказались бы между мною и Вами сколько-нибудь существенные разногласия по этому вопросу. Но через неделю я уезжаю за границу и ранее, как через месяца два, ни за какую работу не возьмусь. Думаю, что это не устраивает Вас, и потому возвращаю Вам Вашу рукопись. Жму руку

А. Луначарский”.

По правде сказать, меня бы очень устраивало, если бы Анатолий Васильевич написал предисловие даже через шесть месяцев после возвращения из-за границы, но я считал неделикатным вновь обращаться к нему. Мои “Вопросы любви” остались неизданными.

Я написал небольшую работу “Семейный быт прежде и теперь” и послал ее в Северо-Кавказское областное издательство “Севкавказкнига”, которое когда-то предлагало переиздать мои “Основы кооперативного движения”, на что я не согласился, считая их устаревшими. “Семейный быт прежде и теперь” рассматривался редакцией “Севкавказкниги” несколько месяцев. В конце концов редакция признала мою работу интересной, идеологически выдержанной и заслуживающей издания, но против ее напечатания высказался торговый сектор. Рукопись была мне возвращена и лежит у меня без движения.

Написал я большую работу “Кооперация как путь от капитализма к коммунизму”. Она должна была заменить “Основы кооперативного движения”, книгу очень популярную среди кооператоров. Предложил издать ее Кооперативному издательству в Москве. Продержали рукопись несколько месяцев. Профессор Спас-

ский, которому рукопись была дана на просмотр, дал о ней хороший отзыв, но все же рукопись была возвращена мне, так как издательство решило издавать только кооперативные учебники и агитационную литературу. Часть моей работы между тем успела устареть. За переделку не хочется браться, и работа лежит без движения.

Еще в 1918 г. Госиздат по своей инициативе заключил со мной договор о переиздании “Политической истории” Сеньбоса, вышедшей в “Знании” под моей редакцией и с моими обширными дополнениями⁵³. Для издания Госиздата, которое являлось пятым, я переработал свои дополнения и довел обзор событий до начала империалистической войны. Госиздат очень торопил меня с этой работой. И мне, занятому днем в детских домах, приходилось работать по ночам. Я представил работу к сроку, и мне было обещано, что она немедленно будет отправлена в типографию. Но в Госиздате произошли перемены, лица, с которыми я имел дело, ушли, и издание Сеньбоса с моими дополнениями было отложено на неопределенное время.

Вспомнили о нем года через три, но к этому времени М.Н.Покровский⁵⁴ подготовил уже свой очерк “Русская история”, и та часть моих дополнений, в которой излагалась история современной России, оказалась излишней. Другая часть, излагавшая историю Западной Европы с 90-х годов прошлого столетия до империалистической войны, была передана для просмотра и отзыва Лукину—Антонову⁵⁵, который дал отзыв крайне придирчивый. Он отметил даже какой-то показавшийся ему не совсем удачным подзаголовок, но не заметил, что мною для характеристики отношения II Интернационала к войне были приведены в моем переводе стенограммы прений и резолюций о войне всех конгрессов, начиная с 1889 г. Эти стенограммы, взятые мною из протоколов конгрессов, были сначала напечатаны в “Жизни для всех”. Я вырвал их из журнала и вложил в соответствующее место своей рукописи. На последней вырванной странице начинался помещенный мною в “Жизни для всех”, как исторический документ, протест единомышленников Льва Николаевича против войны. Лукин посмотрел только эту страницу и написал в отзыве, что я включил в свою работу статью о международных конгрессах, взятую мною из какого-то толстовского журнала. Все же Лукин был так милостив, что в заключение нашел мою работу заслуживающей напечатания, если я сделаю изменения, на необходимость которых он указывает в своем отзыве.

Рукопись была мне возвращена, и я ее “исправил” согласно указаниям Лукина. Мне было сообщено, что теперь моя работа будет напечатана. Но в Госиздате опять произошли какие-то изменения, и мне было сообщено, что работа моя напечатана не будет. Я считал, что немотивированный отказ от напечатания моей работы является нарушением договора. Но что я мог поделать? Я махнул рукой. Рукопись мне не вернули, так как я не в состоянии был возвратить выданного мне за нее аванса.

Так печально заканчиваю я свою научную и литературную деятельность, начатую почти 40 лет тому назад. За эти долгие годы мною напечатано в разных журналах и газетах много сотен статей, очерков, обзоров, выпущено отдельными книгами 23 моих научных и литературных работы, переведено и проредактировано много трудов иностранных авторов. За эти годы я был редактором нескольких журналов и “Библиотек”.

В провинции я встречаю много своих старых читателей, и они меня спрашивают, почему я ничего не пишу, почему моего имени нет ни в одном списке сотрудников современных журналов, почему не переиздаются мои старые книги, которые давно стали библиографической редкостью, почему я не издаю своих лекций? В ответ я молча пожимаю плечами. И что мне сказать?! Мне теперь часто вспоминается афоризм Ницше: “Мало иметь талант, нужно еще ваше разрешение, господа”.

Разрешение потребуется и для “Моего жизненного пути”. За появление в свет “Вопросов любви”, “Истории Европы”, “Кооперации” и других я почти не боролся, я быстро отступал перед преградами. Но за “Мой жизненный путь” я буду бороться энергично, так как “Мой жизненный путь” — это моя последняя книга и книга самая нужная и самая своеобразная⁵⁶. О кооперации, о вопросах любви и т.д. могут писать многие и могут писать лучше меня. Но свой жизненный путь о моем прожитом и продуманном написать так, как я его написал, никто другой написать не может. Каждый человек своеобразен, и всегда своеобразен не только по содержанию, но и по форме его рассказ о своей жизни.

На этом можно было бы и закончить длинную повесть о моем длинном жизненном пути. Но я знаю, что у близких и дальних друзей моих, у тех, о которых я больше всего думал, когда писал эту книгу, останется чувство неудовлетворенности, если я не сделаю выводов из моих интимных переживаний. В предыдущих главах на первый план выдвигалась моя общественность, но через нее нередко прорывалось трагическое моей личной жизни. Это трагическое нужно еще досказать, а потом уж сделать выводы, которые могут помочь молодому поколению пройти жизненный путь более радостно и плодотворно, чем прошел я⁵⁷.

Комментарии

¹ *Новая экономическая политика* названа новой в отличие от предшествующей насильственно-уравнительной политики “военного коммунизма” — большевистской попытки воплотить нетоварный социализм по теории К.Маркса. Своим утопизмом и жестокостью “военный коммунизм” завел в тупик экономику, вызвал глубокий кризис режима: массовые восстания крестьян, их отказ везти хлеб в города, сокращение посевной площади хлебов, волнения рабочих, Кронштадтское восстание 1921 г. “Военный коммунизм” был одной из главных причин голода 1921—1922 гг. После засухи голод охватил Поволжье, бассейны рек Кама и Урал, Башкирию, юг Украины, Крым, среднее течение Дона, часть Казахстана

и западной Сибири — территорию с населением 35 млн. жителей. От голода и эпидемий умерло около 5 млн. человек, осиротело не менее 2 млн. детей.

Нэп по сути был возвращением к рыночной экономике и, как вынужденное замирение с крестьянством (“крестьянский Брест”), начался по решению X съезда РКП(б) в марте 1921 г. с замены продразверстки (открытого грабежа крестьян) продналогом. Сначала его выплачивали в основном зерном, с января 1924 г. — червонцами. Крестьянам разрешили продажу излишков продуктов и аренду земли и труда. Возродился рынок продовольствия. Промышленность перешла на хозрасчет. Продуктивно-вещевой паек по категориям сменила денежная зарплата в зависимости от количества и качества труда. Отечественным предпринимателям разрешили аренду предприятий мелкой промышленности, порою ранее им принадлежавших. Поощрялись частная и кооперативная торговля. Множились частные и кооперативные издательства. Государство сохраняло в своих руках леса, недра, тяжелую промышленность, банки, железные дороги, морской и речной транспорт, почти всю оптовую торговлю. Гигантские государственные тресты и синдикаты (“Азнефть”, “Донуголь”, “Моссукно”, “Югосталь” и др.) зависели от правительства в установлении цен и условий сбыта. Заключая концессии, иностранные предприниматели дальновидно воздерживались от вложения крупных капиталов. Нэп поднял производительность труда, но вызвал сильную безработицу и череду кризисов: в 1922 г. — финансовый, в 1923 г. — сбыта, в 1924—1925 гг. — “товарный голод”, в 1925 г. — инфляционный кризис, в 1926 г. — кризис хлебозаготовок. Эффективность производства и благосостояние трудящихся росли, но не достигли уровня 1913 г. Экономическая целесообразность вступала в противоречие с коммунистической идеологией.

Инициатор нэпа В.И. Ленин считал его временным тактическим отступлением после провала лобовой атаки на капитализм. Поэтому экономическая либерализация не сопровождалась политической. Напротив, РКП(б) с помощью ОГПУ стремилась к тотальному контролю и ужесточала внутрипартийный режим. Продолжалось лишение избирательных прав по политическим и экономическим мотивам. “Нэпманы” (частные торговцы и предприниматели) стали “лишенцами”. В некоторых местностях доля “лишенцев” составляла четверть потенциальных избирателей. Политически неполноправным оставалось крестьянство. В.И. Ленин требовал ужесточить деятельность трибуналов и сузить ее гласность, усилить репрессии против политических противников “в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке”; карать, до расстрела за злоупотребление нэпом (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С. 396—397; Т.54. С.144). В 1922 г. обрушились новые гонения на Православную Церковь (изъятие у нее ценностей, аресты и расстрелы недовольных духовных лиц и мирян, попытки расколоть ее с помощью “обновленцев”, насильственное удаление патриарха Тихона в Донской монастырь). Одновременно началась война с интеллигентами, более 160 ученых и литераторов неугодных режиму выслали за рубеж и организовали процесс над эсерами. С весны 1926 г. развернули гонения на несогласных с административно-командными методами специалистов-хозяйственников. 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов И.В. Сталин объявил об окончании нэпа. На смену пришли насильственная коллективизация, форсированная индустриализация и большой террор.

² *Поссе В. От бумажного к золотому рублю // Известия ВЦИК. 1922. 14 янв.* Возрождение государственных сберкасс, к которому призывал В.А.Поссе, одобрено Совнаркомом 26 декабря 1922 г. Первые две сберкассы открылись в

Москве и Петрограде в феврале 1923 г., а к октябрю в стране работало 300 сберкасс с 60 тыс. вкладчиков.

³ 15 января 1920 г. председатель ВЧК Ф.Э.Дзержинский опубликовал постановление, которым запретил смертную казнь по приговорам ЧК, и предложил Совнарком и ВЦИК ее полную отмену. Накануне чекисты устроили массовые расстрелы своих узников (Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 54—56). 17 января 1920 г. смертная казнь была отменена на территории РСФСР, кроме мест, объявленных на военном положении. Управляющий Особым отделом ВЧК Г.Г.Ягода 15 апреля 1920 г. секретно предписал ЧК отвозить узников для расстрела “в полосу военных действий, как место, куда декрет об отмене смертной казни не распространяется” (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ: 1918—1956. Ч.1, гл. 11 // Новый мир. 1989. № 9. С. 142). Меньше чем через четыре месяца, 11 мая 1920 г. смертную казнь восстановили, а 28 мая право расстрела вернули ЧК. При разработке “Уголовного кодекса РСФСР” В.И.Ленин 17 мая 1922 г. указал нарком юстиции Д.И.Курскому увеличить число статей, карающих смертной казнью за “контрреволюционные посяательства” и требовал: “Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого” (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190).

⁴ *Мещеряков Николай Леонидович* (1867—1942) — народоволец, с 1901 г. член РСДРП, большевик. В 1917 г. редактор газеты “Красноярский рабочий”, затем председатель Московского губернского Совета. В 1918—1922 гг. член редколлегии “Правды” и заведующий редакционно-издательского отдела Московского центрального рабочего кооператива. В 1920—1924 гг. заведующий политотделом и председатель правления Госиздата, член правления Центросоюза и ЦЕКУБУ. С 1924 г. заместитель главного редактора 1-го издания Большой Советской энциклопедии, в 1927—1938 гг. главный редактор 1-го и 2-го изданий Малой Советской энциклопедии. С 1939 г. член-корреспондент Академии наук СССР.

⁵ *Басов Сергей Александрович* (1869—1952) — из тульских помещиков, народоволец-пропагандист, затем эсер. Поэт, дебютировал с помощью И.А.Бунина. Автор популярных в те дни революционных памфлетов-лубков (псевдоним Басов-Верхоянцев — по месту ссылки в 1896—1904 гг.). Член Боевой организации эсеров 1905 г., за подготовку покушений сидел в Петропавловской крепости. В Первую мировую войну пораженец. До лета 1918 г. левый эсер, с 1919 г. в РКП(б). В 1920—1925 гг. работник ВЧК—ОГПУ, в 1925—1929 гг. цензор Главлита, награжден в 1927 г. почетным оружием. Одновременно член Всероссийского общества пролетарских писателей “Кузница”, издал в 1927—1929 гг. собрание сочинений в 3-х томах. В 1930—1939 гг. работник музеев-усадеб Л.Н.Толстого “Хамовники” и “Ясная Поляна”.

⁶ *Квесторы* — в Древнем Риме в эпоху царей — судьи по уголовным делам, во время республики — помощники консулов в судебных и финансовых делах, в эпоху империи ведали обнародованием указов, мощением дорог и т.д. Сначала эта должность была доступна только патрициям, с 421 г. д.н.э. — и плебейам, как первая ступень политической карьеры.

⁷ *Крыленко Николай Васильевич* (1885—1938) — член РСДРП с 1904 г. В 1917 г. прапорщик, член Петроградского ВРК. С 22 ноября 1917 по март 1918 г. верховный главнокомандующий. После провала военной деятельности с мая 1918

г. председатель Верховного трибунала ВЦИК, государственный обвинитель на процессах. В 1922—1931 гг. прокурор РСФСР, организатор фальсификации процессов “правых эсеров”, “Шахтинского дела”, “Промпартии”, “Союзного бюро меньшевиков”. С 1931 г. нарком юстиции РСФСР (с 1936 г. СССР). Теоретик советского права, автор идеи, что признание обвиняемого — лучшее доказательство. Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Арестован в январе 1938 г., “признан” в борьбе против Ленина, вредительстве и т.д. Расстрелян лично председателем Военной коллегии В.В.Ульрихом.

⁸ *Прокуратура в России* учреждена Петром I в 1722 г. как “око государево”. Октябрьская революция 1917 г. сломала систему прокурорских органов. Учреждение советской прокуратуры обсуждалось на 3-й сессии ВЦИК 9-го созыва в мае 1922 г. Л.Б.Каменев, А.И.Рыков и большинство комиссии по законопроекту настаивали на двойном подчинении прокуроров на местах (прокурору республики и губисполкому Совета) и на запрещении прокурорам опротестовывать решения местных органов власти. Против этого выступил Н.В.Крыленко. Его поддержал В.И.Ленин, опасавшийся усиления местных влияний. 28 мая сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, отражавшее позицию Ленина и Крыленко; вступило в силу 1 августа 1922 г. Прокуратура сначала была республиканской. 20 июня 1933 г. учреждена прокуратура СССР. Призванная защищать граждан от судебного произвола, советская прокуратура на деле явилась орудием террора.

⁹ 25—27 мая 1922 г. В.И.Ленин перенес первый острый приступ артериосклероза, вызвавший ослабление движений правой стороны тела и глубокое расстройство речи. Для его лечения на самолете из Германии доставили известных врачей. Характер и тяжесть заболевания тщательно скрывали от народа. 30 мая, не веря в свое выздоровление, Ленин попросил навещавшего его Сталина достать яд, но больному убедили, что положение не безнадежно (М.И.Ульянова об отношении В.И.Ленина к И.В.Сталину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198). До июля больному запрещали свидания и чтение газет. 2 октября Ленин вернулся в Кремль и начал работу, но из-за частых спазмов сосудов возникали кратковременные параличи. 13 декабря начался второй острый приступ болезни и в ночь на 23 декабря — правосторонний паралич. После февральского улучшения паралич развился 6—10 марта 1923 г. в потерю речи. 15 мая больного перевезли в Горки, где 21 января 1924 г. он скончался.

¹⁰ *Смидович Петр Гермогенович* (1874—1935) — троюродный брат писателя В.Вересаева, давнего знакомого В.А.Поссе. Член РСДРП с 1898 г., большевик. После студенческих волнений 1894 г. исключен из Московского университета, окончил Высшую электрическую школу в Париже, был инженером в Бельгии. Участник Декабрьского восстания 1905 г. в Москве. С 1917 г. член президиума, 29 марта — 16 октября 1918 г. председатель Моссовета, затем председатель Мосгубсовнархоза и ревтрибунала в “Поезде Л.Д.Троцкого”, участник подавления Антоновского и Кронштадтского восстаний. Член президиума ВЦИК и ЦИК СССР. С 1929 г. председатель Комиссии ЦИК СССР по вопросам культа, воинствующий безбожник. Урна с прахом в Кремлевской стене.

¹¹ *Сокольников Григорий Яковлевич* (Бриллиант Гириш Янкевич) (1888—1939) — член РСДРП с 1905 г. Окончил юридический факультет Сорбонны. В 1917 г. вернулся с Лениным через Германию в Россию, в октябре член Политбюро ЦК РСДРП(б), организовал захват банков, член Учредительного собрания. 3 марта 1918 г. подписал от РСФСР Брестский мир. В гражданскую войну член РВС

армий и Южного фронта, командующий 8-й армией, Туркестанским фронтом. С 1921 г. заместитель наркома, с 1922 г. нарком финансов, провел денежную реформу. В 1918—1919, 1922—1939 гг. член ЦК, в 1930—1936 гг. кандидат в члены ЦК; в 1924—1925 гг. кандидат в члены Политбюро. Участник “новой” и “правой” оппозиций Сталину. С 1926 г. заместитель председателя Госплана, с 1928 г. председатель Нефтесиндиката. С 1929 г. посол в Великобритании, с 1932 г. заместитель наркома лесной промышленности. Член ВЦИК и ЦИК СССР. На процессе “параллельного антисоветского центра” в 1937 г. осужден на 10 лет, убит сокамерниками.

¹² *Червонцы* — билеты Госбанка достоинством 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев и золотая монета 1 червонец, выпущенные в рамках денежной реформы 1922—1924 гг. с целью укрепления денежной системы. Идею их выпуска обосновал осенью 1921 г. В.В.Тарновский (бывший миллионер, директор и член правления Сибирского банка в Петербурге; с 1920 г. председатель Финансовой секции Института экономических исследований Наркомфина, с 1922 г. председатель Банка для внешней торговли СССР). Выпуск червонца подготовили старые финансисты Н.Н.Кутлер, Н.В.Некрасов, А.Г.Хрущов, А.Л.Шейнман, Л.Н.Юровский. Совнарком декретировал 11 октября 1922 г. его выпуск в рамках потребностей товарооборота. Первая банкнота “один червонец” пущена в обращение 28 ноября 1922 г. Монетный двор Петрограда чеканил “один червонец” из 7,74 г золота 900-й пробы (выпущено более 1,6 млн. монет). Червонец использовался в основном для оптовых сделок параллельно с обесцененными “совзнаками” в рублях. В 1924 г. начат выпуск казначейских билетов в рублях достоинством менее червонца и затем также серебряной и медной монеты. 1 червонец равнялся 10 казначейским рублям и в ходе реформы — полумиллиарду “совзначных” рублей выпуска до 1923 г. Валютные биржи СССР в 1924 г. давали за 1 червонец золотую царскую “десятку” и 15 копеек серебром; Госбанк СССР установил валютный курс 1 червонец — 1 фунт стерлингов. Выпуск червонца вызвал приток иностранной валюты, но его слабым местом была малая величина золотого запаса СССР (лишь 1/7 часть дореволюционного), а низкий уровень экспорта вел к утечке золота за рубеж. В 1925 г. денежная система зашаталась. В 1926 г. Госбанк прекратил обмен червонца на иностранную валюту. Организаторы выпуска червонца обвинялись во вредительстве и подвергались гонениям и репрессиям. Поворот к командному управлению экономикой окончательно ослабил червонец. В денежную реформу 1947 г. червонцы и казначейские рубли заменены банковскими билетами, с единым исчислением в рублях.

¹³ В газете имя скрыто инициалом “Л”. Лев Владимирович Поссе (1898—1921) — сын В.А.Поссе от первой жены, А.И.Ивановой. Застрелился в Боровичах после вербовки в осведомители (см.: Поссе В.А. В годы Гражданской войны // Русское прошлое. 1991. Кн.2. С. 260—261). Самоубийством из-за неприятия нэпа кончали и старые большевики: Ю.Х.Лутовинов в 1924 г., Е.Б.Бош в 1925 г. и др.

¹⁴ В первом отклике на статью В.А.Поссе указывалось на “раздражающие трудящихся кафе, рестораны и кондитерские”, на погоню сферы услуг за прибылью в ущерб интересам рабочих и ставился вопрос: “Нам ли церемониться с уничтожением указанных “наростов” ради кучки не знающих куда девать свои доходы спекулянтов, предпринимателей и небольшой группы высокооплачиваемых спецов?” (Авиновичкий Я. Нужно уничтожить наросты // Известия ВЦИК. 1922. 26 янв.). Позднее В.А.Поссе воспринимал нэп оптимистичнее. 17 ноября

1922 г. в “Известиях ВЦИК” в статье “Петроградские впечатления” он писал: “Петроград не только ожил, но и помолодел и похорошел. Он лучше теперь, чем в дореволюционное время. Выбросив старую военщину, аристократию и бюрократию, он сначала ослабел и опустился, но теперь в нем закипают новые силы. “Умершие” магазины и рестораны воскресли с необычайной быстротой. Блещат, сверкают, манят к своим витринам и в свои гостеприимные двери толпы гуляющих. Пепо (Петроградское единое потребительное общество) развернулось необычайно, оно ошеломляет своим блеском, роскошью, обилием. Какие магазины, какие рестораны, какие вина, торты, ябчики! Все это для всех видов эппманов и взяточников. Не забыты и пролетарии. Для них на окраинах Пепо открыло много пивных лавок. Пьяные на улицах Петрограда встречаются нередко. Не даром на предвыборных собраниях рабочие большинства фабрик и заводов настаивали на решительных мерах против пьянства. Вылезла на улицу и проституция, в сопровождении отвратительного сутенера. Но вечером полутемный Проспект 25 Октября (бывший Невский) кишит народом, из ярко освещенных окон ресторанов и кабарэ доносятся звуки пошлых вальсов и шансонеток. Фарсы и оперетки делают полные сборы, недурно работают кинематографы, но серьезные театры пустуют. Почти все фабричные трубы снова дымятся, чувствуется трудовой подъем, заметно искание новых путей. При мне пущена в ход мощная электрическая станция недалеко от Обуховского завода, а на самом заводе кипит работа, причем производство орудий труда отбрасывает производство орудий смерти. (...) Рабочий Петроград чрезвычайно заинтересован сельскохозяйственным трудом. Площадь, занятая под огороды, растет с каждым годом, и огород пробивается к самому центру. Исторический цирк “Модерн”, где готовили революцию своими пламенными речами Троцкий, Луначарский и другие, разобран на дрова. На его месте разбит какой-то коллективный огород”.

¹⁵ *Попов Сергей Михайлович* (1887—1932) — крайний толстовец, мирный анархист, божж; “верил в братство не только всех людей, но и всего живого, не признавал государства, денег, документов, ходил по свету, искал добрых дел, полуголодный, полуодетый, но весь горел внутренним огнем” (Толстая Александра. Дочь. М., 1992. С. 192). За убеждения сидел в царской и советской тюрьмах, преследовался ЧК. Став братом милосердия, умер от тифа — подробнее см.: Поссе В.А. В годы Гражданской войны. С. 211—214, 242—243; 266.

¹⁶ *Подвойский Николай Иванович* (1880—1948) — член РСДРП с 1901 г., участник создания первого Совета рабочих депутатов в 1905 г. в Иваново-Вознесенске. Возглавлял военные организации большевиков в 1917 г., один из организаторов Октябрьского переворота. С 11 ноября 1917 г. по март 1918 г. заместитель наркомвоенмора, затем председатель Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной Армией и Высшей военной инспекции, член РВС Республики, в январе—сентябре 1919 г. наркомвоенмор Украины. Затем до 1923 г. начальник ВСЕОБУЧа и частей особого назначения (ЧОН), глава Спортинтерна и Высшего совета физкультуры. С 1924 г. член коллегии Истпарта. Боролся против оппозиций Сталину, но не принят в его окружение. С 1935 г. на пенсии, в 1938 г. ее выплату прекратили, на просьбу дать руководящую работу Политбюро не отвечало.

¹⁷ *Лассаль Фердинанд* (1825—1864) — руководитель и идеолог рабочего движения, с 1863 г. президент Всеобщего Германского рабочего союза, сторонник мирного государственного социализма, легальной политической борьбы, всеобщего избирательного права и гармонии интересов труда и капитала. Отрицал

догмат классово́й борьбы. Смертельно ранен на дуэли. Студент В.А.Поссе увлеклся его речами, но позже писал: “Лассаль пытался объединить идею рабочего класса с идеей государства. В этом я видел огромную ошибку, чреватую тяжелыми последствиями для немецкого пролетариата, насколько он поддадал под влияние лассалевских идей” (*Поссе В.А. Мой жизненный путь: дореволюционный период (1862—1917 г.)*. М.:Л., 1929. С. 330). Тем не менее, в первые годы советской власти Ф.Лассаль был особо чтим большевиками. Его имя носили в 1918—1940 гг. Михайловская улица и Михайловская площадь Петрограда, на Невском проспекте, у здания Городской думы, ему стоял памятник.

¹⁸ В.А.Поссе не знал о негласной продаже художественных сокровищ за рубеж, достигшей в 1920—1921 гг. первого пика. По инициативе наркома внешней торговли Л.Б.Красина в феврале 1920 г. в Петрограде была создана экспертная комиссия (председатель — М.Горький). Она отбирала для Антикварного экспортного фонда РСФСР произведения искусства в ломбардах, складах, бесхозных квартирах, антикварных лавках. Через Таллинн шел обмен картин, бронзы, фарфора, ковров, мебели, драгоценностей на продукты питания. 25 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) решило в связи с голодом закупить за счет Антикварного экспортного фонда 30—50 млн. пудов хлеба. В октябре 1922 г. в Берлине проведена 1-я русская художественная выставка-продажа антиквариата и произведений русского авангарда, затем в Стокгольме продали большую партию произведений искусства из национализированных частных коллекций. В 1923 г. в Амстердаме и Антверпене торговали русскими коронными драгоценностями (*Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1991. № 2. С. 29—42; № 3. С. 35—48*).

¹⁹ *ЦК ПОМГОЛ* — Центральная комиссия помощи голодающим ВЦИК, создана 18 июля 1921 г. для руководства деятельностью наркоматов и всех учреждений в борьбе с голодом; председатель — М.И.Калинин, его заместители — Л.Б.Каменев, А.И.Рыков и П.Г.Смидович; члены — А.Н.Винокуров, А.И.Емшанов, Л.Б.Красин, Н.Осинский (В.В.Оболенский), Н.Е.Пауфлер, А.И.Свидерский, Н.А.Семашко, С.П.Середа, И.А.Теодорович, А.Г.Шляпников и др. Большинство их состояло также во *ВСЕРПОМГОЛ* — Всероссийском комитете помощи голодающим — общественном органе, который коммунисты прозвали “Прокуюкиш” и “Кукиш” — по первым буквам фамилий его организаторов С.Н.Прокуюкина, Е.Д.Кусковой, Н.М.Кишкина (учрежден 21 июля 1921 г.; председатель — Л.Б.Каменев, его заместитель — А.И.Рыков, почетный председатель — В.Г.Короленко; члены — В.Ф.Булгаков, Ф.А.Головин, Н.А.Кондратьев, Д.С.Коробов, Н.Н.Кутлер, М.А.Осоргин, П.А.Садырин, А.Л.Толстая, А.В.Чаянов, М.М.Щепкин и др.; разогнан 27 августа 1921 г. по требованию В.И.Ленина, опасавшегося появления центра притяжения оппозиции).

ЦК ПОМГОЛ организовал эвакуацию 900 тыс. голодающих в урожайные места. Самотеком туда выехало еще 600 тыс. беженцев, но часть их погибла в пути. Особо нуждались в эвакуации дети. Официальное издание сообщало: “Смертность детского населения достигла громадных размеров... 30% детского населения Поволжья и Крыма вычеркнуто голодом и эпидемиями из списка живых... Голод выбросил на улицу массу сирот, полусирот и просто оставленных своими родителями детей. В поисках хлеба дети целыми потоками направлялись из деревень в города, переполняя детские дома, приемники, истощенные от голода, с мольбой о помощи они скоплялись на станциях железных дорог, пробирались в благополучные по урожаю деревни. Этот детский скорбный путь отмечен также сотнями и

тысячами детских трупов. На почве голода развились до крайних размеров детское нищенство, преступность, уличная торговля, проституция; махровым цветом разрослась и эксплуатация труда детей". В Поволжье, в Уфе скопилось до 50—60 тыс., в Симбирске до 36 тыс. беспризорников (Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг.: Сб. статей и отчетов. Изд. ЦК ПОМГОЛ. М., 1922. С. 32).

6 июля 1922 г. ВЦИК постановил реэвакуировать беженцев от голода. 15 октября на смену ЦК ПОМГОЛ и местных ПОМГОЛ создан ЦК ПОСЛЕДГОЛ — Всероссийская центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК: председатель — М.И. Калинин, его заместители — А.Н. Винокуров и П.Г. Сидович; деятельность завершена 1 августа 1923 г.

20 Товарная станция и запасные пути находились слева от Николаевского (Московского) вокзала, между магистралью и Кременчугской улицей.

21 *Поссе Константин Александрович* (1847—1928) — старший брат В.А. Поссе, математик, ученик П.Л. Чебышева, с 1916 г. почетный академик, автор учебников. Преподавал в вузах Петрограда. С 1921 г., почти глухой и слепой, жил в общежитии Дома ученых. См. также: Поссе В.А. 1) От Февраля до Бреста // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 212, 240; 2) В годы Гражданской войны // Там же. Кн. 2. С. 241.

22 *Рузаевка* — город Пензенской губ. на р. Инсар в 26 км от Саранска. Возник в 1893 г. как поселок строителей железной дороги. С 1934 г. город, второй после Саранска промышленный центр Мордовии.

23 *Базарная* — станция железнодорожной линии Инза—Сызрань, в 134 км от Рузаевки, с поселком Базарный Сызган Симбирской губ. Ныне в Инзенском районе Ульяновской обл.

24 *Генуэзская международная конференция* по экономическим и финансовым вопросам 10 апреля — 19 мая 1922 г. была созвана Верховным Советом Антанты по инициативе Великобритании (Д. Ллойд Джорджа) для согласования мер по восстановлению экономики после мировой войны. Участвовали 29 государств Европы и Азии и 5 британских доминионов. США послали лишь наблюдателя. Делегация РСФСР (Г.В. Чичерин — руководитель, Л.Б. Красин, М.М. Литвинов, Х.Г. Раковский и др.) представляла также Белорусскую, Украинскую, Азербайджанскую, Армянскую, Грузинскую, Бухарскую, Хорезмскую и Дальневосточную республики. Желая вернуть Советскую Россию на мировой рынок, ведущие державы сделали ее равноправным участником переговоров и этим сняли моральную и экономическую блокаду. На требование признать долги царского и Временного правительств и вернуть предприятия иностранным владельцам делегация РСФСР ответила контртребуемением возместить убытки от интервенции и экономической блокады, но, ради компромисса, соглашалась признать довоенные долги России и преимущественное право иностранных предпринимателей на аренду своих бывших предприятий при условии дипломатического признания, отмены военных долгов и предоставления крупных займов. РСФСР подняла также вопрос о всеобщем сокращении вооружений. Из-за жесткой позиции Франции переговоры зашли в тупик, возобновлены на Гаагской международной финансовой конференции 15 июня — 19 июля 1922 г. с теми же участниками, кроме Германии, но тоже без результата. В ходе Генуэзской конференции 16 апреля РСФСР и Германия тайно в г. Рапалло заключили договор о полном восстановлении дипломатических отношений и развитии торгово-экономических связей. По соглашению в Берлине 5 ноября 1922 г. договор распространен на все

советские республики. Это означало выход Советской России на европейскую арену и оформление ее союза с Германией.

²⁵ *Сызрань* — город близ правого берега Волги, крупный перевалочный пункт грузов между железной дорогой и волжскими судами. Основан в 1683 г. как крепость, с 1796 г. — уездный город Симбирской губ., с 1936 г. — город Куйбышевской (с 1991 г. Самарской) обл. Летом 1921 г. в Сызрань стекались голодающие крестьяне. “В Сызрани — толпы голодающих. Тут и дети, и взрослые. Все под открытым небом. Тут же их жалкий скерб, какой они захватили с собой. Все просят хлеба, собирают отбросы. Они идут и едут без определенной цели, куда глаза глядят, гонимые голодом, и по дороге заболевают тифом, холерой и умирают” (Помощь. 1921. 16 авг. № 1).

²⁶ *Страстной Четверг* — в православном календаре Великий Четверг Страстной седмицы (Страстной недели — последней недели Великого поста), день воспоминания прощальной Тайной Вечери Иисуса Христа с учениками в сионской горнице и установления им таинства причащения (Евхаристии). В этот день Церковь прославляет самопожертвование Иисуса Христа.

²⁷ *Нома* — «водяной рак», влажная гангрена щек и губ, встречающаяся чаще всего у истощенных анемичных детей 3—6 лет как осложнение кори, скарлатины, дифтерита, реже у более молодых детей и у взрослых. Процесс начинается маленьким темным пятном или язвочкой со слизистой оболочки щеки и ведет к продырявливанию ее. Болезнь, оканчивающаяся большей частью смертью, в случаях же выздоровления остается обширное разрушение в области щеки и вокруг ротового отверстия. Смерть наступает на 5—8-й день болезни (Новый энциклопедический словарь. Изд. Акционерного общества “Издательское дело, бывшее Брокгауз—Ефрон”. Пг., 1916, Т. 28. Стлб. 815).

²⁸ *Самара* (в 1935—1991 гг. Куйбышев) — город-порт на левом берегу Волги у впадения в нее р. Самары; железнодорожный узел; центр губернии (затем области); имел предприятия мукомольные и по переработке сельхозпродукции. Основан в 1586 г., город с 1688 г. Бюллетень ВСЕРПОМГОЛа в августе 1921 г. сообщал: “В Самаре, да и в других городах, можно видеть массу бездомных детей, у которых родители или умерли, или рассеялись. Дети днем и ночью под открытым небом, без призора, без пищи. Они, как голодные собаки, роняют в сору, на помойках. Иные не могут ходить и лежат. Жалобные стоны и просьбы дать корочку хлеба (...) Самара несколько оживает, когда что-нибудь подвезится из Ташкента. Но ташкентский хлеб надо купить. Голодные массы этого сделать не могут, у них ничего нет” (Помощь. 1921. 16 авг. № 1). Массовый голод в Самарской и Саратовской губ. исследовал зимой 1921 г. П.А.Сорокин. Страшные картины увиденного даны им в автобиографии (*Sorokin Pitirim. A long Journey. New Haven, 1963; Сорокин Питирим. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 153—155*). В Самаре борьбу с голодом возглавляли председатель губисполкома В.А.Антонов-Овсенко и бывший военнопленный австрийский коммунист Бергер. К приезду В.А.Поссе положение улучшилось, и он выступал с платными лекциями в Доме рабочего просвещения: 19 мая 1922 г. — “В поисках счастья и смысла жизни”, 20 мая — “Трагедия одиночества” (Об анархическом индивидуализме немецкого философа Макса Штирнера), 21 мая — “Брак, семья и школа при капиталистическом и коммунистическом строе”, 22 мая — “С Богом или без бога”. Лекции завершал свободный обмен мнений. 70% сбора шло в фонд безработных (Коммуна. Орган Самарского губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета. 1922, 17 мая).

В рецензии на лекцию В.А.Поссе “Трагедия одиночества” сообщалось: “Лектор, по обыкновению, читал с подъемом, особенно там, где говорится о крайнем индивидуализме, о эгоизме для себя, о возвышении над толпой, об утверждении своего «я». Среди слушателей лекция имела успех (...) В России эта философия каждый раз расцветала, когда усиливалась реакция и падало революционное движение. Сейчас лекция о Штирнере производит большое впечатление, как и всегда, среди самой неустойчивой части общества — среди интеллигенции. Она больше всех подвержена психологическим колебаниям и идейным шатаниям. Учить рабочих такими лекциями лектор опоздал. Да рабочие и не посещают их (ничего не потеряли). Они, эти темные люди, «бревна», живущие по программе, знают по части смысла жизни и коллективной (не единичной) борьбы гораздо больше и правильнее многих ученых людей. Рабочие знают, что классы побеждают, а не буржуазные выскочки или нытики. Такими лекциями может удовлетворяться только неврастеническая развинченная интеллигенция, которая при всякой неудаче, вытаращив глаза, шарахается из стороны в сторону, то тихо плача, то кликушествуя. Лекция понравится тем, кто, утирая слезу, вот-вот начнет (многие начали) искать бога, который подставил бы им мостки под ноги, выбитые революцией” (*М.Д. Реакционная философия: о лекции В.А.Поссе // Коммуна. 1922. 24 мая*).

²⁹ “АРА” (сокращенное от “*American Relief Administration*”) — “Американская администрация помощи”) — общественная благотворительная организация США. Создана в 1919 г. для безвозмездной помощи населению Европы, пострадавшему в мировую войну, и действовала до 1923 г. Глава “АРА” — Герберт Гувер (в 1921—1928 гг. министр торговли, в 1929—1933 гг. президент США). С “АРА” сотрудничали “Джойнт” (Американско-еврейский комитет помощи), организации баптистов, лютеран, католиков, меннонитов, “УМСА” (Христианская ассоциация молодых людей). “АРА” оказывала помощь Австрии, Венгрии, Бельгии, Польше, правительству Юга России генерала А.И.Деникина, Северо-Западной армии генерала Н.Н.Юденича. 20 августа 1921 г. “АРА” подписала с РСФСР договор о помощи и действовала там с 1 октября 1921 по 1 июня 1923 г. под руководством полковника Уильяма Хаскела. В.И. Ленин поставил “АРА” условие: “За малейшее вмешательство во внутренние дела — высылка и арест” (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 110—111*). Из США прибыло до 300 сотрудников и более 10 тыс. служащих наняли на места. “АРА” доставляла продовольствие в 37 губерний, раздавала обувь, одежду, белье. Ее столовые обслужили 1 млрд. 815 млн. посетителей. “АРА” снабжала медикаментами и оборудованием около 14 тыс. госпиталей. Она доставляла посылки с продуктами и вещами. Философ Н.О.Лосский вспоминал, как его семья ежемесячно получала через “АРА” от друзей из Западной Европы трехпудовую посылку с мукой, рисом, сгущенкой и прочим (*Лосский Н.О. Воспоминания // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 181*). По воспоминаниям Н.А.Поссе, посылки “АРА” получал и В.А.Поссе. Помощь “АРА” “спасла от жестокой смерти по крайней мере десять миллионов мужчин, женщин и детей” (*Сорокин Питирим. Долгий путь. С. 155*).

³⁰ *Ставрополь* (с 1964 г. — Тольятти) — уездный центр Самарской губ. на левом берегу Волги. Основан в 1738 г. как укрепленный пункт. В голод 1921—1922 гг. в уезде случались людоедство и трупоедство (см.: Жизнь деревни. Газета Ставропольского уездкома РКП(б), уисполкома и упробфбюро. 1922. 12 марта).

^{30а} *Самолетовские пароходы* — волжского пароходного общества “Самолет”, учреждено в 1853 г., национализировано в 1918 г. Носили имена русских

писателей и композиторов “Чайковский”, “Чехов”, и др., в 1918 г. переименованы: “Красная звезда”, “Спартак” и др.

31 *“Вестник знания”* — ежемесячный иллюстрированный литературно-научный журнал с приложениями для самообразования. Выходил в Петербурге в 1903—1918 гг. Редактор-издатель В.В. фон-Битнер. Журнал был популярен среди развитых рабочих и интеллигенции, “имел большое культурное значение: он и будил, и до известной степени удовлетворял жажду всестороннего знания, особенно у тех, кто не мог попасть в университет или другое высшее учебное заведение” (Поссе В.А. Мой жизненный путь. С. 442). В.А.Поссе сотрудничал в “Вестнике знания” с 1907 г., публикуя статьи, обзоры событий “Исторический календарь”, в приложении выпустил сборник своих статей “На темы жизни” (СПб., 1909) и свой перевод книги А.Бебеля “Женщина и социализм”.

“Жизнь для всех” — литературный, художественный, научно-популярный и общественный журнал. Выходил в Петербурге в 1909—1918 гг. под руководством В.А.Поссе (с июня 1911 г. — редактор, с сентября 1913 г. до сентября 1917 г. — издатель). В приложении выпускались научно-популярные книги и собрания сочинений классиков литературы.

32 *Нижегородская ярмарка* — устраивались ежегодно с 1817 г. на праздник Св. Макария с 15 июля по 25 августа в Нижнем Новгороде на большом луговом мысе, образуемом Волгой и Окой. Не имела равных в Европе. В советские годы проводилась нерегулярно с 1922 до 1929 г. без прежнего размаха. Закрыта как “социально-враждебное явление”, здания были приспособлены под жилье и превратились в трущобы. С 1991 г. предпринимается попытка возродить ярмарку.

33 *Союзы “Разум и Совесть”* создавались В.А.Поссе и его последователями с 1919 г. Поподробнее см.: Поссе В.А. В годы Гражданской войны. С. 237—239, 250—253.

34 *Вознесение Господне* — двенадцатый праздник (один из 12 главных в Православии). Отмечается на 40-й день после Воскресения Христова, в четверг шестой недели Пасхи, в память о дне, когда Иисус Христос последний раз явился ученикам в Иерусалиме, дал наставление, вывел на гору Елеонскую и, благословляя, поднялся на небеса. В этот день в храме последний раз зажигают пасхальные огни.

35 *Булгаков Валентин Федорович* (1886—1966) — писатель, философ. Сподвижник и с января 1910 г. секретарь Льва Толстого, систематизировал его учение в книге “Христианская этика” (М., 1917), научно описал его библиотеку. За составление коллективного воззвания против мировой войны сидел в 1914—1915 гг. в Тульской тюрьме. С 1916 г. помощник хранителя, затем директор Музея Л.Толстого в Москве; в 1921 г. член ЦК ВСЕРПОМГОЛ (см. примеч. 19), в 1923 г. выслан за рубеж. В Праге издавал книги о Л.Н.Толстом, подготовил “Словарь русских зарубежных писателей”. В 1934 г. создал Русский культурно-исторический музей в Збраслове под Прагой. 22 июня 1941 г. арестован Гестапо, сидел в Пражской тюрьме, в 1943—1945 гг. в лагере интернированных советских граждан в Баварии. Вернулся с семьей в 1948 г. на родину, работал научным сотрудником, затем хранителем музея-усадьбы Льва Толстого “Ясная Поляна”, публиковал книги о Л.Толстом.

36 *Колосков Иван Николаевич* (братец Иванушка) — глава православных трезвенников “колосковцев”. С 1907 г. вел в Москве проповедь против “пьянственных бесов”, блудодействия, мясоедения, насилия. Был любим обитателями го-

родского дна. В 1910 г. отлучен от церкви. В Гражданскую войну противник воинской службы. Создал в Москве общину-коммуну "Трудовая жизнь" из рабочих, ремесленников, крестьян (см.: *Поссе В.А.* В годы Гражданской войны. С. 242—243, 277). Она имела охранную грамоту с подписью председателя Моссовета Л.Б.Каменева, но это не уберегло от налетов чекистов и обысков, а после разгрома партийной оппозиции Каменева трагически сказалось на судьбе "колосковцев". И.Н.Колосков, по некоторым сведениям, умер в тюрьме на 25-е сутки голодовки протеста.

³⁷ *ОНО* — отдел народного образования. В.А.Поссе имел его удостоверение как работник детских домов Москвы.

³⁸ *Екатеринбург* (в 1924—1991 гг. Свердловск) — город на восточном склоне Среднего Урала на р. Исеть. Основан в 1723 г. Главный центр черной металлургии и машиностроения Урала, один из центров культуры, железнодорожный узел; с 1919 г. губернский, с 1923 г. областной центр.

³⁹ *Калатинский медеплавильный завод* при медных рудниках с поселком (с 1932 г. городом) Калата (с 1935 г. Кировград) у станции Ежевая (ветка Екатеринбург — Нижний Тагил). Пущен в 1913 г., до большевистской национализации принадлежал Акционерному обществу Верхисетских горных и механических заводов; ныне Медеплавильный комбинат.

⁴⁰ *Невьянский железодельный и чугунолитейный завод* построен в 1701 г. Никитой Демидовым на р. Нейва (Екатеринбургский уезд Премской губ.). С 1904 г. до национализации принадлежал Акционерному обществу Невьянских горных и механических заводов. Выплавлял магнитный железняк. Железнодорожная станция Невьянск (с 1917 г. город).

⁴¹ *Нижнетагильский металлургический завод* основан в 1725 г., был центром округа заводчиков Демидовых. До марта 1917 г. принадлежал П.П.Демидову князю Сан-Донато и его наследникам, а затем до национализации — Акционерному обществу Нижнетагильских и Луньевских горных и механических заводов наследников П.П.Демидова. При заводе возник поселок на р. Тагил с железнодорожной станцией Нижний Тагил (с 1917 г. город) Верхнетуровского уезда Пермской губ. Ныне Нижнетагильский металлургический комбинат.

⁴² *Кун Бела* (1886—1939) — венгерский социал-демократ с 1902 г.; прапорщиком в 1916 г. попал в русский плен. В 1917 г. член Томского губкома большевиков. В 1918 г. председатель иностранных групп РКП(б), во главе бывших военнопленных немцев подавлял восстание левых эсеров 6—7 июля в Москве, командир отряда и военком бригады на Восточном фронте; с ноября тайно создавал в Венгрии Компартию. С марта 1919 г. нарком иностранных дел Венгерской Советской республики. С октября 1920 г. член РВС Южного фронта, затем председатель Крымского ревкома, организовал расстрел десятков тысяч офицеров, юнкеров, интеллигентов, гимназистов, оставшихся в Крыму после ухода Белой Армии. С мая 1921 г. по апрель 1923 г. заведовал Агитпропом Уралбюро РКП(б). Член Исполкома Коминтерна, с 1924 г. заведовал Агитпропом Коминтерна, глава Компартии Венгрии, член ВЦИК. В 1937 г. репрессирован.

⁴³ Вероятно, *Эрде (Эрдэ) Давид Израилевич* (1894—1986) — журналист, историк, коммунист. Автор книг "Там, где решаются судьбы мировой революции" (М., 1918), "Революция на Украине" (Харьков, 1927), "Меньшевики" (Харьков, 1930) и др.

⁴⁴ *Стеглов Юрий Михайлович* (Нахамкис Овшей Моисеевич) (1873—1941)

— журналист, псевдонимы: Ю.Невзоров, Ю.Стеклов; социал-демократ с 1893 г., большевик, член Петербургского Совета 1905 г., арестован на заседании. В 1917 г. в группе “Новая Жизнь”, член Исполкома Петроградского Совета, редактор “Известий Петербургского Совета” до мая и “Известий ВЦИК” с октября 1917 г. по июнь 1925 г., журналов “Красная нива” (1923—1925), “Новый мир” (1925), один из авторов первой Конституции РСФСР. С 1929 г. заместитель председателя Ученого комитета при ЦИК СССР. Репрессирован в 1938 г.

⁴⁵ *Поссе Петр Владимирович* (р. 1903) — младший сын В.А.Поссе и А.Н.Борман. После смерти матери был в детской колонии. Учился в Петроградском электротехническом институте, но не окончил. Вел далекий от политики образ жизни. 29 июля 1941 г. арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, 4 декабря осужден Куйбышевским областным судом на 10 лет лишения свободы. Отбывал срок в лагерях Дальнего Востока (см. его письмо от 3 июня 1949 г. // Русское прошлое. 1991. Кн.2. С. 267). Из лагеря вышел в 1951 г. Дальнейшая судьба неизвестна. По сообщению старшего помощника прокурора Самарской обл. советника юстиции А.П.Майновского от 28 октября 1991 г., дело П.В.Поссе было пересмотрено по протесту генерального прокурора СССР 5 июля 1956 г. Пленумом Верховного суда СССР и “производством прекращено за недоказанностью обвинения”, П.В.Поссе реабилитирован.

⁴⁶ *Владимирский клуб* — игорный дом с рулеткой в годы нэпа на Владимирском проспекте, 12 (тогда просп. Нахимсона), в здании, где ранее помещались Владимирский купеческий клуб и редакция “Петроградской газеты”. В 1929 г. игорный дом закрыт, рулетка сдана на кинофабрику “Совкино”. С 1930 г. в здании помещался первый в СССР Детский дом культуры с бесплатными завтраками, библиотекой и кружками для детей 9—15 лет. С 1933 г. — Новый театр, затем Академический театр имени Ленсовета, ныне Открытый театр.

⁴⁷ *Ландау А.* Еще один урок // Правда. 1928. 8 апр. В статье отмечено, что в деле были замешаны председатель Сочинского райисполкома Занченко, заврайфинотделом Саган, начальник административного отдела Голосун и др. Специальная комиссия ЦКК ВКП(б) вскрыла растрату государственных средств и денег детской комиссии, другие злоупотребления.

^{47а} В.А.Поссе имел письменное разрешение А.В.Луначарского и Н.К.Крупской на чтение лекций, но, как вспоминает Н.А.Поссе, с конца 20-х гг. ему все труднее было получить разрешение цензоров. Они требовали заранее представить тезисы лекции, а во время лекции сверяли ее с тезисами. Это стесняло привыкшего к творческой импровизации В.А.Поссе. В его архиве сохранилась переписка с цензурой о разрешении прочесть лекции и напечатать афиши. Публикуем один из ответов на бланке Главлита:

13/ХІІ 1928 г. № 7021

Гр-ну Поссе В.А.

Ленинград, ул.Восстания,
д.20, кв.29.

Пятницкому для Поссе.

Копия в Ленинградский Областлит.

Подтверждаем получение Вашего письма от 23/Х с.г. Главлит настоящим разъясняет Вам и вместе с тем подтверждает, что удостоверение, выданное Вам

на право чтения соответствующих лекций, имеет правовую силу лишь при условии согласования его с местным органом Главлита.

В данном случае, запрещение Ленинградского Областлита читать Вам лекции только подтверждает вышеозначенное условие.

Секретарь управления

Главлита

подпись /Ушакова/

Поскольку В.А.Поссе ездил с лекциями по стране, переписка шла на адрес его старого друга Константина Петровича Пятницкого (1864—1939) — бывшего директора—распорядителя книгоиздательского товарищества “Знание”.

⁴⁸ *Войтоловский Лев Наумович* (1876—1941) — литературный критик—марксист; врач Киевской клиники душевнобольных, военный врач на Русско—японской, Первой мировой, Гражданской и Советско—польской войнах. Сотрудник газет “Киевская мысль”, “День”, журнала “Современный мир”, марксистских изданий. В.А.Поссе вспоминал: “Л.Войтоловский еще в 1910 г., когда я в первый раз читал лекции в Киеве, назвал меня в “Киевской мысли” “лектором для шведов”, желая меня больно уязвить” (Поссе В.А. Мой жизненный путь. С. 480). В 1917 г. председатель Совета выборных 13—й Особой армии, делегат II Всероссийского съезда Советов. Автор книг: Япония и японцы. Киев, 1906; По следам войны. Походные записки 1914—1917. М.:Л., 1925, 1927. Т. 1, 2; Очерки истории русской литературы XIX—XX вв. М.:Л., 1927, 1928. Ч. 1, 2; а также трудов по коллективной психологии. В 1929 г. ослеп вследствие военной контузии. Умер в блокаду Ленинграда.

⁴⁹ На смену! Орган Уральского областного комитета и Свердловского окружного комитета ВЛКСМ. 1927, 31 июля. С. 7. Газета посвятила В.А.Поссе страницу озаглавленную “За здоровый и разумный быт”. В центре, справа, над большой фотографией В.А.Поссе, надпись: “Проповедник грядущего быта”; а под фотографией: “В.А. Поссе — старый публицист, современник Достоевского, Толстого, Короленко. Редактор целого ряда журналов на протяжении десятков лет. Его замечательное искусство говорить от души привлекает на лекции о быте массу слушателей”. Основную часть страницы занял текст лекции В.А.Поссе “О половом рабстве”. В ней говорилось: “В 10 лет начинают жить половой жизнью, в 16 выходят замуж, в 18 женятся, откуда здесь могут быть здоровые люди? (...) У нас литература, кино, оперетка — все направлено к тому, чтобы поднимать это самое половое возбуждение. А танцы!..” Говоря о росте абортон и проституции, В.А.Поссе отметил, что “в комсомоле с этим тоже весьма неблагоприятно”, и описал вечер “Половой вопрос”, устроенный комсомольцами Пятигорска: “Конечно, доклада никакого не было, а началось все с «инсценировки». Сначала вышел комсомолец с плакатом: «Каждый комсомолец должен удовлетворять свои половые потребности». Потом вышла комсомолка. Также с плакатом: «Каждая комсомолка должна идти ему в этом навстречу». В.А.Поссе предостерегал, что у свободной любви один лозунг: “Отмахал и в сторону” и взывал к авторитету Ленина: “Одергивая носителей теории стакана воды, Вл. Ильич говорил, что половая любовь, основанная на крепкой дружеской связи, любовь всерьез и надолго — наша любовь, любовь будущего”. Характерность наблюдений В.А.Поссе подтверждается воспоминаниями дочери Л.Н.Толстого, Александры Львовны, о том, как присылаемые Тульским губкомом партии секретари комсомольских ячеек вносили половую распущенность среди учащихся Ясной Поляны (*Толстая Александра*. Дочь. С. 233—234).

⁵⁰ *Розанов Василий Васильевич* (1856—1919) — философ, публицист консервативно-славянофильского направления (псевдонимы: В.Варварин, Орион). В 1889—1917 гг. сотрудник “Нового времени”. Один из зачинателей русского религиозного ренессанса нач. XX в. Психологическое иудейство, культ Ветхого Завета сочетал с политическим иудейством. За поддержку суда над М.Бейлисом исключен из Религиозно-философского общества. В Христианстве видел виновника революций и мировой катастрофы, религию смерти (в отличие от язычества и иудаизма — религий жизни). Путь обновления рушащегося мира искал в культе семьи и снятии с брака препон церкви и государства. Монархист. Осуждал большевиков за дикость, преследовался ВЧК. Перед смертью примирился с Церковью; отходную молитву над ним прочел его друг, о. П.А.Флоренский. Могила в 1923 г. скрыта, труды до конца 1980-х гг. в СССР не издавались.

⁵¹ *Фрейд Зигмунд* (1856—1939) — австрийский психиатр и невропатолог, основатель психоанализа. Рассматривал психические состояния и поступки человека как следствие бессознательных, в основном сексуальных, влечений. В.А.Поссе имел в виду книгу: *Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности* / Пер. доктора М.В.Вульфа. М.:Пг., 1924.

⁵² *Ленгублит* — Ленинградское губернское управление литературы и издательств. Система гублитов во главе с Главлитом (Главное управление литературы и издательств, заведующий до 1930 г. П.И.Лебедев-Полянский) создана Совнаркомом в целях объединения всех видов цензуры. Положение о Главлите подписано 6 июня 1922 г. А.И.Рыковым. Главлит и гублиты запрещали распространение информации, нежелательной для партийно-государственных верхов. Сначала действовали на хозрасчете: каждый автор оплачивал цензорскую работу в размере 1 рубль золотом за 1 авторский лист рукописи. Надзор за цензурой осуществлял Политконтроль ГГ[✓] (ОГПУ).

Кант Иммануил (1724—1804) — философ, основоположник немецкого классического идеализма.

⁵³ *Сеньобос Шарль* (1854—1942) — французский историк, профессор Сорбонны, автор трудов о парламентаризме, методологии истории. В 1897 г. издал книгу: *Histoire politique de l'Europe contemporaine: Evolution des partis et des formes politiques*. 1814—1896. — Ее перевод В.А.Поссе опубликовал в историко-политической библиотеке издательства “Знание”: Сеньобос Шарль. Политическая история современной Европы: эволюция партий и политических форм. 1814—1898 / Пер. с французского под редакцией В.Поссе. СПб., 1898. Вып. 1—2. “Я иллюстрировал ее портретами выдающихся политических деятелей XIX века, чего не было во французском издании, и дополнил обзором событий, протекших между выходом французского и русского издания. Книга эта до 1908 г. выдержала 4 издания, причем мои дополнения с каждым изданием разрастались и в конце концов достигли 30 печатных листов, т.е. почти половины истории Сеньобоса. С третьего издания мною введена была в “Историю” Сеньобоса составленная мною история современной России” (Поссе В.А. Мой жизненный путь. С. 140). Переиздания иллюстрированные, исправленные и дополненные: 2-е — 1899, 3-е — 1903, 4-е — 1907—1908, 5-е — 1922—1923, 6-е — 1923—1924.

⁵⁴ *Покровский Михаил Николаевич* (1868—1932) — историк. Член РСДРП с 1905 г., участник Декабрьского восстания в Москве. С 1909 г. в группе А.А.Богданова “Вперед”, с 1911 г. в группе Л.Д.Троцкого; с августа 1917 г. большевик. 25 октября 1917 — 29 марта 1918 г. председатель Моссовета. “Левый коммунист”.

С мая 1918 г. до кончины заместитель наркома просвещения РСФСР, одновременно возглавлял с 1919 г. Государственный ученый совет, с 1921 г. — Комакадемию, ее институты истории и красной профессуры, с 1922 г. — Центрархив, с 1925 г. — Общество историков-марксистов. С 1929 г. академик АН СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. член Президиума ЦКК ВКП(б). Автор “Русской истории с древнейших времен” в 5 томах. Историю рассматривал как область классово-борьбы. С конца 20-х гг. добивался перехода всей исследовательской работы и подготовки научных кадров общественных наук в руки членов ВКП(б), повинен в травле и репрессиях беспартийных историков, один из инспирировщиков “Академического дела”. Посмертно, в 1934 г., обвинен в антимарксизме и антиисторизме. Урна с прахом в Кремлевской стене.

⁵⁵ *Лукин Николай Михайлович* (1885—1940) — историк, публицист, двоюродный брат и шурин Н.И.Бухарина. Член РСДРП с 1904 г., большевик (псевдоним Н.Антонов). С 1915 г. приват-доцент Московского университета. В 1917 г. член редколлегии газеты “Социал-демократ”. С 1918 г. преподавал в московском университете, Академии Генштаба, Институте красной профессуры и др. Участник создания Общества историков-марксистов. Автор работ по истории Западной Европы, французских революций. С 1929 г. академик АН СССР. Участник травли историков “старой школы”. С 1932 г. директор Института истории и с 1935 г. также ответственный редактор журнала “Историк-марксист”. В 1938 г. репрессирован. В 1960—1963 гг. переизданы его “Избранные труды” в трех томах.

⁵⁶ В.А.Поссе удалось опубликовать лишь часть рукописи, описывающую период до февраля 1917 г.: Поссе В.А. Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864—1917). М.:Л. Изд. “Земля и фабрика”. 1929. 548 с.

⁵⁷ Глава “Нэп и голод” завершает публикацию неизданной рукописи В.А.Поссе “Мой жизненный путь”, подлинник которой хранится в личном архиве Н.А.Поссе. Неопубликованной осталась последняя глава “Интимное”. Приводим ее оглавление, составленное В.А.Поссе: “Романы и стихи. — Любовная мечтательность. — Под тяжестью ложного обвинения. — Первый поцелуй. — Первая любовь. — Ненависть. — Ван-Занд. — На волосок от “падения”. — Влечение, влюбленность, любовь. — Женитьба. — Трагедия брака. — Борьба долга со страстью. — Вихрь противоречий. — Многолюбие. — Идеал половой жизни. — Любовь без взаимности. — Любовь сильнее смерти. — Перед лицом смерти. — Сновидения. — Советы разума и совести”.

Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа:

письма Е.Д.Кусковой к В.Н.Фигнер 1921 — 1922 гг.

Вводная статья, подготовка текста и комментарий
Я.В.Леонтьева

Вечером 27 августа 1921 г. в здание ВСЕРПОМГОЛ (Всероссийского комитета помощи голодающим) на московской улице Собачья площадка ворвались вооруженные чекисты. Они арестовали членов Комитета, собравшихся на ликвидационное заседание вследствие несогласия с решением высшего органа Советской власти по вопросу об отправке делегации ВСЕРПОМГОЛа за границу. Руководили операцией начальник Секретного отдела ВЧК Т.П.Самсонов и следователь по делам эсеров Вера Брауде. “Действовали быстро, — вспоминала Е.Д.Кускова. — Всех членов Комитета заперли в зал заседаний. Гостей и служащих развели по разным комнатам. Затем стали вызывать:

— Член Комитета Вера Николаевна Фигнер!

Уводят.

— Член Комитета Александр Иванович Южин—Сумбатов!

Уводят и его.

— Член Комитета Лев Александрович Тарасевич!

Оказывается — для освобождения. Также был освобожден и П.А.Садырин. Чем руководствовались, выделяя их из круговой поруки, неизвестно. В это время на Собачью площадку снова стали подъезжать автомобили...”¹.

Около ста арестованных чекисты отправили во Внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке, в “собачник” — самую большую общую камеру нижнего этажа. Вслед за этим ВЦИК постановил признать ВСЕРПОМГОЛ утратившим предоставленные ему права по причине отказа исполнить предписание “о поездке его членов на места для работы в деревню по помощи голодающим и ввиду того, что Комитет ультимативно связал свой отказ с ликвидацией Комитета”²...

Предлагаем вниманию наших читателей недоступные ранее исследователям письма Е.Д.Кусковой к В.Н.Фигнер. Известная общественная деятельница, близкая к кадетским и умеренно-социалистическим кругам, возглавлявшая “экономическое” течение в социал-демократии, Екатерина Дмитриевна Кускова, по мужу Прокопович (1869—1958) была одним из инициаторов создания ВСЕРПОМГОЛа. Постановление об учреждении этой общественной организации, работавшей под знаком Красного Креста, ВЦИК принял 21 июля 1921 г. Заинтересованное в получении иностранной продовольственной помощи, советское руководство разрешило создание Комитета, поскольку в его состав вошли известные за рубежом деятели научной и творческой интеллигенции. Внутри Комитета была создана коммунистическая ячейка.

Председателем ВСЕРПОМГОЛа стал Л.Б.Каменев, заместителем председателя — А.И.Рыков. От В.И.Ленина они получили указание: “Вы в «ячейке коммунистов» не зевайте, *блюдите сие строго*. От Кусковой возьмем имя, подпись, *пару вагонов* от тех, кто ей (и *этаким*) сочувствует. Больше ни-че-го!”³.

Политическое прошлое не служило препятствием для вхождения в состав ВСЕРПОМГОЛа. Его членами являлись бывший народоволец, узник Шлиссельбурга М.В.Новорусский и бывший министр внутренних дел в период первой русской революции Н.Н.Кутлер; шесть членов ЦК партии народной свободы последнего состава; бывшие члены кабинетов Временного правительства (министр государственного призрения Н.М.Кишкин, министр продовольствия С.Н.Прокопович, товарищи министра продовольствия Н.Д.Кондратьев и Д.С.Коробов, управляющий делами Министерства торговли и промышленности П.И.Пальчинский), бывший председатель II Государственной думы кадет Ф.А.Головин. Почетным председателем Комитета был избран В.Г.Короленко. В Комитете оказались представлены практически все слои демократической интеллигенции⁴.

26 августа 1921 г. В.И.Ленин в записке “Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б)” предписал: “Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи и продержать месяца три «193» Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах”⁵. Этому решению предшествовало подписанное М.М.Литвиновым 21 августа в Риге соглашение с Американской администрацией помощи (АРА) о поставке продовольствия в Россию. По-видимому, не зная еще о ликвидации ВСЕРПОМГОЛа, Ф.Нансен от имени Международной организации помощи также подписал соглашение с Советским правительством. Правительственное сообщение в “Известиях” гласило, что “большинство Комитета окончательно оказалось в плену политических расчетов, не имеющих ничего общего с интересами голодающих”⁶. 8 сентября было опубликовано извещение Президиума ВЧК: “Установленное наблюдение за некоторыми активными эсерами привело ВЧК к Комитету помощи голодающим и вместе с тем к гражданину Кишкину с другой стороны. Установленное после этого наблюдение за другими членами Комитета дало ВЧК целый ряд новых активных эсеров и белогвардейцев и ряд указаний на участие некоторых членов Комитета в деле подготовки борьбы помещиков и капиталистов против трудящихся. Вместе с тем, с первых же дней возникновения Комитета в ВЧК стали поступать сведения, указывающие на то, что группа членов Комитета, не отказавшаяся на деле от своих активных политических задач, подошла к народному бедствию Поволжья как к средству политической борьбы и заговора против Советской России, возложив надежду на новую интервенцию иностранных капиталистов в новой форме”⁷.

Судя по этим сообщениям, для арестованных дело грозило обернуться не только высылкой. В те же дни, 24 августа 1921 г.,

ВЧК приняла решение по “делу Таганцева” и затем без суда был расстрелян 61 человек. Поэтому самоотверженное поведение Кусковой и ее товарищей при аресте достойно уважения.

О стойкости арестованной Е.Д.Кусковой свидетельствует Ю.Н.Максимов: “Во вторую ночь открылась дверь камеры, и вошедший пожилой охранник довольно неряшливым тоном спросил: «Кто тут Толстая Александра? На допрос!». Мужчины еще не успели ответить на эту грубость, как Кускова, в одной ночной сорочке, выскочила из-за перегородки и в повышенном тоне резко ответила: «Здесь никакой Толстой Александры нет! Вон отсюда». Ее поддержали мужчины, и охранник поспешил скрыться. Вскоре появился другой охранник, молодой, хорошо одетый, и очень вежливо спросил: «Кто тут Толстая Александра Львовна? Оденьтесь на допрос!». Александра Львовна уже была одета”⁸.

Вскоре после ареста между Е.Д.Кусковой и М.А.Осоргиным произошел такой разговор:

— Как вы думаете, Михаил Андреевич, расстреляют нас?

— Думаю, Екатерина Дмитриевна, что да.

— И я тоже думаю”⁹.

В оценке ситуации они не ошиблись. Шестеро членов ВСЕ-РПОМГОЛа — С.Н.Прокопович, Е.Д.Кускова, М.А.Осоргин, Н.М.Кишкин, Д.С.Коробов и И.А.Черкасов — были приговорены к расстрелу. Однако приговор не привели в исполнение. Осужденные считали своими спасителями Ф.Нансена и главу АРА Г.Гувера, славших в их защиту телеграммы Советскому правительству.

Если ЧК и могла обвинить Кускову в чем-то серьезном, так в том, что в 1919 г. у нее в доме проходили “контактные” совещания “за чашкой чая”, на которые собирались отдельные эсеры, знесы, кадеты и меньшевики — участники нелегального Союза Возрождения России. Однако из показаний С.А.Котляревского и С.П.Мельгунова чекистам было известно, что ни Кускова, ни Прокопович сами членами Союза не были. Более того, Котляревский показывал, что Кускова “относилась определенно отрицательно ко всякой в настоящее время политической работе, которую нельзя вести гласно и открыто”¹⁰.

По словам С.П.Мельгунова, критиковавшего ВСЕРПОМГОЛ за “соглашательство”¹¹, С.Н.Прокопович “всегда усиленно подчеркивал, что для него неприемлема никакая интервенция, в какой бы форме последняя ни выражалась”¹².

Не желая, по-видимому, осложнять и без того напряженные отношения с Западом, оказавшим в лице своих общественных организаций помощь голодающей России, руководство РКП(б) не решалось санкционировать расстрел и заменило смертный приговор ссылкой. С.Н.Прокопович и Е.Д.Кускова отбывали ее в городе Кашине Тверской губ. К этим дням относится одно из публикуемых писем. Его адресатом была Вера Николаевна Фигнер (1852—1942). Страницы ее народовольческой биографии достаточно хорошо известны, чего не скажешь о последующих этапах ее жизни.

С начала 1910-х гг. она возглавила Парижское общество помощи политкаторжанам в России, а после Февральской революции руководила Комитетом помощи освобожденным политическим и работала в ряде общественных организаций, включая просветительское общество “Культура и Свобода”, входила в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов. На Демократическом совещании в сентябре 1917 г. она была избрана в Совет Республики. Ее кандидатуру выставили эсеры на выборах в Учредительное собрание. “Переворот 25-го октября «193» и все последовавшее затем я пережила крайне болезненно”, — вспоминала Вера Николаевна девять лет спустя¹³. В 1919 г. она была избрана почетным членом Московского Комитета Политического Красного Креста и в дальнейшем немало способствовала его работе. Вместе со многими будущими членами ВСЕРПОМГОЛА она принимала участие в кооперативном товариществе печатного и издательского дела “Задруга” и была избрана в его Совет (среди пайщиков “Задруги” были Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, М. А. Осоргин, А. Л. Толстая и др.). В. Н. Фигнер вошла и в Московский Комитет имени Л. Н. Толстого по оказанию помощи голодающим. Позднее она входила в различные независимые общественные организации, в том числе во Всероссийский Союз писателей. В 1910-е и особенно в 1920-е гг. Вера Николаевна была занята большой литературной работой. Издательство Общества политкаторжан дважды переиздавало собрание ее сочинений. В. Н. Фигнер не сотрудничала с правящей партией и дважды в коллективных письмах старых революционеров в адрес ВЦИК поднимала голос протеста против репрессивной политики. Так же решительно она выступала за амнистию политзаключенным и отмену смертной казни, за прекращение “чисток” по политическим мотивам и т. д. Известная меньшевичка, сестра Ю. О. Мартова Лидия Дан вспоминала, что “привилегированность и исключительность своего положения В. Н. переживала нелегко”¹⁴. Ссылаясь на слова Е. Д. Кусковой, Л. О. Дан писала, что после ареста членов “Голодного Комитета” В. Н. Фигнер “горько плакала”. Из писем же самой Е. Д. Кусковой видно, что именно Вера Николаевна помогла ей с мужем вырваться из ссылки.

В чем истинная подоплека всей этой истории? В воспоминаниях “Месяц «соглашательства»” Е. Д. Кускова рассказала, как в декабре 1921 г. на вопрос М. Горького о справедливости обвинений в адрес Комитета В. И. Ленин откровенно признал: “Мы отлично знаем лояльность поведения всех членов Комитета. Но нам необходимо было — по политическим соображениям — его уничтожить”¹⁵.

Публикуемые нами письма Е. Д. Кусковой хранятся в фонде В. Н. Фигнер в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Ф. 1185, оп. 3, д. 32). Оценка происходящего одной из главных участниц событий, сделанная по живым следам, поможет понять подлинную историю разгона ВСЕРПОМГОЛА, которая пока еще не написана.

- ¹ Кускова Е. Месяц “соглашательства” // Воля России. (Прага). 1928. № 5. С. 72.
- ² Там же. С. 73—74.
- ³ Ленинский сборник. Т. XXXVI. С. 287.
- ⁴ Подробнее см.: Максимов Ю.Н. Комитет помощи голодающим // Память: Исторический сборник. Париж, 1981. Вып. 4. С. 382—393; Геллер М. “Первое предупреждение” — удар хлыстом: К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37—66.
- ⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 141.
- ⁶ Известия ВЦИК. 1921. 30 авг. № 191.
- ⁷ Там же. 8 сент. № 199.
- ⁸ Максимов Ю.Н. Комитет помощи голодающим. С. 392.
- ⁹ Геллер М. “Первое предупреждение”... С. 51.
- ¹⁰ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 310.
- ¹¹ Зайцев Б.К. Веселые дни // Смена. 1991. № 4. С. 259—277.
- ¹² Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 294.
- ¹³ Деятели СССР и революционного движения в России // Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 253—254.
- ¹⁴ Дан Л. Встречи с В.Н. Фигнер // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1970. Кн. 98. С. 208.
- ¹⁵ Кускова Е. Месяц “соглашательства”. С. 76—77.

1

Е. Д. Кускова — В. Н. Фигнер
(Москва, июль 1921 г.)

Дорогая Вера Николаевна!

Сегодня, наконец, состоится окончательное заседание инициативной группы с представителями власти¹. Вся группа убедительно просит Вас не отказать присутствовать на этом заседании. Мы постараемся дня через два-три отвезти Вас обратно в монастырь, когда первые шаги Комитета наладятся². Но на первых заседаниях хотелось бы видеть Вас.

Горячо Вас любящие

Ек. Кускова-Прокопович

Е. Д. Кускова — В. Н. Фигнер
(Кашин, 1 марта 1922 г.)

Кашин 1 III 1922

Дорогая и глубоко-глубоко уважаемая Вера Николаевна!

Я увезла с собой Вашу книгу, но мне хотелось прочесть ее тогда, когда я могу всецело отдаться некоторому проникновенному созерцанию прошлого³. Знаете, настоящее так сильно и так больно волнует, что сама я сейчас решительно не могла бы писать воспоминания; не всегда, не во всякую минуту могу и читать их. Ну, такие минуты в Кашине все же выползают скорее, чем в Москве или даже в Вологде⁴. А потому книгу Вашу прочла с превеликим вниманием. Отчасти по ней проверяла себя: сколько и что я знаю о Вас и о “Народ [ной] Воле”⁵. И вот что оказалось. Когда я сидела во внут [ренней] тюрьме В. Ч. К., то вечерами играла роль рассказчика. За эту мою тюремную специальность стража В. Ч. К. один раз хотела всю нашу камеру “связать”, ибо рассказ мой вызывал неудержимый смех; другой раз — “разбить всю Вашу компанию по карцерам” и т. д. Одним словом, вечера рассказываний не поощрялись. Тем не менее, как только приходил вечер, камера осаждала меня просьбами что-нибудь рассказать. Рассказами я пыталась установить уровень развития моих товарищей по заключению; этот уровень, в общем, был ниже среднего и значительно ниже развития тех заключенных, с которыми мне приходилось сидеть в Доме предвар [ительного] заключения при охране или в нижегородской тюрьме⁵. Тип заключенных В. Ч. К. — это прежде всего невообразимый сброд всех сословий и состояний. . . В один из вечеров я спросила: а что вы знаете о женщинах-революционерках, о Софье Перовской и Вере Фигнер? Из 10 Вас знали по имени только 2. . . Тогда я спросила, не хотят ли они, чтобы я рассказала им историю этих женщин, т. е. историю русского движения, общественного и революционного. Да, хотят. Все сдвинулись. Я два вечера рассказывала им и до такой степени подняла их интерес к этим вопросам, особенно биографического свойства, что они потребовали у меня литературы. Это и было поводом к моей вине перед Вами. Литературу Истор [ико]–револ [юционной] библиот [еки], Ваши “Шлиссел [ьбургские] узники” Е. П.⁶ взяла у Вас и передала мне в В. Ч. К. Началось чтение. Читали с захватывающим интересом, как читает неофит. Закидали, забросали меня вопросами. Вечера рассказов и разговоров стали сразу же содержательнее. Многие просили указаний, как и что читать дальше. О Вас я должна была повторить свой рассказ. Затем нас перевели в Бутырки. Там публика ЖОКа неизмеримо выше по развитию. Эсеры и эсдеки, конечно, знали (но, безусловно, кое-как) историю русского революционного движения. Однако среди многочисленных фракций анархисток я встретила много лиц, тоже не знавших многие имена. На книги Ваши набросилась вся тюрьма.

Читала тоже с огромным интересом и умоляла меня под ответственность старости⁷ оставить эти книги, пока не прочтут все. Так вот, когда я рассказывала о Вас, о Перовской, а теперь прочла Вашу книгу, я убедилась, что я знала о Вас и о ней очень много; нового книга мне не дала ничего. Объясняю это, во 1-х, тем, что сама я давно, очень давно не пропускаю ничего, что проливает свет на наше прошлое. Во 2-х, два моих очень близких друга, покойный В.Я. Богучарский и тоже покойный Л.Ф. Пантелеев, лично Вас очень чтили и любили, а Богучарский подбирал каждый штрих о “Народ. Воле”⁸. Много лет подряд мы работали вместе и делились всеми своими знаниями и думами. От этих людей я и знала такие мельчайшие подробности о русских революционерах, особенно о “Нар. Воле”, что вряд ли кто-нибудь — даже из старых участников — может добавить что-либо новое. Но вот чем хочется мне поделиться с Вами. Одним своим очень сильным впечатлением. В первых главах книги, напротив, очень многое было для меня совершенно новым. Детство, отец, мать, пансион — все это ново. Внешние факты я приблизительно знала, но Ваша интерпретация всей этой полосы была для меня совершенно новой. И вот. Эти главы — дышат жизнью. Так и видишь — как живыми — лес, сурового отца, всех этих классных дам и красивую шалунью, девочку, которая среди всего этого жила. Затем, с 24 лет, начинается новый период. Стиль описаний, стиль и дух воспоминаний резко, необычайно резко меняется. Жизнь покрывается какой-то пеленой из программ, действий, скорее внешних (как бы значительны и вески они ни были), чем внутренних, психологических. Человеческое, обыкновенное человеческое лицо, все чувства — любовь, дружба, привязанность, вообще вся та жизнь, которая раскрыта в противоположении няининой и семейной атмосферы, куда-то погружается, исчезает. Остается только одна арена жизни — общественная. Изредка, да и то по отношению к таким сравнительно второстепенным фигурам, как “Сашка-инженер”⁹, проскальзывает желание дать психологический портрет. По отношению к другим и особенно — к себе — этой потребности нет или, вернее, почти нет. Есть, правда, сильные страницы — например, раскрытие измены Дегаева¹⁰, развал партии и т.д. Но ведь и это факты исключительно общественного значения. И вот я ставлю вопрос: почему два столь разных способа воспроизведения жизни в первой и второй части книги? В одной — живой трепет личных, психологических переживаний, в другой — только факты сухие и почти протокольные — общественных действий. Умышленно это или естественно? Другими словами — неужели революционная деятельность окончательно убивала все остальное, более обыденное? Вы спросите, а зачем Вам это надо знать? Надо. И вот почему. Я верю, что на больших людях массы учатся жизни. Особенно ценны биографии. Когда начальник тюрьмы после Вашего ответа барону Штромбергу сказал: “Какая Вы жестокая!” — очень многие по этому рассказу с ним согласятся¹¹. Нужно знать глубже психологию революционера, его побуждения и переживания,

чтобы этот ответ понять. Я думаю, что этой психологии в Вашей книге читатель не найдет или найдет лишь очень скупые данные и намеки о ней. Сравню. Думаю, что Вы читали воспоминания немки-социалистки Лили Браун¹². Там женщина — общественная работница встает перед Вами совсем живая: со всем ее кокетством, иногда тщеславием, одним словом — со всем своим “человеческим, слишком человеческим естеством” и со всеми своими недостатками, очень видными читателю. Почему у Вас устранены все эти “соки жизни”, начиная с 24 лет? Потому ли, что их не было, все выжгло одно неугасимое чувство революционера, или же потому, что Вы их не хотели дать, не хотели смешать. Если я осмеливаюсь задать Вам этот вопрос, то исключительно потому, что меня поразила разница двух описаний — детства и юности и последующего периода. Что касается лично меня, то читала я в этой книге каждую страницу с огромным интересом; но любить буду способ Вашего описания первых лет, а не вторую часть, которая скупа, суха, не дает ни на минуту почувствовать Вас такой, какой Вы жили тогда, какой Вы двигали других людей и прицепляли их к себе и к революции. Во всяком случае, в тюрьме в моих рассказах мне именно не хватало этой второй стороны Вашей биографии. А у людей жадность развивается большая при всяком столкновении с большим человеком: как он стал таким? Чем жил, кроме этого большого? Как все это укладывалось, совмещалось в душе его? Не подумайте, что говорю о “копанье в интимном”. Нет. Ваша первая часть и затем вся манера писанья, например, Герцена подтверждает мысль, что воспоминания писать можно с большей или меньшей раскрытостью внутренних импульсов человеческих действий. Вот этой раскрытости во второй части Вы не захотели читателю дать. А от Вас хотелось бы иметь больше щедрости. Вы не рассердитесь на меня за это сообщение Вам моих впечатлений? Все это происходит, вероятно, оттого, что я до безумия люблю жизнь и в ней — живое человеческое лицо. А когда это лицо — Ваше, т.е. лицо женщины, всем безгранично дорогой, естественно хотеть смотреть на него без покрывал, без “утайки” всех его черт.

Теперь совсем о другом. В Кашине же я прочла безумно подлую, безумно безнравственную статью Кураева в № 3 “Красной нови” о нашем Голодном Комитете¹³. Я много читала о нем пошлостей, но эта — превзошла все. Я бы не стала Вам сообщать об этом, если бы не одно очень болезненное переживание — во время моего последнего недельного пребывания в Москве. Вот какое. В тюрьме я не удостоилась допроса. Меня выслали, ни разу не допросив. Отчасти я это понимала. Мне казалось, что даже следователям В.Ч.К. стыдно раздувать дело, которого не существует в природе. Я была до такой степени глубоко убеждена, что ни один член Комитета не поволил себе примешать политику к нашей Краснокрестной работе, что довольно бесчувственно смотрела, как большевики в своей кухне варганят эту политику и прицепляют ее к нам. И вот в эту неделю приходит ко мне Л.А.Тарасе-

вич¹⁴. “Знаете, — говорит, — что больше всего. Многие из людей нашего круга уверены, что в Комитете «что-то было», что «нет огня без полымя» и т.д.”. Меня точно что-то стукнуло. Неужели и Вы тоже думаете, что “что-то было”? Не этим ли объясняется некоторая Ваша безучастность к этому, с моей точки зрения, вопиющему делу. Неужели и Вы это думаете? Правда, косвенная политика в Комитете была. Но ведь на эту косвенную политику и был рассчитан Комитет. Когда “Matin” поместила первая о Комитете под заглавием “Сенсационное сообщение” — и дальше декрет о Комитете, то это показывало, что парижский репортаж сразу учуял эту “косвенность”. Косвенность эта состояла вовсе не “в захвате власти” общественными элементами (чепуха!), а в принципиальном сдвиге самого большевизма, в некотором примирении его с общественностью на страшном деле спасения голодающих. Этот принципиальный сдвиг был важен политически прежде всего самому большевизму, за что и набросились на нас люди непримиримые. Теперь, когда Генуэзская конференция показывает, что от большевиков хотят не только сдвига в экономике, но и освежения политической атмосферы, Комитет невольно встает перед глазами. Если бы за границей агитировал в пользу голодающих не иностранец Нансен или не только иностранец Нансен¹⁵, а и русские люди, оставшиеся с революцией, у заграничной буржуазии положение было бы весьма и весьма сложное. Теперь большевизм чистоты этих “примирений” и опять с своим залихватским видом хочет отыгаться на одной экономике. Боюсь быть пророком, но думаю, что этого мало будет. Таким образом, косвенное политическое следствие из работы Комитета в союзе с большевиками отнюдь не означало, что кто-нибудь, хоть кто-нибудь из членов его примешивает политику — “тайные сношения с границей” и прочую дичь — к своему выступлению. Если же многие интеллигентные люди так отуманены вечекистской политикой большевиков, что верят в их уверения о наших “злых кознях”, то это только показывает, что настоящее общественное мнение в России никогда не было и нет. Всегда это общественное мнение шло на поводу у сильного... Грустно и больно. Вот почему меня так и ударило сообщение Льва Алек [сандровича]. Неужели и Вы так думаете? Кураев залепил фразу: “Многие члены Комитета стыдятся своего участия в нем и скрывают его” (кажется, так у него сказано). Скандал! по его мнению. Я же не хочу думать, чтобы хоть один такой гусь в наш Комитет записался. И какая действительность, какая страшная действительность: вас облепляют Бог знает чем, говорят о вас разные нелепости, гадости — и все мы молчим, и негде сказать слово, негде возразить, негде восстановить истину. Никогда при самодержавии, даже в самые мрачные его времена, такого положения не было. Вот пока все, что хотелось Вам сказать. В Кашине живем, как в тюрьме, только с выходом на улицу. Удивительный город. Кроме того, наше положение сильно ухудшено сравнительно с Вологдой: нам воспрещена служба, другими словами — всякое естественное общение с

внешним миром. Физически нам благодаря заботам наших друзей живется прекрасно, ни в чем не нуждаемся, но моральное состояние — прескверное. Какой-то неистребимый горький осадок в душе и еще — феноменальное крушение перед размерами человеческой глупости. Это прежде всего — скучно. Хочется жизни, а жизнь эту все прячут в какой-то затхлый мешок, и душно дышать в нем, мучают разные скверные запахи. Никогда так не хотелось общего простора жизни, мягкости, доверия друг другу и прочих сладостных вещей. А тут — кругом злоба, матерная ругань (в Кашине нельзя пройти от нее), недовольство, подозрение — дико и страшно. В Москве это все как-то менее заметно. До свиданья, дорогая, дорогая Вера Николаевна. Прежде всего — берегите себя. Скорблю, что Вы тратите себя на сравнительно мелочные дела. Ставьте памятник, пишите, пишите больше. И — если можно — не скупитесь, покажите нам больше себя. Или нельзя, нет импульса? Но так бы хотелось еще раз и дальше почувствовать тон превосходно глубоко психологических первых глав.

Крепко целую Вас. Сер[гей] Ник[олаевич]¹⁶ — весь в работе. Сдал сейчас для печати две свои работы. Он просит передать Вам его низкий поклон.

Поцелуйте Ев[гению] Ник[олаевну] и кланяйтесь Мих[аилу] Пет[ровичу], если пишете ему¹⁷. Надеюсь, что его работы о Бакуanine успешны?

Всего, всего лучшего от всей души.

Ваша *Ек. Кускова-Прокопович*

3

Е. Д. Кускова — В. Н. Фигнер

(Москва, 1 июня 1922 г.)

Москва, 1 IV 1922

Дорогая Вера Николаевна!

Сегодня уезжаю за границу. Как ни старались так организовать свое поведение, чтобы здесь, на родине, пережить революцию, — не удалось... Теперь задача другая — не стать эмигрантами. Это для меня лично, думаю, что и для С[ерега] Н[иколаевича] — психологически невозможно. Но подозрительность нашего начальства столь велика и столь болезненна, что толканье в эту сторону с их стороны, несомненно, будет.. С нашей же стороны будет противопоставлено упорное, настойчивое желание вернуться на родину. Одним словом — завяжется спор. Хотелось бы выйти победителем. Несомненно, в нашем теперешнем отъезде, в праве на него, большую, очень большую роль сыграли Вы и Ек[атерина] Пав[ловна]¹⁸. Без вас обеих едва ли бы это вышло, и мы продолжали бы бездарную в смысле работы жизнь в Кашине или в другом подобном же месте. Позвольте поэтому, дорогая, милая Вера Николаевна, горячо и сердечно поблагодарить Вас за Ваши усилия¹⁹. Эта благодарность идет от чистого сердца и долго в

нем будет жить. Будьте только здоровы, благополучны и приезжайте к нам отдохнуть. Обязуюсь Вас покоить — как только смогу. Сердечный привет Ев [гении] Ник [олаевне] и Мих [аилу] Пет [ровичу].

Любящая Вас *Ек. Кускова–Прокопович*

Дорогая Вера Николаевна, очень жалею, что не увидел Вас в Москве перед отъездом за границу. Буду Вас ждать там. Периодически русским гражданам необходимо отдохнуть от дыма отечества: иначе глаза выест. Поэтому берегите себя, будьте бодры и здоровы и не забывайте изгнанного из России спорщика Вашего²⁰.

С.Прокопович.

ЦГАЛИ. Ф1185, оп.3, д.32, лл.1—10, 15—16, 19.

Комментарии

¹ Е.Д.Кускова, видимо, имела в виду заседание 21 июля 1921 г. В докладе инициативной группы Н.М.Кишкин подчеркнул аполитичность дела помощи голодающим. В ответной речи Л.Б.Каменев обещал поддержку властей.

² Вероятно, речь идет о месте летнего отдыха В.Н.Фигнер. В письме к О.К.Булановой–Трубниковой от 21 ноября 1921 г. В.Н.Фигнер сообщила: “Летом прожила 2 1/2 мес. в здравнице за Петровско–Разумовским среди сельской природы” (ОР ГПБ. Дом Плеханова, ф.110, оп.1, д.80, л.12).

³ Здесь и далее речь идет о книге В.Н.Фигнер “Запечатленный труд”, вышедшей двумя частями в издательстве “Задруга” в 1922 г.

⁴ Е.Д.Кускова и С.Н.Прокопович сначала были сосланы в Вологду. О причинах их перевода в г. Кашин Ф.И.Дан вспоминал: “Но только что успели они там обжиться и устроиться, как местные чрезвычайники начали теснить их. Причин тому было две: во–первых, показалось опасным влияние, каким стали пользоваться ссыльные на местных деятелей, в особенности на кооператоров «193» Но была и вторая причина гнева местной чрезвычайки: в Вологде помещений очень мало, и дома, не ремонтировавшиеся в течение ряда лет, зачастую полуразрушены. Чтобы найти себе приют, Кусковой и Прокоповичу пришлось на собственный счет отремонтировать пустовавший домик. Но как только они это сделали, домик приглянулся одному из местных влиятельных чрезвычайников, который и начал выживать их самым бесцеремонным образом. В результате — телеграмма из В.Ч.К. о переводе К. и П. в Казань — город голодный и сыпнотифозный. По дороге в Казань они попали в нашу гостеприимную камеру. Тут их вызвали на “допрос” и в конце концов назначили им местом жительства уездный город Кашин Тверской губернии” (*Дан Ф.* Два года скитаний (1919—1921). Берлин, 1922. С. 265—266).

⁵ В 1892 г. Кускову привлекали по делу о распространении “преступных” изданий в г. Москве. По последовавшему высочайшему повелению, она была подвергнута в декабре 1893 г. тюремному заключению на 1 мес. В Нижнем Новгороде она отбывала административную высылку.

⁶ *Е.П. — Екатерина Павловна Пешкова* (1876—1965), первая жена А.М.Горького; известная общественная деятельница, в прошлом член партии эсеров. С 1918 по 1937 г. руководила Московским Комитетом Политического Красно-

го Креста; хранильница архива В.Н. Фигнер, переданного ему в 1950 г. в ЦГАЛИ СССР.

Е.Д.Кускова имеет в виду издания “Историко–революционной библиотечки”, выпускавшейся ГИЗом (например, работу Н.П.Ашешова “Софья Перовская. Материалы для биографии и характеристики”), и книгу очерков В.Н.Фигнер “Шлиссельбургские узники” (“Задруга”, 1920).

⁷ Старостой ЖОК (Женского одиночного корпуса) в 1921 г. была член ЦК партии эсеров Е.М.Ратнер.

⁸ *Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич* (1861—1915) — участник народо-вольческого движения 1880–х и либерального движения 1890—1900–х гг., историк, редактор журналов “Былое”, “Минувшие годы” и сборников “Русская историческая библиотека”. *Пантелеев Лонгин Федорович* (1840—1919) — член “Земли и воли” в 1860–е гг., участник либерального движения 1890—1900–х гг., издатель, публицист, мемуарист.

⁹ *Сашка*–инженер — кличка *Юрковского Федора Николаевича* (1852—1896), который в 1880 г. был осужден на 20 лет каторги и умер в Шлиссельбургской крепости.

¹⁰ *Дегаев Сергей Петрович* (1857—1920) — член ИК “Народной воли”, был завербован полицией, способствовал разгрому Военной организации и аресту В.Н.Фигнер. Умер в эмиграции в США. О нем см.: Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Глава XVIII.

¹¹ Речь идет о следующем эпизоде в воспоминаниях В.Н.Фигнер: “После суда произошло следующее. Ко мне в камеру пришел смотритель Дома предварительного заключения, морской офицер в отставке.

— Военные, приговоренные к смертной казни, решили подать прошение о помиловании, — сказал он. — Но барон Штрюмберг колеблется и просил узнать ваше мнение, как поступить ему: должен ли он, ввиду желания товарищей, тоже подать прошение, или, не примыкая к ним, воздержаться от этого?

— Скажите Штрюмбергу, — ответила я, — что никогда я не посоветую другим делать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама...” (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. М., 1932. Т.1. С. 356—357). Члены Военной организации “Народной воли” А.П.Штрюмберг и Н.М.Рогачев, проходившие вместе с В.Н.Фигнер по “процессу 14–ти”, были расстреляны 10 октября 1884 г. в Шлиссельбургской крепости.

¹² Имеются в виду воспоминания Лили Браун “Роман моей жизни (Мемуары социалистки)”.

¹³ Статья В.Кураева “От войны к миру” напечатана в сентябрьско–октябрьской книжке журнала “Красная новь” за 1921 г. В ней обрисована экономическая ситуация Советской России, рассмотрены проблемы нэпа, сельхозкооперации и т.д. Один из разделов статьи затронул историю ВСЕРПОМГОла. Напомнив читателям о встрече Л.Б.Каменева с общественниками, автор писал: “Теперь смешно вспоминать об этой высокаторжественной минуте, когда покрывшиеся плесенью и забытые всеми «деятели» вдруг заговорили высоким штилем о «гарантиях», а представитель Советской республики отвечал им с совершенно серьезным видом” (С 315). Далее в статье говорилось: “Есть наивные люди, которые до сих пор продолжают верить, что «общественные деятели» из Комитета помощи серьезно говорили о своем отказе от политических целей. Нет сомнения в том, что руководящая группа «общ[ественных] деятелей» в Комитете строила на организации помощи

совершенно определенные политические расчеты” (С. 315—316). В заключение Кураев утверждал: “В памяти современников осталось только обидное название Комитета — Прокуиш! Бышие члены Комитета стыдливо скрывают свое участие в нем. Не, как видно, ничего хорошего не ожидает покойников, когда они воскресают” (С. 316).

О нападках советской печати Кускова позднее вспоминала: “Конечно, грязь, как часто бывает, здесь смешана с правдой. Совершенно верно: экономические вопросы Республики встали перед Комитетом с первых же дней во весь рост. Действительно, Комитетом было возбуждено ходатайство о частичной отмене соляной монополии, и действительно, он «вмешивался» в налоговую политику Республики «193» Действительно также, что он критиковал действия власти, указывая, что не только солнце, но и руки властей являются причиной голода «193» Это говорилось открыто на собраниях Комитета, и не ради агитации, а ради совершенно насущных целей. Но тогда, после гибели Комитета, советской печати было дано срочное поручение: лично очернить всех его участников перед «массами» и доказать, что Комитет был лишь маской, завесой, прикрывающей политические цели” (Кускова Е.Д. Месяц “соглашательства” // Воля России. 1928. № 4. С. 58—59).

¹⁴ *Тарасевич Лев Александрович* (1868—1927) — профессор, с 1926 г. академик АН УССР, микробиолог, патолог. Участник Помгола. Арестован не был, так как власти нуждались в нем как организаторе борьбы с эпидемиями.

¹⁵ *Нансен Фритъоф* (1861—1930) — норвежский исследователь Арктики. Помогал в спасении голодающих России в 1921 г. Лауреат Нобелевской премии мира за 1922 г.

¹⁶ *Прокопович Сергей Николаевич* (1871—1955) — общественный деятель, экономист, публицист. Муж Е.Д.Кусковой. Министр торговли и промышленности Временного правительства. Один из организаторов Помгола. В 1922 г. выслан за рубеж.

¹⁷ *Сажина* (урожденная Фигнер) *Евгения Николаевна* (1858—1931) — младшая сестра В.Н.Фигнер, участник народнических поселений, по “процессу 16-ти” в 1880 г. сослана в Сибирь.

Сажин Михаил Петрович (1845—1934) — участник Парижской коммуны, сподвижник М.А.Бакунина. Осужден по “процессу 193-х” и сослан в Сибирь. Муж Е.Н.Сажиной (Фигнер).

Супруги Сажин входили в ближайшее окружение В.Н.Фигнер.

¹⁸ Е.П.Пешкова (см. примеч. 6).

¹⁹ Незадолго до высылки за границу Кускова писала Фигнер: “Сейчас оба мы с [Сергеем] Н[иколаевичем] сердечно благодарим Вас за разговор с Кам[еневым] о нас, хотя досадно, что этот разговор — с ним. Я считаю, что его роль по отношению к Комитету была самая тяжелая и некрасивая. Поэтому и обращаться к нему — тяжелей, чем к другим” (ЦГАЛИ. Ф.1185, оп.3, д.32. Л. 12 об. — 13. Письмо от 11.4.1922 г.).

²⁰ Социал-демократка Лидия Дан, хорошо знавшая В.Н.Фигнер в те годы, вспоминала: “...Очень мало вели мы политических разговоров, заранее зная, что стоим на разных позициях и что нам было бы трудно, даже невозможно договориться и даже, может быть, до конца понять друг друга” (Дан Л.О. Встречи с В.Н.Фигнер // Новый журнал. Кн.98. С. 200). Скорее всего, речь шла о “тактических” разногласиях.

Русский зарубежный Некрополь

Российская императорская гвардия на кладбище Сен-Женевьев де Буа

Публикация *В.Г. Бортневского и Е.З. Кузьмук*

Публикуемые ниже материалы подготовлены в результате проведенного в мае 1991 г. выявления военных захоронений на одном из главных кладбищ Русского Зарубежья. За основу были взяты надписи на могильных плитах и памятниках, содержавшие ту или иную информацию об отношении погребенного к Вооруженным Силам России: чин, воинская часть, принадлежность к выпуску кадетского корпуса, военного училища, Академии Генерального штаба, участие в военных действиях и т.п. Отсутствие единого принципа при нанесении надписей на воинских могилах определяет известную неполноту этого источника. Так, например, на Дроздовском участке отсутствуют, как правило, сведения о чинах погребенных. На Кадетском участке указаны корпуса, но, за редким исключением, отсутствует информация о чинах и воинских частях. Весьма вероятно также наличие одиночных могил военнослужащих без указания об их принадлежности к армии и флоту. Заранее приносся извинения в возможной неполноте и недостаточной точности публикуемых материалов, авторы надеются дать толчок широкомасштабной работе по созданию Русского зарубежного Некрополя, которая может быть проведена на основе разнообразных опубликованных и неопубликованных источников.

Данная публикация открывает серию материалов о кладбище Сен-Женевьев де Буа. В дальнейшем предполагается опубликовать списки погребенных военных моряков, летчиков, инженеров, генштабистов, армейских пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов, военнослужащих “цветных частей” Добровольческой армии (корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев). Даты рождения проводятся по старому стилю, а смерти — по новому (если это отдельно не оговаривается).

Гвардейская кавалерия

Кавалергардский полк

Полковник Гагарин Глеб Григорьевич, князь (8 ноября 1887—29 августа 1974)

Полковник Звегинцов Владимир Николаевич (12 февраля 1891—17 апреля 1973)

Полковник Розен Константин Николаевич, барон (21 апреля 1883—25 января 1955)

Штаб-ротмистр Скалон А.А. (21 апреля 1891—27 октября 1958)

Корнет Менгден Герман Дмитриевич, граф (18 августа 1897—13 ноября 1983)

Лейб-гвардии Конный полк

Полковник Бер Михаил Алексеевич (27 ноября 1875—8 февраля 1953)

Полковник, флигель-адъютант Козлянинов Владимир Федорович (25 августа 1881—15 декабря 1959)

Ротмистр Врангель фон Гюбенталь Матвей Леонидович, бырон (9 января 1888—23 декабря 1965)

Штаб-ротмистр Старосельский Андрей Гивич (1898—1965)

Поручик Вуич Владимир Иванович (ск. 21 октября 1980)

Вахмистр Зайцев Иван Данилович (14 января 1882—15 мая 1965)

Тучков Александр Павлович (1 января 1889—1 июля 1968)

Лейб-гвардии Гусарский полк

Полковник Волков Борис Сергеевич (1885—1970)

Полковник Игнатьев Павел Алексеевич (18 декабря 1879—19 ноября 1930)

Ротмистр Шеншин Николай (13 марта 1888—11 февраля 1969)

Лейб-гвардии Драгунский полк

Полковник Бок Платон А. (1891—1968)

Полковник де Витт Владимир Львович (30 марта 1889—24 августа 1952)

Полковник Кучевский Иван Михайлович (1882—1971)

Ротмистр де Витт Дмитрий Львович (9 апреля 1896—6 мая 1963)

Лейб-гвардии Уланский Его Императорского Величества полк

Полковник Фермор Александр Николаевич (25 сентября 1886—4/17 июля 1931)

Ротмистр Зубов Александр Николаевич (17/30 ноября 1894—16 июня 1960)

Лейб-гвардии Уланский Ее Императорского Величества полк

Полковник Чичагов Михаил Михайлович (1886—1932)

Корнет Некр Андрей (1899—1986)

Сагацкий Иван Иванович (7 декабря 1901—15 июня 1981)

Лейб-гвардии Кирасирский Его Императорского Величества полк

Полковник фон Вик Петр Алексеевич (7 марта 1894—3 мая 1955)

Полковник Сафонов Сергей П. (5 ноября 1894—1 апреля 1970)
Ротмистр Розеншильд-Паулин Владимир Анатольевич (20 июня 1898—26 ноября 1949)

Корнет Деларов Сергей Павлович (20 августа 1896—28 июля 1965)

Корнет Измайлов Димитрий Петрович (20 ноября 1901—18 июля 1961)

Лейб-гвардии Кирасирский Ее Императорского Величества полк

Полковник Гоштовт Георгий Адамович (15 сентября 1883—8 декабря 1953)

Полковник Пржбяно Андрей Константинович (1885—1963)

Полковник Третьяков Борис Николаевич (1891—1970)

Ротмистр Аррокет Алексей Андреевич (4 февраля 1894—11 мая 1952)

Ротмистр Дерюжинский Сергей Александрович (4 мая 1891—9 мая 1970)

Апрелев Георгий Петрович (1 марта 1889—10 января 1964)

Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк

Полковник Дурасов Александр Владимирович (23 июля 1886—7 мая 1953)

Полковник Скуратов К.Н. (2 ноября 1874—16 февраля 1948)

Лейб-гвардии Казачий Его Императорского Величества полк

Генерал-майор Поздеев Константин Р., последний командир (22 октября 1887—2 августа 1952)

Полковник Андриянов Валентин Петрович (22 марта 1889—3 октября 1965)

Полковник Кононов Владимир Владимирович (5 мая 1886—6 декабря 1938)

Полковник Шамин Иван Григорьевич (16 февраля 1886—31 августа 1930)

Есаул Ефимьев Николай Гаврилович (7 июня 1894—12 января 1979)

Есаул Кондюков Георгий Александрович (21 июня 1896—3 июля 1950)

Сотник Хопров Михаил Петрович (1892—1979)

Хорунжий Бирюков Сергей Васильевич (1 августа 1900—10 ноября 1972)

Подхорунжий Баранов Иван Иванович (1891—1970)

Подхорунжий Бодрухин Андрей Иванович (1889—1941)

Лейб-гвардии Атаманский полк

Полковник Греков Константин Митрофанович (26 марта 1872—27 августа 1941)

Полковник Иванов Георгий Александрович (1893—1950)

Есаул Божков М.Г.
Есаул Карпов Георгий А. (2 июня 1897—30 октября 1985)
Есаул Кумшанский Петр Иванович (26 июня 1893—19 апреля 1952)
Есаул Тюрморезов Борис Александрович (19 января 1896—19 апреля 1959)

Гвардейская пехота

Лейб-гвардии Преображенский полк

Генерал-майор Гольтоер Сергей Александрович (19 января 1887—23 ноября 1930)

Полковник Зубов Юрий Владимирович (2 февраля 1892—15 октября 1970)

Полковник Зыбин Ипполит Сергеевич (6 ноября 1891—30 августа/12 сентября 1942)

Полковник Иванов Константин Васильевич (3 июня 1894—15 февраля 1977)

Полковник Леонов Сергей Митрофанович (18 августа 1883—24 апреля 1938)

Полковник Моллер М.Н. (1890—1964)

Капитан Гольтоер К.С. (1897—1967)

Капитан Тимченко-Рубач Владимир Николаевич (7 декабря 1889—5 ноября 1979)

Штабс-капитан Дистерло, барон (22 июня 1895—6 марта 1975)

Поручик Татищев Дмитрий Сергеевич, граф (9 ноября 1898—30 июня 1972)

Подпоручик Волков Михаил Сергеевич (29 июля 1900—12 декабря 1950)

Лейб-гвардии Семеновский полк

Капитан Степанов Георгий (1896—1967)

Шмеман Димитрий Николаевич (1893—1958)

Лейб-гвардии Измайловский полк

Полковник Брюнелли Павел Альфонсович (1873—1949)

Капитан Траскин Илья Владимирович (26 июля 1895—23 октября 1972)

Ротмистр Байков Николай Аркадьевич (3 января 1897—1 мая 1959)

Лейб-гвардии Егерский полк

Полковник Афросимов Александр Александрович (30 января 1893—4 апреля 1952)

Полковник Столицын Юлий Сергеевич (17 октября 1894—21 июля 1952)

Капитан Алексеев Сергей Владимирович (25 мая 1894—8 марта 1964)

Лейб-гвардии Павловский полк

Полковник Тимохович Петр Петрович (4 ноября 1894—2 июля 1951)

Капитан Тимохович Георгий Петрович (2 августа 1893—28 октября 1931)

Лейб-гвардии Финляндский полк

Генерал-майор Чебыкин Александр Александрович (18 ноября 1888—10 октября 1951)

Лейб-гвардии Литовский полк

Полковник Зарембо-Рацевич Аркадий Аркадьевич (11 июля 1892—9 июня 1945)

Полковник Молостов Александр И. (1888—1952)

Полковник Молостов Владимир И. (1891—1935)

Полковник Петровский Александр Иванович (10 апреля 1891—4 января 1951)

Капитан Гилленштейн Константин Августович (1882—1963)

Богомолец Лев Семенович (21 декабря 1902—30 сентября 1984)

Лейб-гвардии Московский полк

Полковник де Витт Борис Владимирович (19 июня 1895—23 июня 1980)

Полковник де Лаек Николай Платонович (17 декабря 1893—22 апреля 1932)

Капитан Баньковский Николай Иосифович (13 декабря 1895—5 мая 1966)

Кукловский К.Н. (5 августа 1895—10 февраля 1965)

Лейб-гвардии Волынский полк

Полковник Пашкевич Михаил Николаевич (ск. 2 февраля 1947)

Штабс-капитан Аванов Дмитрий Георгиевич, князь (1 августа 1890—20 мая 1950)

Штабс-капитан Пышнов Леонид Александрович (24 июля 1893—21 мая 1962)

Лейб-гвардии Петроградский полк

Полковник Лучанинов Дмитрий Гаврилович (18 декабря 1891—27 февраля 1980)

Полковник Лучанинов Сергей Гаврилович (17 июня 1888—16 ноября 1968)

Лейб-гвардии Кексгольмский полк

Капитан Малавский Михаил Дмитриевич (8 октября 1892—23 мая 1969)

Лейб-гвардии Гренадерский полк

Капитан Додонов Иван Николаевич (12 сентября 1883—1 апреля 1952)

Капитан Тимченко-Острорехов Михаил Васильевич (20 января 1886—21 июля 1955)

Штабс-капитан Крупин Валериан Михайлович (16 июля 1893—3 декабря 1959)

Стефанович Платон Львович (15 декабря 1904—10 декабря 1974)

Лейб-гвардии 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полк

Полковник Кульнев Леонид Иванович (8 августа 1882—9 марта 1966)

Капитан Сахаров Владимир Владимирович

Лейб-гвардии Стрелковый Императорской Фамилии полк (?)

Полковник Губкин Михаил Васильевич (15 июля 1888—5 января 1965)

Полковник Кульнев Леонид Иванович (8 августа 1882—9 марта 1962) (?)

Карсов Михаил Михайлович (8 июля 1895—19 марта 1958)

Гвардейская артиллерия

Лейб-гвардии Конная артиллерия

Полковник Лагодовский Борис Аркадьевич (29 марта 1892—10 февраля 1972)

Полковник Хитрово Владимир Сергеевич (1891—1968)

Штабс-капитан де Витт Лев Львович (1 августа 1897—2 декабря 1961)

Штабс-капитан Кривошеин Игорь Александрович (1899—1987) (армии барона Врангеля, участник Движения Сопротивления, узник нацистского концлагеря, инженер)

Лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада

Полковник Бокильон Вячеслав Константинович (5 сентября 1881—26 февраля 1960)

Плюцанский Борис Александрович (20 апреля 1880—9 апреля 1953)

Лейб-гвардии Донская казачья Его Императорского Величества батарея

Генерал-майор Упорников Николай Николаевич (15 июля 1887—17 июня 1958)

Лейб-гвардии Тяжелый артиллерийский дивизион

Капитан Соловский Димитрий Павлович (14 апреля 1894—14 октября 1957)

Гвардейский артиллерии подпоручик, 1-го кадетского корпу-

са, Сергеевского артиллерийского училища Селиверстов Владимир Иванович (1900—1987)

Лейб-гвардии Саперный батальон

Капитан Семенов Виктор Иванович (4 апреля 1874—16 октября 1951)

Гвардейский Морской экипаж

Капитан 2-го ранга Вуич Иван Эмильевич (ск. 6 августа 1979)

Генерал-майор лейб-гвардии Оприц Илья Игнатьевич (28 марта 1886—25 августа 1964)

Гвардии полковник Михайлов Константин Михайлович (май 1892—февраль 1944)

Гвардии полковник фон Энден Николай Михайлович (22 апреля 1876—7 июня 1961)

Гвардии ротмистр Эрдели Георгий Владимирович (21 апреля 1890—2 июля 1963)

Неизвестные автографы

Президент США Вудро Вильсон

Публикация В.В.Носкова

M. Ostrogorski

in the hope that, in view of a recent Convention, he will read the essay entitled "The Truth of the Matter"; and that he will accept this volume as token of regard from

His Friend,

Woodrow Wilson

Princeton, Nov. 1896

Перевод

М.Острогорскому

в надежде, что в связи с недавней беседой он прочтет эссе, озаглавленное «Суть дела», и что он примет этот том в знак неизменного уважения от

Его Друга,

Вудро Вильсон

Принстон, ноябрь 1896

Публикуемый автограф, неизвестный до сего времени специалистам, представляет собой дарственную надпись В.Вильсона на его книге «Простая литература и другие эссе»¹. В те дни В.Вильсон занимал должность профессора в одном из лучших учебных заведений США — Принстонском университете. Будущий президент США не принимал еще активного участия в политической жизни, но успел получить общенациональную известность как признанный авторитет в области конституционного права и как автор нескольких популярных работ по американской истории. Имя же человека, для которого он сделал дарственную надпись, не было столь громким, а в наши дни оказалось почти в полном забвении.

Моисей Яковлевич Острогорский закончил в 1875 г. юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата права и поступил на службу в Министерство юстиции, где «выработал ряд законопроектов по предметам первостепенной важности». Помимо этого, молодой юрист принимал «деятельное участие в трудах комиссии по народному образованию»². Был он и автором нескольких интересных учебных пособий, сравнительной таблицы важнейших событий всемирной и отечественной истории. Несколько лет он провел в Париже, занимаясь изучением философии и политических наук. Полученная подготовка и последующая деятельность дают основания считать его одним из пи-

онеров отечественной политологии. С 1888 г. за границей стали публиковаться статьи М.Я.Острогорского о конституционном устройстве Англии и США, он совершил длительные поездки в эти страны. Первые исследования русского ученого привлекли внимание В.Вильсона, который стал одним из его информаторов о современной политической жизни Америки и даже счел возможным подарить ему свою новую книгу. Особое место в сборнике “Простая литература” занимала статья “Суть дела”, в первоначальном варианте, опубликованном в журнале “Сенчури” в сентябре 1895 г., называвшаяся “О написании истории”.

В опубликованных “Бумагах Вудро Вильсона” имеется письмо от М.Я.Острогорского, датированное 12 декабря 1896 г. В нем автор говорит о своем знакомстве с В.Вильсоном как о “встрече, которая останется одним из самых приятных воспоминаний о моем визите в Америку”. Заканчивается письмо признанием М.Я.Острогорского, что он “не мог избежать искушения сразу же прочесть эссе «Суть дела»”³.

Через шесть лет после обмена посланиями с Вильсоном Острогорский издал фундаментальный труд “Демократия и организация политических партий”, второй том которого был полностью посвящен Соединенным Штатам. При его написании были использованы и работы В.Вильсона. С 1902 по 1912 г. книга М.Я.Острогорского выдержала пять изданий во Франции, Англии, США. В историографии политической истории Соединенных Штатов имя его нередко ставится в один ряд с такими авторитетами, как А. де Токвиль и Дж.Брайс⁴. Однако на родине сочинения петербургского юриста долгое время оставались неизвестными. Лишь в 1930 г. появился в русском переводе посвященный США том, при этом за основу взято было не самое лучшее, сокращенное, французское издание⁵. О признании заслуг М.Я.Острогорского свидетельствовало полученное им в 1905 г. приглашение занять кафедру политических наук Кливлендского университета, однако, как отмечали составители справочника о депутатах I Государственной думы, он “предпочел послужить России”.

Ныне книга с автографом В.Вильсона находится в Научной библиотеке имени А.М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ *Wilson Woodrow T. Mere Literature and other Essays. Boston, 1896.*

² Первая Государственная дума: Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906. С. 130.

³ *Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.Link. Princeton, 1971. V.X. P. 76—77.*

⁴ См.: *Терехов В.И.* Концепция исключительности партийно-политической системы Соединенных Штатов в работах А.Токвиля, Дж.Брайса и М.Острогорского // *Вестник Моск. ун-та. Сер.8. История.* 1981. № 5.

⁵ *Острогорский М.* Демократия и политические партии. М., 1930. Т.2.

Писатель генерал П. Н. Краснов

Дарственная надпись на книге “Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии”

Публикация и послесловие В. Ю. Черняева

Его Превосходительству, глубокоуважаемому Барону Петру Николаевичу Врангелю на память о нашей доблестной Великой Русской Армии, сохранить которую Вам удалось и с Божьею помощью Вы поведете ее к новой славе и сплетете на этот раз победные венки, которые возложат на головах нашим тихим, незаметным героям-подвижникам

П. Краснов

12/25 декабря 1924.

*Santeny**

Если печатное посвящение книги адресовано всем читателям, то рукописная дарственная надпись всегда интимна. Понять и оценить вложенные в нее смысл и чувства можно лишь в контексте тех жизненных взаимоотношений, результатом которых она явилась.

Петр Николаевич Краснов и барон Петр Николаевич Врангель познакомились на Русско-японской войне¹. Там за боевые заслуги корнет барон Врангель получил в 1904 г. орден Св. Анны 4-й степени с надписью “За храбрость” и чин сотника, в 1905 г. — чин подъесаула и орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а фронтовой корреспондент газеты Военного министерства “Русский инвалид” есаул Краснов был награжден в 1904 г. орденом Св. Анны 4-й степени и в 1905 г. орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом². Встречавшийся тогда с Красновым штаб-офицер для особых поручений подполковник А. И. Деникин вспоминал: “Статьи Краснова были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву ”ведомственным” интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение:

— Здесь, извините, господа, по э т и ч е с к и й в ы м ы с л — для большего впечатления...

* Сантени — деревня в 30 км юго-восточнее Парижа, на р. Ревейон, южнее леса Нотр-Дам.

Этот элемент “поэтического вымысла”, в ущерб правде, прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова...³.

Второй раз судьба столкнула генерал-лейтенанта П.Н.Краснова и генерал-майора барона П.Н.Врангеля в середине сентября 1917 г. в дверях штаба Петроградского военного округа, на Дворцовой площади. Барон Врангель готовился вступить в новую, более высокую должность командира 3-го конного корпуса и неожиданно узнал от Краснова, что она уже им занята.

Краснов получил это назначение еще 26 августа от верховного главнокомандующего генерала Л.Г.Корнилова, который, начав попытку государственного переворота, направил 3-й конный корпус в сторону Петрограда. Для принятия должности Краснов прибыл в Псков, в штаб Северного фронта, где его арестовали как соучастника Корнилова. На 3-й конный корпус была возложена ликвидация Временного правительства и Советов. Правительственные комиссары народный социалист В.Б.Станкевич и меньшевик В.С.Войтинский при допросе П.Н.Краснова нашли с ним общий язык и предложили принять корпус. По просьбе временно замещавшего главнокомандующего Северным фронтом генерал-лейтенанта М.Д.Бонч-Бруевича новый начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев подтвердил назначение Краснова⁴. Прежний командир корпуса генерал-лейтенант А.М.Крымов после встречи с А.Ф.Керенским 31 августа предпочел смерть позору ареста и застрелился...

Не желая ставить Краснова в неловкое положение, барон Врангель остался в Петрограде до разрешения недоразумения. Менее шепетильный Краснов поспешил заручиться поддержкой казачьих комитетов, которые собирался разогнать, если бы победил Корнилов. Как преимущество он использовал свое происхождение: родился в Петербурге, но предки, казацкие генералы, отличались под знаменами А.В.Суворова и атамана М.И.Платова. Походный атаман Бугского войска генерал И.К.Краснов (1752—1812), павший в Отечественную войну 1812 г., посмертно удостоился чести стать шефом 15-го Донского казачьего полка. Дед был уроженцем станицы Вешенской, отец — известным исследователем казачества. Окончив полный курс Офицерской кавалерийской школы, П.Н.Краснов стал известен как лихой наездник, начальник разведчиков и командир сотни лейб-гвардии Атаманского полка, три года командовал на Памире 1-м Сибирским казачьим полком, в 1913 г. принял в командование 10-й Донской казачий полк и с ним выступил на мировую войну. Затем командовал бригадами 1-й Донской и Туземной дивизий, 2-м сводным казачьим дивизионом. В 1917 г. перед назначением в 3-й конный корпус недолго командовал 1-й Кубанской казачьей дивизией⁵.

В своих мемуарах П.Н.Краснов винил в недоразумении Керенского и признал: “Меня это только развязывало. Я подал решительно в отставку. Но тут ввязались в дело казачьи комитеты. Они уже почуяли власть, притом в Донской армии я был любим, а Уссурийская начинала любить меня — комитеты явились к Ке-

ренскому и потребовали, чтобы я остался командиром корпуса, потому что я казак и корпус казачий, а барон Врангель немец. Керенский сейчас же согласился с комитетами и меня оставили, а Врангелю стали искать другой корпус, чтобы он не обиделся”⁶.

Если отрешиться от поэтического преувеличения Красновым своей популярности в корпусе, где он был новичком, то из его признания следует, что не вступился он за честь отважного барона, одним из первых в мировую войну заслужившего орден Св. Георгия 4-й степени. Не мог не знать Краснов, что род Врангелей датского, а не немецкого происхождения. Дворяне, бароны и графы Врангели служили генералами, адмиралами, фельдмаршалами в разных армиях Европы. Об этом сообщала “Военная энциклопедия”, сотрудником которой был П.Н.Краснов. В битве под Полтавой 1709 г. на стороне Швеции пало 22 представителя рода Врангелей. Семилетняя война 1756—1763 гг. привела Врангелей в русскую армию. Их род записан в 1764 г. в эстляндский матрикул, затем — в дворянские родословные книги Витебской и С.-Петербургской губерний. В 1865 г. в России признан за ними баронский титул, присвоенный шведскими королевскими грамотами 1653 и 1680 гг. Имена русских адмиралов баронов Ф.П. и Б.В. Врангелей увековечены на географической карте мира. К началу XX в. в России род Врангелей насчитывал около 40 ветвей⁷.

Барон П.Н.Врангель родился в Ново-Александровске (ныне Зарасай, Литва), детство и юность провел на Дону, с 8 октября 1915 г. командовал 1-м Нерчинским казачьим наследника Цесаревича полком Забайкальского казачьего войска, 10 января 1917 г. за боевые отличия произведен в генерал-майоры с назначением командиром 1-й бригады Уссурийской конной дивизии (входила в состав 3-го конного корпуса). Возглавив этот корпус, генерал-лейтенант А.М.Крымов передал барону Врангелю командование Уссурийской дивизией. Расслоение офицеров на казаков и не казаков, начавшееся в дни революции, побудило барона Врангеля вскоре заявить Крымову: “Сам я не казак, большую часть службы провел в регулярных частях, едва ли при этих условиях я буду полезен делу как ваш ближайший помощник”. После трех месяцев ожидания в столице нового назначения он отбыл на Румынский фронт, возглавил 7-ю кавалерийскую дивизию, включавшую в свой состав 11-й Донской казачий полк, затем принял сводный конный корпус, сам водил его в атаку на врага⁸.

Неточен мемуарист П.Н.Краснов и в освещении позиции А.Ф.Керенского. По воспоминаниям генерала А.И.Деникина, “между Ставкой и Керенским происходили трения: последний намечал на должность командира генерала Врангеля”⁹. Керенскому запомнилась кавалерийская атака отважного барона на германскую артиллерийскую батарею, и он назначил Врагеля 9 сентября командиром 3-го конного корпуса. Лишь упорное сопротивление Ставки и комиссаров вынудили его отступить и утвердить назначение Краснова. 3-му конному корпусу ставилась задача предупредить высадку германского десанта в Финляндии, но размеще-

ние корпуса в окрестностях Петрограда указывало на скрытое намерение использовать его для поддержания порядка в столице. “Можно ли было отдать корпус в руки заведомого корниловца? — вспоминал В.С.Войтинский. — Мы со Станкевичем, не колеблясь, нешили, что это — единственное средство спасти корпус. После некоторых усилий удалось убедить и армейские организации в целесообразности этого плана. И таким образом генерал Краснов, назначенный командиром 3-го корпуса для похода против Советов и Керенского, вступил в командование корпусом по приказу Керенского, в полном согласии с Советами. Назначение оказалось удачным. Генерал Краснов обнаружил не только огромную энергию и административный талант, но и проявил много такта. К корпусу быстро стал возвращаться его боевой дух¹⁰.

Впрочем, в политическом отношении выбирать не приходилось между Врангелем и Красновым. Новый военный министр генерал-майор А.И.Верховский известил барона Врангеля, что “по условиям политического времени” не сможет поставить его во главе корпуса, расположенного близ столицы. Возможно, до революционного министра дошли сведения о причастности барона к созданию тайной военной организации графа П.А.Палена (позднее командира корпуса Северо-западной армии генерала Н.Н.Юденича), тесно связанной с генералом Корниловым. В ответ на высказанное недоверие барон подал в отставку, но в ней отказали¹¹, Октябрьский переворот застал его в Могилеве, куда вызвал начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н.Духонин, вскоре растерзанный матросами на глазах у большевистского главкомверха Крыленко.

Тем временем под Петроградом развернулись события с участием 3-го конного корпуса, известные как поход Керенского — Краснова. В те дни корпус оказался рассредоточен далеко от столицы и лишь часть его участвовала в походе. Краснов занял Гатчину, Павловск, Царское Село, был остановлен у Пулкова и, не получив подкрепления, 1 ноября заключил перемирие с большевиками, а позднее уехал на Дон. Распорядись иначе судьба с назначением командира 3-го конного корпуса, и это, наверное, был бы поход Керенского — Врангеля. Однако в дни увядания демократии, революционного разложения армии и народной податливости на утопические соблазны большевиков никакой боевой генерал, да еще при формальном главенстве нелюбимого казаками Керенского, не смог бы вернуть к власти растратившее популярность Временное правительство.

И вряд ли барон Врангель позднее сожалел об этом несостоявшемся назначении, но обида запала в душу. Подробно повествуя в своих “записках” о гражданской войне, он вскользь лишь упомянул генерала П.Н.Краснова, атамана Всевеликого войска Донского с 17(30) мая 1918 г. по 1(14) февраля 1919 г. Он писал, что атаман Краснов “горячо и успешно работал по формированию армии и восстановлению порядка в стране. Однако, по словам Свечина¹², движение на Дону носило шовинистический характер. Не

только старшие начальники, но и младшие офицеры, не казаки, неохотно принимались генералом Красновым¹³.

Синежелтоалый флаг донских самостийников, объявивших земли Войска Донского поставленными “в условия суверенного государства”, их лозунг “Дон — для донцов!” и германфильская ориентация их атамана, искавшего опору в армии Вильгельма II, не были любы барону Врангелю и другим сторонникам единой и неделимой России, кровью скрепившим свою верность Антанте. Революция в Германии и уход ее войск вынудили донцов пойти на подчинение главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генералу А.И.Деникину. Тот терпеть не мог Краснова и добился перехода власти донского атамана к генерал-лейтенанту А.П.Богаевскому, сохранявшему ее до своей кончины в октябре 1919 г. Низложенный Краснов отбыл в Германию. Участие в гражданской войне он продолжил в отделе агитации и пропаганды Северо-западной армии генерала Н.Н.Юденича, с нею в октябре 1919 г. вновь вошел в Гатчину. Там под его руководством А.И.Куприн начал издавать газету “Приневский край”. Генерал Краснов и сам печатался в ней под псевдонимом “Гр. Ад.”, по имени своего любимого скакуна Града¹⁴. От Пулкова и Дачного армия была отброшена назад в Эстонию. Краснов входил в ее ликвидационную комиссию.

Третий раз судьба свела П.Н.Краснова и барона П.Н.Врангеля в изгнании. Они оба жаждали возрождения великой России и признали своим вождем великого князя Николая Николаевича, который хотел придать Белому движению общенациональный характер, был против предрешения формы государственного правления и отвергал претензии великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя в августе 1922 г. блюстителем престола и с августа 1924 г. императором всероссийским Кириллом I, а своего сына Владимира престолонаследником. При эвакуации главнокомандующий Русской армией генерал П.Н.Врангель сумел вывезти за пять дней ноября 1920 г. из Крыма в Турцию около 150 тыс человек, включая 70 тыс. военных. Свой главный штаб он разместил в югославском городе Сремски Карловцы. Правительство Франции добивалось расформирования его армии и запретило ему посещать русские военные лагеря.

Желая сохранить рассеянную в зарубежье армию, барон П.Н.Врангель издал 1 сентября 1924 г. приказ № 35 о создании Русского общевоинского союза (РОВС) с штаб-квартирой в Париже и до конца дней своих был его председателем. Высшее руководство РОВС принял великий князь Николай Николаевич. Генерал П.Н.Краснов входил в круг приближенных великого князя, участвовал в разработке планов похода в Россию, рассылал из деревни Сантени “открытые письма к казакам” о сплочении вокруг великого князя и сборе средств в его казну, стал одним из руководителей основанного в 1922 г. террористического “Братства русской правды”, действовавшего против СССР. Тогда же Краснов писал

роман-эпопею “От двуглавого орла к красному знамени”, рассказы, мемуары, военно-патриотические очерки.

Очерк “Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии” П.Н.Краснов написал в октябре 1923 г. и опубликовал в парижском альманахе “Русская летопись” в 1924 г.¹⁵ и в том же году отдельной книгой в Варшаве. Очерк рассказывает о русских солдатах, павших в Первую мировую войну “за Веру, Царя и Отечество”. Его содержание раскрывают названия его частей: I. Как они умирали. II. Как они относились к своим офицерам. III. Как они томились в плену. IV. Что было для них Россия и Царь. V. Они бежали из плена, чтобы снова сражаться за Россию. VI. Они умирали в плену, помня Россию. VII. В Русской деревне их понимали. VIII. В плену гордились Россией и свято берегли ее имя. IX. Для солдата Императорской Армии Россия была единая. X. Они соблюдали присягу и готовы были на смертные муки, но не изменяли ни России, ни союзникам.

Книгу с этим очерком П.Н.Краснов надписал 25 декабря 1924 г. в подарок барону П.Н.Врангелю. Отстраненно официальная форма обращения к старому знакомому и высокопарно служебный тон пожелания позволяют ощутить психологический подтекст дарственной надписи — прохладность личных отношений. Примечателен титул “Ваше превосходительство”. Он соответствует чину генерал-лейтенанта, последнему, в который барон был официально произведен в 1918 г. Став преемником Деникина, барон Врангель подписывал приказы как полный генерал, и это предполагало титулование “Ваше высокопревосходительство”. Случайна ли эта обмолвка со стороны полного генерала? Вряд ли...

Развернутое пожелание дарственной надписи связано с подготовкой похода в СССР. Намечался он еще на весну 1921 г., но был отложен. В конце 1927 г. барон П.Н.Врангель утвердил детальный план вторжения. Великий князь Николай Николаевич его одобрил. И все же пожеланию дарственной надписи не суждено было сбыться. Барон П.Н.Врангель в Брюсселе работал горным инженером¹⁶ и жил скромно, без охраны. 25 апреля 1928 г. он скоропостижно скончался в возрасте 49 лет. Его дети, баронесса Елена Петровна Мейндорф и барон Петр Петрович Врангель, предполагают, что причиной скоротечного туберкулеза, в несколько дней унесшего жизнь отца, был туберкулин, подброшенный в еду агентом ОГПУ. Проник он в дом под видом приехавшего навестить из СССР брата денщика Врангеля. Согласно завещанию, прах барона П.Н.Врангеля в 1929 г. перенесен в Белград и покоится в храме Святой Троицы, кафедральном соборе Русской зарубежной Православной церкви, где хранились тогда боевые знамена и штандарты полков Белой армии¹⁷. Войдя в этот действующий храм, справа от главного входа можно видеть мраморную гробницу выдающегося русского военачальника.

Длиннее был жизненный путь генерала П.Н.Краснова. Он вернулся к мечтам о казачьей автономии под германской эгидой

и связал судьбу с германским фашизмом: стал консультантом по казачьим вопросам, созывал казаков под знамена Гитлера, возглавил созданное немецким командованием в 1944 г. Главное управление казачьих войск и содействовал превращению казачьих объединений в составную часть вермахта. После капитуляции фашистской Германии британские оккупационные власти выдали в Австрии сталинскому СМЕРШу генерала Краснова и его соратников как военных преступников. 16 января 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в Москве П.Н.Краснов и его сослуживцы были повешены¹⁸.

Книга с красновской дарственной надписью после смерти барона П.Н.Врангеля в составе его архива поступила на хранение в архив Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США). На внутренней стороне книжной обложки появился ярлык с машинописной надписью по-английски: “Личный архив генерала барона Врангеля. Дело № 116. П.Краснов «Тихие герои». Венок на могилу неизвестного солдата императорской российской армии. Варшава 1924. 51 страница”. Затем на ярлык поставлены два штампа: в верхней части — “Гуверовская военная библиотека”, в нижней — “Дубликат. Гуверовский институт”. Они показывают путь книги с уникальным автографом из архива института в его библиотеку, затем в антикварный магазин. Там в 1991 г. книгу приобрело Славянское отделение Библиотеки Хельсинкского университета, лучшее зарубежное собрание славянских книг. В сентябре 1991 г. начальник отделения доктор филологии Ярмо Суонсюрья, знакомя меня с последними приобретениями редких изданий, показал эту тонкую книгу в мягкой обложке с автографом на титульном листе. Редакционный совет “Русского прошлого” выражает благодарность доктору Ярмо Суонсюрья за разрешение первым опубликовать этот автограф П.Н.Краснова.

¹ *Ген. Врангель П.Н.* Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Кн. V. Берлин, 1928. С. 47.

² Список ротмистрам гвардейской кавалерии по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1913 г. СПб., 1913. С. 23; Список полковников по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. СПб., 1914. С. 572.

³ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 114—115.

⁴ *Ген. Врангель П.Н.* Записки. С. 47—48; *Ген. Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Париж, 1922. С. 39, 69; Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914—1919. Берлин, 1920. С. 243; Бонч-Бруевич В.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1958. С. 165—166.

⁵ *Ген.-лейт. Денисов С.В.* Белая Россия. Альбом № 1. Н-Й., 1937. (Репринт, СПб., 1992). С. 70; Казаки войска. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. (Репринт. 1992). С. 431—432.

⁶ *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Кн. I. Берлин, 1921. С. 134.

⁷ Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1912. С. 77—79; Новый энциклопедиче-

ский словарь. Издатели Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. 11. СПб., б.г. Стлб. 813—814.

⁸ *Ген. Врангель П.Н.* Записки. С. 29,31,38.

⁹ *Ген. Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2. С. 82.

¹⁰ *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. Бенсон, 1990. С. 252.

¹¹ *Ген. Врангель П.Н.* Записки. С. 48—49.

¹² *Свечин Михаил Андреевич* (р. 1876) — генерал-лейтенант, доверенное лицо атамана П.Н.Краснова; возглавлял депутацию донцов, посланную в Киев к гетману П.П.Скоропадскому, бывшему начальнику П.Н.Краснова по 1-й кавалерийской дивизии, для переговоров о союзе с германскими войсками. Позднее состоял при вдовствующей императрице Марии Федоровне и служил в Добровольческой армии. Оставил воспоминания: Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

¹³ *Ген. Врангель П.Н.* Записки. С. 66; Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. 1922. Кн. V. С. 190—321.

¹⁴ *Куприн А.И.* Купол Св. Исаакия Далматского // Неман. 1988. № 10. С. 90—93.

¹⁵ *Краснов П.* Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии // Русская летопись. Париж, 1924. Кн. 6. С. 13—60.

¹⁶ Барон П.Н.Врангель имел высшее гражданское образование, окончил Горный институт императрицы Екатерины II в С.-Петербурге.

¹⁷ *Никифоров К.В.* Русский Белград // Славяноведение. 1992. № 4. С. 34—36.

¹⁸ *Хоффманн Й.* История власовской армии. Париж, 1990. С. 63—64.

Русское прошлое
Историко-документальный альманах

Редактор *И. П. Палкина*
Обложка художника *И. Д. Висоцука*

Подписано в печать 01.07.93. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 22,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 719.
Издательство «Logos». 190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 18
Оригинал-макет изготовлен в Независимой Гуманитарной Академии.
Отпечатано в ПО-3, 191104, С.-Петербург, Литейный пр., 55

